ITION ALERT!

physical condition of this item is such that extreme care should be given to its use
borrowing library consider making it available for building use only. When returning
packaging to minimize further damage in shipping.

volume is being sent to you for a limited 2-week loan period, calculated from date of
be no renewal permitted and you may receive an automatically generated recall notic
placed a save on it for binding on our online circulation system, LCS. The item will
ity mending upon return.

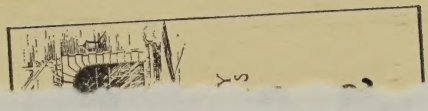
attempt to meet the need of remote library users, we are making every effort to sha
terlibrary loan. If this approach does not prove workable, our alternative will be
tion items in the future. Your cooperation in handling this transaction will be app

PLEASE HANDLE WITH CARE

recommend
lease

ent.
t
rwarded

collecti
lend
ed.



POOR

that
use

Ther
sinc
for

throu
poor

NOTICE: **Return or renew all Library Materials! The *Minimum* Fee for each Lost Book is $50.00.**

The person charging this material is responsible for its return to the library from which it was withdrawn on or before the **Latest Date** stamped below.

Theft, mutilation, and underlining of books are reasons for disciplinary action and may result in dismissal from the University.
To renew call Telephone Center, 333-8400

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY AT URBANA-CHAMPAIGN

AUG 2 1 1990
AUG 2 1 1990
JUL 2 9 1990

L161—O-1096

Printed in Soviet Union

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
Г. А. МАЧТЕТА.

Первое посмертное изданіе

съ біографіей и портретомъ автора.

Томъ I.

ИЗДАНІЕ Б. К. ФУКСА.

Кіевъ.

Дозволено цензурой. Кіевъ, 13 Іюля 1902 года.

КІЕВЪ.
Типографія Петра Барскаго, Крещатикъ, соб. домъ, № 40.

891.73
M18
I 1902
V. 1-2

Томъ I.

Подъ родным небомъ.

Повѣсти и разсказы.

„Бѣлая панна".
Заклятый казакъ.
Смотрины.
Судъ Божій въ Карпатахъ.
Воевода изъ Чернаго замка.

„БѢЛАЯ ПАННА“ *)

Поэма въ прозѣ.

(*Посвящается Софьѣ Григорьевнѣ Рубинштейнъ.*)

Скитаясь по роднымъ мѣстамъ, гдѣ нѣкогда прошло мое дѣтство, мнѣ удалось разъ набрести въ глухой деревушкѣ, въ теченіе послѣднихъ лѣтъ перепроданной чуть ли не въ двадцатыя руки,—настоящій владѣлецъ которой, мой пріятель, неизмѣнно проживалъ въ столицѣ,—на цѣлую кучу мелко исписанной неровнымъ почеркомъ бумаги. Я нашелъ ее въ глухомъ углу пыльнаго чердака стараго, полуразвалившагося, совсѣмъ покинутаго барскаго

*) Въ западной, такъ называемой, „карпатской“, части нашей Подоліи издавна живетъ легенда о „Бѣлой паннѣ“, своимъ появленіемъ-де предвѣщающей людямъ грядущія бѣды. Предъ голодомъ, моромъ, войною и другими общими бѣдами, гласитъ легенда, она является людямъ въ дикихъ зарослях глухой лѣсной чащи блѣдная, съ печальнымъ взоромъ, съ крупными каплями слезъ на прекрасномъ лицѣ, вся въ бѣломъ, отчего-де люди и прозвали ее „бѣлой панной“

дома, въ которомъ жили теперь только филины, совы да крысы. Отъ нечего дѣлать, да и по нѣкоторой страсти къ исписанной бумагѣ, въ особенности старой, пыльной,—ей-Богу, у меня есть такая страсть!—я сталъ рыться въ этой безпорядочной кучѣ, уже сильно изъѣденной крысами. Съ самаго же начала мнѣ пришлось убѣдиться, что я счастливо напалъ на рукописи какого-то неизвѣстнаго писателя, скрывшаго свое имя подъ псевдонимомъ „неудавшійся поэтъ“, и это, само собою, увеличило мою рьяность. Нашелъ я тамъ полуобглоданныя обрывки стиховъ, поэмъ, легендъ, разсказовъ въ прозѣ, замѣтокъ, набросковъ и т. д., и всѣ они были подписаны этимъ страннымъ, не то ироническимъ, не то отдававшимъ какою-то грустью псевдонимомъ. Къ сожалѣнію, крысы не пощадили нечего: обглодали, оборвали почти все... Тутъ былъ съѣденъ конецъ, тамъ обглодано начало, здѣсь недоставало середины. Только кое-какъ, съ большими усиліями удалось мнѣ собрать въ этой кучѣ изъ разбросанныхъ, измятыхъ и отчасти тоже обглоданныхъ листковъ цѣльную, какъ будто законченную вещь, которую, внимательно перечитавъ, я и рѣшаюсь издать теперь подъ тѣмъ же заглавіемъ, какое неизвѣстный авторъ выставилъ самъ на обложкѣ. Какъ увидитъ читатель, въ предлагаемомъ разсказѣ дѣло идетъ о дняхъ давно минувшихъ, безвозвратно канувшихъ въ Лету, что̀, конечно, не для

всѣхъ интересно; но любящіе вспоминать былое,—старину,—на меня, вѣрно, не посѣтуютъ. Крысы, однако, и тутъ полакомились не мало: такъ, напр., онѣ истребили почти цѣликомъ первую главу, оставивъ нѣсколько строчекъ, а у второй главы съѣли начало, отчего я, не желающій ничего добавлять отъ себя, выпускаю ее въ свѣтъ безъ частнаго заглавія, какое она, несомнѣнно, имѣла, судя по остальнымъ главамъ. Большая часть многоточій въ остальныхъ главахъ тоже должна быть отнесена на долю этихъ своеобразныхъ любителей литературы.

ГЛАВА I.

Скиталецъ.

. . . . . .

Тамъ я учился любить, ненавидѣть и думать, тамъ зародилось все то, что впослѣдствіи толкало меня . . . . . .

. . . . . .

. . . Много лѣтъ прошло и, когда я, измученный, истерзанный, съ разбитыми жизненною борьбой нервами, вновь коснулся, наконецъ, порога родной хаты,—ожившее сердце затрепетало въ груди такъ сильно, точно оно хотѣло вырваться на волю... Сквозь сумракъ пережитаго яснымъ лучомъ пробивалось полу-

забытое прошлое, вставало далекое дѣтство и, какъ всегда это бываетъ, пробивалось и вставало подернутое розоватою дымкой, безъ тѣней, безъ темныхъ красокъ, какою-то полуфантастическою цѣпью радужныхъ видѣній... Все кругомъ разило холодомъ, сутолока текущаго дня сжимала горло. Я былъ чуждъ и этимъ сѣрымъ буднямъ, и этой новой средѣ людей, выросшихъ за время моего скитанія. Я казался себѣ листомъ, упавшимъ на вязкую осеннюю почву, и наболѣвшей душѣ страстно хотѣлось уйти куда-нибудь отъ такого тяжелаго, гнетущаго сознанія. Она такъ легко, такъ привольно отдыхала на этихъ воспоминаніяхъ-видѣніяхъ!.. Они дышали нѣжною, тихою грустью, какъ напѣвъ украинской „думки", завлекали, какъ старая легенда... Казалось, будто не память, а прибрежный камышъ у пустыннаго, заброшеннаго пруда нашептываетъ о нихъ, навѣвая сладкую дрёму, тихо качаясь отъ вѣтра, тая въ своей густой чащѣ что-то забытое, давнее, запрятавшееся туда навсегда и отъ всѣхъ. Когда-то инстинктивныя движенія дѣтскаго сердца одухотворялись теперь сознаніемъ, самъ собою выросталъ психологическій образъ, картина смѣнялась картиной и въ общемъ вставало что-то, похожее на сагу о прошломъ... И я хочу нарисовать теперь все это, какъ оно вставало предо мной сквозь дымку пережитаго и перечувствованнаго за долгіе годы скитанья,—неясное, отрывочное, точ-

но мотивъ далекой пѣсни, точно образъ, затянутый флеромъ, но теплое и нѣжное, какъ звуки родной „думки“ на далекой чужбинѣ. Это не хроника и не легенда... Скорѣе всего это цѣпь ощущеній, связанная съ цѣлою волной вдругъ нахлынувшихъ образовъ и картинъ, подобная тихой думѣ, ласковой и грустной, охватывающей каждаго у старой, полуразрушенной, но близкой могилы. Грустно... покойно... все угнетавшее когда-то потонуло, точно слетѣло. Осталось въ душѣ одно всепрощающее, доброе, нѣжное чувство, вызывающее въ памяти только свѣтлыя картины и любовно окрашивающее ихъ въ самые нѣжные тоны,—конечно, безъ соблюденія перспективы... . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

ГЛАВА II.

. . . . . .

... Итакъ, я провелъ свое дѣтство въ этомъ чудномъ благодатномъ уголкѣ, упершемся грудью въ австрійскую границу, а съ боковъ опоясанномъ быстрымъ Днѣстромъ и величаво-спокойнымъ, зеркальнымъ Бугомъ. Двѣ могучія рѣки какъ будто сдавили его, сжали, отчего онъ и съежился весь, покрывшись, какъ морщинами, высокими кряжами скалистыхъ холмовъ, перерѣ-

занными вдоль и поперекъ глубокими долинами, точно изрытое лицо столѣтняго дѣда. Надъ нимъ разстилалось голубое безмятежно-ясное небо, сверкавшее такою яркою лазурью, какъ риза Богоматери на картинахъ древнихъ мастеровъ, и дышавшее,—такъ казалось мнѣ, ребенку,—такими лаской и миромъ, точно кругомъ не было ни грѣха, ни злобы, ни печали. Высокіе холмы сплошь были покрыты тогда вѣковымъ дубовымъ лѣсомъ, таинственнымъ въ вёдро и грозно сердитымъ въ бурю, а въ глубокихъ долинахъ ютились тихія деревни съ ихъ бѣлыми хатами и зелеными садочками, гдѣ отъ зари до зари трещали соловьи, да широкими нивами, надъ которыми весною высоко-высоко кружился, заливаясь, жаворонокъ, а лѣтомъ сверкали острые серпы и косы. Зимою, когда улетали соловьи и снѣгъ одѣвалъ бѣлою пеленою и холмы, и долины,—въ обнаженномъ лѣсу гудѣлъ и плакалъ вѣтеръ, кой-гдѣ подвывалъ ему и волкъ,—въ такихъ деревняхъ ярко сверкали огни веселыхъ „вечерницъ“ и голосистыя дивчата распѣвали за прялками свои чудныя, дѣдовскія пѣсни, сказочники разсказывали самыя страшныя сказки, а старые дѣды вспоминали то, что было когда-то на свѣтѣ.

Эта яркая лазурь неба, грозные, лѣсистые холмы и тихія, роскошныя долины, этотъ воздухъ, мягкій и нѣжный, соловьи, пѣсни, эти чудныя ночи, полныя нѣги и золотыхъ звѣздъ,

перемигивающихся съ темнаго неба съ своими отраженіями въ заснувшихъ озерахъ,—все это вмѣстѣ, проникнутое ласкою и граціозною, немного мечтательною поэзіей, всецѣло и своеобразно отразилось и на людяхъ. Природа, какъ искусная рука на канвѣ, вышила тамъ на душѣ человѣка свои особенные узоры, дала ему особыя представленія, особые характеръ и взгляды. Тамъ создавались свои миѳы, слагались свои пѣсни, свои думы, тамъ царила своя легенда... Когда я былъ ребенкомъ, тамъ, въ тѣнистыхъ рощахъ, на могучихъ вѣтвяхъ развѣсистыхъ дубовъ качались лѣсныя дѣвы, въ озерахъ и рѣчкахъ играли русалки, луна грустно рыдала о людяхъ росою, а слѣпые кобзари пѣли людямъ баллады и славныя дѣянья предковъ.

Конечно, и тамъ теперь уже не то, что было!.. Могучая, безстрастная рука времени покорила и этотъ Божій уголокъ земли, чтобы нивеллировать по новому. Нѣмецъ вырубилъ рощи и сплавилъ ихъ въ Кенигсбергъ и Данцигъ, распугавъ нѣжныхъ лѣсныхъ дѣвъ, надъ которыми такъ весело хохочетъ современный, невѣрующій писарь станового... Русалки задохлись отъ дыма высокихъ, стройныхъ заводскихъ трубъ, точно маяки торчащихъ у воды, и вѣритъ въ нихъ еще только глупая, темная деревенщина,—во что она не вѣритъ?! Золотыя, какъ море шумѣвшія, нѣкогда пшеничныя нивы смѣнились безконечными, безмолвными,

зелеными, какъ зеленый коверъ, плантаціями свекловицы, изъ которой умные люди, отлично знающіе, что роса—не лунныя слезы, выжимаютъ въ коническія формы бѣлый, кристаллическій сахаръ. Слѣпой кобзарь сидитъ гдѣ-нибудь за безпаспортность, а красивые палаццы полу-феодальныхъ магнатовъ, гдѣ нѣкогда въ вихрѣ постоянныхъ, шумныхъ баловъ кружились прелестныя пани и панны, превратились въ угрюмые, тупо молчащіе амбары новыхъ, трезвыхъ владѣльцевъ,—крѣпко хранящіе до болѣе высокихъ цѣнъ пшеницу и картофель. Пѣсни, чудныя, нѣжныя пѣсни?!—и пѣснямъ другимъ научили фабрики и солдаты!... Да, многое измѣнилось... Многое прошло... И слава Богу, что измѣнилось, что прошло оно, если людямъ дѣйствительно живется лучше на свѣтѣ. А лучше ли,—пусть они уже рѣшаютъ сами!..

Я думаю тоже, что лучше.... Но иногда... иногда, когда я слышу эти новыя залихватскія, бравыя пѣсни, услышу веселый, раскатистый хохотъ разудалаго, невѣрующаго въ лѣсныхъ дѣвъ и русалокъ, трезваго и загребистаго писаря, увижу кобзаря безъ его кобзы, увижу безземельнаго казака-земледѣльца полунагимъ за свекловичнымъ прессомъ и вспомню при этомъ прошлое,—мнѣ вдругъ станетъ такъ жутко, такъ невыразимо жаль чего-то, точно безвозвратно канувшаго съ этимъ прошлымъ, что сердце сожмется невыразимо мучительною спазмой...

Больные нервы?—я это отлично знаю!...

Больные нервы были у меня еще съ дѣтства и, какъ говорилъ дѣдъ, перешли ко мнѣ отъ покойной матери, его единственной и страстно любимой дочери. Круглый сирота, я жилъ подъ теплымъ крыломъ добраго, сѣдого, какъ лунь, ворчуна-дѣда въ его крошечной, но прелестной Пустынькѣ, точно птичье гнѣздышко ютившейся среди скалъ и горныхъ отроговъ съ ея немногими бѣлыми хатами и густыми садами. И что за чудный, очаровательный уголокъ на Божьей землѣ была, въ самомъ дѣлѣ, эта Пустынька! Даже чубатый, почти слѣпой уже отъ дряхлости „сѣчевикъ“ Панасъ, долеживавшій свой страшно долгій вѣкъ на печи у дѣда, такъ много видавшій, знавшій всего такъ много, что разсказамъ его, казалось, и конца никогда не будетъ,—даже онъ говорилъ, что краше нашей Пустыньки „нема мисця на цимъ свити, хоть весь изойди!“ И, ей-Богу же, онъ былъ правъ, добрый, дряхлый Панасъ, давнымъ-давно покоющійся за оградою деревенской церкви, рядомъ съ своимъ другомъ-паномъ—моимъ добрымъ дѣдомъ! И я много видѣлъ впослѣдствіи, очень, очень много,—и пальму, и угрюмыя высокія горы, и южное море, бураны мрачнаго сѣвера и его фантастическое, чарующее сіянье,—а вотъ же и меня теперь все тянетъ къ Пустынькѣ!...

Всего было вдоволь кругомъ нашего земного рая, чтобы сдѣлать изъ него волшебную,

дивную картину. Были высокіе, островерхіе холмы, переходившіе дальше, на „австрійской сторонѣ“, почти въ горы, отливавшіе фіолетовыми тѣнями и какъ-то мягко и нѣжно тонувшіе въ туманной синевѣ, сливаясь съ темною дымкой далекаго горизонта. И глубокія, тихія долины, по которымъ ползли отъ холмовъ черныя, густыя тѣни, и грозныя скалы, обвитыя зеленымъ плющемъ, павиликой и дикимъ хмѣлемъ, и темныя ущелья, куда ни забирался ни одинъ лучъ солнца, гдѣ гнѣздилась только ночная сова, да ютилась хищная выдра. Былъ и дремучій, вѣковой лѣсъ, тянувшійся Богъ вѣсть куда и откуда, вѣчно что-то шептавшій, темный, густой, пугавшій воображеніе своимъ угрюмымъ, таинственнымъ видомъ. Было и гладкое, прозрачное, какъ небо, голубое озеро, въ которомъ плавали, ныряя, и небесныя тучки, и звѣзды, которыя золотили порой слѣпящее блескомъ солнце, и матово-золотая луна... Чего-чего только не было!...

А тихою, молчаливою ночью, когда весь пейзажъ этотъ, тонувшій въ глубокой мглѣ, кой-гдѣ озаренной блѣднымъ луннымъ и звѣзднымъ свѣтомъ,—отчего мгла становилась какъ бы еще гуще,—принималъ фантастическій характеръ какого-то заколдованнаго мѣста, когда разыгравшееся воображеніе охотно вѣрило и въ русалокъ, игравшихъ съ лунными лучами, и въ лѣсныхъ дѣвъ, качавшихся на вѣтвяхъ вѣкового лѣса, — со всѣхъ уголковъ

земли неслись дружно, въ перебой соловьиныя трели...

Мудрено ли было при этомъ въ концъ развинтиться нервамъ, когда больными передала мнѣ ихъ мать, когда я росъ совсѣмъ одинъ, безъ сверстниковъ, въ обществѣ дряхлыхъ стариковъ, баюкавшихъ меня самыми чудными сказками, а мои дѣтскія думы и грезы дѣлили такимъ образомъ только молчаливые портреты предковъ, рубившихся когда-то на славу за Украйну, темный, угрюмый лѣсъ, да эти чудныя, полныя невыразимой нѣги, ночи?

Съ дѣтства былъ я уже болѣзненно-нервный, сосредоточенный, замкнутый мальчикъ...

ГЛАВА III.

Дѣдъ съ его саблей и кубкомъ.

Право, я не зналъ въ жизни человѣка болѣе угрюмаго, сердитаго и грознаго на видъ и въ то же время такого добродушнаго, какъ мой старый, ворчливый дѣдъ. Сухой, высокій, широкій въ плечахъ, съ подбритою по древнему,—святому для него,—казацкому обычаю головой, съ длинными сѣдыми усами, спускавшимися далеко на грудь и хмуро сдвинутыми бровями,—онъ имѣлъ дѣйствительно грозный, воинственный видъ, которому позавидовалъ бы самый

отчаянный рыцарь древней Сѣчи. Стариннаго покроя бекеша, которую онъ вѣчно носилъ по тому же завѣту, ненавидя и отрицая всѣ требованія моды, какъ и все, что не носило въ себѣ „казацкаго духа“, — вполнѣ гармонируя съ этимъ видомъ, еще усиливала, казалось, общее грозное впечатлѣніе. А когда дѣдъ принимался, по выраженію легкомысленно-безстрашной кухарки Горпыны, „грымать“ и, покручивая длинный усъ и страшно поводя густыми нависшими бровями, покашливать да величественно поднимать руку, разсказывая въ несчетный разъ, какъ достались его „роду“ эти святая-святыхъ нашего дома: сабля Дорошенко и кубокъ Палія,— робкій человѣкъ, чего добраго, почувствовалъ бы себя не особенно ловко. Да,—когда дѣло доходило до завѣтныхъ сабли и кубка, и клинокъ при этомъ вынимался изъ богатыхъ ноженъ и сверкалъ въ могучей рукѣ дѣда золотымъ чеканомъ,—становилось не до шутокъ!... Робкій рѣзникъ Янкель, привозившій намъ говядину, неизмѣнно блѣднѣлъ въ такихъ случаяхъ и, покручивая головой и какъ-то особенно смѣшно цокая губами, вѣчно твердилъ одно и то же: „ой-вай!“ Дѣдъ былъ дѣйствительно страшенъ тогда!

Но стоило только заглянуть въ его глаза, въ эти полинявшіе, но все еще сверкавшіе жизнью глаза, чтобы всѣ грозныя впечатлѣнія разлетѣлись прахомъ. Эти сѣро-голубые глаза свѣтились такою лаской, глядѣли такъ любов-

но мягко и дѣтски-наивно, что всѣ страхи моментально исчезли, а уста сами собой раздвигались въ хорошую добрую улыбку. Становилось какъ-то особенно легко и радостно на душѣ отъ ихъ взгляда, сводившаго къ нулю весь дѣдовъ величественный пафосъ, и дѣлалось вполнѣ понятнымъ безстрашное легкомыслiе Горпыны, ворчавшей, когда дѣдъ, вмѣсто того, чтобы заказывать обѣдъ или ужинъ, увлекался своими разсказами.

— Ой, лышенько-жъ мини съ тою шаблюкою, та чаркою, просты Господи! — легкомысленно ворчала нетерпѣливая Горпына

— Згынь! Пропади зъ твоими обидамы! — „грымалъ“ въ отвѣтъ раздосадованный и обиженный такою непочтительностью къ „святынѣ“ дѣдъ.—Прыстала, якъ та пьявка! Геть! —Но безстрашная баба не сдавалась... Она заклады-вала руки за фартукъ, высокомѣрно измѣряла воинственную фигуру избѣгавшаго ея взгляда дѣда и, слегка повысивъ тонъ, пускала въ ходъ свой послѣдній непреоборимый аргументъ.

— Такъ! — восклицала она съ убійственною ироніей и подавляющею силой:—такъ! Ну, а що жъ буде исты воно?!.

„Воно“ былъ, конечно, я—общій пѣстунъ и любимецъ, и этотъ ехидный, тонко разсчи-танный вопросъ сразу мѣнялъ положеніе. Имъ рѣшалось дѣло,—одолѣвала Горпына, и дѣдъ немедленно сдавался. Одно представленіе, что это „воно“ можетъ остаться безъ обѣда или,

вообще, испытать какое-либо лишеніе, моментально убивало дѣдову воинственность, все его увлеченіе и далеко отодвигало назадъ остальное. Да проститъ мнѣ его праведная душа эти святотатственныя мысли, но, ей-Богу, мнѣ кажется, что это „воно“ значило для него больше даже сабли славнаго гетмана, даже кубка Палія!..

Я отлично схватилъ это давно своимъ наблюдательнымъ дѣтскимъ умомъ и потому, какъ только дѣдъ начиналъ „грымать“ на меня за какой-нибудь проступокъ, старался только заглянуть въ его добрые, ласковые глаза, чтобы прочесть въ нихъ любовь и всепрощеніе... Да, только они свѣтились въ этихъ старыхъ глазахъ,—и, можетъ-быть, потому-то дѣдъ такъ не любилъ поднимать своихъ рѣсницъ, а все глядѣлъ внизъ и ворчалъ... Такъ онъ дѣйствительно хоть съ виду могъ сойти за грознаго казака-рубаку.

Самъ глубоко-любящій, онъ и меня, ребенка, училъ тому же, насаждая въ моемъ еще открытомъ настежь сердечкѣ тѣ сѣмена, которыхъ никогда почти не вырываютъ оттуда ни годы, ни самыя сильныя бури жизни. Онъ училъ меня любить и родное небо, и родную землю, свой народъ, его языкъ, обычаи и пѣсни. Онъ училъ меня уважать и любить свое прошлое, которое принимало такой поэтическій колоритъ въ фантастическихъ сказкахъ и легендахъ стараго Панаса, а въ разсказахъ

самаго дѣда звучало величественною эпопеей глубокаго самопожертвованія, страстнаго патріотизма и почти невѣроятныхъ бранныхъ подвиговъ. Эти разсказы его велись біографически предъ каждымъ изъ портретовъ нашихъ предковъ, наполнявшихъ собою одну изъ комнатъ дома,—всѣхъ этихъ чубатыхъ и грозныхъ пановъ-полковниковъ, сотниковъ, хорунжихъ, глядѣвшихъ на меня неподвижно-суровымъ взглядомъ изъ своихъ рамокъ, пока дѣдъ грознымъ голосомъ передавалъ ихъ подвиги, заклиная крошечнаго потомка не ударить, въ свою очередь, лицомъ въ грязь и ничѣмъ не омрачить ихъ нетлѣнной славы.

— Гляди-жъ, внуку!—страшно поводя бровями и усами, грозно „грымалъ“ дѣдъ:—гляди! никогда не плачь, какъ баба, и самого чорта не бойся!..

— Не буду, не буду, дѣдусю!—страстно отвѣчалъ, я, лихорадочно ловя его рѣчи и загораясь бранным волненьемъ:—ей-Богу-жъ, никогда не буду ни плакать, какъ баба, ни трусить!...

— Не будешь?

— Не буду, дѣдусю!..

И дѣдъ, довольный, ласкалъ мою кудрявую головку, вѣря дѣтскому слову. Старикъ становился необычайно счастливъ, что его разсказы будятъ, казалось, въ потомкѣ воинственность героевъ-предковъ... И не знай я, что дѣдъ быстрыми шагами уходитъ со двора, какъ только

увидитъ, что Горпына несетъ рѣзать жалобно клокчущаго пѣтуха, эти разсказы, чего добраго, въ самомъ дѣлѣ отразились бы во мнѣ самымъ яростнымъ шовинизмомъ.

Очень можетъ быть, что таковою же точно, какъ и дѣдова воинственность, была въ сущности и его пресловутая ненависть къ „ляхамъ, згубившимъ Украину". Очень можетъ быть потому, что вообще у меня какъ-то не вяжется представленіе о старикѣ съ какою бы то ни было „ненавистью". Но въ ней я не сомнѣвался,—я воспринималъ ее съ дѣтства безъ всякихъ сомнѣній и колебаній,—воспринималъ, какъ завѣтъ... Дѣло въ томъ, что тутъ у меня совсѣмъ не было прецедентовъ для сомнѣнія... Ею дышало, казалось, все вокругъ меня,—о ней говорили и сѣчевикъ Панасъ, и кухарка Горпына, и эти молчаливые грозные портреты предковъ, и священные сабля и кубокъ... Ее поддерживало и презрительное свысока отношеніе всемогущей тогда, гордой шляхты къ намъ, украинцамъ, и наше общее народное сознаніе, что шляхта—исконный врагъ народа, его религіи, его языка и обычая, что она—враждебный пришлецъ въ нашей милой Украйнѣ. Когда дѣдъ, вступивъ во владѣніе Пустынькой, задумалъ освободить своихъ крѣпостныхъ, вся окрестная шляхта подняла такой крикъ, повела такія козни, сумѣла выставить задуманное въ такомъ свѣтѣ, что дѣдъ получилъ формальное запрещеніе...

Въ нашей семьѣ эта общая традиціонная вражда, обнимавшая всѣхъ, а не кого-нибудь одного, сильно обострялась еще и совершенно частною враждой къ сосѣду-графу, исконною, родовою враждой, основанною на старомъ земельномъ спорѣ. Во время своеволія шляхты предки графа какъ-то отхватили себѣ наши земли и съ тѣхъ поръ потомки той и другой стороны вели нескончаемый процессъ между собою по всѣмъ судамъ и инстанціямъ. Этотъ процессъ, высосавшій все богатство нашего рода до того, что въ распоряженіе дѣда досталась уже одна крошечная Пустынька, досасывалъ теперь и этотъ скромный остатокъ... Но что бы ни было, какъ бы круто ни приходилось, — старый дѣдъ не оставлялъ этой тяжбы, хотя я глубоко убѣжденъ, что лично ему ничего, кромѣ его Пустыньки, не было нужно, что эта тяжба тяготила, мучила его. Тяжба была для него дѣломъ чести рода, старинным, святымъ завѣтомъ и, смотря на нее, какъ на крестъ, возложенный на его плечи и завѣщанный ему всѣми предками, портреты которыхъ наполняли собою весь домъ, и этою саблей и этимъ кубкомъ,—онъ, не задумываясь, несъ на алтарь „рода“ свое мягкое, доброе „я“. Прекращеніе тяжбы онъ считалъ бы прямою измѣной,--она была для него дѣломъ культа.

— Видишь вонъ эту долину? — спрашивалъ меня чуть не ежедневно дѣдъ, стоя у окна и грозно дымя трубкой.—Видишь?

— Вижу!..

— И лѣсъ видишь?..

— И лѣсъ!..

— И холмы вонъ тѣ, вправо?

— И холмы вижу, дѣдъ!

Трубка сильно дымится, брови сурово сдвигаются, длинные усы грозно шевелятся...

— Все наше было! Все! Еще за гетмана, когда прадѣдъ полковникъ здорово побилъ ляховъ, упокой его Господи!—да вонъ тѣ бисовы ляхи отняли...

Я злобно смотрю на графскій замокъ и глаза мои горятъ страстною враждой...

— Погоди,—снова наше будетъ!—все такъ же грозно ободряетъ меня дѣдъ, и только чуть слышный вздохъ вырывается диссонансомъ изъ его мощной груди.—Наше дѣло правое!.. Уже изъ палаты, слышно, въ сенатъ отсылаютъ...

Объ этой готовящейся отсылкѣ дѣла въ сенатъ я слышалъ еще съ тѣхъ поръ, какъ мое дѣтское ухо впервые стало сознательно раздѣлять звуки человѣческой рѣчи... Тѣмъ не менѣе я, какъ и дѣдъ, глубоко вѣрилъ въ наше торжество и побѣду, самъ не зная, зачѣмъ мнѣ эти земли и что я съ ними буду дѣлать, и страстно ненавидѣлъ и самого графа, и его величественный замокъ.

ГЛАВА IV.

Мои битвы и моя слабость.

А этотъ замокъ, это „разбойничье ляшское гнѣздо", гордо высился, на холмѣ и вѣчно смотрѣлъ внизъ на нашу Пустыньку всѣми своими темными окнами съ какимъ-то, казалось, холоднымъ, недоступнымъ презрѣньемъ... Надъ густымъ паркомъ-лѣсомъ, плотно облегавшимъ склоны холма, точно изъ самыхъ верхушекъ вѣковыхъ дубовъ и вязовъ, гордо взлетали къ синему небу дерзкія башни и зубчатыя стѣны, и темный, угрюмый лѣсъ, какъ вѣрный рабъ, лобызалъ ихъ подошвы и преданно кивалъ имъ головами. Въ дѣтскомъ воображеньи эти стѣны и башни, громадныя, темныя окна и легкіе балконы оживали, и, казалось, тоже раздѣляли чувства своихъ могучихъ владѣльцевъ... Высокія угрюмыя башни дышали угрозою, легкіе балконы какъ бы презрительно улыбались, темныя окна сулили, бѣды,— за ними чуялся враждебный сговоръ.. Мы,— страстный, нервный мальчикъ и угрюмый, холодный камень,—молча враждовали другъ съ другомъ, въ глубокой, затаенной ненависти отлично, казалось, понимая одинъ другого. Я ненавидѣлъ пылко, страстно; замокъ же какъ-то холодно, величаво, какъ-то презрительно, точно снисходя, ненавидѣлъ и это еще боль-

ше усиливало мою страстность. Я, казалось, чуялъ, ощущалъ всю глубину его ненависти, и въ то время, какъ моя то повышалась, то понижалась въ своей страстности, колеблясь отъ настроенія, отъ дневныхъ впечатлѣній,— его оставалась неизмѣнною, какъ вчера, какъ сегодня, какъ за недѣлю,—всегда ровною, всегда одною и тою же. Камень не зналъ колебаній!

Иногда, впрочемъ, въ тихіе лѣтніе вечера, когда розовые лучи заката горѣли огнемъ въ темныхъ стеклахъ, пестрили мраморъ и колонны и все окрестъ дышало какою-то скрытою, тихою грустью, самъ не знаю почему, мнѣ казалось, что дышетъ ею и угрюмый замокъ. Мнѣ казалось тогда, что онъ тоже глядитъ грустно и печально, что ему тоже жаль чего-то... Чего?—Богъ его знаетъ; но и мнѣ вдругъ становились грустно и, сливаясь съ нимъ въ новомъ чувствѣ, я на мигъ забывалъ свою ненависть... На мигъ!—потому что черствый, холодный замокъ, точно устыдившись и мстя за проблескъ невольнаго чувства, быстро, съ уходомъ солнца одѣвшись темною дымкой, становился еще угрюмѣе и еще грознѣе глядѣлъ на меня своими горѣвшими, какъ у хищнаго волка, окнами-глазами...

Въ раннемъ дѣтствѣ, когда воображеніе настоятельно стремится все одухотворять, во все мертвое вкладываетъ живой, знакомый образъ, замокъ казался мнѣ, помню, чудовищемъ, тѣмъ сказочнымъ гигантомъ-змѣемъ, что въ

сказкахъ Панаса вѣчно похищалъ молодыхъ королевенъ. Его угловыя башни раздвигались въ широкія крылья, его темныя окна становились очами, его колонны глядѣли, какъ страшные зубы, а грозные зубцы превращались въ колючія иглы щетины... И, какъ сказочный рыцарь, собирался я воевать съ чудовищемъ-замкомъ, какъ онъ же страстно, полный трепетнаго страха, выслѣживалъ ночью, куда ходятъ русалки за „мертвою водой", безъ которой,—такъ гласили сказки,—невозможна побѣда.

Бывало, давно уже спитъ вся Пустынька, и старый Панасъ пересталъ давно сопѣть на печи своею люлькой, и дѣдъ храпитъ за разложеннымъ пасьянсомъ, а я все еще сижу въ густой травѣ и дышу чудною ночью и своими дѣтскими грезами... Зеленые склоны холмовъ блестятъ отъ луннаго свѣта, какъ матовый бархатъ, и только дремучій лѣсъ выглядитъ еще темнѣе, совсѣмъ чернымъ, да страшно зіяютъ непроницаемымъ мракомъ ущелья, куда не добраться лунному свѣту. Гладкое озеро, закрытое сбоку холмомъ, совсѣмъ застыло и отливаетъ во мракѣ какимъ-то темнымъ, какъ сильно вороненная сталь, блескомъ, выдѣляясь изъ черной рамы густого, неподвижнаго камыша, окутаннаго непроницаемою мглою... Подъ ракитами, сильно пригнувшимися къ водѣ, такъ же темно, какъ и въ камышахъ... Пастухи или чумаки разложили гдѣ-то далеко на берегу яркій костеръ, и пламя его падаетъ багро-

вымъ пятномъ въ темную воду и дрожитъ на ней, то широко разбѣгаясь, то снова сбѣгаясь въ небольшое пятно, какъ живое,—а высоко-высоко надъ нимъ, на горѣ, точно свѣтитъ, облитая луннымъ свѣтомъ, проѣзжая дорога и кажется совсѣмъ бѣлою. Вотъ-вотъ кто-нибудь покажется на ней, задвижется, проѣдетъ... Но нѣтъ,—это только такъ кажется и напрасно стучитъ мое сердце въ тревожномъ ожиданіи!.. Все спитъ, все безмолвно! Только вода лѣниво журчитъ, сбѣгая съ заснувшаго колеса въ щели ветхой плотины, и еще глубже, еще таинственнѣе кажется царящая тишина отъ этого монотоннаго, тихаго журчанья... Мнѣ становится какъ-то жутко и страшно.... Горпына клянется, что тамъ, подъ мельницей прячутся „нехрещеныя“ дѣти и бродитъ страшный „упырь“, высматривая свою жертву. Сердце начинаетъ колотиться, въ вискахъ стучитъ... Я хочу шума, крика, свиста,—чего бы то ни было, лишь бы оно напоминало собою живое, но самъ боюсь шевельнуться,—къ тому-же я задыхаюсь!.. Весь оцѣпенѣвшій отъ страха, точно сквозь сонъ слышу я, какъ что-то вдругъ свистнуло въ рощѣ, затрещало, разсыпалось звонкою дробью, и прихожу въ себя, когда уже вся даль и сама глубокая тьма ночи, кажется, трепещутъ и разносятъ кругомъ соловьиное пѣніе. И я слышу, какъ ожившее сердце мое говоритъ совсѣмъ явственно: спасибо тебѣ, Божія пташка!

Успокоенный, я начинаю глядѣть вверхъ на яркія звѣзды. Тихо, медленно, безъ шума плывутъ онѣ надо мною бѣлыми группами, пестря темное небо самыми прихотливыми узорами, и вижу, какъ глубокая ночь, точно стараясь погасить ихъ, дышетъ на нихъ снизу своимъ мракомъ, отчего онѣ то вспыхиваютъ, то гаснутъ мерцая... Млечный путь—эта свѣтлая тропа святыхъ ангеловъ—ярко выдѣляется на общемъ темномъ фонѣ, рѣзко дѣля небесный куполъ, чтобы въ страшный судный день и грѣшники, и праведники знали, гдѣ стать имъ одесную и ошуюю Божьяго Престола... Совсѣмъ незамѣтно движется золотой „Возъ", на которомъ праведныя души добираются до рая, и я жадно всматриваюсь въ темную синеву, чтобы разглядѣть ихъ во что бы то ни стало. Но какъ ни гляжу я,—мнѣ ихъ не видно, потому что глаза мои грѣшны!.. Чтобы ихъ видѣть, нужно много поститься, нужно выстроить келью въ глухомъ, дремучемъ лѣсу и долго жить въ ней праведнымъ схимникомъ... Ужъ не уйти ли и мнѣ въ лѣсъ, не построить ли келью и не зажить ли схимникомъ? Хищные волки лизали бы мой слѣдъ и я понималъ бы говоръ всякой птицы... Я понималъ бы, что шепчетъ лѣсная трава, о чемъ шумятъ, качаясь, столѣтніе дубы... Нѣтъ!—я боюсь лѣса! — стучитъ мое сердце. Къ тому же... дѣдъ... Панасъ... Горпына!.. Да и замокъ... моя война съ замкомъ?!...

Я вспоминаю о немъ и жадно выслѣживаю во мракѣ его темные, чуть видные силуэты. Освѣщенныя окна глядятъ совсѣмъ, какъ очи, и я еще больше вѣрю, что это страшный змѣй, а не камень. Я вспоминаю, зачѣмъ я здѣсь, чего мнѣ нужно, и вновь дѣлается мнѣ жутко. Русалки не любятъ, говоритъ Горпына, живого человѣческаго духа,— зорко слѣдятъ, чтобы никто не подглядѣлъ ихъ „мертваго источника“, и часто уносятъ смѣльчаковъ къ себѣ на холодное, вѣчно влажное дно. И все больше и больше охватываетъ меня страхъ и все сильнѣе колотится въ груди моей сердце... — Не трусь!—точно слышу я грозный шепотъ дѣда и какъ-то замираю, слабѣя отъ неимовѣрныхъ усилій...

Но вотъ, наконецъ, луна всплыла выше и блеснула въ зеркальной глади застывшаго озера. Золотыя ленты невидимо протянулись въ воздухѣ и отразились въ водяной глубинѣ цѣлыми снопами и золотою рябью. Весь облитый свѣтомъ, выплылъ изъ густого мрака темный камышъ и стоитъ надъ водою, точно тая въ себѣ что-то, и ясно выдѣляются ракиты, бросая отъ себя густыя тѣни... Это роковой часъ,—часъ, когда, разбуженныя луннымъ свѣтомъ, выходятъ играть русалки... Я хочу закрыть глаза, но что-то невидимое толкаетъ меня смотрѣть и смотрѣть — и я гляжу, не отрывая взора... Вонъ что-то двинулось.... даже рука бѣлая мелькнула на водѣ!.. Нѣтъ!—это за-

качалась бѣлая водяная лилія, тронутая всплеснувшею съ просонокъ рыбой,— это камышомъ зашуршала, пробираясь, хищная выдра!.. И досадно мнѣ, и какъ-то легко становится на душѣ, что это не русалка... Неужели же въ самомъ дѣлѣ все это брехня, эти Панасовы сказки, какъ говоритъ мнѣ часто дѣдъ?..

Когда я сталъ старше, замокъ, конечно, пересталъ быть чудовищнымъ змѣемъ, но въ немъ, въ его угрюмыхъ стѣнахъ концентрировалось для меня, казалось, все зло, что̀ я когда-либо видѣлъ, о которомъ я могъ слышать, — все то враждебное, несправедливое, злое, что̀ должно было, по̀ общему понятію, обнимать собою собирательное имя — ляхи... Тамъ, только тамъ, казалось, гнѣздилось то, съ чѣмъ рубились когда-то предки, что вело ихъ на плаху, что не любилъ весь народъ, что обижало нашъ „родъ“, съ чѣмъ враждовалъ дѣдъ, что грозило въ будущемъ и мнѣ бѣдой... И по мѣрѣ того, какъ я росъ, слѣпая, безсознательная ненависть, перенятая отъ старшихъ, переходила, казалось, въ глубокую вражду, похожую на злобу и потому какъ будто болѣе сознательную. Не замокъ я уже ненавидѣлъ, не его темныя стѣны,—нѣтъ!—я ненавидѣлъ то, что въ немъ жило, что, казалось, крылось или должно было крыться въ его стѣнахъ. Темный камень не смотрѣлъ уже на меня, не грозилъ,—онъ подавлялъ меня холоднымъ презрѣніемъ, оскорблялъ скрытою

ироніей, тщеславнымъ сознаніемъ гордой силы, съ которой кичливо взлеталъ къ синему небу, высоко-высоко царя надъ всѣми...

И я ненавидѣлъ все, что въ немъ крылось, всѣхъ, кто тамъ жилъ, любилъ или ненавидѣлъ, въ свою очередь, всѣхъ, кого я даже и не зналъ никогда. Все это были только „враги“, и будь они прелестны, какъ свѣтлые ангелы, они могли быть для меня, казалось, только врагами, только ненавистными „людьми изъ замка“. Въ этихъ трехъ словахъ крылось все,—они сами собой опредѣляли отношенія... И въ тихія ночи, когда замокъ ярко горѣлъ праздничными огнями, когда легкія воздушныя волны доносили до моего уха чудные звуки замковой музыки, подъ которые весело кружились прелестныя пани и панны,—дѣтски-наивными устами я жарко молилъ у Бога мощь и силу Сампсона!.. Легче выдры, казалось, подкрался бы я къ ликующему замку... Полный мощнаго гнѣва, поднялся бы я по мраморнымъ ступенямъ и, какъ великій слѣпецъ столбы Дагонова храма, схватилъ бы гордыя колонны руками... Мигъ—и все рухнетъ, все ликующее погибнетъ въ стонахъ и мукахъ, простирая руки.. Но тутъ исчезаетъ вдругъ злоба, сердце сжимается болью, мнѣ становится жаль, невыразимо жаль, и безсильныя уже руки сами собой оставляютъ колонны... Я не могу... я прощаю все... все...

Таковъ почему-то былъ финалъ всѣхъ моихъ нападеній на замокъ. Даже когда я вооб-

ражалъ себя вольнымъ казакомъ, когда по моей молитвѣ вскрывались высокія могилы и мнѣ на помощь выходили оттуда чубатые казаки въ красныхъ жупанахъ, когда всѣ предки слетались ко мнѣ изъ портретной, и при блескѣ сверкавшихъ на лунѣ копій и сабель, съ гордо поднятыми бунчуками мы шли на замокъ непреоборимою ратью,—даже и тогда блестящій клинокъ гетманской сабли безсильно падалъ въ моей рукѣ, потому что я видѣлъ поблѣднѣвшія лица и слезы, я слышалъ стоны. Вдругъ исчезала злоба, потухало мщенье, сердце сжималось, мнѣ становилось жаль.... Я не хотѣлъ уже ни битвы, ни мщенья, ни славы!..

Можетъ быть, потому-то и смотрѣлъ на меня такъ угрюмо съ своего портрета непреклонный сподвижникъ Гонты, въ передовомъ отрядѣ ворвавшійся сквозь окопы въ Умань?... Можетъ быть, своею дѣтскою жалостливостью я омрачалъ нетлѣнную славу предковъ?!

— У тебя опять будетъ лихорадка!—говоритъ, бывало, дѣдъ, когда я вернусь, наконецъ, домой послѣ подобныхъ боевъ и разбужу его своимъ приходомъ.—Гляди, опять блестятъ у тебя глаза и горятъ щеки... Не нужно бы тебѣ, хлопче, такъ долго сидѣть на дворѣ ночью!..

Я молчалъ: я былъ скрытный мальчикъ и дѣдъ никогда не зналъ, отчего у мечтательнаго мальчика горѣли щеки и блестѣли глаза.

— Горпыно, иди-ка, уложи его!..

Входила, зѣвая, Горпына и укладывала героя-воителя въ постельку... Она любовно ласкала его волосы и разсказывала свои дивныя сказки, подъ которыя онъ такъ привыкъ было засыпать. И я несказанно удивилъ ее, разъ перебивъ ея сказку.

. . . . . .

— Горпыно!—лихорадочно спросилъ я ее шепотомъ, весь волнуясь и дрожа въ жгучемъ нетерпѣньи:—ты могла бы своего врага зарѣзать?

— Зарѣзать?!

И Горпына, вѣчно призывавшая на головы своихъ враговъ самыя страшныя муки и болѣзни, въ ужасѣ всплеснула руками...

— Зарѣзать!? Да развѣ вы не слышали, паныченьку, что попъ читаетъ въ церкви?! Зарѣзать!.. Господи!... И пришло-жъ тоби на умъ такое, да еще и на ночь?!.. Спаси тебя Пречистая!..

Она долго крестила меня и шептала молитву, пока я не заснулъ съ облегченнымъ сердцемъ.

ГЛАВА V.

Плѣнъ.

Обитателей замка я почти никогда и не видѣлъ... Я зналъ, что графъ—вдовецъ, что у него есть почти взрослые сынъ и дочь и еще

другой сынъ, младшій, немного старше меня, но видѣть ихъ мнѣ приходилось крайне рѣдко и то мелькомъ, случайно,—когда въ рѣдкіе выѣзды въ ближайшее мѣстечко ихъ пышная карета встрѣчалась съ нашею скромною бричкой. Дѣдъ тоже никогда ни съ кѣмъ изъ замка не встрѣчался, избѣгалъ всякихъ сношеній, и о томъ, что происходило тамъ, мы узнавали только отъ рѣзника Янкеля, вмѣстѣ съ провизіей привозившаго еженедѣльно цѣлый коробъ новостей... Газетъ тогда нигдѣ не было, и словоохотливый Янкель съ честью замѣнялъ ихъ собою для всѣхъ, скучавшихъ въ своихъ усадьбахъ, окрестныхъ помѣщиковъ. Онъ прекрасно зналъ все, что дѣлалось въ усадьбахъ,—обо всѣхъ предпріятіяхъ, о рожденіяхъ, смертяхъ, даже намѣченныхъ бракахъ, обо всемъ, что происходило въ губерніи, даже о томъ, что дѣлалось за границей!.. Исчезни вдругъ Янкель—и всѣ помѣщики, навѣрное, очутились бы въ томъ же положеніи, какъ и мы теперь, если бы у насъ вдругъ исчезли газеты и журналы...

— Ну, что?.. не слышно чего-нибудь о войнѣ?!—спрашивалъ его часто дѣдъ.

— Вой-нѣ!? Борони Богъ! А вотъ губернаторъ новый ѣдетъ!—говоритъ Янкель или сообщаетъ о предполагаемой свадьбѣ въ уѣздѣ.

Я и теперь еще помню длинные пейсы и вытертую мѣховую шапку этого добраго, крайне болтливаго жида... Привязавъ къ плетню

свою разбитую, тощую клячу, кое-какъ запряженную веревочками въ двухколесную телѣжку, онъ взваливалъ на плечи свой „товаръ“ и, еще издали улыбаясь и кивая головой, входилъ прямо въ домъ, гдѣ всегда былъ желаннымъ гостемъ... Сейчасъ же, бывало, начинался торгъ съ невѣроятною божбой, ужаснѣйшими клятвами, увѣреніями въ готовности провалиться или даже „ослѣпнуть“, и все это пересыпалось новостями... Сначала, помню, я долго искренне боялся за бѣднягу, когда его уличали, пока дѣдъ не успокоилъ меня увѣреніемъ, что Богъ терпитъ ложь купцовъ, потому что они купцы, никогда не прощая ее другому. Это успокоило мои сомнѣнія и мой страхъ за Янкеля, который самъ, кажется, былъ глубоко убѣжденъ въ истинѣ такого положенія и, въ конецъ уличенный, всегда оправдывался, улыбаясь, извѣстною поговоркой: „не обманешь,—не продашь!“

— Наше дѣло купеческое...—говорилъ онъ въ такихъ случаяхъ, на своемъ курьезномъ жаргонѣ, пожимая плечами и улыбаясь.—На то мы купцы!.. намъ нельзя безъ этого!.. Сами знаете!..

Этотъ Янкель и служилъ единственнымъ звеномъ, связывавшимъ нашу изолированную, замкнутую жизнь съ кипучею, шумною жизнью гордаго замка.

Но давно-давно, когда меня еще не было на свѣтѣ, когда графъ только что вступилъ во владѣніе наслѣдствомъ, онъ неожиданно

самъ пріѣхалъ въ своей каретѣ къ дѣду и предложилъ ему мировую: графъ добровольно уступалъ часть земли и предлагалъ еще какую-то сумму денегъ, но дѣдъ обидѣлся и разсердился. Онъ не могъ уступить ни клочка, ни пяди изъ того, что съ такими жертвами изъ рода въ родъ отстаивали его предки, не омрачивъ своей чести, не оскорбивъ своего родового культа, а отъ какихъ бы то ни было денегъ наотрѣзъ отказался... Деньги?! Родовой споръ и деньги! Нѣтъ!—Я слышалъ, будто дѣдъ тогда же предложилъ молодому графу покончить дѣло не деньгами,—точно они были торгаши!—а рыцарски, саблей на спорной межѣ. Графъ уклонился и споръ снова закипѣлъ по всѣмъ судебнымъ инстанціямъ...

Я помню только одинъ случай непосредственнаго сношенія дѣда съ замкомъ, да и то какой-то странный, загадочный, носившій не то характеръ шутки, не то охотничьей пикировки. Послѣ одной изъ охотъ графъ прислалъ дѣду зайца, велѣвъ сказать, что посылаетъ его потому, что заяцъ убитъ имъ случайно въ дѣдовскихъ владѣніяхъ. Была ли это любезность, шутка,—право, не знаю,—но дѣдъ сейчасъ же увидѣлъ въ этомъ, кажется, вызовъ и, нахмурившись, велѣлъ сказать графу, что не замедлитъ отблагодарить его. Страстный охотникъ, онъ немедленно вскинулъ ружье на плечо, спустилъ всѣхъ своихъ гончихъ и вернулся только глубокою ночью.

— Гдѣ ты былъ, дѣдъ?—спосилъ я его, помню, проснувшись.

— Гдѣ я былъ?—переспросилъ дѣдъ, наклоняясь ко мнѣ и гладя мою головку:—я убилъ во владѣніяхъ графа волка и послалъ ему за его зайца,

И дѣдъ самодовольно и гордо улыбнулся.

Тѣмъ не менѣе, не смотря на нашу отчужденность, нашу замкнутость, я попалъ разъ въ самый замокъ, но попалъ—увы!—въ качествѣ плѣнника на судъ самого графа.

По страсти бродяжить, въ одно прекрасное лѣтнее утро я какъ-то совсѣмъ незамѣтно для себя очутился далеко за предѣлами нашей Пустыньки, въ незнакомомъ мѣстѣ, на берегу узенькаго, прозрачнаго ручья, голубого, какъ стоявшее надъ нимъ голубое небо. Густой кустарникъ скрывалъ эту водяную ленту отъ палящихъ лучей солнца и она тихо журчала, струясь свѣтлою влагой по чистому песчаному дну и голышамъ, дыша заманчивою прохладой... Мнѣ понравилось это мѣсто, я напился изъ ручья и, набравъ голышей, задумалъ строить плотину... Увлеченный своею работой, я и не замѣтилъ, какъ кто-то подошелъ сзади и съ любопытствомъ слѣдилъ за каждымъ моимъ движеніемъ.

— Ты строишь мостъ?

Я обернулся, встревоженный и удивленный незнакомымъ голосомъ, присутствіемъ нежданнаго свидѣтеля. Въ двухъ шагахъ стоялъ

свѣтлорусый мальчикъ, красиво одѣтый, и улыбался мнѣ привѣтливою улыбкой. Всегда росшій одиноко, внѣ дѣтскаго общества, я совсѣмъ растерялся и сконфузился.

— Ты строишь мостъ? Да? — спрашивалъ красивый незнакомецъ, все также улыбаясь и указывая рукою на мою работу.—Да?

— Да!—глухо и угрюмо отвѣтилъ я.

— О! какъ это хорошо! Дай, я помогу тебѣ и мы выстроимъ отличный мостъ. Хочешь?

— Хорошо...—колеблясь выговорилъ я, все еще оглядывая фигуру мальчика исподлобья и растерянно теребя полы своей куртки.

Тотъ положилъ хлыстъ, который держалъ въ рукѣ, набралъ голышей и бросилъ ихъ въ воду у моей кучи.

— Вотъ такъ будетъ отлично, мы выстроимъ чудный мостъ!—говорилъ онъ совершенно свободно и развязно, притоптывая голыши ногою.— А ты кто такой, мальчикъ?

— Я изъ Пустыньки...

— Изъ Пустыньки?!

Развязный мальчикъ остановился въ удивленьи и вытаращилъ на меня глаза.

— Изъ Пустыньки?! Ты, можетъ быть, внукъ этого злого старика, который процессуется съ нами?—наивно спросилъ онъ и лицо его потемнѣло.

Но и мое потемнѣло: его слова рѣзнули и меня ножомъ по сердцу... Предо мною стоялъ „врагъ изъ замка“ и осмѣлился поносить дѣда!

— Да, я внукъ его,—обиженно и гордо отвѣтилъ я:—но ты не смѣешь называть такъ дѣда!

— Не смѣю?! Его всѣ такъ называютъ... Онъ завзятый хлопъ и хлопской вѣры... Говорятъ, онъ сумасшедшій колдунъ!—насмѣшливо улыбался мальчикъ.

Я задрожалъ, голова у меня начала мутиться. Такой дерзости я не ожидалъ,—ее впервые слышали мои уши.

— Врешь, поганый ляхъ!—перебилъ я его задыхаясь и чувствуя, какъ отъ обиды у меня подступаютъ къ горлу слезы.

— Что ты сказалъ?!—выпрямился гордо мальчикъ, презрительно щуря глаза и побагровѣвъ отъ злобы.—Что ты смѣлъ сказать, подлый хлопъ?

— Я сказалъ, что ты поганый ляхъ и что вы всѣ сами злые и колдуны...

— Ты смѣлъ это сказать мнѣ? Да ты знаешь, кто я? Я сынъ графа... Я позову людей и они отстегаютъ тебя нагайками, песья кровь!..

— А мой дѣдъ перерубитъ васъ всѣхъ ляховъ на мелкіе кусочки...

— Твой дѣдъ!?—презрительно захохоталъ тотъ.—Твой глупый дѣдъ—хлопъ, и его тоже отстегаютъ.

— Дѣда?!!—я сдѣлалъ шагъ впередъ и протянулъ руку.—Дѣда?! ляшское отродье?!

— Да, твоего дѣда и тебя... Вотъ такъ!—и схвативъ свой хлыстъ онъ быстро стеганулъ меня по лицу.

Острая боль удесятерила мое негодованіе, а, можетъ быть, и силы: какъ дикая рысь, прыгнулъ я на врага, вырвалъ хлыстъ и повалилъ его на землю. Мы сцѣпились, какъ двѣ разъяренныя кошки и терзали другъ друга, барахтаясь на землѣ, пуская въ ходъ кулаки, зубы и ногти, съ лютымъ остервенѣніемъ, на какое только способны разъяренныя дѣти... Я дрался молча, тяжело сопя, стиснувъ зубы, отуманенный злобою, сквозь которую какъ-то смутно просвѣчивало сознаніе исполняемаго будто бы долга, завѣщаннаго и предками, и дѣдомъ, еще больше подзадоривавшее меня. Мой противникъ оралъ во все горло. На мое счастье я оказался сильнѣе, ловче и черезъ минуту онъ уже почти не сопротивлялся. Онъ только кричалъ и задыхался, весь исцарапанный, искусанный, съ избитымъ въ кровь лицомъ...

— Вотъ тебѣ за дѣда... вотъ, вотъ, вотъ!— говорилъ я, задыхаясь отъ злобы и тузя его немилосердно.

Но къ нему на помощь прибѣжалъ гувернеръ, съ которымъ онъ гулялъ, и силою, кляня и ругаясь, вырвалъ у меня мою жертву. Платье мое было измято, кой-гдѣ исцарапано лицо, я еле-еле переводилъ духъ, но я торжествовалъ побѣду и гордо утиралъ разбитый носъ рукою.. Мой противникъ громко плакалъ, его платье было въ клочьяхъ...

— Ты кто такой, чертенокъ?!—трясъ меня злобно гувернеръ.

— Я изъ Пустыньки!—отвѣтилъ я съ достоинствомъ и гордо, смотря ему прямо въ глаза.

— А... такъ вотъ кто ты!.. Какъ же ты смѣлъ драться съ графомъ, да еще и на его землѣ?!..

— Это наша земля, неправда! Ляхи ее украли у насъ, но дѣдъ отниметъ!..—грозилъ я съ необычайнымъ апломбомъ, упоенный побѣдою.

Гувернеръ захохоталъ.

— Ну, ладно, бѣсенокъ, а пока что, пойдемъ-ка къ графу въ замокъ,—онъ васъ разберетъ...

— Я не пойду къ ляхамъ!

— Не пойдешь къ ляхамъ, завзятый чертенокъ?! А вотъ увидимъ!—и онъ схватилъ меня за руку.

— Не смѣй меня трогать! Дѣдъ тебя изрубитъ!—кричалъ я, но ничто не помогало... Я кричалъ, упирался, билъ ногами, кусалъ его руки, а онъ все тащилъ меня и тащилъ... Тщетно звалъ я дѣда, никто не являлся мнѣ на помощь и по мраморнымъ ступенямъ замка я взошелъ—увы!—не всемогущимъ королевичемъ, не грознымъ гайдамакомъ, а беззащитнымъ плѣнникомъ.

— Подожди здѣсь, чертенокъ!.. ишь какъ искусалъ мою руку, чтобъ тебѣ!..—сказалъ гувернеръ и заперъ меня въ комнатѣ.

До сихъ поръ я не боялся... я не думалъ, не имѣлъ времени думать, что мнѣ могутъ сдѣлать зло и несправедливо наказать. Я весь

былъ поглощенъ обидой, что меня тащатъ къ себѣ ляхи, что меня, такъ страстно и побѣдоносно воевавшаго всегда съ замкомъ, влекутъ теперь такъ позорно и никто не является мнѣ на помощь! Но оставшись одинъ, я сразу почувствовалъ приливъ глубокаго страха и сердце мое сжалось... Обида вмѣстѣ со страхомъ быстро пришибли меня, хотя злоба все-таки клокотала. Стѣны были крѣпки, окна высоко, дѣдъ такъ далеко, да къ тому же онъ и не зналъ, что дѣлается съ его внукомъ!... Въ окно я увидѣлъ внизу нашу Пустыньку, всю, какъ на ладони, и слезы хлынули у меня градомъ... Что ждетъ меня?... Раскаленная жаровня, какъ гетмана Остраницу? Плаха, костеръ или голодная смерть въ подземельи, какъ многихъ героевъ Сѣчи когда-то? Господи! хоть ты не оставь меня!... Слезы лились у меня градомъ, я жарко молился,—я зналъ, что такъ дѣлали казаки предъ смертью...

Вдругъ щелкнулъ замокъ, я какъ-то быстро вспомнилъ тутъ слова дѣда: „не бойся и чорта, не трусь!“—и почувствовалъ, что непремѣнно струшу.

— Иди сюда, хлопче!...

Въ дверяхъ стоялъ нахмурившись графъ и глядѣлъ на меня сдвинувъ сердито брови. Сзади стоялъ гувернеръ.

Я не двинулся,—я точно приросъ къ мѣсту и утиралъ только разбитый носъ.

— Иди же сюда!...

— Не пойду!—отвѣчалъ я сквозь зубы, заглушая готовыя вырваться наружу рыданья.

— Я докладывалъ вашей свѣтлости, что это чертенокъ, — онъ искусалъ мою руку!—вмѣшался сзади гувернеръ, но графъ точно не обратилъ на его слова вниманья.

— Почему?—продолжалъ графъ:—ты боишься меня?!

— Да!—отвѣтилъ я глухо.

— Отчего же ты меня боишься?... Ты чувствуешь себя виноватымъ?...

— Нѣтъ, не чувствую...

— Такъ отчего же?...

Я молчалъ.

— А? Отчего же ты не скажешь?..

— Оттого, что ляхи жгли нашихъ и мучили, и голодомъ морили!..—вылилось у меня какъ-то невольно:—оттого... оттого... что!..—Но тутъ мнѣ помѣшали слезы.

— Вотъ отчего!—улыбнулся, вдругъ, графъ...—Вотъ что̀ тебя пугаетъ! Ха-ха-ха! Правда, это было, но давно было, хлопче, за то и отъ вашихъ доставалось ляхамъ не меньше, если не больше... Но тебѣ про это и знать бы не слѣдовало!.. Теперь ляхи не жгутъ и не рѣжутъ!.. Иди, не бойся!

Тонъ графа меня успокоилъ. Я подошелъ и вытеръ слезы, а онъ упорно и долго посмотрѣлъ мнѣ въ глаза.

— Ужъ не думалъ ли ты,—началъ онъ снова:—что я буду жечь или мучить ребенка?!—улыбнулся онъ.

— Я думалъ...

— Жаль же, хлопче, что ты такого дурного мнѣнія о ляхахъ... Ну, да не твоя въ томъ вина!—добавилъ онъ слегка вздохнувъ.—Скажи мнѣ, за что ты такъ отдѣлалъ моего сына?.. Что онъ тебѣ сдѣлалъ?

Мнѣ вдругъ стало стыдно.

— Ну, что же?..

— Я строилъ мостъ,—началъ я, покраснѣвъ какъ піонъ, но прямо смотря въ пронизывающіе глаза графа:—и онъ тоже захотѣлъ... Но онъ сказалъ, что мой дѣдъ сумасшедшій колдунъ и злой... И сказалъ, что я хлопъ и дѣдъ хлопъ, и вѣра наша хлопская, и что онъ прикажетъ отстегать насъ нагайками... И онъ хлестнулъ меня хлыстомъ первый...

— Такъ ли? — нахмурился графъ: — позовите Ася!..

— Повтори при немъ!—сказалъ онъ. И когда я повторилъ слово въ слово при сконфуженномъ сынѣ, графъ сердито обратился къ нему:

— Правда это?

— Да!—отвѣтилъ тотъ:—я слышалъ, что такъ зовутъ его дѣда и сказалъ. А хлестнулъ я его потому,—оправдывался онъ растерянно:—потому, что онъ началъ ругаться...

— Ну, въ такомъ случаѣ ты получилъ должное!.. Прикажите запрячь экипажъ и отвезите мальчика — указалъ графъ гувернеру на меня:— къ его дѣду... Вина всего этого падаетъ всецѣло на васъ, сударь, — вы воспитатель... Я

не хочу, чтобы мой сынъ былъ грубымъ нахаломъ!..

— Но я... но я!.. ваша свѣтлость...— началъ оправдываться гувернеръ.

— Съ вами мы поговоримъ послѣ!—перебилъ его сердито графъ и обратился снова ко мнѣ.

— Ну, поѣзжай, мальчикъ, домой, кланяйся своему дѣду, да помни, что не все ляхи дѣлаютъ только зло да несправедливость!.. Я не виню тебя, что ты побилъ моего сына, когда тотъ безпричинно оскорбилъ тебя, но все-таки дамъ тебѣ хорошій совѣтъ: побольше любить и поменьше ненавидѣть!..

— Я ѣхалъ домой съ торжествомъ, но, признаюсь, это торжество мое сильно было смущено послѣдними словами графа и вообще всѣмъ его обращеніемъ. Самъ не понимая почему, я чувствовалъ себя не совсѣмъ ловко, мнѣ точно стало вдругъ чего-то стыдно. Неужели графъ и добръ, и справедливъ, не смотря на все!.. смутно шевелилось во мнѣ гдѣ-то глубоко-глубоко, какъ я не гналъ отъ себя этотъ еретическій, казалось, вопросъ. И послѣдующее поведеніе дѣда, когда я разсказалъ ему все, далеко не успокоило мои сомнѣнія. Дѣдъ съ большимъ интересомъ слушалъ мою повѣсть и долго былъ, казалось, на моей сторонѣ. Пока я передавалъ мою ссору, онъ негодовалъ вмѣстѣ со мною; его глаза метнули искры, когда я сказалъ, что меня стегнули хлыстомъ; онъ съ гордостью, весь красный отъ удовольствія,

слушалъ, какъ я храбро побѣдилъ врага и смѣло отвѣчалъ гувернеру. На глазахъ у него сверкнули слезы и поблѣднѣло лицо, когда я передалъ свои ощущенія въ запертой комнатѣ,— онъ задрожалъ даже и сталъ ласкать мою голову... Но когда я разсказалъ подробно сцену съ графомъ и передалъ его послѣднія слова,— дѣдъ, вдругъ, остановился, грозно сдвинулъ брови и затѣмъ сердито зашагалъ по комнатѣ.

— Повтори!—сказалъ онъ, наконецъ, останавливаясь и не поднимая глазъ.

Я повторилъ и дѣдъ зашагалъ еще сердитѣе, кусая усъ, что бывало съ нимъ въ рѣдкія минуты... Наконецъ, онъ остановился.

— Вотъ, что! —съ досадой сказалъ онъ сердитымъ голосомъ:—если ты еще будешь бѣгать на чужую землю и драться тамъ съ мальчиками,—я не буду пускать тебя изъ дома!.. Помни это!..

Такимъ я еще не видѣлъ дѣда и такихъ словъ я отъ него не слыхалъ. Все это было для меня болѣе чѣмъ неожиданно, и надолго поселило въ моемъ сердцѣ тревогу.

ГЛАВА V.

На волѣ.

Я уже сказалъ раньше, что я росъ одинъ, безъ сверстниковъ, въ обществѣ трехъ стари-

ковъ, а это, очень можетъ быть, и сдѣлало меня скрытнымъ, сосредоточеннымъ и мечтательнымъ ребенкомъ. У дѣда было много хлопотъ и всякихъ дѣлъ, Панасъ вѣчно сопѣлъ люлькой на печи, Горпына шныряла по хозяйству, такъ что волей-неволей мнѣ приходилось быть всегда одному и самому забавлять себя съ утра до ночи по своему вкусу. Я полюбилъ бродяжить, полюбилъ грезить, но всего этого было для меня, конечно, мало! Дѣтская душа, вообще не выносящая одиночества, способна одухотворить камень, чтобы замѣнить себѣ недостающаго живого сверстника, живую душу, но камень ея не удовлетворитъ, ибо не угаситъ вѣчно живой потребности въ любви... Камень, мертвый камень не можетъ стать объектомъ любви, какъ бы болѣзненно ни было развито воображеніе ребенка. Для этой страстной жажды непремѣнно нужно что-нибудь живое, имѣющее свои дѣйствительныя потребности, свое живое „я“, будь оно хоть червякъ, птица—все равно... Такимъ образомъ я полюбилъ собаку.

Моя первая любовь — страшный Разбой— былъ скорѣе лютый звѣрь, чѣмъ домашняя собака: цѣпь ли, на которой онъ былъ прикованъ съ дѣтства, сдѣлала его такимъ лютымъ, вѣчное ли одиночество, или ужъ природа его была такова,—не знаю,—но его трепетали всѣ, кромѣ дѣда и Панаса,—вся Пустынька! Я кормилъ его часто издали, но не гладилъ, не подходилъ

даже близко по настоянію дѣда, хотя песъ никогда не глядѣлъ на меня злобно. Можетъ быть, въ моихъ глазахъ онъ читалъ свою грусть, тоску, свое одиночество и свое же, можетъ быть, несознанное стремленіе къ ласкѣ и потребность хоть чьей-нибудь дружбы; по крайней мѣрѣ, онъ никогда не рычалъ на меня одного... Я побаивался его, жалѣлъ, а, можетъ быть, и онъ меня жалѣлъ или считалъ слишкомъ ничтожнымъ для своей злобы...

Это страшилище срывалось иногда съ цѣпи, приводя всѣхъ въ испугъ и смятеніе. Разъ онъ сорвался и долго пропадалъ безъ вѣсти, такъ что его сочли пропавшимъ. Гдѣ онъ бѣгалъ, что дѣлалъ,—не зналъ никто, и его будка, похожая на домикъ, стояла пустою. Въ жаркій день я игралъ на дворѣ и видъ пустой будки и темнота въ ней соблазнили меня; я влѣзъ въ будку, задумавъ превратить ее себѣ въ домикъ. Безпечно игралъ я въ ней камнями и прочей мелочью, которыми всегда были набиты мои карманы, какъ вдругъ мой взглядъ встрѣтился со взглядомъ грознаго звѣря....

Онъ прибѣжалъ и неожиданно стоялъ у самаго входа въ будку, слегка всунувъ въ нее свою огромную морду... Пасть его была открыта отъ жары, красный языкъ высунулся, громадные бѣлые клыки сверкали и темные глаза глядѣли на меня, не моргая, какимъ-то удивленнымъ взглядомъ. Что прочелъ онъ въ

моемъ застывшемъ взорѣ,—не знаю, но, вдругъ, сталъ обнюхивать мое лицо и двинулся лапами въ будку. Я сидѣлъ неподвижно, не дыша, не спуская глазъ съ собаки отъ ужаса, пока она вдругъ не лизнула мою руку. Тогда, совсѣмъ машинально, все еще нѣмой отъ ужаса, я его погладилъ и звѣрь завизжалъ и завилялъ хвостомъ. Я погладилъ его смѣлѣе, онъ влѣзъ, весело визжа, въ будку и сталъ лизать меня всего.

Горпына какъ-то случайно заглянула въ будку, всплеснула руками и, какъ сама говорила, „окаменѣла на мѣстѣ“. Я спокойно спалъ, положивъ свою голову на рядомъ свернувшагося звѣря...

— Пресвятая Богородыця! Панычыку! Що вы тутъ робыте!?—разбудилъ меня ея испуганный визгъ.

Но собака грозно зарычала ей въ отвѣтъ: она уже полюбила меня беззавѣтно и ревновала ко всему на свѣтѣ!..

Такъ завязалась эта дружба звѣря и ребенка, сдѣлавшая громадный переворотъ въ жизни того и другого... И звѣрь, и я,—мы уже не были одиноки, намъ обоимъ не приходилось уже только грезить,—ему на цѣпи, мнѣ на волѣ,—не нужно было все таить только про себя, мы могли кое-что дѣлить между собою. И мы дѣйствительно дѣлили другъ съ другомъ все, что могли и имѣли. Даже думы наши мы дѣлили: мы, ей-Богу, кажется, вполнѣ понимали

другъ друга... Когда мнѣ казалось, что въ его темныхъ глазахъ я читалъ безумную жажду воли, я тихонько спускалъ его съ цѣпи, а когда звѣрь въ свою очередь замѣчалъ мой нахмуренный взглядъ, устремленный на замокъ, онъ грозно рычалъ и глаза его наливались кровью. Можетъ быть, онъ грозилъ ему вмѣстѣ со мною!.

Но въ нашей любви другъ къ другу была большая разница,—одна совсѣмъ не походила на другую: звѣрь любилъ беззавѣтно, преданно-рабски любилъ, а я точно больше позволялъ ему себя любить, гордился преданностью и любовью этого общаго страшилища, чѣмъ дѣйствительно любилъ. Впрочемъ, люди вообще, кажется, отвѣчаютъ именно такъ на беззавѣтную, рабскую любовь. Я былъ всевластный господинъ надъ нимъ, онъ—только преданный беззавѣтно рабъ... Я только требовалъ, приказывалъ, лишь снисходя къ его интересамъ, онъ только исполнялъ, подчинялся и всѣмъ поступался для меня. Я могъ съ нимъ дѣлать, что хотѣлъ: дразнить, мучить, онъ трепеталъ даже дохнуть на меня сильно. Кто любилъ чище и лучше,—звѣрь или человѣкъ,—я не хочу разбирать. Думаю, что каждый любилъ по-своему, какъ могъ и умѣлъ.

Разбой спасъ меня въ самую критическую минуту моей жизни, имѣвшую, какъ увидитъ читатель ниже, большія послѣдствія.

Это случилось, когда дѣдъ однажды уѣхалъ надолго по дѣламъ все того же процесса въ

городъ, а вмѣсто него завѣдывать домомъ и хозяйствомъ пріѣхала въ Пустыньку тетка-генеральша съ сыномъ Валентиномъ. Я не любилъ чопорную, сухую, завистливую тетку, да и она, кажется, платила мнѣ тѣмъ же. Злые языки,—между прочимъ, и Горпыны,—увѣряли даже, что она бы и не прочь была „извести“ меня, лишь бы Пустынька досталась ея долговязому ротозѣю, два года подъ-рядъ не сумѣвшему совладать съ экзаменомъ во второй классъ, не смотря на всѣхъ своихъ гувернеровъ. Впрочемъ, въ душѣ онъ былъ добрый мальчикъ, только сильно испорченный: хвастунъ, лгунъ и къ тому же плакса. Онъ дразнилъ меня съ утра до вечера „Мазепой“, смѣялся надъ моими манерами, незнаніемъ городскихъ обычаевъ, деревенскимъ костюмомъ и доводилъ до того, что я блѣднѣлъ и задыхался отъ бѣшенства. Поощреніе онъ встрѣчалъ у тетки, тоже всегда зло подсмѣивавшейся надъ „деревенскимъ дикаремъ“, какъ она меня звала открыто. Тетка была сестрой моего отца, вдовой предсѣдателя какой-то палаты, имѣла свой домъ въ городѣ, хорошій пенсіонъ, круглый капиталецъ, скопленный покойнымъ мужемъ „на службѣ“, и особенно любила „бонтонность“. Изъ-за нея она заставила своего мужа перемѣнить фамилію Онысковець на „Онисковцевъ“, что сильно смѣшило дѣда. Дѣдъ тоже сильно не долюбливалъ ее, но деликатность и гостепріимство

были до того развиты у него, что съ ея пріѣздомъ онъ всецѣло уступалъ ей главенство въ домѣ. И тетка мучила насъ всѣхъ, начиная съ дѣда и кончая Горпыной.

Разъ Валентинъ довелъ меня своими насмѣшками до того, что я просто очумѣлъ отъ злобы и, не въ силахъ будучи сдерживаться дольше, хотѣлъ убѣжать; но онъ заградилъ мнѣ дверь и продолжалъ травить подъ хохотъ генеральши... Самъ не знаю какъ, совсѣмъ потерявъ голову, я сильно ударилъ его тогда кулакомъ и ударъ пришелся по несчастью прямо въ носъ. Кровь заструилась у него по лицу и онъ взревѣлъ.

— Розогъ!—крикнула громко генеральша, задрожавъ отъ гнѣва и поблѣднѣвъ, какъ полотно.

То было въ первый разъ еще, что мое ухо услыхало это позорное слово, и я тоже весь задрожалъ! Помню, что ноги у меня подкосились, я съ трудомъ удержался, голова закружилась и я какъ-то странно, по-овечьи, закружился на мѣстѣ, теребя полы растерянно двигавшимися руками. Я задыхался и отъ не остывшей еще злобы, и отъ новой обиды, которая, казалось, подступая все выше и выше, сжимала горло, туманила голову и заливала блѣдныя щеки жгучимъ румянцемъ невыразимаго стыда... Позорное слово все звенѣло и звенѣло въ моихъ ушахъ и я способенъ былъ броситься отъ него въ пропасть внизъ головою и въ то же время броситься,

UNIVERSITY OF
ILLINOIS LIBRARY

какъ звѣрекъ, на тетку, и кусать ее, и царапать въ изступленьи... Грудь моя высоко вздымалась...

— Не смѣешь!—выпалилъ я внѣ себя, все больше охватываемый стыдомъ и злобою: не смѣешь!—и топнулъ ногою.

— Не смѣю?! Ахъ, ты... щенокъ! Несите скорѣе розгу!...

Въ глазахъ у меня какъ будто помутилось... Я взглянулъ на саблю, самъ не сознавая, что бы такое я сдѣлалъ съ нею, но гетманская сабля висѣла высоко. Я былъ одинъ, безпомощенъ, разъяренный, покинутый всѣми, неспособный защитить себя отъ позора... Дѣдъ!?—его не было... Панасъ!?—онъ кряхтѣлъ без сильно на печи... Горпына!?—она только страстно рыдала въ кухнѣ за своего любимца!. —Никого... я одинъ!.. а въ это время кучеръ генеральши вносилъ позорную розгу...

Нѣтъ, я не одинъ! У меня есть вѣрный, преданный другъ, который не дастъ меня въ обиду!.. Въ этотъ роковой моментъ я вдругъ вспомнилъ о страшномъ, прикованномъ Разбоѣ,—вспомнилъ и, самъ не помню какъ, бросился въ открытое окно, разбивъ дорогую, любимую дѣдовскую вазу.

— Разбой!.. Разбой!.. Разбой!..

Понялъ ли вѣрный, любящій песъ, мирно дремавшій въ своей будкѣ, этотъ отчаянный вопль ребенка, мчавшагося къ нему и преслѣдуемаго сзади цѣлою толпой взрослыхъ, понялъ

ли онъ, что его любимцу, его властелину грозила бѣда,—не знаю, но я слышалъ, какъ загрохотала тяжелая, желѣзная цѣпь, какъ дрогнулъ воздухъ яростнымъ ревомъ. Я увидѣлъ могучій прыжокъ, какимъ прикованный звѣрь взвился высоко и отъ котораго глухо застонала стѣна сарая, къ которой былъ онъ прикованъ... Я все бѣжалъ къ нему, звалъ и молилъ; а онъ бѣшено ревѣлъ и въ его ревѣ я, кажется, слышалъ глухое рыданье на свое безсилье... И, можетъ быть, съ самомъ дѣлѣ звѣрь рыдалъ! Но въ этомъ рыданьи слышалась угроза, отъ которой могло замереть самое храброе сердце!..

Меня, наконецъ, схватили сзади... Чья-то сильная рука налегла на мое плечо и я пошатнулся... Ноги мои подкосились, я пересталъ дышать, упалъ и помню только, что въ этотъ моментъ что-то загрохотало, что-то дрогнуло кругомъ, лопнуло съ визгомъ и что-то мохнатое съ ужаснымъ ревомъ коснулось моего лица.

Когда я очнулся, пришелъ въ себя,—я лежалъ на травѣ, а Разбой, съ обрывкомъ цѣпи на шеѣ, лизалъ мнѣ лицо, визжалъ и, неистово размахивая хвостищемъ, весь волнуясь, толкалъ меня мордой. Вдали виднѣлись испуганные генеральша съ сыномъ, конюхъ, Горпына, даже Панасъ, слѣзшій вдругъ съ печи, не смѣя, сдѣлать и шага... Могучій звѣрь не пускалъ ихъ и при малѣйшемъ движеніи рычалъ, гнѣвно скаля зубы...

Тогда же я рѣшилъ бѣжать, не смотря ни на что, не смотря на заигрыванье испугавшейся тетки, на ласки любящей Горпыны; бѣжать во что бы то ни стало отъ родного порога, отъ родной хаты, въ которой текли до сихъ поръ мирно мои дѣтскіе годы, а теперь вдругъ преслѣдовали меня и гнали нелюбимые люди, гдѣ въ воздухѣ все еще, кажется, звучало, какъ бы застывъ въ немъ, ужасное, позорное слово... Я еще не остылъ отъ стыда и обиды, мое сердце еще пылало мщеньемъ, а отомстить, казалось, я могъ лучше всего побѣгомъ. Мнѣ осмѣлились грозить розгой?! Дѣдъ оставилъ меня на муки этимъ людямъ?! Никто не хотѣлъ придти мнѣ на помощь, кромѣ Разбоя?! Хорошо же! Пусть меня ищутъ, пусть плачутъ обо мнѣ!.. Я не хочу, чтобы меня били... Я уйду съ своимъ Разбоемъ, — уйду далеко... далеко... вонъ туда, за высокіе холмы и... и... — не вернусь!.. Развѣ дѣдъ пошлетъ за мною!..

Я прокрался тихо въ кабинетъ дѣда и, обливаясь горячими слезами, невозможными каракулями, хотя, казалось, очень трогательно, написалъ ему послѣднее прости и описалъ свои муки... Тамъ, въ кабинетѣ, моя рѣшимость какъ бы дрогнула, но я совладалъ съ собою, утеръ слезы и пробрался въ кухню, гдѣ незамѣтно стащилъ хлѣбъ, щепоть соли и кусокъ сала. Затѣмъ я пошелъ къ Разбою и спустилъ его съ цѣпи.

Мы выбрались вдвоемъ далеко-далеко за предѣлы деревни... Пустынька исчезла и только высокія верхушки тополей, выдѣляясь на яркой синевѣ неба, напоминали мнѣ родное пепелище. Но я не думалъ о немъ, нѣтъ,—я, какъ и мой вѣрный песъ, всецѣло упивался свободой!..

Да, свободой!—Надъ нами разстилалось безграничное, чистое небо, а впереди кругомъ зеленѣли широкія нивы... Никого не было, кромѣ насъ, вокругъ; только жаворонокъ кружился съ пѣсней, гдѣ-то щебетали маленькія пташки, да въ зеленой травѣ стрекотали кузнечики несмолкавшимъ хоромъ. Угрюмый звѣрь забылъ свою цѣпную скуку и, какъ маленькій щенокъ, катался по травѣ, визжа отъ восторга и смотря на меня просвѣтленными глазами: онъ чуялъ и цѣнилъ свою волю...

И я ее чуялъ, и я упивался ею,—конечно, какъ и онъ — инстинктивно!.. Безграничное небо и зеленыя нивы я видѣлъ часто, но только видѣлъ, а не сливался съ ними... У меня всегда были своя хата, постель, свой уголъ, своя семья; теперь у меня никого и ничего не было кромѣ неба, нивы, малыхъ пташекъ!.. Я былъ теперь ихъ, а они моими!.. И я почувствовалъ вдругъ, какъ распахнулось широко мое сердце и оттуда хлынула потокомъ свѣтлая любовь и къ небу, и къ нивѣ, каждой былинкѣ, ко всему, что тонуло далеко-далеко въ голубой дали горизонта, подъ сверкавшими лучами жаркаго

солнца... Это въ потомкѣ просыпался инстинктъ вольнолюбивыхъ степняковъ-предковъ!

Да, я почуялъ, что какъ будто люблю все... все... и эту травку, и этого жука, что копошится подъ нею, и малую пташку, что робко щебечетъ, запрятавшись въ вѣчномъ страхѣ, и хлопотунью пчелу, что жужжа торопится мимо... Все, все люблю! Этой любви я не зналъ, не чуялъ, не подозрѣвалъ даже раньше и теперь она охватила меня какимъ-то непередаваемо полнымъ восторгомъ и нѣгой! Точно пелена, вѣчно застилавшая мнѣ свѣтъ, упала съ моихъ глазъ, точно грудь моя стала дышать вдвое сильнѣе... Помню, я былъ безгранично счастливъ...

И я сталъ щебетать вмѣстѣ съ пташкой, перекликаться съ кузнечикомъ, жужжать съ пролетавшею пчелой. На все, на каждый звукъ я откликался весь, всѣмъ сердцемъ, всею душой, какъ братъ всего того, что жило въ этомъ просторѣ... И все оно, казалось, откликалось и мнѣ, дыша веселымъ привѣтомъ. Я даже визжалъ, какъ Разбой, и, къ его невыразимому восторгу, сталъ кататься вмѣстѣ съ нимъ на зеленой травѣ...

— Разбой, давай завтракать!

Мы позавтракали и пошли дальше... Играя, мы шли долго, сами не зная, куда мы идемъ и гдѣ мы; наконецъ, мы очутились у какой-то плотины, на которой стояла запряженная карета. Возлѣ кареты, что-то чиня, суетились

люди, а немного поодаль, ближе ко мнѣ стояли двѣ пани. Я взглянулъ и обмеръ...

Такой дивной красоты я еще не видѣлъ. Мнѣ показалось, что прямо противъ меня стоитъ Божій ангелъ съ распущенными по плечамъ свѣтлыми волосами, съ цвѣтами на высокой груди, и смотритъ на меня своими чудными, нетлѣнными очами... Я вытаращилъ глаза и боялся шевельнуться, не смотря на привѣтливую улыбку, свѣтившуюся мнѣ на устахъ и во взорѣ... И Разбой стоялъ возлѣ, точно околдованный вмѣстѣ со мною.

— Тетя! посмотри, что за прелестный мальчикъ!

Другая пани, старуха, обернулась и окинула меня сквозь очки взглядомъ. Это привело меня въ себя,—околдовавшія чары, казалось, разлетѣлись.

— Ты откуда, мальчикъ?—спросила она.

Я замялся. Кто и откуда былъ я, когда теперь у меня не было уже дома? Тѣмъ не менѣе уста сами собой какъ-то прошептали обычное:

— Я изъ Пустыньки!

— А!—засмѣялась звонко прелестная панна:—это не ты ли побилъ моего брата?

Ея брата!? Такъ вотъ она кто?! Тѣмъ не менѣе, я сконфузился и покраснѣлъ какъ будто отъ стыда... Да, отъ стыда! Мнѣ дѣйствительно точно стыдно стало, что я побилъ именно *ея* брата.

— Я!—прошептали глухо мои уста.

— Ты, говорятъ, очень не любишь поляковъ?—все также смѣялась панна..

— Да!—отвѣтилъ я, низко опуская голову.

— И меня не любишь?

Этотъ вопросъ ошеломилъ меня: я не зналъ, что отвѣтить... Я чувствовалъ только, что мои нелживыя уста не выговорятъ да, и покраснѣлъ еще больше.

— Ну, что же?

Но я молчалъ, все краснѣя и краснѣя...

— Подойди ко мнѣ,—не бойся!

— Я ничего не боюсь!—отвѣтилъ я, какъ бы задѣтый, и подошелъ къ ней вплотную.

— О, ты такой храбрый!?—Ты не боишься и лѣса?

Лѣса!!

Она попала въ самую слабую точку,—я только его и боялся! Меня пугали его мракъ, его таинственная глубина,—въ лѣсу я никогда не бывалъ одинъ... Мнѣ стало невыразимо стыдно!

— Я и его не буду бояться!—глухо отвѣтилъ я ей.

Но она не разобрала или не разслышала скрытаго смысла моего отвѣта и положила свои чудныя руки мнѣ на плечи.

— А я люблю тебя, мальчикъ...—говорила она все смѣясь:—люблю, хоть я и полячка, а ты завзятый украинецъ...

И она звонко поцѣловала меня въ губы.

— Вотъ тебѣ на память отъ польки!—она бросила мнѣ, откловъ отъ груди, бѣлую розу,

Карета давно умчалась съ тучею поднятой сѣрой пыли, а въ моихъ ушахъ звенѣлъ этотъ звонкій дѣвичій смѣхъ и на губахъ горѣлъ жаркій поцѣлуй, какъ горѣла въ рукахъ бѣлая роза. Я стоялъ неподвижно, жадно смотря въ даль за умчавшеюся каретой, готовый, казалось, броситься вслѣдъ за нею... Да, броситься за нею, чтобы разсказать чудной паннѣ, за что я не любилъ ляховъ, за что я побилъ ея брата... Мнѣ точно оправдаться хотѣлось передъ нею, точно снять съ себя что-то и вмѣстѣ съ тѣмъ сказать ей... сказать... я не сознавалъ, казалось, что именно хотѣлъ я сказать ей, но я чувствовалъ, что и ея слова и ея поцѣлуй пронизали точно огнемъ все мое я, все затуманили, спутали и затеплили въ душѣ что-то совсѣмъ новое, теплое и невыразимо сладкое... Еще немного,—и, очень можетъ быть, самъ не зная почему, я бы вдругъ заплакалъ, но меня привелъ въ себя Разбой; удивленный моимъ столбнякомъ, онъ ткнулъ меня мордой.

— Пойдемъ, Разбой!

Вправо отъ насъ разстилался дремучій лѣсъ, темною дугой огибавшій Пустыньку. Не туда ли?.. На сердцѣ, помню, стало жутко, тревожно, но что-то острое толкало и влекло неотразимо...—Ге! а, можетъ быть, никакихъ страховъ и не будетъ!.. Не попытаться ли,—

тамъ, навѣрное, не найдетъ меня теткина погоня...

ГЛАВА VII.

Лѣсъ.

Когда мы подошли къ опушкѣ, было далеко за полдень. Дремучій лѣсъ, казалось, спалъ и громадные мшистые дубы стояли неподвижно и молча, широко распластавъ свои вѣтви, точно крылья, въ застывшемъ отъ зноя воздухѣ. Въ лѣсу, за стволами, подъ непроглядною зеленою кущей царилъ, казалось, безпросвѣтный мракъ, но на опушкѣ, между порослей и невысокими кустами, на зеленыхъ прогалинахъ пестрѣвшихъ яркими цвѣтами дикаго мака и золотоцвѣта, бѣлою кашкой и всевозможныхъ цвѣтовъ колокольчиками всецѣло властвовало еще горячее солнце. Тутъ кишѣла еще жизнь: перелетала, щебеча, мелкая пташка, прыгалъ стрекотунъ-кузнечикъ, шумно гудѣлъ круглый шмель, да тихо звенѣла почти невидимая мошка. Въ лѣсу же было тихо, совсѣмъ тихо! Только гдѣ-то сбоку и ближе къ опушкѣ лѣса тоскливо ныла горлица, точно баюкая и навѣвая дрему, да временами звонко разсыпался въ тишинѣ, разя холодомъ, зловѣщій пискливый хохотъ хищнаго кобчика. Глухо и мѣрно, точно маятникъ, стучалъ еще невидимый дятелъ.

Свѣтлая опушка пріободрила меня, а влажный и густой ароматъ лѣса, точно волной пахнувшій изъ него, потянулъ, казалось, къ себѣ. Я прошелъ, наконецъ, робкими, нетвердыми шагами опушку, зашелъ за стволы и остановился въ тревогѣ и недоумѣньи. Страшный непроницаемый мракъ, который такъ пугалъ меня всегда издали и начинался, казалось, сейчасъ за стволами, ушелъ дальше въ глубину. Я двинулся впередъ, мракъ ушелъ еще дальше: онъ точно манилъ меня! Что-то враждебное, казалось мнѣ, крылось въ этомъ заманиваньи, и я громко крикнулъ, чтобы вызовомъ скорѣе разрѣшить свою тревогу и пріободрить оробѣвшее сердце. Мой крикъ пронесся гулко, протяжно и точно потонулъ въ этомъ уходившемъ густомъ мракѣ. Все оставалось такъ же неподвижно, такъ же тихо, только птица какая-то сорвалась и тяжело захлопала крыльями. Спокойный Разбой посмотрѣлъ на меня удивленными глазами, я прижался къ нему ближе и пошелъ смѣлѣе. Мой вызовъ, очевидно, не былъ принятъ.

И мракъ все отступалъ и отступалъ. Иногда съ Разбоемъ мы попадали даже въ цѣлый потокъ горячаго свѣта, который, врываясь густыми волнами сквозь просвѣты въ зеленой пущѣ, падалъ яркими золотыми озерами на мураву, трепеталъ блестками въ зеленыхъ листьяхъ и сверкалъ всевозможными оттѣнками на угрюмыхъ стволахъ. Сюда сейчасъ же вры-

валась и жизнь вмѣстѣ съ золотыми лучами здѣсь прыгало, кружилось, гудѣло, звенѣло все, что было разбужено свѣтомъ. Я самъ набирался здѣсь мужества и все дальше, все смѣлѣе пробирался между стволами сквозь густую чащу молодой поросли, сплетенной дикимъ хмѣлемъ и тонкимъ вьюнцомъ.

Гдѣ же страхи?!

Если они и были, то, конечно, отступали все дальше и дальше въ глубь вмѣстѣ съ мракомъ, потому что на мнѣ былъ крестъ, а Разбой былъ „ярчукъ“ *), котораго боится и волкъ, и нечистая сила. О, насъ никто и ничто не тронетъ, пусть только попробуетъ! Я знаю заклинанья, которымъ научилъ меня Панасъ, а Разбой задастъ такую трепку, что и тошно станетъ. Правда, Разбой?! Я даже запѣлъ знаменитую старую пѣсню, какъ смѣлый вызовъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ тонъ мой становился заносчивѣе и смѣлѣе... „Гей, кто въ лиси, — отзовыся!“—кричалъ я все громче и громче, но никто не отзывался. Еще бы,—попробуй только!

Тѣмъ не менѣе разъ, когда мои шаги вспугнули тяжело взлетѣвшую сову, мое сердце забилось такъ скоро, что я чуть не замеръ на мѣстѣ....

Куда же я шелъ?! Я пробирался къ той свѣтлой, зеленой прогалинѣ съ отдѣльными

*) „Ярчукъ“ — собака, рожденная въ мартѣ. *Народное повѣрье.*

группами развѣсистыхъ дубовъ, которую видѣлъ на изображеніи святого схимника. Она издавна манила меня своимъ чистымъ миромъ, покоемъ и поэтическою красотой; я былъ увѣренъ, что непремѣнно найду такую же точно и въ этомъ лѣсу... Если есть тамъ сѣдой схимникъ,—думалось мнѣ:—я паду на колѣни жарко-жарко помолюсь Богу и исповѣдуюсь вс всѣхъ своихъ прегрѣшеніяхъ... Я попрошу сѣдого схимника оставить меня у себя, буду носить ему изъ чистаго ключа воду, буду искать съ нимъ лѣсные коренья, а Разбой останется съ нами, оберегать насъ, защищать отъ всего враждебнаго, хищнаго и злого.... Вѣдь, если и нѣтъ у него души, то все-таки есть доброе сердце и, вѣроятно, не хуже, чѣмъ у льва св. Марка, о которомъ разсказывала набожная Горпына.

И я нашелъ ее, эту прогалину, свѣтлую, мирную, дышавшую какою-то скрытою, уютной красотой, только безъ сѣдого схимника... Она раскинулась у небольшого проточнаго озерка, густо поросшаго камышемъ, изъ котораго немедленно взвился, трепеща, кверху быстрый бекасъ, да зашлепали двѣ грузныя утки. Озеро съ избыткомъ питало здѣсь все просившее влаги; трава, отливавшая пріятнымъ синеватымъ цвѣтомъ, была гуще и ярче; сама почва мягче и упруго гнулась подъ ногою; воздухъ свѣжѣе... Темная чаща окружала ее красивою, какъ бы очерченною линіей, а сверху смотрѣ-

ло голубое бездонное небо, въ которое прихотливыми зубцами врѣзывались верхушки молчаливаго лѣса.

— Разбой, купаться!

Мы долго-долго провозились въ прохладной водѣ, играя съ шумомъ и визгомъ, а затѣмъ катались на стогѣ сѣна, стоявшемъ между озеркомъ и чащей...

Когда я проснулся,—и озеро, и листва, и угрюмые стволы, и полянка,—все горѣло уже раскаленнымъ жаромъ, какъ и моя, казалось вдругъ отяжелѣвшая, точно свинцомъ налитая, голова. Все пылало въ розовыхъ лучахъ и даже шерсть свернувшагося возлѣ Разбоя пестрѣла красноватыми пятнами. Очевидно, стоялъ уже вечеръ, близилась темная ночь, но мнѣ было какъ-то все равно, я ни о чемъ не думалъ... Налитая голова не двигалась, все тѣло мое ныло, во рту было сухо, тяжелыя вѣки слипались сами собой... Я разорвалъ воротъ, разметалъ руки и снова заснулъ...

Долго ли спалъ я,—не знаю, но проснулся вновь отъ сильнаго холода темною, глубокою ночью. Надо мной сверкали, мигая, звѣзды, но кругомъ стоялъ такой мракъ, что я только по дыханію различалъ спящую рядомъ собаку. Впрочемъ, мнѣ опять было какъ-то все равно,—тьма ли стоитъ надо мною, свѣтъ блещетъ... Меня мучили боль въ вискахъ и сильный ознобъ, отъ котораго дрожало все мое нывшее тѣло и, не переставая, стучали зубы...

Я даже не различалъ хорошо, гдѣ я: дома ли, въ своей мягкой постелькѣ, или въ дремучемъ лѣсу забился въ сѣно... Все у меня спуталось. Я хотѣлъ только согрѣться, во что бы то ни стало согрѣться, и слабою, непослушною, точно спавшею, рукой потянулъ къ себѣ Разбоя. Онъ придвинулся, прикрылъ меня, лизнулъ и какъ-то тревожно обнюхалъ... А я все дрожалъ и дрожалъ...

Наконецъ, тепло какъ-то снова разлилось по мнѣ и чѣмъ дальше, тѣмъ становилось сильнѣе. Разбой дышалъ на меня раскаленнымъ воздухомъ жарко натопленной печи; онъ, казалось, жегъ меня, но я не могъ шевельнуться: я лежалъ, какъ мертвый... Въ головѣ у меня все подернулось точно флеромъ: я ничего не видѣлъ, не различалъ, я тонулъ въ въ какомъ-то горячемъ, влажномъ туманѣ... И вдругъ я услышалъ шепотъ таинственный и нѣжный... Я открылъ, кажется, глаза и снова какъ будто сталъ различать все хорошо и ясно... Между мной и блестѣвшимъ звѣздами небомъ стояла бѣлая роза, которую утромъ я сунулъ за пазуху, куда обыкновенно пряталъ все самое дорогое,—та роза, которую дала мнѣ. . Кто, въ самомъ дѣлѣ?—бѣлая же роза?... или... полячка!? Право, я какъ-то все спуталъ...

И видѣлъ я, какъ она, эта роза,—то принимавшая образъ чудной полячки, то снова становившаяся бѣлою розой, — смотрѣла на меня печально и грустно, точно рыдая... Я без-

жалостно, грубо измялъ ее за пазухой, я растрепалъ, истерзалъ ея нѣжные, ароматные лепестки... — За что? — спрашивалъ меня ея нѣжный шепотъ:—что̀ сдѣлала тебѣ я, молоденькій хлопче?! За что же ты ненавидишь меня и собираешься воевать съ моимъ гнѣздомъ, съ моимъ замкомъ?! Развѣ я жгла твоего гетмана и мучила вольныхъ казаковъ?— Нѣтъ! Такъ зачѣмъ же ты переносишь чужіе, давніе грѣхи на меня молодую и невинную,— на меня, которой, какъ и тебѣ, хотѣлось жить вольно на свѣтѣ?! За что ты измялъ мои лепестки, обломалъ мои стебли?..—о, за что, молоденькій хлопче!?

И бѣлая роза заплакала... Слезы закапали, какъ роса, съ ея бѣлыхъ, измятыхъ лепестковъ и падали, казалось, мнѣ въ самое сердце, разливаясь оттуда жаромъ по всему тѣлу.... Я хотѣлъ ей что-то отвѣтить, но не могъ, — мои уста запеклись, а она продолжала:

— Слушай дальше!... А развѣ мало потоптали твои казаки моихъ сестеръ и братьевъ, когда вихремъ летали по степи?!.. Развѣ мало легло подъ копытами ихъ борзыхъ коней цвѣтовъ яркаго мака, золотоцвѣта, кувшинчиковъ и сестеръ моихъ—степныхъ лилій?! А вотъ же я люблю тебя!... Я такъ жарко поцѣловала тебя сегодня утромъ на плотинѣ, что и до сихъ поръ пышутъ твои уста жгучимъ пламенемъ! Развѣ не помнишь?!

— О, помню... Я все помню, бѣлая роза!— прошепталъ я засохшими губами...

— Помнишь?—улыбнулась сквозь слезы роза:—такъ сравни же меня, невинную и любящую, съ твоею суровою, холодною теткой!... Генеральша лишила тебя родного крова и теплой постельки!... Ты бѣжалъ отъ нея въ дремучій боръ и пугливо запрятался въ сѣно.... Она смѣется надъ твоею рѣчью и твоею пѣсней... Что̀ ей твои предки, старая сабля и кубокъ?..—она ихъ и знать не хочетъ!.. Она подняла, наконецъ, на тебя свою позорную розгу!..

Я хотѣлъ слушать дальше, но все исчезло вдругъ отъ грознаго рева... Вѣрный Разбой, весь нащетинившись и дрожа отъ ярости, рычалъ предо мною куда-то въ темную глубь, гдѣ что-то видѣлъ... И я увидѣлъ! Двѣ свѣтлыя зеленоватыя точки глядѣли на меня изъ густого мрака и двигались... Я принялъ бы ихъ за звѣзды, упавшія съ неба, стой онѣ неподвижно... Но теперь я узналъ ихъ... Это... это... страшные глаза... да, страшные глаза!... Но чьи же?...—Господи, чьи же?!... А!... Глаза генеральши!...

— Разбой! Не дай, добрый Разбой!...

Моя мольба, мой крикъ поднялъ на дыбы вѣрнаго друга. Онъ взвизгнулъ мнѣ и зарычалъ такъ сердито въ чащу, что все задрожало, все исчезло!-..

Я проснулся, пришелъ въ себя вновь только подъ жгучими лучами новаго полдня... Меня

разбудили жажда и жалобный вой Разбоя!.. онъ лизалъ мнѣ лицо, обнюхивалъ, затѣмъ поднималъ морду вверхъ и вылъ такъ жалобно, точно прощался съ самою жизнью...

— Разбой, перестань!... Разбой, я пить хочу.. Пить, Разбой!

Звѣрь смотрѣлъ мнѣ пристально въ глаза и визжалъ, точно оправдываясь, что не понимаетъ моей рѣчи... О, что же мнѣ дѣлать?! Жажда была мучительнѣе боли, мучительнѣе изнеможенія! Она вооружила меня неестественною волей... Я поднялся на руки, закачался, изнемогалъ но все-таки ползъ. Инстинктъ, а не глаза влекъ меня къ ручью; кажется, я его даже и не видѣлъ. Но я изнемогъ... я растянулся по дорогѣ...

— Разбой... о, Разбой!—простоналъ я сквозь слезы.

Больная ли греза, или дѣйствительность была то,—не знаю, но, ей Богу, я, кажется, помню, что умный песъ точно понялъ меня, наконецъ... Сквозь какой-то туманъ, заслонившій мою память, я вспоминаю, однако, что онъ завизжалъ, завилялъ хвостомъ и, не берусь утверждать, но, право, мнѣ какъ-то рисуется, хотя и не ясно, что, бережно взявъ меня за воротъ зубами, онъ помогъ мнѣ ползти. По крайней мѣрѣ, я былъ у ручья, я пилъ его чудную влагу.

Ахъ, какъ я пилъ! Я пилъ глазами, ртомъ, всѣмъ тѣломъ, я дыханьемъ пилъ, и все мнѣ

казалось мало и мало... Я боялся, что ручья не хватитъ, что я никогда не утолю этой жажды, которая отъ каждаго глотка разливалась пожаромъ сильнѣе и сильнѣе. Но все-таки, кажется, я поднялся освѣженный... Да, кажется!.. Но какъ я вновь добрался до стога, какъ я снова повалился въ сѣно, я ничего... ничего не помню!

Точно сквозь туманъ, помню еще, что на мигъ я пришелъ въ себя опять ночью отъ визга Разбоя, отъ громкаго говора какихъ-то людей, стоявшихъ съ факелами и фонарями. Чьи-то сильныя руки подняли меня на воздухъ, чьи-то слезы закапали мнѣ на лицо....

— Грыцю!... Мій внуку!... Що зъ тобою, дытыно?!— слышу я чей-то ласковый, знакомый шепотъ.—Неужели дѣдъ?! Кажется, его длинные усы щекочутъ мнѣ горячія щеки?! Нѣтъ! это золотыя кудри... Это черные глаза и густыя дугою брови!... Это полячка прижимаетъ меня къ своей упругой, полной груди и шепчетъ, и дышетъ на меня, какъ бѣлая роза!... это... это!..—И горячими руками обнимаю я чью-то шею и шепчу въ отвѣтъ: я люблю тебя, чудная панна!

. . . . . .

Когда я выздоровѣлъ у себя на постелькѣ, я узналъ и отъ дѣда, и отъ Горпыны, и отъ Панаса, что меня хватились только къ вечеру дня побѣга и всюду разослали людей на поиски. На другой день пріѣхалъ дѣдъ и самъ

повелъ поиски, разссорившись навсегда съ рыдавшею въ испугѣ генеральшей. Меня нашли скоро, благодаря неустанному вытью Разбоя. Помню, я страстно рыдалъ и каялся, когда узналъ, какую муку причинилъ любившимъ меня людямъ.

Янкель, конечно, разнесъ всюду исторію моего побѣга, моей болѣзни и въ одно утро изъ замка, мнѣ прислали громадный букетъ и сласти.

— Тебѣ панна прислала изъ замка!..—сказалъ дѣдъ, передавая мнѣ съ удивленіемъ присланное, но въ тонѣ его не слышалось раздраженья, онъ, кажется, даже радъ былъ такому вниманію къ его больному внуку:—ты ее видѣлъ?

— Да!—отвѣтилъ я, покраснѣвъ.

— Гдѣ же? Да, кстати: ты все поминалъ въ бреду какую-то панну... Ужъ не ее ли?

Я покраснѣлъ еще больше и обнялъ его шею.

— Дѣдъ!—прошепталъ я стыдливо:—она поцѣловала меня на плотинѣ и дала бѣлую розу!..

Съ этихъ поръ дѣдъ, однако, отказался самъ отъ педагогіи и выписалъ изъ города заштатнаго учителя, добраго старичка Ивана Семеновича, взявшагося приготовить меня въ пятый классъ.

Я занимался много и хорошо, но все-таки имѣлъ довольно досуга бѣгать въ темный лѣсъ, котораго я уже не боялся и гдѣ скоро свелъ новое знакомство.

ГЛАВА VIII.

Въ античномъ мірѣ.

Говорятъ, что какому-то молодому князю, страстно увлекавшемуся Гомеромъ, красотою изображеннаго имъ античнаго міра, суровый патеръ-воспитатель строго замѣтилъ, что грѣшно увлекаться такимъ языческимъ вздоромъ. „Да, это, конечно, вздоръ!.. — отвѣтилъ, говорятъ, юный князь:—но отъ него мнѣ такъ сладко, отче!“

Моимъ Гомеромъ былъ Охримъ!

О, чего только не зналъ онъ, чего не понималъ, куда не проникалъ своимъ пытливымъ, вдумчивымъ окомъ?! Все, кажется, было ему ясно, все, въ безграничномъ небѣ и на широкой землѣ. Ему были открыты всѣ тайны дремучаго лѣса, онъ читалъ въ водяной пучинѣ, какъ хорошій чтецъ въ открытой книгѣ, онъ проникалъ насквозь непроглядную тьму глубокой, таинственной ночи, твердо зная, что̀ скрыто ею отъ глазъ человѣка... онъ зналъ все... все то, „що колысь було правдою, а теперь стало брехнею“. И если всѣ его знанія безусловно расходились съ тѣмъ, что зубрилъ я въ книжкахъ, если всѣ эти знанія ученый Иванъ Семеновичъ называлъ „чистѣйшимъ вздоромъ, которымъ стыдно увлекаться“, за то они были невыразимо сладки... да, именно сладки! Мнѣ

положительно становилось иногда горько, что книжки говорятъ иное, что въ мірѣ можетъ происходить все не такъ, какъ говорилъ Охримъ;—я какъ-то ближе былъ къ *его* міру, чѣмъ къ другому. Впрочемъ, помню, я какъ-то страшно двоился: училъ и зналъ я одно, а сердцемъ вѣрилъ въ другое. Сердцемъ я сливался въ вѣрѣ съ Охримомъ.

У него къ тому же было одно несомнѣнное преимущество предъ книжками и ученымъ Иваномъ Семеновичемъ. Тѣ знали разныя „но“ и сомнѣнья, многое ими только предполагалось, требовало еще доказательствъ, многое было не выяснено, а еще большее обѣщало стать для меня яснымъ только со-временемъ-де, „когда выростешь“. Ничего этого не было у Охрима. Нѣтъ, онъ не зналъ ни „но“, ни сомнѣній, ни колебаній: у него было все ясно, опредѣленно, цѣльно, *ничто* не требовало никакихъ доказательствъ. Тамъ казалось все сухо, безжизненно, какъ мертвая формула, какъ застывшій законъ; у Охрима все носило живой, сознательный образъ, всякое явленіе вызывалось и двигалось опредѣленною цѣлью, тѣсно связанною съ живымъ человѣческимъ міромъ, все было полно поэзіи, пластики, дышало неотразимою красотой творческаго духа. И все къ тому же могло стать для меня яснымъ сейчасъ же, сію минуту!

Охримъ былъ пастухъ, и если имъ не родился, какъ родился крѣпостнымъ графа, то

едва ли помнилъ себя чѣмъ-нибудь инымъ на свѣтѣ. Дремучій лѣсъ, полный тайны и страховъ, зеленый лугъ, весь трепетавшій неугомонною жизнью, небесный куполъ, равно для всѣхъ ласковый и свѣтлый, послушное стадо, понимавшее его такъ же хорошо, какъ и онъ его понималъ, — вотъ и все, съ чѣмъ онъ близко соприкасался съ дѣтства, что такъ или иначе могъ считать своимъ. Говорили, что когда-то онъ любилъ богатую красавицу, дочь мельника, которую, конечно, не отдали за бездомнаго сироту-пастуха, отчего она и умерла съ горя. Съ той поры онъ и сталъ играть на своей сопилкѣ.

По этой сопилкѣ его знали всѣ кругомъ, зналъ и я гораздо раньше, чѣмъ сошелся съ нимъ, бродя въ свободные часы въ чащѣ полюбившагося мнѣ лѣса. Вечерами, когда по землѣ, отдыхавшей полною грудью отъ зноя, стлались легкія тѣни и тихо дрожали въ послѣднихъ розовыхъ лучахъ заката, когда и воздухъ, не то розовый, не то подернутый дымкой, начиналъ дрожать и какъ бы струиться, откуда-то внезапно,—дрожа и струясь, какъ воздухъ, какъ вечернія тѣни,—приносились и легкіе тоны этой волшебной сопилки... Что за власть крылась въ этихъ тонахъ,—не знаю, но хлопотливыя бабы останавливались, подпирались рукою, вслушивались, глаза ихъ туманились влагой и онѣ тихо шептали: „то Охримъ грае!“ Да, конечно, Охримъ! Кто-жъ бы другой

могъ околдовать эти перестававшіе дрожать воздухъ и тѣни, кто другой могъ погрузить въ такую неподвижно-глубокую дрему потемнѣвшіе въ сумеркахъ развѣсистые дубы и липы, предъ кѣмъ же еще, предъ какимъ другимъ чародѣемъ, смолкли бы эти неугомонные птичьи хоры?!.. Все окрестъ околдовывали эти звуки Охримовой сопилки и, чаруя млѣвшую въ восторгѣ и нѣгѣ землю, поднимались отъ нея куда-то высоко-высоко, вмѣстѣ съ легкою, чуть видною дымкой вечерняго тумана. Тамъ они, казалось, трепетали съ послѣдними лучами догоравшаго румянаго блеска и вмѣстѣ съ ними таяли и утопали въ темнѣвшей лазоревой выси, но утопая, расплываясь, это они, и только они, вызывали изъ непроницаемаго эѳира блѣдныя звѣзды!.. На эти волшебные звуки, точно на вызовъ, выныряли звѣзды одна за другою...

Такую непередаваемо чудную музыку чарующихъ звуковъ любятъ часто сравнивать съ чѣмъ-нибудь, близко знакомымъ человѣческому уху! Любятъ говорить, что скрипка или флейта рыдаетъ... Нѣтъ, Охримова сопилка не рыдала,—рыдать можетъ всякій!... Она прямо хватала своими невидимыми, но властными тонами за сердце, точно руками, и влекла его за собою въ безграничную, подернутую фіолетовою дымкой, задумчивую даль... Можетъ быть, туда, гдѣ она искала душу красивой мельниковой дочки?...

Какими чарами вызывалъ Охримъ въ своей простой дудкѣ такіе звуки,—осталось его тай-

ной; что за власть и сила крылись въ нихъ,— я не знаю; но я живо помню, что дѣлали они съ моей дѣтскою душой... Предо мною почему-то вставала вся облитая багровымъ свѣтомъ заката далекая, турецкая Кафа, о которой поетъ слѣпой лирникъ, гдѣ стонали о „тыхыхъ зоряхъ“ родной Украины бѣдные невольники казаки въ желѣзныхъ путахъ,—и мнѣ хотѣлось тогда стонать вмѣстѣ съ ними,.. Эти звуки разворачивали предъ моимъ духовнымъ окомъ, какъ свитокъ, безграничную зелень Великаго Луга, гдѣ жалобно клекочетъ степная орлица, тщетно сзывая, какъ въ пѣсняхъ, непробудно заснувшихъ казаковъ,—и мнѣ хотѣлось тоже клекотать вмѣстѣ съ нею .. Я видѣлъ, наконецъ, какъ въ волнахъ голубого эѳира ныряла бѣдная чайка; я слышалъ, какъ она рыдала, что „вывела дитокъ на бытій дорози“,—и меня неудержимо влекло рыдать вмѣстѣ съ чайкой... влекло до того, что я плакалъ.

— На що... на що, Горпыно, винъ такъ грае?!—взволнованно, точно жаловался я, хватаясь за ея запаску.

— Цыть-те, панычыку, цыть-те!—чуть слышно шептала мнѣ въ отвѣтъ очарованная Горпына:—послухайте! Такъ ему уже Богъ давъ!

Развѣ, что Богъ!...

Я и теперь еще живо и ясно помню наши встрѣчи... И теперь еще пышетъ на меня багровое тепло ночного костра, въ которомъ печется нашъ картофель, пока мы ведемъ свои

бесѣды подъ чернымъ пологомъ неба, усыпаннаго звѣздами. Отъ яркаго пламени костра еще чернѣе кажется темное небо, еще гуще становится налегшая на землю ночная мгла, изъ которой рѣзко вырисовывается пылающій профиль Охрима. Онъ крѣпко сжалъ руками ярко освѣщенныя колѣни, его брови сдвинуты, плотно стиснутая губами люлька совсѣмъ погасла, его темные глаза неподвижно устремлены въ пылающее пламя... Что онъ тамъ видитъ, о чемъ думаетъ?—я не знаю!... Онъ вспоминаетъ, можетъ быть, прошлое,—другое пламя, что пылало въ немъ, въ немъ самомъ когда-то,—пылало... и разсыпалось пепломъ, какъ сухой валежникъ?... Или онъ видитъ бранный станъ лихихъ запорожцевъ, о которыхъ поетъ въ своихъ пѣсняхъ,—видитъ и ждетъ условнаго „пугу“, чтобы, вскочивъ на „вороного“, умчаться птицей... нѣтъ,—что птицей?!—вихремъ умчаться въ безгранично вольныя степи и вздохнуть въ нихъ,—о, такъ сладко вздохнуть!—полною грудью!... Я не знаю и не хочу знать!.. Трещитъ, разсыпая искры, яркое пламя, тихо пофыркиваютъ пасущіеся кони, глубоко и протяжно вздыхаютъ во мракѣ волы... Молчитъ Охримъ и я самъ молчу, весь истомленный этою нѣгой лѣтней ночи, ея душистою мглой, этимъ багровымъ тепломъ костра, этою цѣпью видѣній, грезъ, какихъ-то неясныхъ обрывковъ, что̀ смутно проносятся въ головѣ, навѣянные ночью...

— Гляди, Охримъ, гляди!... Вонъ скатилась звѣздочка!..

— Это не звѣздочка, панычу!—увѣренно поучаетъ Охримъ, посасывая люльку и надавливая золу пальцемъ, не поворачиваясь и не глядя на меня.—Это не звѣздочка... это дитя родилось на свѣтъ...

— Дитя родилось?!

— Эге-жъ! Это Господь посылаетъ ему душу... Вотъ какъ!

— Отчего же онѣ разныя?—заинтересованный, страстно спрашиваю я Охрима.—Отчего-же одна бѣлая, другая бываетъ красная, а то и синеватая.

— Про то Господь знаетъ!—говоритъ онъ, не мѣняя позы, тѣмъ же докторальнымъ, не знающимъ сомнѣній тономъ.—Люди не могутъ знать! Опять же мужская душа и женская!... Все же разница...

Да, конечно! Все это такъ понятно, такъ ясно, и мнѣ дѣлается какъ-то покойно, что именно такъ оно, а не иначе на свѣтѣ.

Во все посвящалъ меня Охримъ въ эти ночи,—весь міръ, загадочный и чудный, открывалъ предо мною въ какой-то стройной, красивой поэмѣ. Я узналъ всѣ легенды, всѣ преданья, я услышалъ чудныя пѣсни, которыя въ живыхъ образахъ воскрешали мнѣ таинственное прошлое, я услышалъ живой говоръ человѣка съ природою той поры еще, когда онъ не покорилъ ее для наживы и обмана, а жилъ

съ нею, какъ братъ съ сестрою. Я полнѣе узналъ, наконецъ, что мучитъ, печалитъ и радуетъ человѣческую душу, узналъ многое такое, отъ чего замирало мое сердце! И еще шире раскрылось оно,—шире чѣмъ тогда,—на волѣ, и еще глубже, еще страстнѣе забилось оно любовью... И если теперь даже, теперь, когда жизнь такъ жестоко истоптала все, чѣмъ оно билось, когда въ душѣ она не оставила ни одного мѣста, не обожженнаго слезою, когда она даже рѣчь мою сумѣла замѣнить другою,—если и теперь еще въ моемъ сердцѣ тлѣетъ хоть одна теплая искра, то она, навѣрное, запала туда изъ багроваго костра въ эти волшебныя ночи!...

— А ты не боишься лѣса... одинъ... ночью?

— Чего же мнѣ бояться?...—уклончиво и какъ бы въ раздумьи цѣдитъ Охримъ сквозь стиснувшіе люльку зубы.

— А страхи! Развѣ нѣтъ въ лѣсу страховъ?

— Какъ нѣтъ?—есть! Вездѣ, панычыку, есть страхи... Только бояться мнѣ ихъ нечего,—крестъ на мнѣ и живу я въ правдѣ!

— А кто же живетъ въ неправдѣ?

— Ляхи живутъ въ неправдѣ... паны!—говоритъ Охримъ, сплевывая въ сторону.—Всякій, кто обижаетъ другого, зло дѣлаетъ, завидуетъ...

— А ты не завидуешь, Охримъ? — наивно спрашиваю я его.

— Нѣтъ, панычыку, я никому не завидую.

— А хотѣлъ бы ты быть паномъ?

— Паномъ?... И паномъ не хотѣлъ бы я быть!— послѣ нѣкотораго раздумья твердо отвѣчаетъ Охримъ.—На что мнѣ панство? Тѣлу оно въ сладость, за то душѣ на сгубу! Такъ, панычыку.... Въ лѣсу оно лучше: солнце тебя грѣетъ, пташка всякая поетъ, и живешь ты себѣ въ правдѣ... Развѣ нехорошо здѣсь, панычыку?

Каждымъ фибромъ своимъ чувствую я правоту Охрима и въ то же время больной, щемящій червь заползаетъ мнѣ въ душу и румянитъ во мглѣ мои щеки.

— А я, вѣдь, панычъ, Охримъ!—не то стыдясь, не то съ болью, какъ-то робко шепчутъ мои уста.

Чуткій Охримъ понялъ меня сразу и говоритъ мнѣ ласково и нѣжно, точно извиняясь:

— Что-жъ, что панычъ? Это Божья воля... И Савлъ былъ паномъ, а сталъ святымъ апостоломъ. И дѣдусь вашъ живетъ въ правдѣ и всѣ люди его любятъ и уважаютъ, даромъ что панъ. Только бы душу не сгубилъ въ панствѣ,—вотъ оно что, панычыку!

О, нѣтъ!.. я не сгублю ее!.. И я клянусь въ томъ и ему, и темной ночи, и звѣздному небу!.. Я не сгублю ее, какъ не сгубилъ Охримъ, не сгубилъ дѣдусь, не сгубили всѣ тѣ, что почили въ этихъ высокихъ могилахъ за родную землю. И когда я выросту и окрѣпну, я стану весь на сторонѣ такихъ чистыхъ душою, какъ Охримъ, и пойду за нимъ противъ „ляховъ“...

Да, я пойду!.. чего бы это мнѣ ни стоило!.. Пусть они готовятъ свои жаровни, на которыхъ жгли казаковъ, пусть изобрѣтаютъ что-нибудь другое, болѣе утонченное, болѣе жестокое,—я не сдамся! А если мнѣ станетъ тяжело, не подъ силу, если стонъ будетъ вырываться самъ собою,—я, какъ Гонта, облегчу себя вздохомъ, молитвою за родную Украину!..

— Да, да, Охримъ!—страстно клянусь я ему на его мягкій, ласкающій, полный благодарности взглядъ:—ты увидишь!

Какъ бы въ отвѣтъ на мои клятвы, онъ вынимаетъ свою волшебную сопилку и начинаетъ играть на ней что-то такое чудное, что я, кажется, росту и крѣпну подъ эти чарующіе звуки...

Въ одну изъ такихъ ночей Охримъ разсказалъ мнѣ легенду. Много я слышалъ уже легендъ, многія чаровали уже меня своею красотой и драматизмомъ, но эта поразила всѣхъ сильнѣе,—поразила до того, что я почти бредилъ ею!.. И теперь еще, когда я ее вспомню, когда предо мною встанетъ образъ несчастной панны, глубоко любящей, но обреченной всегда вѣщать одно горе, мнѣ становится жутко и глубокая скорбь сжимаетъ мое сердце... Желать одного добра и приносить одно горе! Да есть ли что-нибудь на свѣтѣ полное большаго ужаса, болѣе глубокаго драматизма, болѣе жгучей скорби?!... Ничего такого нѣтъ въ дантовскомъ „Адѣ“,—воображаніе великаго поэта

было безсильно создать подобную муку!.. Ее могло создать только творчество цѣлаго народа, вѣками искусившагося въ мукахъ!

Помню, я прибѣжалъ къ костру запыхавшись, горя нетерпѣніемъ скорѣй сообщить Охриму жгучую новость...

— Охримъ! ты хотѣлъ бы быть вольнымъ?!

— Вольнымъ? — какъ-то усмѣхнулся Охримъ.—Кто-жъ, панычыку, не хочетъ быть вольнымъ?! Всякая тварь Божья: малая птица, звѣрь въ лѣсу, рыба въ водѣ,—всѣ хотятъ... Какъ же не хотѣть человѣку?

И онъ угрюмо свѣсилъ голову, точно вопросъ мой давилъ его какимъ-то тайнымъ искушеніемъ.

— Такъ ты будешь вольнымъ!... Всѣ, всѣ будете вольными! Я слышалъ, какъ дѣдусь говорилъ, что скоро объявятъ волю...

— Слышно въ народѣ!—нерѣшительно протянулъ Охримъ, поднявъ вдругъ голову, но глаза его ясно блеснули.—Слышно!... Пошли Господь бѣлому царю счастье и здоровье! Великое это будетъ дѣло, панычыку!—И онъ набожно перекрестился.

— Да, Охримъ,—это правда! Дѣдусь говорилъ, что скоро уже будетъ воля... Скоро!...

Охримъ не отвѣтилъ, онъ только вздохнулъ, но этотъ вздохъ былъ могучѣе и краснорѣчивѣе всякаго слова. Этотъ вздохъ, казалось мнѣ, поднялся къ черному небу и отъ него задрожали свѣтлыя звѣзды. Онъ разбу-

дилъ дремавшее эхо мрачнаго лѣса и лѣсъ, казалось, тоже вздохнулъ въ отвѣтъ тысячегрудымъ вздохомъ. Онъ пронесся въ даль,— и точно вся даль вздохнула!.. Онъ глубоко проникъ въ мое дѣтское сердце и расплылся тамъ горячею скорбью. Мнѣ стало невыразимо жаль Охрима...

— Охримъ!—и, повинуясь безотчетному порыву, я обнялъ его загорѣлую шею дѣтскими руками. Лихорадочными устами я шепталъ ему страстныя, любовныя рѣчи и возбужденное ухо мое чутко ловило громкіе удары его сердца въ отвѣтъ на этотъ шепотъ. Мнѣ казалось, что самъ я какъ-то исчезаю, что въ этотъ моментъ я нераздѣльно сливаюсь съ Охримомъ въ одно цѣлое, общее, какъ два ручья сливаются въ одномъ рѣчномъ ложѣ. Сдержанному, всегда одинокому Охриму стала, наконецъ, не подъ силу эта необычная нѣга ласки!...

— Эге-ге, милый панычыку! а не поспѣлъ ли нашъ картофель?!—весь взволнованный, крѣпко прижимая меня къ себѣ сильною, но дрожавшею рукой, спросилъ онъ, чтобы отогнать отъ себя этимъ вопросомъ сладкій, околдовывавшій кошмаръ.

Мы ѣдимъ горячій картофель и разнѣженный Охримъ, какъ бы платя за ласку, разсказываетъ мнѣ свои чудныя легенды. Я слушаю повѣсть о жестокомъ панѣ, обратившемъ въ раба родного брата, за что правосудный Богъ

превратилъ его послѣ смерти въ дикій камень, вѣчно неподвижный, холодный и мрачный, и навѣки-вѣчные поставилъ стоять, какъ знаменіе своего гнѣва, за Збручемъ, на одной изъ угрюмыхъ вершинъ Карпатовъ. Я слушаю, какъ свѣтлая луна, по Божьему слову, отпечатлѣла на себѣ образъ первороднаго грѣха, чтобы люди никогда его не забыли. Я узнаю, какъ страшно, дико, леденя на смерть, можетъ хохотать угрюмый боръ темною ночью...

— Какъ?! Лѣсъ можетъ смѣяться?!

— Эге, панычыку!.. можетъ!—увѣренно и твердо говоритъ Охримъ, затягиваясь люлькой.— Все можетъ: и смѣяться можетъ, и стонать, и плакать!.. Только не дай Богъ никому слышать, какъ лѣсъ смѣется! Страшный этотъ смѣхъ! Былъ одинъ человѣкъ, что не вѣрилъ, такъ Богъ и наказалъ его: шелъ онъ разъ ночью и услышалъ... Ну, и умеръ онъ отъ того смѣха...

— Какъ же лѣсъ смѣется, Охримъ?...

— Богъ его знаетъ, панычыку!.. Я, слава Богу, не слышалъ, только люди говорятъ, что страшно!... Говорятъ, такъ, вдругъ... Тихо, тихо... а тутъ сразу что-то засмѣется, да и пойдетъ, да и пойдетъ по всему лѣсу. Каждое дерево, панычыку, смѣется, кождый кусточекъ, каждая травка. Говорятъ, лѣсныя дивчата играютъ это...

— А ты видѣлъ ихъ, Охримъ? — охваченный жгучимъ интересомъ, въ которомъ сквo-

зитъ страхъ, почти шепотомъ спрашиваю я Охрима.

— Нѣтъ, не доводилось, слава тебѣ Господи! А вотъ покойникъ Панасъ, панычыку, что на печи у васъ умеръ,—царство ему небесное!—тотъ, говорятъ, Бѣлую Панну видѣлъ передъ войною!...

— Какую Бѣлую Панну?—весь замирая, спрашиваю я.

— Что бѣду вѣщуетъ!... Развѣ не слыхали, панычыку? Нѣтъ?! Ну, такъ послухайте...

И снова набивъ свою люльку, онъ разсказалъ мнѣ эту дивную легенду.

Онъ разсказалъ мнѣ, какъ давно-давно,—еще за Польшу,—на крутой горѣ стоялъ мрачный замокъ и жила въ немъ злая пани, запродавшая нечистому свою душу... Онъ разсказалъ, какой хитрый уговоръ сдѣлала злая пани, поставивъ нечистому условіе, что взять ее онъ можетъ только, когда опадутъ всѣ до единой зеленыя иглы ея молоденькой елки и только въ оградѣ ея замка... И она вѣчно держала ворота настежь, чтобы бѣжать при первой опасности... А ея молоденькая дочка ничего про все это не знала...

— Она была тоже злая?—перебиваю я Охрима.

— Нѣтъ, панычыку,—она была добрая, какъ мать ея была злою, и такая красивая, что и у короля не было такой красивой королевны. Когда она смѣялась, панычыку, то и все съ нею смѣялось...

— И пани крѣпко холила свою елку, но разъ должна была отлучиться по какому-то нечистому дѣлу...— говорилъ дальше Охримъ.— И строго наказала она крѣпко любившей свою мать дочкѣ:

„Поливай мою елку ключевою водою
И ходи ты за нею, какъ сестра за сестрою...“

— А если бы,—приказывала дальше мать:— у елки опали зеленыя иглы, ты выйди на встрѣчу мнѣ въ черномъ... Помни же, дочка: вся въ черномъ!...

— Зачѣмъ, Охримъ?—спрашиваю я, затаивъ дыханіе.— Чтобы дать ей этимъ знакъ?

— Эге-жъ, панычыку... Ось, слухайте!... И дочка ходила, — говорилъ Охримъ: — за елкой, какъ сестра, и поливала ее водою... Но къ ужасу ея, разъ, всѣ зеленыя иглы сразу опали отъ сильной бури... Не знала панна, что это значитъ, и крѣпко тужила. И подумала тутъ же своимъ добрымъ сердцемъ: „Зачѣмъ ей огорчать любимую мать еще издалека!... Нѣтъ,—пусть лучше въѣдетъ она въ свой замокъ съ ясною душой! Не одѣнетъ она чернаго платья!“... И, завидѣвъ мать издалека, вышла къ ней въ бѣломъ...

— Ну, что-жъ?!—тороплю я Охрима.

— Ну, и въѣхала,—говорилъ онъ:—пани веселая, но, завидѣвъ голую елку, задрожала, посинѣла и пропала вмѣстѣ съ замкомъ и горою... Но прежде она прокляла свою дочку: накинулась на нее съ пѣной, назвала ехид-

ной, и, какъ ни плакала, какъ ни молила дочка, положила на нее страшное заклятіе...

— Иди же, ехидно!—сказала мать:—и вѣщай всѣмъ людямъ одно горе вся въ бѣломъ, какъ ты его мнѣ провѣщала!—Съ той поры и убѣжала прелестная панна въ лѣсную чащу...

— Зачѣмъ же, Охримъ, зачѣмъ же убѣжала она въ лѣсную чащу?—спрашиваю я, задыхаясь...

— А потому, панычыку, что она добрая и жалко ей людей... Какъ только кто увидитъ ее, такъ и настанетъ большое горе, потому она и прячется отъ всѣхъ въ дремучей чащѣ... прячется и все плачетъ...

— И навсегда это, Орхимъ?

— Навѣки, панычыку! Говорятъ люди, что если бы кто встрѣтилъ ее и пожалѣлъ, такъ кончились бы ея муки!..

— Неужели-жъ, Охримъ, никто ее не пожалѣетъ?!

— Никто, панычыку, ибо всякій ее боится и бѣжитъ отъ нея... А кого боятся люди, того они не жалѣютъ!..

. . . . . .

Меня душили жгучія слезы... Бѣдная панна! Такая добрая, прелестная и обрученная на одно зло и горе!... Какъ опьяненный, шелъ я домой, упорно всматриваясь въ темную мглу, въ надеждѣ увидѣть несчастную. Въ ту минуту мнѣ, навѣрное, не стало бы страшно и я пожалѣлъ бы ее всѣмъ сердцемъ... Горькая

судьба бѣдной панны не выходила, затѣмъ, изъ головы у меня, даже когда я зубрилъ латинскую грамматику или слушалъ объясненіе дѣленія многочленовъ, почему и удивлялъ Ивана Семеновича своею разсѣянностью. Мнѣ какъ-то особенно жутко хотѣлось встрѣтиться съ панной и, помню, я сильно завидовалъ удачѣ Панаса...—Можетъ быть, я испугался бы, но все-таки пожалѣлъ бы ее!—думалось мнѣ. Почему-то она вызвала въ моемъ представленіи образъ той... что тогда... на плотинѣ... образъ той, которую давно уже смутно искало мое сердце, хотя я и никогда не признался бы въ этомъ!.. Можетъ быть, для другого образа въ моемъ сердцѣ уже не было и мѣста?!..

ГЛАВА IX.

Бѣлая панна.

И я ее увидѣлъ!..

Но до того многое успѣло уже измѣниться въ свѣтѣ: многое успѣло рухнуть, точно въ пропасть, не замутивъ даже рябью спокойную на видъ поверхность жизненнаго моря, многое успѣло народиться, чего никогда и не было на свѣтѣ. Великое дѣло, какъ называлъ его Охримъ, — совершилось: народъ сталъ вольнымъ. Воля, за которую вѣками билась Украина и съ ляхами, и съ туркомъ, изъ-за

которой когда-то разорвала на-двое древнюю Польшу и соединилась съ единовѣрною Москвой,—стала, наконецъ, фактомъ. И какъ сильный дождь изнывшую отъ зноя и жажды спаленную степь, она подняла, освѣжила и укрѣпила всѣ ростки жизни, что таились глубоко-глубоко въ изнывавшемъ, изможденномъ народѣ.

Какъ все это произошло,—подробно теперь не помню. Слишкомъ много лѣтъ и еще неизмѣримо больше впечатлѣній легло уже между мною и тѣмъ моментомъ, который видѣли мои дѣтскія очи. Потому-то и встаетъ онъ теперь въ моемъ воспоминаніи, какъ долгій-долгій весенній праздникъ, полный всеобщаго ликованья и счастья. Сама природа точно ликовала тогда съ народомъ,—по крайней мѣрѣ, изъ моей памяти совсѣмъ исчезли какъ-то зима и осень, точно въ томъ году ихъ и не было вовсе! Какъ ребенокъ, и къ тому же очень нервный, я схватилъ только самыя сильныя, общія впечатлѣнія,—оттого я и помню только ясное вёдро природы и счастливое ликованіе народа.

Да, все окрестъ ликовало! Но въ палатахъ магнатовъ, въ усадьбахъ шляхты творилссь что-то другое,—тамъ не было ликованья и счастья. Оттуда несло какою-то смутой и тревогой, какою-то загадочною тайной и угрозой. Тамъ собирались таинственные съѣзды, шли банкеты, на которые съѣзжались откуда-то невиданные доселѣ въ краѣ люди, шли какіе-

то странные толки о дѣлахъ въ Варшавѣ. Шляхта одѣлась въ старинныя чамарки, шляхтянки стали носить только траурныя платья, точно вновь свидѣтельствуя этимъ свою рознь съ народомъ. Даже Янкель сталъ какимъ-то таинственнымъ и скрытнымъ. Дѣдъ все это видѣлъ, понималъ, конечно, хмурился и укоризненно качалъ головою.

— Ничему не научилась еще эта Варшава!— вѣчно бормоталъ онъ въ свои длинные усы, глядя подчасъ въ окно на суету въ замкѣ:— а пора бы, кажется! Охъ, пора бы!

Чему было бы пора научиться Варшавѣ,— я не понималъ еще тогда, но я скоро узналъ, что значитъ это оживленіе шляхты. Въ той средѣ, къ которой я былъ такъ близко,—въ средѣ народа,—тоже шли свои толки. Тамъ тоже все видѣли и по-своему знали, что это шляхта готовится бунтовать противъ народной воли. И грозно сдвигались тамъ брови, сумрачны становились лица, страшною угрозой дышали взоры. Зорко слѣдили оттуда за шляхтой, такъ зорко, что самый легкій вздохъ даже не прошелъ бы незамѣтнымъ, и напряженно ждали... Ждали, что съ высоты самаго высокаго на свѣтѣ золотого трона, который, какъ небо звѣздами, усыпанъ весь миріадами драгоцѣнныхъ каменьевъ, что съ высоты этого трона, провѣщавшаго народу волю, раздастся призывъ,—нѣтъ, что призывъ?!..—одно движеніе, одинъ только намекъ на него и... и... и, ко-

нечно, „отъ Случи до Чернаго моря“ исчезла бы самая память о „ляхахъ“. Пыль засыпала бы тѣ мѣста, гдѣ стояли гордые замки важныхъ магнатовъ... подорожникъ зеленѣлъ бы на мѣстахъ шляхетскихъ усадьбъ... О, хорошо помнила Украина уроки своего прошлаго!

— Не хочетъ царь позволить намъ самимъ усмирить ляховъ!—говорилъ мнѣ со вздохомъ Охримъ.—Видно, жалко царскому сердцу и ляховъ... Все-жъ, вѣдь, и они тоже ему дѣти!... А мы бы!...

А суета шляхты все росла и росла. Въ костелахъ стали пѣть неслыханные доселѣ гимны, по дорогамъ запрыгали таратайки то съ молчаливыми, сосредоточенными ксендзами, то съ молодыми шляхтичами, одѣтыми въ старопольское платье, старавшимися брататься съ ненавидѣвшимъ ихъ народомъ,—можетъ быть, даже искренно въ тотъ моментъ, но совершенно неудачно. Дѣдъ хмурился все сильнѣе, тѣмъ больше, что народъ то и дѣло прибѣгалъ къ нему за совѣтами, что дѣлать въ виду затѣй шляхты, въ виду слуховъ о готовившемся возстаніи въ Варшавѣ, съ опасеніемъ о судьбѣ своей воли.

— Охъ! видно придется намъ еще разъ побить въ Украинѣ ляховъ!—вырвалось у него, помню, какъ-то невзначай послѣ одной изъ бесѣдъ съ народомъ.

Разъ, я спалъ уже въ своей постели, когда къ крыльцу дома неожиданно подкатила одна

изъ такихъ таратаекъ; изъ нея выскочилъ никому неизвѣстный молодой шляхтичъ и пошелъ къ дѣду. Долго они бесѣдовали о чемъ-то, то тихо, то громко, но, наконецъ, дѣдъ сталъ говорить такъ сердито, что я въ удивленіи проснулся... Комната дѣда приходилась рядомъ съ моей спальней.

— Одно-жъ у насъ небо, одна-жъ земля насъ вскормила!—коснулись моего слуха слова незнакомца, сказанныя такимъ тономъ, точно онъ въ чемъ-то убѣждалъ дѣда.

— Что-жъ изъ этого?—возразилъ твердо дѣдъ.—Въ одной водѣ, пане, живутъ карась и щука... Развѣ не знаете?...

— Такъ, положимъ... Но, вѣдь, мы оба любимъ одну и ту же Украину!...—горячился шляхтичъ.

— Любимъ-то, любимъ... Да вотъ бѣда, пане: любимъ мы разно.

— Какъ?!—не то вспыхнулъ, не то улыбнулся иронически незнакомецъ.

— А такъ, пане!—совсѣмъ уже грозно отвѣтилъ дѣдъ.—Общаго нѣтъ у насъ съ вами... Мы подѣлились еще за время рѣчи Посполитой, которую и мы же порвали, а порвали мы ее потому, что согласиться не могли, что у каждаго изъ насъ было нѣчто свое, что ставило насъ другъ противъ друга... Вы любили свое, а мы свое...

— Что же это такое?—я не понимаю... Недоразумѣнія, что ли?—удивлялся гость, а мнѣ

показалось, что онъ вновь иронически улыбнулся.

— Хороши недоразумѣнія, нечего сказать!..— засмѣялся дѣдъ.—Народническая Русь и шляхетская Польша!.. Да вѣдь это огонь и вода, пане!... Двумъ разнымъ богамъ молились мы съ вами, вотъ что насъ подѣлило! И знаете, пане, что пока такъ стоитъ дѣло, не будетъ между нами мира и общаго!... Прислушайтесь-ка къ толкамъ народа!... Пока вы будете смотрѣть тѣми же шляхетскими глазами,—вся Русь, весь народъ ея...

— Народъ?! — съ досадой, казалось мнѣ, вновь перебилъ гость.—Народъ—стадо!... Кто пообѣщаетъ ему лучшее сѣно, за тѣмъ оно и пойдетъ!...

— Стадо?!—крикнулъ дѣдъ.—Вотъ тутъ-то и разница между нами, пане! Для васъ онъ только стадо, для меня—онъ все на свѣтѣ! И знаете что, пане, послушайте моего совѣта... жалко мнѣ васъ!—не трогайте вы это стадо, охъ, не трогайте!... Бросьте свои затѣи въ Украинѣ, которыя въ конецъ васъ погубятъ!... Вѣдь это-жъ не Польша,—здѣсь только магнаты поляки,—а народъ... Послушайте, пане,—если бы этому народу вы предложили брилліантовую гору отъ земли до неба, и тогда онъ будетъ, какъ милости, ждать позволенія—стереть съ земли самое мѣсто, гдѣ стоитъ Варшава,—такъ онъ помнитъ прошлое .. Вотъ оно какъ, пане!..

— Я могу согласиться только на томъ, что онъ такой же теперь, пожалуй, варваръ, какимъ былъ, когда поднялъ бунтъ и противъ цивилизаціи, противъ культуры древней Польши!..— ѣдко возразилъ гость и не кончилъ, ибо въ этотъ самый моментъ неожиданно появился я на порогѣ, и, щурясь отъ свѣта, сталъ съ удивленіемъ разглядывать незнакомца.

— Ты какъ здѣсь?!— съ удивленіемъ спросилъ дѣдъ, проглотивъ готовое было сорваться въ отвѣтъ гостю слово.

— Я проснулся, дѣдусю...

— Вижу... Чего-жъ тебѣ надо?..

— Ничего, дѣдусю! Я такъ...

— Ты слышалъ, о чемъ мы говорили?

— Да, дѣдусь! Я слышалъ, какъ ты говорилъ, что народъ хотѣлъ бы побить Варшаву...

— Ну, а ты какъ думаешь? — усмѣхнулся дѣдъ, которому всегда пріятно было меня видѣть.

— Я тоже хотѣлъ бы, дѣдусь!—отвѣчалъ я искренно, смотря на улыбавшагося насмѣшливо гостя.

— Ну, а пока иди спать!...

Эту сцену помню я живо, хотя много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а сущность самаго разговора стала мнѣ ясна только впослѣдствіи изъ разсказовъ самого дѣда, когда я сталъ постарше. Но я и теперь, кажется, вижу высокую, разгнѣванную фигуру дѣда, готоваго было крикнуть съ ироніей: „да, до сихъ поръ, пане,

помнимъ мы вашу шляхетскую цивилизацію!“ — и насмѣшливо улыбавшееся лицо молодого шляхтича. Я ушелъ спать, гость уѣхалъ; но съ тѣхъ поръ дѣду просто житья не стало отъ сосѣдняго шляхетства: его травили всѣмъ и чѣмъ могли только, какъ самаго злѣйшаго врага; его почти открыто звали „гайдамацкой собакой“ и не было той клеветы, что̀ не сыпалась бы на его честную, сѣдую голову... Дѣдъ молчалъ, только хмурился сильнѣе,— за то я страдалъ и кипятился за него, дѣля свое негодованіе съ Охримомъ, съ кучеромъ Панькомъ и съ другими своими знакомцами-друзьями. Разъ, когда на дѣда посыпались со всѣхъ сторонъ угрозы,—сначала его старались выставить бунтовщикомъ народа въ глазахъ власти, и это чуть не удалось было, а затѣмъ стали грозить ему смертью, — онъ позвалъ Панька и велѣлъ ему отточить завѣтную саблю.

— Отточи-ка, Панько, гетманку!...

Панько отточилъ ее, какъ бритву, и, показывая мнѣ чистый, сверкавшій клинокъ, произнесъ съ какою-то гордою похвальбой:

— А у меня, панычу, давно ужъ есть „точэный“...

— Что такое?...

Панько съ гордостью вытащилъ длинный ножъ и, точно любуясь имъ, сказалъ какъ-то задыхаясь:

— Глядите, паныченьку!... Охъ, если бы только вздумали понавѣдаться сюда вражьи ляхи!

Я по самый локоть всадилъ бы его въ ихъ панское сердце съ рукою... Такъ всадилъ бы, панычыку!.. ахъ, какъ всадилъ бы!

А у пастуха Охрима давно уже была заготовлена тяжелая, сучковатая дубинка...

Но и все это время я никогда не разставался съ своими грезами о чудной Бѣлой Паннѣ, которая по-прежнему какъ-то странно соединялась въ моемъ представленіи съ образомъ дивной полячки изъ замка. Меня точно околдовалъ этотъ образъ, тянулъ къ себѣ какою-то невидимою, но крѣпкою нитью и, какъ ни билось мое сердечко страхомъ, какъ ни блѣднѣли подчасъ мои щеки, я не могъ совладать въ этимъ влеченьемъ: я шелъ за нимъ, не смотря на страхъ и тревогу, въ самыя густыя заросли лѣса... Казалось, въ самомъ страхѣ, въ самой тревогѣ моей крылась какая-то чарующая прелесть, мимо воли толкавшая меня впередъ и впередъ, и я шелъ, замирая, какъ нѣкогда выслѣживалъ русалокъ въ темныя ночи... Много дней пробродилъ уже я, много новыхъ тропъ проложилъ въ чащѣ и много нашелъ я скрытыхъ ущелій, темныхъ пещеръ и разсѣлинъ въ лѣсистыхъ скалахъ, гдѣ, кажется, должны бы были ютиться самые невообразимые страхи; но все было тщетно,—меня тоже бѣжала чудная панна...

Но разъ, тихимъ вечеромъ, на самомъ закатѣ, когда лѣсъ одѣлся какимъ-то стыдливо-грустнымъ румянцемъ, съ которымъ спорили,

волнуясь, свѣтло-фіолетовые тоны надвигавшихся сумерекъ, я лежалъ въ густой чащѣ... Я лежалъ и смотрѣлъ безцѣльно вверхъ, ни о чемъ не думая, нечего не ожидая, слѣдя глазами за дымною тучкой, таявшей въ пылавшемъ небѣ, какъ таетъ безъ слѣда снѣжинка, занесенная случайно къ багровому свѣту камина. Все было тихо, все отдыхало или собиралось на отдыхъ, только ворона каркнула гдѣ-то... И вдругъ я увидѣлъ!..

Нѣтъ,—сначала я услышалъ только шорохъ за кустами, тамъ, гдѣ виднѣлась зеленая полянка, такой легкій шорохъ, точно поднявшаяся птичка всколыхнула тонкую вѣтку, точно чей-то легкій вздохъ пронесся по зеленой кущѣ вдругъ задрожавшихъ листьевъ... Я невольно повернулъ глаза, невольно вглядѣлся сквозь листья и вѣтви,—и замеръ... Замеръ весь, какъ лежалъ, съ заложенными подъ голову руками, съ поднятою дыханьемъ грудью, съ замолчавшимъ сердцемъ... Я увидѣлъ бѣлое... бѣлое платье!...

Да, тамъ, за кустами, стояла Бѣлая Панна, грустная, печальная вѣщунья, рѣзко выдѣляясь въ тихо дрожавшей вечерней дымкѣ... Багрово-золотые лучи исчезавшаго солнца, пробираясь сквозь чащу неподвижнаго лѣса, играли пурпуромъ и златомъ на складкахъ ея легкаго, бѣлаго платья, свѣтили ея золотистыя кудри, охватывали всю ее какою-то дрожавшею волной свѣта! И она сама, легкая

и прелестная, дрожала, кажется, свѣтясь, вмѣстѣ съ вечернею дымкой, съ волною врывавшагося свѣта. Я не вѣрилъ себѣ и въ то же время видѣлъ.... я замеръ въ ужасѣ и въ то же время смотрѣлъ, смотрѣлъ и смотрѣлъ... Что же она вѣщаетъ?! Какое и кому горе? Я боятся двинуться, чтобы не спугнуть чудное видѣнье...

И чѣмъ больше смотрѣлъ я, тѣмъ все шире раздвигались, казалось, мои зрачки, тѣмъ все больше жгучее недоумѣніе смѣняло мой ужасъ. Видѣніе, — эта заколдованная Бѣлая Панна,—поразительно, какъ двѣ капли воды, походила на тотъ мимо воли обожаемый образъ, которымъ давно трепетало мое сердечко, который съ какою-то жгучею властью всегда виталъ предо мною и какъ ядъ грѣха, въ которомъ я самъ себѣ боялся признаться, впитался въ мою дѣтскую душу... Да, и раньше я подозрѣвалъ это сходство, и раньше онѣ обѣ соединялись въ моемъ воображеніи въ одно цѣлое, въ одинъ образъ, но теперь это было живое воплощеніе, а не сходство: предо мною дѣйствительно, казалось, стояла чудная полячка... эти золотыя кудри, глаза, эти брови... эта пышная грудь, на которой дрожитъ бѣлая роза! Сонъ ли это или правда, видѣніе или это дѣйствительно она,—панна изъ замка, съ которою такъ давно уже и такъ страстно, хотя и смутно, безотчетно желалъ я новой встрѣчи!?.. Но зачѣмъ же пришла она сюда?!..

Не меня же искать въ лѣсной чащѣ... Или... или... Неужели же чудная полячка только—привидѣніе? неужели она сама—Бѣлая Панна?..

Мои недоумѣнія разлетѣлись мигомъ, а сердце въ тотъ же моментъ сжалось болью и какимъ-то новымъ, неизвѣстнымъ еще, но тяжелымъ чувствомъ... Туманъ очарованія исчезъ, какъ только у ногъ дивнаго видѣнья очутился тотъ самый шляхтичъ, что пріѣзжалъ ночью къ дѣду, что, по словамъ Янкеля, былъ влюбленъ въ молодую графиню, какъ сумасшедшій,—и это видѣнье его не бѣжало... Да, это была полячка изъ замка; сомнѣній не было, а это былъ онъ... тотъ шляхтичъ!.. И, разглядѣвъ все, я почувствовалъ, какъ вспыхнули вдругъ мои щеки, какъ загорѣлись мои глаза какимъ-то нехорошимъ огнемъ, а грудь заходила неровно...

Тотъ стоялъ у ея ногъ, цѣловалъ ея руки и шепталъ ей какія-то тихія, неслышныя рѣчи... Она не отнимала рукъ, она стояла неподвижно, молча, прелестная, бѣлая, почти прозрачная, какъ дымка, какъ бѣлая весенняя тучка въ голубомъ небѣ, блѣдная и грустная... Только грудь ея колыхалась, только крупныя слезы медленно струились по ея застывшимъ, какъ мраморъ, щекамъ!..

— И ты пойдешь?!

— Конечно, пойду.... долженъ! — отвѣтилъ шляхтичъ.—Всѣ идутъ и твой старшій братъ съ нами!..

— Знаю!—вырвалось у панны, но то, что вырвалось, походило скорѣе на вздохъ, чѣмъ на слово.

— Ты не хочешь?! Ты все еще не вѣришь въ наше дѣло?!

— Нѣтъ... не вѣрю!—качнула головкой панна.

— Не вѣришь?!.. когда за насъ Европа?

— Европа! — горько отвѣтила панна. — Не тотъ ли нѣмецъ, что совсѣмъ онѣмечилъ Познань? Не трусливый ли австріякъ, что взялъ себѣ наши лучшія части и вѣчно дрожитъ за свою цѣлость?... Не они ли?!

— А Франція? Наполеонъ?!

Панна грустно покачала головою.

— Ничего не будетъ, кромѣ бѣды...

— Какъ?! ты не вѣришь?... Ты не слыхала развѣ, что сказалъ онъ маркизу?

— Слыхала, но я ему не вѣрю...

— Не вѣришь Наполеону? Почему?...

— Онъ намъ измѣнитъ, какъ только кровь прольется,—мы для него только шашки въ игрѣ съ Россіей... Онъ намъ измѣнитъ, какъ измѣнилъ своимъ, какъ измѣнилъ намъ его дядя...

— Ты говоришь о Великомъ?...

— Да, о немъ говорю. Развѣ не вѣрили ему наши?... Развѣ не гибли за него наши легіоны и въ Италіи, и въ Африкѣ, и вездѣ, куда его ни носило? Развѣ мало уже пролилось нашей крови изъ-за Наполеоновъ?.. а что же вышло? одно горе! Нѣтъ, я не вѣрю Наполеонамъ!...

И нечего намъ разсчитывать на кого бы то ни было, кромѣ самихъ себя,—иначе мы въ конецъ себя загубимъ!..

— Ты говоришь не какъ полька!—съ горечью и болью отвѣтилъ ей шляхтичъ.

— Да я и не полька, а украинка, какъ и ты не полякъ, а украинецъ! Но я, какъ и ты, люблю Польшу, я, какъ и ты, всосала эту любовь съ колыбели и, какъ у тебя,—у меня нѣтъ другой матери отчизны... Я готова погибнуть для нея даже безъ вѣры, что принесу ей этимъ пользу!.. И я не удерживаю тебя,—я говорю тебѣ сама: иди, разъ ты говоришь, что долженъ... Иди!..

Я дальше не слышалъ... Въ моихъ ушахъ звенѣло, что-то поднималось въ груди давящею, мучительною волной... Пара исчезла,—она двинулась по лѣсной тропѣ и потонула, какъ видѣнье, въ сумракѣ лѣсной чащи... Только платье зашуршало, да захрустѣлъ подъ ногами сухой валежникъ... А я все лежалъ и лежалъ, охваченный какою-то неясною, смутною, но тревожною мыслью... Мнѣ какъ будто страшно стало, что я держу въ рукахъ чужую тайну, какъ будто стыдно было, что я увидѣлъ то, чего никто не долженъ былъ видѣть. И вмѣстѣ съ тѣмъ меня что-то жгло, терзало, туманило мысли до слезъ,—какое-то несознанное, еще незнакомое, но жгучее чувство...

Тайна! Да, я держу въ своихъ рукахъ чужую тайну,—и, Боже!—чего мнѣ это стоитъ!...

И я сдержу ее, скрою, хотя это, можетъ быть, и измѣна своимъ... Я скрою ее, какъ скрылъ отъ всѣхъ и тотъ ядъ, что впился въ меня съ прелестныхъ устъ тогда... на плотинѣ... въ горячее утро!.. Можетъ быть, и это измѣна,— но такъ велѣло мнѣ тогда почему-то все то, что такъ сильно стучитъ у меня въ груди слѣва... Оно сильнѣе моей воли!... Я скрою... я никому не скажу!.. Но!.. но... встрѣть я теперь полячку, встрѣть я ее одну, я бы... я... самъ не знаю, что̀, сказали бы ей мои дрожавшія больною и острою мукой, побѣлѣвшія, запекшіяся уста!...

Я плакалъ...

ГЛАВА X.

Расплата.

Стояла глубокая осень... Опавшій листъ печально шуршалъ подъ ногами, темные дубы побагровѣли, точно напитались кровью; голубое небо потеряло глубину и яркость, поблѣднѣло, похолодѣло, и самая даль изъ задумчивой, манящей, стала какою-то грустною...

И гордый замокъ, поднимаясь надъ багрово-желтою кущей умиравшаго лѣса, глядѣлъ теперь тоже грустно. Нѣтъ, не гордо уже, какъ прежде, взлеталъ онъ къ небу, царя надъ всѣмъ доломъ: его кичливая гордость пропала!.. Не

угрозой дышалъ мрачный камень,—онъ выглядѣлъ сумрачно, глухо, печально, точно памятникъ, поставленный на мѣстѣ, кипѣвшемъ нѣкогда жизнью, а теперь мертвомъ, и только глубокій вздохъ о прошломъ, казалось, застылъ и таился въ его неподвижныхъ, грандіозныхъ стѣнахъ!.. Разъ, я помню, дѣду принесли какую-то невиданную птицу, случайно залетѣвшую съ прилетомъ съ далекаго юга и жизнью заплатившую за свою страстную пытливость. Могучая шея невиданной птицы падала безсильно, громадный клювъ съ какимъ-то необычайнымъ зобомъ не грозилъ уже никому и возбуждалъ не страхъ, а любопытство. Зоркія очи навѣки потухли и только широкія крылья, шурша, когда ихъ раздвигали руки, глухо свидѣтельствовали о гордой когда-то силѣ. Замокъ напоминалъ мнѣ теперь эту птицу!..

Онъ не горѣлъ уже огнями, не кипѣлъ суетой и прежнимъ шумомъ... Все было въ немъ тихо, только поджарые донскіе кони казацкаго пикета фыркали и ржали, методически жуя сѣно въ его оградѣ. А когда ночью слабый свѣтъ чуть-чуть мерцалъ въ нѣсколькихъ изъ его безчисленныхъ громадныхъ оконъ,—этотъ свѣтъ напоминалъ мнѣ ночное мерцанье лампадки кладбищенской церкви... Жизнь тамъ только тлѣла, догорая и гармонируя съ общимъ осеннимъ тономъ. Возстаніе шляхты, поднявшей свое архивное знамя въ Украинѣ,—этотъ послѣдній порывъ окоченѣв-

шаго, нѣкогда сильнаго тѣла, быстро подавленный, уничтоженнный, — сразило и замокъ, кичливо поднявшій то же знамя. Съ этимъ послѣднимъ порывомъ умерло навсегда все то, что отъ основанія хранили гордыя стѣны: остался только голый остовъ, какъ памятникъ былого... Послѣдняя пѣсня была спѣта... И гордый замокъ, казалось, понялъ это!.. Какъ сказочный „послѣдній рыцарь", завернулся онъ въ свою каменную тогу и гордо почилъ, полный величія и холоднаго, презрительнаго безучастья къ тому, что вновь складывалось вокругъ него жизнью... Въ немъ могла гнѣздиться сова, зеленый плющъ могъ совсѣмъ обвить его сѣдые камни, паукъ заткать паутиной его фрески и узорные карнизы, громъ могъ метать въ него свои огненныя стрѣлы, шумъ и свѣтъ, наконецъ, могли внести въ его остовъ новые люди,—ему было все равно!.. Духъ, созидавшій и оживлявшій вѣками эти стѣны, исчезъ навѣки, застывъ въ нихъ, и камень, казалось, ни на что не могъ отзываться больше... Такъ, входя въ развалины древняго храма низверженнаго кумира, вы невольно чувствуете, что сѣдой камень и знать не хочетъ васъ, чуждаго пришельца, что весь онъ полонъ только застывшей дрёмы о своемъ прежнемъ богѣ... И жутко дѣлается отъ этой сосредоточенной дрёмы и, не поднимается какъ-то рука зажечь въ этихъ стѣнахъ свѣтильникъ новому кумиру...

Такимъ представлялся этотъ замокъ моему дѣтскому взору, когда мятежъ шляхты былъ подавленъ и свободный народъ пересталъ дрожать за свою волю, когда шляхтѣ пришлось расплачиваться родовыми помѣстьями за участіе въ возстаніи и графу предстояло тоже распроститься съ своимъ замкомъ... Слухи гласили, что въ лучшемъ случаѣ ему будетъ предложено немедленно продать всѣ свои помѣстья, такъ какъ участіе его въ мятежѣ было несомнѣнно,—родной сынъ его исчезъ и, какъ говорили, присоединился къ какой-то бандѣ. Печально короталъ послѣдніе дни въ своихъ стѣнахъ сильно осунувшійся графъ вмѣстѣ съ дочерью и младшимъ сыномъ, и выглядѣлъ такъ же печально, какъ и стоявшая на дворѣ глубокая осень ..

Такимъ же представляется мнѣ этотъ замокъ и теперь, когда все это давнымъ-давно минуло и я, измученный жизнью пришлецъ издалека, прибрелъ цѣловать родимую землю... Весь облитый фантастическимъ луннымъ свѣтомъ, какимъ-то застывшимъ призракомъ взлетаетъ онъ вверхъ надъ окружающими его полными амбарами новаго владѣльца, поражая глазъ грустнымъ диссонансомъ!.. Громадныя окна пусты и зіяютъ точно темныя черепныя щели, балконы обрушились, колонны треснули, зубцы высокихъ башенъ свалились... Но что ему за дѣло, что ему всѣ эти амбары, эти закромы, что внѣдрились даже въ его стѣнахъ?..—Онъ

грезитъ о своемъ богѣ!.. Я чую таинственную сагу о прошломъ... Съ этихъ умирающихъ стѣнъ на меня вѣетъ длинная повѣсть о вѣковой враждѣ народа и шляхты,—эпопея борьбы и древнихъ казацкихъ набѣговъ встаетъ предо мной, какъ живая, я дышу поэзіей давно умершихъ сказаній, моя собственная вражда къ нему, которою дышалъ я нѣкогда, подернута для меня теперь поэтическою дымкой, какъ будто связывающею, роднящею меня съ замкомъ!.. Да, что-то общее, связывающее стоитъ теперь между нами, и мнѣ сдается, что то же чувствуетъ грезящій замокъ, что на меня онъ глядитъ не такъ безучастно... Можетъ быть, даже привѣтомъ дышутъ на меня эти зіяющія щели!...

Такъ и больные чувствуютъ, говорятъ, какую-то связь между собою, такъ и два врага, когда все, за что они нѣкогда боролись, погребено давнымъ-давно чуждою имъ рукой, встрѣчаясь, чувствуютъ общую близость, не смотря на все, что ихъ раздѣляетъ, и любятъ вмѣстѣ помечтать о прошломъ .. Въ этомъ прошломъ затрачено каждымъ такъ много собственной души и частицъ своего сердца!..

Очень можетъ быть, что нѣчто подобное испытывалъ и дѣдъ, глядѣвшій все послѣднее время какъ-то хмуро, печально, точно разочарованно, не смотря на то, что кругомъ быстро складывались новыя условія, что край кишѣлъ новыми пришлецами съ сѣвера, смѣнявшими

древнюю, враждебную шляхту. Исконный врагъ былъ навсегда подавленъ, и дѣду точно скучно стало, что враждовать было не съ кѣмъ, что давніе счеты были сведены помимо него, что новые голоса, вмѣшавшіеся въ этотъ вѣковой антагонизмъ двухъ противоположныхъ элементовъ, какъ бы игнорируя, совсѣмъ заглушали его голосъ... Не такъ уже часто останавливался онъ предъ портретами непреклонныхъ предковъ, своею смѣлою рукой сдерживавшихъ своеволіе „ляховъ“ въ Украинѣ, и глухо дрожалъ его голосъ, когда онъ попрежнему пытался передавать мнѣ ихъ великіе завѣты...

Меньше говорилъ онъ о саблѣ и кубкѣ и старая Горпына, получавшая свое меню очень быстро, ворчала уже не на „шаблюку и чарку“, которыя теперь ей не мѣшали, а на то-де, „что съ старымъ паномъ щось дiется,—воны якъ слабый сталы“. Ей, можетъ быть, тоже скучно стало безъ этихъ привычныхъ разсказовъ и тревожнымъ взглядомъ окидывала она фигуру сѣдого пана. Дѣйствительно, дѣдъ сильно измѣнился: осунулся, согнулся, сталъ нервенъ до того, что длинные усы его вздрагивали при каждомъ звукѣ колокольчиковъ, то и дѣло звенѣвшихъ теперь по дорогамъ... Можетъ быть, тутъ просто-напросто сказывалась глубокая старость...

Но и я былъ грустенъ. Иванъ Семеновичъ торжествовалъ, ибо близился часъ, когда его

ученикъ, по его же увѣренію, долженъ былъ первымъ выдержать экзаменъ и... и, конечно, распроститься съ чудною Пустынькой, съ „бреднями“ Охрима, со всѣмъ миромъ тихой деревни... Грустно бродилъ я по чащѣ, но я не искалъ уже Бѣлой Панны, не собирался слушать Охрима, — я прощался со всѣмъ, что было до сихъ поръ неразрывно и тѣсно связано съ моимъ сердцемъ, съ мѣстами, гдѣ я жилъ, думалъ, боролся, одухотворяя воображеніемъ мертвую природу, гдѣ учился любить и понимать,—съ плотиной, на которой увидалъ я ту, что впервые вызвала въ моемъ дѣтскомъ сердцѣ новый, особенный трепетъ, съ полянкой, гдѣ въ душѣ моей впервые вспыхнула жгучая ревность... И желтый осенній листъ грустно шуршалъ подъ моими ногами, точно шепталъ мнѣ роковое: прости!—а полуобнаженный, печально умиравшій лѣсъ глядѣлъ на меня, казалось, такъ холодно и безучастно, точно я былъ для него уже чуждымъ пришельцемъ. Что изъ того, что онъ вскормилъ, воспиталъ меня въ своей могучей, полной таинственной дрёмы, чащѣ, что онъ любовно навѣвалъ на меня свои грезы?... Я уходилъ отъ него, я рвалъ съ нимъ, я отстранялъ его ласку и надолго... надолго... надолго... убѣгалъ въ городъ...—О, могучій, чудный, любимый лѣсъ!—точно стучало ему мое сердце:—вѣдь не я же это, не я... Это все этотъ Иванъ Семеновичъ! Но лѣсъ не слы-

шалъ,—лѣсъ не хотѣлъ знать никакихъ оправданій...

Право, мнѣ казалось, что и старый Разбой глядитъ уныло, что ему тоже отчего-то грустно... Не какъ прежде, бывало, бѣжалъ онъ за мною: онъ плелся тихо, вяло, безучастно, какъ бы неохотно даже, а повинуясь только обязательному долгу... Но разъ въ густой чащѣ онъ вдругъ оживился, насторожилъ чуткія уши, потянулъ воздухъ... Онъ почуялъ что-то, ощетинился, заворчалъ, двинулся быстро и въ тотъ же моментъ моего слуха коснулся холодный лязгъ стали, тупое щелканье взводимаго курка... Какая-то суета поднялась въ кустахъ, топотъ, движенье, чей-то шепотъ испуганно повторялъ одно и то же слово: „кто? кто? кто?...“

Я онѣмѣлъ отъ испуга,—предо мною стояли какіе-то оборванные, обросшіе, точно одичалые люди и тоже испуганно и подозрительно смотрѣли на меня, какъ и я на нихъ, неподвижными глазами... Цѣлый вѣкъ, казалось, длилось это молчаливое созерцанье другъ друга, во время котораго одинъ Разбой рычалъ все громче и громче. Тамъ, наконецъ, задвигались, переглянулись какъ-то, что-то вновь зашептали, а я все еще стоялъ истуканомъ съ поблѣднѣвшимъ лицомъ, съ вытаращенными глазами...

— Онъ одинъ?—коснулся моего слуха новый, такой же робкій шепотъ...

— Ты одинъ, мальчикъ? — спросилъ меня кто-то.

Я разглядѣлъ... я узналъ, наконецъ, и понялъ... Предо мной стоялъ исчезнувшій молодой графъ, стоялъ тотъ шляхтичъ, что пріѣзжалъ къ дѣду, котораго я видѣлъ послѣ у ногъ измѣнившей мнѣ панны, и еще кто-то. Но до чего они были всѣ оборваны, истощены, несчастны!.. Я съ трудомъ узналъ ихъ лица!.. Мой испугъ не прошелъ,—онъ перемѣнилъ только свой характеръ, онъ перешелъ въ безпредметный страхъ, въ жуткую тревогу, полную предчувствія чего-то больного и тяжелаго...

— Одинъ...—сами собой зашептали въ отвѣтъ мои сухія губы.

— Это кажется москаль!.. Изъ хлоповъ!.. Онъ предастъ насъ... Мы пропали!—испуганно шепталъ третій изъ стоявшихъ предо мною, и я помню, какъ жгучая обида вливалась отъ этихъ словъ въ мою душу и жгла ее точно каленымъ желѣзомъ... Образъ отвратительнаго Іуды мелькнулъ въ моемъ воображеніи и поднялъ гдѣ-то внутри меня все отвращенье, воспитанное къ нему съ дѣтства. Негодованіе оживило, казалось, мое окоченѣвшее тѣло и точно заслонило страхъ обидой и злобой...

— Ты кто такой, мальчикъ?..

— Я изъ Пустыньки...

— Ты, можетъ быть, внукъ стараго пана Андрея? —спросилъ шляхтичъ.

— Да, я внукъ его!—не робко, а смѣло уже, точно вызывающе отвѣтили мои губы.

— Ты изъ нашихъ?..—съ радостнымъ изумленіемъ вмѣшался третій.

Тутъ я, казалось, совсѣмъ пришелъ въ себя; я точно совладалъ, наконецъ, съ своимъ страхомъ. Негодованіе ли такъ повліяло, или что другое,—не знаю, но во мнѣ просыпалось, вставало новое чувство, которое брало верхъ надъ страхомъ. Кажется, я испытывалъ теперь аналогичное съ тѣмъ, что вспыхнуло во мнѣ, когда генеральша пригрозила мнѣ розгой... Я точно не боялся уже этихъ людей и ихъ оружія, и вмѣстѣ съ тѣмъ мое сердце сжималось; я дрожалъ, но въ то же время что-то непонятное, вызывающее, гордое, дерзкое, просыпаясь въ душѣ, толкало не поддаваться страху, стыдилось его, требовало мести за обидное слово: „предастъ“.

— Ты нашъ?!

— Нѣтъ! я не ляхъ, я не ляхъ!..—сами собой говорили мои губы съ необычайнымъ, казалось, презрѣніемъ.—И я не боюсь васъ, я совсѣмъ васъ не боюсь!..

Но я сейчасъ же вновь помертвѣлъ отъ страха. И я видѣлъ, какъ помертвѣли также и молодой графъ, и незнакомецъ... Я видѣлъ, какъ смутились ихъ взоры, какъ нерѣшительно дрогнули ихъ руки, и ждалъ, ждалъ, какъ трупъ, у котораго громко стучало бы одно сердце... Чего я ждалъ,— я не знаю: меня

сковалъ ледяной ужасъ, но я помню, что мои дрожавшія упрямыя уста ни за что на свѣтѣ не взмолились бы о пощадѣ... Нѣтъ,—они все шептали бы одно и то же... сквозь леденящій страхъ они все-таки вызывающе твердили бы: „я не боюсь васъ!“ Но еще немного и я, кажется, разрыдался бы истерично... Изъ такого напряженнаго состоянія вывелъ всѣхъ молодой шляхтичъ.

— Тебѣ и нечего насъ бояться, хлопче!— сказалъ онъ:—мы не разбойники... И мы такіе же, какъ и ты, украинцы.

— Нѣтъ, вы враги... Вы передались ляхамъ!..— упрямо твердили мои губы, повинуясь какому-то безотчетно-дерзкому порыву, хотя на самомъ дѣлѣ я дрожалъ съ ногъ до головы...—Нѣтъ, вы враги!..

— Ты не правъ, мальчикъ...—хрипя больною грудью, говорилъ шляхтичъ.—Одно у насъ съ тобой небо, одна земля насъ вскормила... Не враги мы тебѣ,—хотя ты и не вѣришь... Послѣ когда-нибудь узнаешь... Да и никому мы теперь не враги!.. Смотри,—мы оборванные, голодные, больные люди, у которыхъ нѣтъ ни крова, ни хлѣба... Смотри на насъ... Видишь?!

Я смотрѣлъ на лохмотья, я видѣлъ исцарапанное, тощее тѣло, и вновь свершалось со мною давнее... давнее дѣтское чудо!... Въ груди что-то закипало, поднимаясь, сжимало горло, туманило глаза, какъ и въ тѣ фантастическія ночи, когда я ребенкомъ нападалъ

на замокъ, когда я, какъ Сампсонъ, готовъ былъ схватить его колонны руками. Я слабѣлъ, въ груди разливалось что-то теплое и мягкое, какъ слезы, вытѣсняя заносчивость и дерзость, когда молодой графъ съ какимъ-то глухимъ стономъ повалился на землю.

— Я не могу больше!... Я не въ силахъ идти!—рыдалъ онъ, уткнувшись въ ладони.— Будь, что будетъ!... Мнѣ все равно... все равно... хоть смерть...

Капля переполнила чашу. Что было дальше,—я не знаю... Что говорили мои блѣдныя уста,—я не помню, но я, кажется, тоже плакалъ. Я былъ уже не я,—какое-то чудо превратило меня во что-то иное...

— У тебя нѣтъ хлѣба?

Хлѣба?... нѣтъ... Но я отдалъ бы теперь всѣ свои пальцы, чтобы ладонями поднести голоднымъ хлѣба! Въ карманѣ у меня былъ пряникъ...

— Вотъ!—протянулъ я дрожащей рукой свой пряникъ.

Двѣ руки подняли меня на воздухъ, моего лба коснулись мохнатыя губы и двѣ мужскія слезы омочили мое пылавшее лицо. И я чувствовалъ, какъ и поцѣлуй этотъ, и эти слезы впились въ мою душу чѣмъ-то острымъ, какъ отточенный ножъ, и подчинили себѣ, точно чарой.

— Будь благословенна мать, что носила тебя, хлопче, подъ сердцемъ!—сказалъ шлях-

тичъ, опуская меня на землю. И тутъ я не выдержалъ: я почему-то горько разрыдался.

— Ты знаешь тропу до границы?

— Нѣтъ!—задыхаясь шепнулъ я съ сожалѣніемъ.

— Окажи намъ услугу!

— Какую?

— Сбѣгай въ замокъ...

— Въ замокъ?! Я?.. въ замокъ?!

— Тамъ передай паннѣ...

Я поколебался, но только на мгновенье: чара была сильнѣе моей воли! Я не зналъ, что волновалось, сталкивалось, боролось въ моей душѣ, я не понималъ, что со мною, не сознавалъ ничего... Я, кажется, только чувствовалъ что-то и, кажется, именно то, что я очарованъ.

Самъ не знаю какъ, повинуясь безпрекословно, какъ манекенъ, я сжалъ въ рукѣ записку и сами собой прошептали мои уста:

— Идите же... я васъ укрою.

И я укрылъ ихъ въ одной изъ пещеръ, которую нашелъ я, рыща за Бѣлой Панной, и также безсознательно, кажется, двинулся изъ лѣса. Я бѣжалъ машинально, не отдавая себѣ ни въ чемъ отчета, мои ноги несли меня сами собою. Кажется, во мнѣ что-то двоилось... Въ головѣ шептало что-то смутнымъ протестомъ, но въ груди билось то, что всевластно повелѣвало каждымъ моимъ суставомъ... Только при поворотѣ изъ лѣса, гдѣ дорога

двоилась въ замокъ и Пустыньку, что-то всплыло, что-то смутило меня точно словомъ: „измѣна“. Я задрожалъ, что-то обожгло меня, что-то смутно спросило: „неужели ты измѣнникъ?“ Но я не могъ бороться съ тѣмъ, что неудержимо двигало мною... Эти слезы, этотъ поцѣлуй, этотъ нищій видъ, это глубокое горе,— все это вмѣстѣ околдовало меня совсѣмъ!..

И, право, будь это измѣна, будь это что хотите, но съ этой запиской, съ этимъ мокрымъ отъ слезъ клочкомъ бумаги я, потомокъ сподвижниковъ Гонты, разстался бы, кажется, только вмѣстѣ съ жизнью.

Самъ собою какъ-то выросъ предо мной величественный замокъ. Вотъ онѣ, эти гордыя колонны, вотъ онѣ, эти мраморныя ступени... Чѣмъ же это всхожу по нимъ я,—исконный врагъ,—такъ недавно еще дышавшій одною враждой, завѣщанною мнѣ всею исторіей моего народа, всею жизнью моихъ славныхъ предковъ?.. Чѣмъ я всхожу: побѣдителемъ или побѣжденнымъ?! Какъ долженъ встрѣтить меня этотъ сѣрый камень: съ торжествующимъ величіемъ, граничащимъ съ презрѣніемъ, или онъ долженъ прошептать мнѣ: „ты побѣдилъ, молоденькій хлопче“?

Если бы сѣрый камень имѣлъ уста и даже крикнулъ бы мнѣ на встрѣчу, я ничего бы не понялъ въ этотъ моментъ, не разслышалъ. Я бѣжалъ уже по аллеѣ сада, куда послалъ меня какой-то изумленный дворовый къ паннѣ...

Въ густыхъ сумеркахъ я чуть различилъ ее подъ темною елью. Она стояла неподвижно, какъ тогда на полянкѣ, когда я нашелъ ее въ тотъ чудный вечеръ... Но у ногъ ея стоялъ теперь не шляхтичъ,—стоялъ я, весь задыхаясь, волнуясь, и дрожащею рукой протягивалъ ей свою ношу. Она задрожала, она схватилась за сердце...

— Ты ихъ видѣлъ?— почти крикнула она, схвативъ мою руку.

— Да!

— Они голодны и несчастны?!..

— Да!

— Ты развѣ нашъ?

Тутъ только, казалось, опомнился я впервые.

— Нѣтъ!—сознательно отвѣтили мои губы, и я похолодѣлъ весь отъ этого страшнаго, вдругъ воскресшаго сознанія.

Но она не дала мнѣ придти въ себя, опомниться всецѣло. Двѣ нѣжныя руки обвили мою шею, жгучіе поцѣлуи вновь отуманили мою голову, милыя рѣчи ласкали мое ухо... Она то смѣялась, то плакала, то цѣловала и, смѣясь и цѣлуя, звала меня то завзятымъ запорожцемъ, то святымъ сердцемъ...

Она...

Но я помню только, какъ мы бѣжали съ нею, нагруженные хлѣбомъ, задыхаясь оба, въ лѣсной густой чащѣ... Я помню еще жгучую радость, глубокое счастье, когда тѣ трое увидали

насъ предъ собою. Я помню, что надъ нами свѣтила уже задумчивая кроткая украинская луна...

. . . . . .

А затѣмъ я помню тотъ холодъ и полный ужаса мракъ, что стояли въ моей душѣ, когда я брелъ домой одиноко. Околдовавшія чары изчезли, сознаніе вернулось, я опомнился и невидимыми устами гдѣ-то внутри спрятаннаго голоса спрашивалъ я себя: „что я такое сдѣлалъ... Да, что такое я сдѣлалъ?! Какъ все это вышло?!“

Зубы мои стучали, холодный потъ позора оросилъ мое пылавшее чело... Мои ноги качались, потому что земля гнулась подъ ними отъ этого позора. Звѣзды мнѣ свѣтили уже не такъ, какъ прежде,—я это чувствовалъ, хотя ихъ и не видѣлъ: онѣ сливались для меня въ какіе-то неясные круги... Онѣ дрожали презрѣніемъ. Луна мнѣ тоже не свѣтила,—она нарочно, казалось, обличала только путь, по которому шелъ новый Каинъ, съ начертанною уже, можетъ быть, на челѣ страшною печатью, чтобы все живое, его бѣжало. Темная ночь, скрытая отъ луны въ ущельяхъ и за холмами, мрачно дышала мнѣ въ упоръ своимъ страшнымъ вопросомъ:

— Каинъ! что ты сдѣлалъ?!

Что я сдѣлалъ? Какъ и Каинъ, я могъ отвѣтить только грубо и дерзко,—до того, очевидно, олицетворялъ я его собою... Ни стыда, ни раскаянія, ни сожалѣнія о сдѣланномъ не

будилъ, какъ и у него, этотъ вопросъ въ моей упрямой, оледенѣвшей душѣ... Мои дерзкія уста могли бы отвѣтить одно грубое: „я сдѣлалъ, что сдѣлалъ!“ Да, я былъ Каинъ!.. Ни стыда, ни раскаянія, ни сожалѣнія не находилъ я въ себѣ и, грянь надо мною самое страшное проклятіе, они, навѣрное, не проснулись бы. Даже больше: я чувствовалъ, что все, сдѣланное мною, я, пожалуй, могъ бы продѣлать и вновь. Какъ ни былъ я жалокъ и презрѣненъ, я не хотѣлъ лгать предъ собою.

Но зачѣмъ же я иду туда, гдѣ я не могъ уже найти ни крова, ни привѣта?! Зачѣмъ же я иду, полный мрака, туда, гдѣ такъ много свѣта, правды и чести?.. гдѣ такъ гордо смотрятъ изъ рамокъ портреты доблестныхъ... кого?.. предковъ?! Но у меня, конечно, нѣтъ уже ихъ,— они всѣ отвернулись съ презрѣніемъ... Къ дѣду? къ честному сѣдому дѣду?— Но дѣдъ... Тутъ, помню, у меня градомъ посыпались слезы, но не раскаянія, не стыда,— слезы одной невыразимой скорби.

А куда же мнѣ идти? Въ замокъ? Но онъ по-прежнему мой врагъ,—я это чувствую, я слышу, какъ скрежещутъ мои сжатые зубы! Къ тѣмъ? Но они мнѣ тоже враги и, встрѣть я ихъ въ бою, а не въ такомъ положеніи, я бы!.. Въ омутъ, въ этотъ тихій, глубокій прудъ? Но развѣ я Іуда-предатель?!

Нѣтъ, я не предатель! Развѣ я не люблю это небо, этотъ воздухъ, эти звѣзды, эти

хаты, народъ, предковъ?.. Развѣ я промѣнялъ ихъ на другое?! И если-бъ враги, ляхи или турки, или кто-нибудь даже страшнѣе ляховъ и турокъ, обложили Пустыньку браннымъ станомъ и понадобился мальчикъ, чтобы, рискуя головой, пробрался сквозь вражескую рать и призвалъ бы своихъ на помощь,—развѣ не я былъ бы этотъ мальчикъ?

Предатель?! А совершись вдругъ чудо, всколыхнись и раскройся эти высокія могилы, гдѣ почили дѣти воинственной сѣчи... Пусть бы только блеснула булава и страшное „пугу“ потрясло воздухъ отъ моря до Случи... Развѣ не въ первыхъ рядахъ игралъ бы подо мной „вороненькій“?

Предатель? Развѣ я молилъ бы о пощадѣ,—сожми самый страшный татарскій арканъ мою шею? Развѣ заплакалъ бы я, какъ баба, отъ самыхъ страшныхъ мукъ, какія только можетъ придумать вражеское воображеніе, окрыленное местью? И, оставь мнѣ враги только уста и сердце, развѣ не пошелъ бы я, какъ Палій, въ святыя стѣны молить за родину Бога?

— Нѣтъ, я не Іуда!.. Я самъ не знаю, что я... Я что-то другое,—можетъ быть, дѣйствительно Каинъ, но я не предатель!

Какъ тать я прокрался тихо къ своей постели. Дѣдъ за дверью раскладывалъ пасьянсъ, Горпына что-то быстро рубила въ кухнѣ. Все, все вокругъ было уже не мое,—цѣлая пропасть

легла между нами. Я зналъ, что въ портретной всѣ грозныя лица дрожатъ отъ негодованія; всѣ глаза дышутъ однимъ холоднымъ презрѣніемъ. Правда, тамъ есть одинъ... молодой есаулъ, что когда-то изъ осажденнаго казаками пылавшаго замка выкралъ и спасъ ребенка... Можетъ быть, онъ одинъ?!.. Но нѣтъ, едва ли... Я знаю, что мнѣ уже нѣтъ здѣсь мѣста!..

Я пришелъ только, чтобы разсказать все дѣду... Да, но какъ?! Какъ передать ему все, что случилось, какъ сказать ему, что въ моей черствой душѣ нѣтъ ни раскаянія, ни сожалѣнія? Моимъ собственнымъ устамъ придется сразить его доброе, любящее сердце.

Стѣны меня давили, голова кружилась, по тѣлу бѣгали мурашки. И самъ собою какъ-то вырвался изъ моей груди глубокій вздохъ и рѣзко смутилъ царившую тишину.

— Кто тамъ?..

Я замеръ... Сердце ударило громко и какъ будто застыло.

— Это ты, внуку?

Дверь отворилась и мы стали лицомъ къ лицу.

— Это ты? Но что съ тобою? Ты блѣденъ, ты дрожишь...

Я молчалъ. Моя вина, какъ Каинова печать, должна была сквозить сама собою и дѣдъ самъ могъ ее видѣть.

— Да что съ тобою?—въ страшной тревогѣ спросилъ дѣдъ, протягивая руку, но я отклонился.

— Дѣдъ... Я... Каинъ!..

— Что?!

— Я не знаю, что я... Я не знаю, дѣдъ!..—шепталъ я, весь охваченный дрожью, глотая струившіяся ручьями слезы.—Я пожалѣлъ ляховъ...

— Что ты сдѣлалъ?! Какихъ ляховъ?..

И я все разсказалъ дѣду... Все... все! Моя рѣчь мѣшалась со слезами и, какъ слезы, она текла все быстрѣе и быстрѣе. Откуда-то внезапно взявшимися словами я разсказалъ мою встрѣчу, споръ, мои кичливыя увѣренія, что я не боюсь ихъ. А затѣмъ... затѣмъ... я пожалѣлъ ихъ!.. Ахъ! они были такъ больны, такъ измучены, такъ несчастны и такъ жалобно, такъ горько рыдалъ молодой графъ! Я видѣлъ лохмотья, слезы, голодъ... У меня не было хлѣба, но былъ пряникъ. Я не зналъ тропу, что ведетъ къ границѣ... я... я... О, дѣдъ! я побѣжалъ туда... въ этотъ замокъ!.. Я провелъ панну и принесъ хлѣба!.. Я укрылъ ихъ!.. Дѣдъ!

— Гдѣ же ты укрылъ ихъ?

— Я не скажу... я никому не скажу, дѣдъ!—зашепталъ моими устами не умиравшій во мнѣ Каинъ.

Сколько длилось напряженное молчаніе—я не знаю. Помню,—оно казалось мнѣ страшно долгимъ. Я покорно склонилъ голову, я безтрепетно ждалъ финала и былъ готовъ на все. Въ моей душѣ все, казалось, было пусто, все умерло, въ ней гнѣздился уже тотъ безучастный холодъ, съ которымъ обезумѣвшая

отъ страха распростертая овца должна ждать рокового удара... Проклятіе? Или смерть Андрея Бульбы?.. Но развѣ я предатель?!

И, вдругъ, теплая старческая рука коснулась моей холодной, какъ ледъ, головы, сѣдыя брови наклонились вровень съ моими и не грозный, а мягкій, нѣжно ласкающій и какъ бы растроганный голосъ вызвалъ снова къ жизни мой оледенѣвшій слухъ...

— Что сказалъ тебѣ шляхтичъ?.. повтори...

— Онъ благословилъ мою мать!—зашептали мои безжизненныя губы.

— А я тебя, мой хлопче!..

. . . . . .

И та луна, и тѣ звѣзды, что глядѣли на меня такъ ужасно, свѣтили мнѣ теперь ясною улыбкой и сладкимъ привѣтомъ. И та земля, что гнулась подъ моими ногами, уже не гнулась. Я бодро шелъ рядомъ съ дѣдомъ, снарядившимся точно на охоту, и прижимался къ нему съ довѣріемъ, счастьемъ, любовью, точно къ нянѣ, до хорошаго конца досказавшей свою страшную сказку. Даже лѣсъ не глядѣлъ уже хмуро и уныло, даже листъ не шуршалъ уже грустно...

— Счастливъ же ихъ Богъ, что не разглядѣли ихъ деревенскіе хлопцы... что ты укрылъ ихъ...—сказалъ дѣдъ.—Принесли бы ихъ хлопцы въ мѣшкахъ въ деревню.

Но хлопцы еще не разглядѣли... Всѣ были тутъ, гдѣ я укрылъ ихъ.

— Панъ Андрей!—въ испугѣ вскричали они въ одинъ голосъ, вглядѣвшись въ высокую фигуру дѣда.—Панъ Андрей! Іезусъ, Марія!

— Да, это я... но вы не бойтесь, панове!— спокойно отвѣтилъ дѣдъ.

— Мы были врагами! — началъ шляхтичъ, выступая впередъ, но дѣдъ перебилъ его:

— Да... и потому намъ нечего здѣсь мѣшкать... Собирайтесь скорѣе, пока не узнали о васъ въ деревнѣ... Скорѣе!.. не то плохо будетъ, панове!..

Много благословеній сыпалось на дѣда, но онъ хмуро шелъ впереди, точно ничего не слышалъ, не роняя ни одного слова. Крѣпко ступали его старыя казацкія ноги по узкимъ тропамъ ему одному извѣстныхъ ущелій, смѣло пробирался онъ сквозь густой кустарникъ, окутанный темною мглою ночи, увѣренно скользилъ по уступамъ въ черную пропасть, точно не старикъ онъ былъ, а бравый и крѣпкій парубокъ. Только когда сквозь густой кустарникъ со скалы, по которой всѣ шли, блеснула внизу водяная гладь, за которой поднимались уже австрійскіе карпаты, дѣдъ остановился и поднялъ руку.

— Вотъ и Збручъ, панове!—сказалъ онъ:— Здѣсь можете смѣло спуститься, только держитесь лѣвѣе. Ну... до свиданья!

— Пане Андрей! — заговорили всѣ. — Одно только слово! Пане! мы много виноваты предъ вами, пусть Богъ!..

Но мы съ дѣдомъ были уже далеко и жгучія слова благословеній и страстной благодарности шептало намъ уже эхо таинственнаго лѣса...

На поворотѣ въ Пустыньку намъ перерѣзала дорогу панна и, прильнувъ ласточкой къ могучей груди дѣда, со слезами поцѣловала его руку.

— Пане Андрей! Будь благословенна эта ночь:—она многому меня научила!

— Что-жъ, въ добрый часъ, милая панна!— говорилъ растроганный дѣдъ, тепло лаская ея русую головку.—Въ добрый часъ!

— И я буду молить Бога, чтобы грѣхъ нашъ, насъ подѣлившій, загладило сердце нашихъ потомковъ.

— Дай Богъ, милая панна!

— Чтобы у всѣхъ оно было такое!

И она снова, какъ тогда въ аллеѣ, обвила мою шею руками, снова также страстно цѣловала меня, мѣшая поцѣлуи со слезами, и, снявъ съ себя медальонъ, торопливою рукой повязала мнѣ на шею.

— Это тебѣ на память!..

При чуть брезжущемъ голубовато-розовомъ свѣтѣ занимавшагося дня я прочелъ на немъ вырѣзанное глубокими буквами:

„Вѣруй, надѣйся, люби“.

На этомъ обрывалась найденная мною рукопись неудавшагося поэта. Было ли продолженіе, не испортили ли его крысы,—я пока не знаю. Но если, разобравшись въ найденной кучѣ, я найду продолженіе, я, конечно, подѣлюсь имъ съ читателемъ.

ЗАКЛЯТЫЙ КАЗАКЪ.

Повѣсть.

(Посвящается Виктору Александровичу Гольцеву).

Ну, и сказочникъ же былъ покойный дѣдъ!—ца́рствіе ему небесное!—такой сказочникъ, что даже въ Полтавѣ о немъ знали,—даромъ что до нея отъ нашего хутора и въ недѣлю не доберешься, особенно если въ распутицу. Извѣстное дѣло—слава: ни распутицы, ни́ разстоянія не существуетъ для нея,—такъ и плыветъ безъ удержу съ людскою молвой, какъ волна за волною... И частенько навѣдывались къ намъ добрые люди ради этихъ сказокъ. Въ Кобеляки ли ѣдутъ, въ Золотоношу ли на выборы, на крестины ли къ протопопу спѣшатъ, и, все-таки, нѣтъ-нѣтъ, да и завернутъ къ дѣду на хуторъ послушать, особенно если дѣло подъ праздники. Наставитъ тогда ба́бушка пироговъ съ кашей, съ капустой, со сливами, съ тертымъ макомъ и со всякою другою всячиной, а пекла она ихъ такъ,—не въ похвальбу будь сказано, что даже мать-протопопица, на что ужъ, кажется, именитая дама по пирожной части была,

а и то завидовала покойницѣ; принесетъ дѣдъ изъ погреба свою знаменитую настойку „полоскунку“, секретъ которой еще отецъ его, покойникъ, у гадячской попадьи на двѣ поросныя свиньи вымѣнялъ; выложатъ на столъ еще всего другого горячаго, да и кланяются, просятъ: „не побрезгуйте, молъ, гости добрые, хлѣбомъ-солью!.. не обижайте хозяина и хозяйку“. Позакусятъ гости, покрякаютъ да похвалятъ „полоскунку“, погадаютъ на какихъ такихъ „фигахъ-мигахъ“ она настоена, поспросятъ, ну, и начнетъ тутъ дѣдъ разсказывать бывальщину, да такую, что малодушному человѣку лучше и не слушать,—право! У самыхъ храбрыхъ, бывало, чубы кверху лѣзутъ и духъ захватываетъ, а все-таки каждому хотѣлось послушать, — такой ужъ покойникъ былъ мастеръ. Да что ужъ,—сама пугливая предводительша, хоть и заткнетъ въ началѣ уши и причитаетъ: „ой, боюсь, ой, не разсказывайте!“,— а все-таки, въ концѣ-концовъ, вынетъ изъ ушей пальцы и проситъ только не поминать чорта чортомъ. „Какъ хотите,—проситъ:—поминайте его окаяннаго, а только не такъ!“—и слушаетъ... Страшное разсказывалъ дѣдъ и каждый разъ клялся, что все это сущая правда была. Такъ и говорилъ: „чтобъ у меня горло пересохло, чтобы горилки не выпить мнѣ, коли вру!“—ну, а станетъ ли человѣкъ такую клятву говорить понапрасну? Оно, конечно,—по нынѣшнимъ маловѣрнымъ временамъ... А, впро-

чемъ, лучше вотъ сами послушайте, что разсказывалъ дѣдъ подъ святой вечеръ. Набилъ онъ свою старую люльку, закурилъ, потянулъ хорошо, да и началъ.

I.

Было это еще, видите ли, за гетмана Дорошенко *), чтобы ему на томъ свѣтѣ однѣ галушки снились!—славный казакъ былъ! У насъ тогда малая зачепка съ Москвой шла,—ну, и гетманъ,—вѣчная ему память!—слышно было, что народъ скликать хочетъ. Какъ-ни-какъ, а только „старшина“ стала усы покручивать, въ полкахъ сабли точили и коней ковали, дивчата, какъ водится, расшитыми рукавами глаза утирали да почаще стали въ садки выбѣгать, ну, а кое-гдѣ, говорили, уже и до драки со стрѣльцами доходило дѣло... Гонцы туда и сюда скакали, по улицамъ народъ, какъ пчелиный рой, жужжалъ,—видно было, что не миновать горячей каши да червоннаго пива, ну, а прадѣду моему,—царствіе ему небесное!—лучшаго ничего и не надо было.

*) Петръ Дорошенко—гетманъ правобережной Украйны, оставшейся въ союзѣ съ Польшей, когда Самойловичъ гетманствовалъ въ лѣвобережной, называвшейся „Московскою“. Дорошенко всю жизнь свою посвятилъ возсоединенію раздѣленной родины изъ-за чего велъ долгую и упорную борьбу съ Самойловичемъ и Москвою. Народъ въ своихъ пѣсняхъ, думахъ и легендахъ считаетъ его однимъ изъ величайшихъ своихъ героевъ.

Былъ онъ тогда войсковымъ товарищемъ и ратное дѣло любилъ больше горилки и жартованья *), хочь и ласъ былъ, по правдѣ говоря, покойникъ до молодыць и чарки, не во гнѣвъ ему будь сказано, какъ котъ на сало! Извѣстно, казацкая душа, когда во рту сухо да нельзя тебѣ освѣдомиться: тонко ли полотно на расшитой сорочкѣ, или тамъ плахта, что ли, къ примѣру, хорошо соткана, то и скучно на душѣ,— на то и казакъ! И молодыци льнули къ нему, такъ льнули, какъ мухи на медъ, потому что бравый изъ себя лыцарь былъ, хоть куда!.. никому не уступитъ... Высокій, статный, чернявый, усъ имѣлъ длинный, за ухо закладывалъ, и рубака былъ не послѣдній,—съ самимъ чортомъ биться готовъ былъ. За жениханье да чарку и прозвали его въ Сѣчи „ласымъ“ **). И не разъ остерегали его товарищи: „Ой, гляди, Петро: не добромъ кончится тебѣ твое жениханье ***)!.. не доводитъ оно до добра,—того и гляди, ноги перебьютъ!“ — да не слушалъ, не сдавался покойникъ, пока на бѣду не наткнулся... Послѣ ужъ и самъ другихъ остерегалъ.

Такъ вотъ и радовался покойникъ, что войной запахло. Объ одномъ только Бога молилъ, чтобы въ хорошую передѣлку ему попасть, да такъ, чтобы самъ гетманъ о немъ провѣдалъ. И похвались онъ разъ въ шинкѣ за чаркою,

---

*) Ухаживанья.
**) Лакомкой.
***) Любезничанье.

что изъ-за этого самаго онъ и съ чортомъ подружиться бы не прочь. Такъ и сказалъ... „За это за самое,—говоритъ:—я бы ему, кацому, ни въ чемъ не отказалъ. Души, конечно, не отдалъ бы!—говоритъ:—потому душа у меня казацкая,—нечистый къ ней и приступиться не смѣетъ, ну, а услугу бы всякую сдѣлалъ!“ Сболтнулъ человѣкъ зря, а посмотрите же, люди добрые, что изъ этого вышло! Извѣстное дѣло, не хочешь лиха, не болтай зря глупаго слова.

Сидѣлъ въ ту пору въ шинкѣ тоже молодой казакъ въ богатомъ жупанѣ и совсѣмъ какъ бы въ прадѣда складомъ: и росту такого же, и плечи такія, какъ у него, широкія, и даже съ лица схожій, только, вотъ, какъ смерть блѣдный... ни кровинки въ лицѣ не было, а губы, ровно у мертвеца, синія,—не то помирать человѣкъ собирался, не то отъ тяжкой болѣзни всталъ. Ни съ кѣмъ не заговаривалъ казакъ, сидѣлъ насупившись, да тянулъ себѣ молча горилку, а какъ сболтнулъ прадѣдъ свое глупое слово, онъ посмотрѣлъ на него, покрутилъ усъ, да и поднялся.

— Вотъ,—говоритъ:—казакъ, такъ настоящій казакъ!... Люблю такихъ!... Давай,—говоритъ:—чокнѣмся.

Чокнулись они, да и стали пить вмѣстѣ. Пили, пили, а ужъ сколько выпили, то и самъ шинкарь Сруль не могъ сказать,—счетъ потерялъ! Вышелъ послѣ того прадѣдъ изъ шинка,

видитъ—буря по улицѣ мететъ, свѣтъ пылью застилаетъ, вербы до самаго низа клонитъ и его самого подхватываетъ, изъ стороны въ въ сторону кидаетъ, идти не даетъ. Хочетъ прадѣдъ вправо, а буря его влѣво относитъ; возьметъ онъ влѣво,—анъ, глядишь!—несетъ его вправо, ровно бы языкомъ отъ колокола шатаетъ... „Цуръ тебѣ и пекъ!—думаетъ онъ:—ишь какъ нечистая сила разыгралась, чтобъ ей ни дна, ни покрышки! Оно бы слѣдовало по настоящему,—говоритъ:—куму провѣдать, ей Богу же, слѣдовало бы, да гдѣ же тебѣ дойти? Самъ чортъ,—и тотъ не дойдетъ! Вишь, какъ шатаетъ, анаѳемская! Еще,—говоритъ:—не дай Боже, какой добрый человѣкъ подумаетъ, что я лишнее перехватилъ у Сруля!“ Почесалъ прадѣдъ подъ шапкой, уперся на мѣстѣ, а буря какъ зареветъ, какъ подхватитъ его... „Тю... Тю... на тебя!—кричитъ покойный:—стой... нечистая тебя возьми!“—такъ куда тебѣ, несетъ его и слушать не хочетъ... Какъ ни упирался бѣдняга, да прямо и бухъ въ стогъ сѣна.

— Ну, это еще и слава Богу, если такъ...—говоритъ прадѣдъ, зарываясь въ сѣно.—Ишь, какъ нечистый расшатался,—должно съ вѣдьмой женихается, проклятый... не иначе!

Зарылся онъ въ сѣно и только было глаза сомкнулъ, спать собрался, глядь,—анъ тотъ казакъ предъ нимъ стоитъ и глаза на него уставилъ.

— А я къ тебѣ, Петро!—говоритъ.

— Что же,—ложись, товарищъ! — отвѣчалъ прадѣдъ.—Постель, кажись, хорошая,—шире поповской будетъ...

— Не спать я пришелъ...—говоритъ казакъ:—дѣло есть. И такое дѣло, такое,—говоритъ,—дѣло, Петро, что если выручишь меня, я тебѣ крѣпко заслужу...

Вздохнулъ казакъ и такъ грустно, что прадѣду даже жалко его стало. „Ге!—думаетъ:—отчего же бы мнѣ и не выручить товарища, когда ему, знать, сильная бѣда приходитъ?“

— Какое же твое дѣло будетъ?—спрашиваетъ.

— Разведи, — говоритъ, — меня съ женою...—вотъ какое дѣло!

Даже глаза вытаращилъ отъ изумленія прадѣдъ,—своимъ ушамъ не повѣрилъ.

— Эге-ге, казаче!—говоритъ:—хорошую же, значитъ, наливалъ намъ Сруль горилку, если у тебя всѣ клёпки въ головѣ спутало... Очумѣлъ ты, что ли?... Развѣ попъ я, чтобы мужа съ женой разводить?

— И не попъ, а можешь,—въ томъ-то и штука!—отвѣчаетъ казакъ.—Самъ же ты похвалялся, что на все готовъ, лишь бы славу ратную взять, да чтобы гетманъ о тебѣ провѣдалъ... Ну, слушай же: сдѣлаю я все, чего ты хочешь, но и ты же выручай меня, какъ похвалялся. Вотъ тебѣ слово мое, что все будетъ такъ, какъ ты хочешь.

Разсмѣялся прадѣдъ.

— Ложись, казакъ!—говоритъ:—проспись-ка лучше, право... Ну, подумай самъ, пьяная твоя голова, какъ мнѣ можно развести васъ?

— Отбей ее у меня!—говоритъ казакъ.

Даже присѣлъ прадѣдъ и затылокъ чесать сталъ.

— Вотъ такъ оказія!..—говоритъ: — чудеса, право! Сколько лѣтъ живу на свѣтѣ, чего-чего не видѣлъ, въ какихъ передѣлкахъ ни бывалъ, а еще ни разу не доводилось слышать мнѣ, чтобы мужъ самъ себѣ рога выпрашивалъ... Вотъ же, ей-Богу, ни разу...

— Не роговъ я выпрашиваю, человѣче, а свободы, потому что закрѣпощена душа моя...—отвѣчаетъ грустно казакъ.—Видишь ли: у насъ съ женой такой уговоръ былъ, что пока ей другой не полюбится, или хоть только приглянется, до тѣхъ поръ долженъ я ея рабомъ быть и душой, и тѣломъ... Ничего не должно быть у меня, кромѣ нея одной, — ни родины, ни товарищей,—словно бы здрадникъ я... Пойми же мою муку, Петро!—говоритъ:—если и на томъ свѣтѣ не должна моя душа знать покоя, если и оттуда, изъ холодной домовины *), жена можетъ вызвать ее и рабомъ дѣлать...

Заломилъ бѣдный казакъ руки и, вдругъ, такъ горько заплакалъ, что и прадѣдъ чуть было не заплакалъ съ нимъ вмѣстѣ. Чесалъ онъ затылокъ, чесалъ, а все никакъ въ толкъ взять не могъ,—никогда ему не доводилось

*) Могила, гробъ.

такое слышать. „Вотъ такъ оказія!—думаетъ:—ей же Богу никогда такого еще на свѣтѣ не бывало... самъ Соломонъ премудрый—и тотъ не зналъ бы, что сказать тутъ,—право!“

— А зачѣмъ же, казаче,—спрашиваетъ, наконецъ:—ты да такой уговоръ съ бабой,—чтобъ ей трясця приснилась!—дѣлалъ, а?

Вздохнулъ казакъ.

— Моя вина!—отвѣчаетъ:—полюбилась ужъ очень, очаровала, ну, и пошелъ я съ дуру на такой уговоръ... Знать, Господь наказать хотѣлъ, потому что, правду сказать, очень я ласъ на молодицъ былъ и крѣпко любилъ женихаться...

— Те-те-те!.. — протянулъ прадѣдъ, и посмотрѣлъ какъ-то искоса на товарища.—Вотъ оно что!

— Эге!—вздохнулъ печально бѣдняга и голову понурилъ.—Большой ласунъ я былъ...

Крякнулъ прадѣдъ да и не знаетъ, что сказать ему... совсѣмъ не знаетъ,—даже ротъ раскрылъ и глаза выпучилъ. Покрутилъ усъ, покрутилъ, да и надумалъ, наконецъ:

— А какъ будто нехорошо оно, говорятъ люди, ласовать и женихаться, казаче... Какъ ты думаешь?—спрашиваетъ, а самъ и глазъ поднять не можетъ.

— Теперь и я такъ думаю...—отвѣчаетъ печально казакъ.

— То-то, вотъ!—говоритъ прадѣдъ, и даже икнулъ, бѣдняга, такъ ошеломили его слова товарища.

Помолчали тутъ оба, помолчали, прадѣдъ все усъ покручиваетъ, а казакъ и говоритъ опять:

— Что же, Петро?.. выручишь ты меня или ты только на вѣтеръ, какъ баба, похвалялся въ шинкѣ? Обѣщаю я тебѣ, что все по-твоему будетъ,—обѣщай же и ты мнѣ... Мастеръ, вѣдь, ты на эти дѣла,—другого такого и не найдешь, поди...

„Мастеръ-то мастеръ, чтобъ тебѣ тошно стало!—думаетъ прадѣдъ:—да только какъ бы и мнѣ, чортовъ сынъ, не влетѣло за такое мастерство, какъ тебѣ... Ну, да только—нѣтъ, не такой я дурень, чтобъ уговоры съ бабой дѣлать,—держи карманъ! Да и не годится мнѣ отказываться, разъ я похвалился... Опять же и товарища какъ не выручить?“

— А злая она, твоя жена?—спрашиваетъ.

— Нѣтъ, для меня не злая,—только любитъ ужъ очень... какъ пьявка впилась!—отвѣчаетъ казакъ.

— И неужто такъ-таки никому никогда и не моргнула даже?

— Въ томъ-то и бѣда, что ни разу!—вздохнулъ бѣдняга.

— Дивно мнѣ что-то...—отвѣчаетъ прадѣдъ нерѣшительно:—какъ будто и не бываетъ оно такъ на свѣтѣ... Ну, да, можетъ, поганая она изъ себя?

— Нѣтъ,—говоритъ:—не поганая,—видная молодица... на рѣдкость баба!

„Ишь ты какое диво!“—думаетъ прадѣдъ. Скребъ онъ затылокъ, долго скребъ, а, наконецъ, и согласился-таки,—даже слово казацкое далъ.

— Ну, хорошо...—говоритъ:—отчего бы и не помочь товарищу... Только и ты,—говоритъ:—свое обѣщаніе помни...

— Объ этомъ не безпокойся!—живо отвѣтилъ повеселѣвшій сразу казакъ.—Все будетъ, какъ хочешь... Такъ даешь слово?

— Даю тебѣ казацкое слово!—говоритъ прадѣдъ.—Только гдѣ же она, эта твоя жинка, чортъ бы ее взялъ, да и когда мнѣ...

Не договорилъ онъ: все ему еще какъ-то дивнымъ казалось.

— И объ этомъ не безпокойся,—придетъ часъ и узнаешь...—говоритъ казакъ.—Ну, а пока спи себѣ спокойно!

Сказалъ и исчезъ, какъ въ землю провалился. А прадѣдъ залѣзъ въ сѣно, сомкнулъ глаза и заснулъ сейчасъ же. Сколько спалъ—трудно сказать, а только слышитъ, вдругъ, трясетъ его кто-то, да здорово-таки трясетъ.

— Вставай же, пьяница!—оретъ чей-то сердитый голосъ:—очнись!.. Ишь какъ нализался, чортовъ сынъ!.. Ну, же, тебѣ говорю, пьяница!

„Вотъ такъ лается ни за что, ни про что человѣкъ...—думаетъ прадѣдъ, не открывая сонныхъ глазъ.—Да еще и нехорошо же лается, бисовъ сынъ!..“

— Ну-же!—тормошатъ его:—вставай, колода пьяная!.. Долго ли будешь ты, всѣ чорты твоему

батькѣ, какъ безногая кобыла валяться? Три ведра воды уже на чортову голову пошло, выльемъ и четвертое...

„Хочетъ, видно, человѣкъ попробовать, сильна ли у меня рука!..—думаетъ прадѣдъ:—ей же Богу хочетъ!“ Открылъ онъ глаза, наконецъ, да сейчасъ же и снова зажмурилъ,—такъ и рѣзнуло ихъ яркое солнце.

„Ишь ты, чудасія!—думаетъ:—былъ, кажись, вечеръ и вдругъ день сталъ... Можетъ, и ошиблось какъ-нибудь солнце спьяна“.

— Очухался!—слышитъ онъ надъ собою прежній голосъ.—Слава Богу, добудились, открылъ, чортовъ сынъ, глаза, да снова закрылъ... Вставай же, пьяная гадюка, а не то...

Тутъ ему дали такого здороваго штурханца*), что бѣдняга волей-неволей открылъ снова глаза. Смотритъ и себѣ не вѣритъ: стоитъ ясное утро, а два гетманскихъ стража, одинъ поменьше, потолще да поспокойнѣе, а другой повыше, потоньше и погорячѣе, такъ и бьются надъ нимъ.

— Очухался, чортовъ сынъ?... Вставай же!—говорятъ ему.

— А зачѣмъ бы мнѣ и вставать?—спрашиваетъ, недоумѣвая, прадѣдъ.

— Слышишь, Микито?—говоритъ тотъ, что погорячѣе, тому, что потолще:—и еще спрашиваетъ, бисовъ сынъ, зачѣмъ ему вставать... Гетманъ кличетъ!

*) Толчокъ кулакомъ въ ребра.

— Гетманъ кличетъ? — размышлялъ вслухъ прадѣдъ.—А зачѣмъ же бы это и понадобился я гетману?

— Вотъ такъ чудакъ!.. Микито!—слышишь, какой чудакъ!—удивился болѣе горячій посланецъ: — зачѣмъ понадобился гетману, спрашиваетъ... Да затѣмъ, чортовъ сынъ, чтобы повѣсить тебя на первомъ сукѣ,— вотъ зачѣмъ!

— А за что же меня и вѣшать, добрый человѣкъ?—такъ же невозмутимо спрашиваетъ прадѣдъ, все еще плохо соображая.

— Не пей горилки, бисово отродье!

— Не пей горилки!.. ишь что выдумалъ человѣкъ! — отвѣчаетъ прадѣдъ.—А развѣ же я на вартѣ*) стою, что мнѣ нельзя пить горилки?

— Что-жъ, Остапъ... — вмѣшался, наконецъ, спокойный Микита:—человѣкъ этотъ правду говоритъ. Если не на вартѣ, то отчего бы ему и не выпить горилки?.. На то она и горилка, чтобъ ее пить...

— Вотъ и видно сейчасъ разумнаго человѣка!—говоритъ прадѣдъ:—ей-Богу же видно... Не лается, какъ москаль или перекупка базарная, а умныя слова говоритъ... И, ей-Богу же, умныя! Какъ не пить горилки, когда на то и гонятъ ее люди?

— Ну-ну!.. разговаривай еще!—перебилъ его горячій Остапъ, однако, значительно уже по-

*) На часахъ.

мягче.—Сказано тебѣ: самъ вельможный гетманъ тебя кличетъ... Очухайся да иди!..

— Что-жъ, и пойду!—говоритъ прадѣдъ: — отчего не пойти,—и самому гетману такъ скажу... Святая правда,—люблю я горилку!—ну, а кто же ее и не любитъ, люди добрые?

Подмигнулъ тутъ прадѣдъ глазомъ, да такъ ловко подмигнулъ, что даже горячій Остапъ не нашелъ словъ и только крякнулъ какъ-то въ сторону. А Микита потоптался на мѣстѣ, потоптался, да вздохнулъ глубоко.

—. Оно такъ, конечно...—вздохнулъ почему-то еще разъ Микита:—всѣ ее, проклятую, любятъ... А только, все-таки, нужно тебѣ идти, казаче... нужно идти!..

II.

А прадѣдъ про все забылъ... И казака того забылъ, и уговоръ свой, и слово свое,—какъ рукой сняло! Такъ и отшибла у него память нечистая, знать, сила! Жутко ему стало, какъ понялъ, наконецъ, что и въ самомъ дѣлѣ поведутъ его къ гетману. Сами знаете, чай легко ли оно простому казаку было стать передъ ясными очами вельможнаго,—особенно, если душа чуяла кое-что такое за собой, что не всякому по вкусу оно пришлось бы. „Чтобъ это гетману понадобилось, и какъ же онъ

узналъ, вельможный,—думаетъ прадѣдъ:—что есть такой казакъ Перерубенко на свѣтѣ? Геге! безпремѣнно,—думаетъ,—это Солохины каверзы,—ей-Богу же ея, потому клялась вѣдьма, что и до вельможнаго доберется, какъ я съ кумой... того...—зачесалъ прадѣдъ чубъ.—А, можетъ, еще и не Солохины...—думаетъ:—можетъ Хивря, чорты-бъ ея батька взяли!.. тоже вѣдь зубъ на меня давно имѣетъ и тоже клялась... Ухъ, и липкая-жъ баба,—какъ деготь пристанетъ! Ге! а вотъ же и не Хивря,—ей-Богу, не она, а дьякъ... Никто другой, какъ дьякъ,—чтобъ ему подавиться!—наплелъ на меня!.. Такъ и есть, что дьякъ,—потому здорово саданулъ его, чорты-бъ его всѣ взяли, когда онъ застукалъ насъ въ коморѣ съ дьячихой... А, можетъ, и на дьяка напраслина... можетъ Гандзя вдова.:." Но тутъ уже сплюнулъ прадѣдъ съ досады, да и сталъ оправлять на себѣ жупанъ, поясъ подтянулъ, саблю прицѣпилъ, какъ слѣдуетъ. „Много ихъ наберется...—думаетъ:—не разберешь, которая это мнѣ подстроила, анаѳемскія души, чтобъ имъ въ нѣмецкой смолѣ кипѣть, да съ нечистымъ на томъ свѣтѣ цѣловаться!.. Эхъ!.. а правду же люди говорили, что нехорошо женихаться!"—вздохнулъ бѣдняга, да и сталъ ни живъ, ни мертвъ передъ гетманомъ. Глянулъ на него вельможный и усмѣхнулся довольный,—любилъ онъ, правду сказать, добрыхъ и рослыхъ казаковъ.

— Ты ли будешь Петро Перерубенко?—спрашиваетъ.

— Я самый, вельможный гетманъ! — отвѣчаетъ прадѣдъ съ поклономъ.—Такъ и батька моего звали...

А у самого такъ и дрожатъ поджилки...

— Такъ не онъ ли это,—опять спрашиваетъ гетманъ:—не отецъ ли твой въ Сѣчи отъ вина сгорѣлъ?

— Должно такъ, что онъ,—царствіе ему небесное! — отвѣчаетъ прадѣдъ: — потому что дѣйствительно такой слухъ въ народѣ ходитъ... Оно, конечно,—говоритъ:—смерть разная бываетъ, а только всякая въ рукѣ Божіей... такъ и въ Писаніи сказано!

И самъ себѣ удивился прадѣдъ, гдѣ у него смѣлость взялась на слово такое.

— И вѣрно, что сказано!—говоритъ вельможный. — Молодецъ же ты, Петро, что чтишь отцовскую память... А твой батько лихой казакъ былъ, славный лыцарь,—царствіе ему небесное!—и хорошо я его помню, потому что нѣкогда мы куренными товарищами были въ кошѣ... И враги наши, должно быть, хорошо его помнятъ, потому что всегда онъ, бывало, въ первыхъ рядахъ стоялъ... Дай Богъ и тебѣ такимъ быть!—говоритъ гетманъ.

Какъ заслышалъ эти слова прадѣдъ, такъ ровно бы полведра однимъ духомъ хватилъ, даже расцвѣлъ весь. Заходило въ груди казацкое вѣрное сердце, поклонился онъ низко гет-

ману, положилъ руку на рукоять сабли, да и говоритъ вельможному:

— Повели только, ясный гетманъ, батько казачій!—только слово скажи, и увидишь, что не осрамлю я памяти отцовской... До смерти стоять буду, и гдѣ велишь, тамъ и лягу головою!

Усмѣхнулся на такія слова довольный гетманъ.

— Хорошо отвѣтъ держалъ!—говоритъ:—казацкія это слова... Видно, не перемерли еще молодцы въ Украинѣ... Ну, а теперь скажи мнѣ, Петро,—спрашиваетъ:—за что тебя ласымъ зовутъ?

Даже въ жаръ кинуло прадѣда и глаза въ раскосъ пошли у бѣдняги.—„Ишь ты!—думаетъ:—дьякъ проклятый что надѣлалъ!“ Поперхнулся, но оправился казакъ,—нашелся:

— Не я себя зову такъ, вельможный, а люди... — отвѣчаетъ: — такъ имъ и знать за что...

Стоитъ весь красный, ровно ракъ вареный, очей поднять не смѣетъ, а гетманъ какъ засмѣется снова!

— Пусть и такъ будетъ, Петро...—говоритъ, смѣючись:—вижу, ловкій ты казакъ, правду мнѣ говорили о тебѣ... Ну, да не наласовался ли ты ужъ достаточно, не пора ли за дѣло, казакъ? а?—И зорко глянулъ на него вельможный.

Сразу отлегло у прадѣда на сердцѣ.

— Не бѣгу я отъ казацкаго дѣла, вельможный гетманъ!—отвѣчаетъ смѣло:—укажи только! Въ адъ пошли, и туда пойду...

— Ну, въ адъ оно далеко будетъ, да и незачѣмъ пока...—засмѣялся снова гетманъ:—а пошлю я тебя, Петро...—все-таки, пошлю, потому что мнѣ указали тебя, какъ добраго казака, а такого мнѣ и нужно. Да и самъ я,—говоритъ вельможный:—вижу, что ты малый не промахъ. Слушай же, Петро, да хорошо слушай, а языкъ, смотри, держи самъ крѣпко за зубами... Проберись къ хану Селимъ-Гирею *) и во что бы то ни стало постарайся склонить его на нашу сторону,—я и грамоту тебѣ дамъ къ нему... Въ дружбѣ съ нимъ были мы до сихъ поръ, проси же его, чтобы не измѣнилъ этой дружбѣ и подалъ намъ помощь. Если самъ не можетъ, пусть пришлетъ съ ордой сына своего Азамата. Да скажи ему, что и Сѣрко съ запорожцами теперь на нашей сторонѣ. Стоитъ же ханъ съ таборомъ **) подъ Перекопомъ,—проберешься ли ты Лугомъ? ***)—И снова зорко оглядѣлъ его гетманъ.

— Проберусь, если Богъ поможетъ...—твердо отвѣтилъ прадѣдъ:—а не проберусь, значитъ, и ждать меня живымъ нечего будетъ.

---

*) Селимъ-Гирей (1671—1678)—крымскій вассалъ султана, долго воевавшій съ Москвою и помогавшій Дорошенкѣ.

**) Отрядомъ.

***) Великій Лугъ—днѣпровскія плавни, болотныя, покрытыя камышомъ, а мѣстами—густыми порослями вербы, осоки и кое-гдѣ даже дуба,—въ тѣ времена, конечно.

— Хорошо, Петро!—говоритъ вельможный.— Такъ. Ну, а грамоту мою не отнимутъ у тебя?

— Развѣ у мертваго...—отвѣчаетъ прадѣдъ.

— Ни у живого, ни у мертваго, — слышишь, казакъ?!—внушительно заговорилъ гетманъ.— Помирать будешь — смерть задержи и сначала грамоту уничтожь. Для того и совѣтую тебѣ выбрать товарища въ путь — самъ выбери... вдвоемъ спорѣе будетъ... Ну, ступай же, казакъ,—вотъ тебѣ моя грамота и пусть хранитъ тебя Пречистая... Прощай, Петро!

Пошелъ прадѣдъ веселый,—какой казакъ не повеселѣлъ бы отъ такой чести?—живо снарядился, товарища себѣ выбралъ хорошаго, побратима своего, да и вскочилъ на вороного, а конь у него былъ знатный,—у мурзы татарскаго взялъ онъ его съ бою. Не одна молодица на встрѣчу ему выбѣгала,—куды, Петро, Богъ несетъ?—спрашивала съ тревогой и глазами на садочекъ моргала, да не таковъ покойный былъ, чтобъ отъ казацкаго дѣла по садамъ шляться. Выѣхали казаки въ поле, прадѣдъ и говоритъ побратиму:

— Вотъ что я скажу тебѣ, Тарасъ, побратимъ мой... Ѣдемъ мы,—говоритъ:—по большому дѣлу,—нужно намъ зарокъ дать, чтобы бѣды не вышло.

— Какой зарокъ?—спрашиваетъ его побратимъ, Тарасъ Квачъ.

— А такой зарокъ,—говоритъ:—чтобы первона-перво съ бабами не женихаться.

— Цуръ имъ и пекъ!—отвѣчаетъ одноглазый Квачъ (другой глазъ ему вышибли въ бою ляхи).—Развѣ не знаешь ты, Петро, что я неособенно охочъ до нихъ, то-есть не такъ я, правду сказать, какъ онѣ до меня не охочи?

И правду говорилъ человѣкъ, потому хоть и славный былъ вояка, а съ виду не очень-то бабамъ нравился.

— Чтобъ имъ, сорокамъ,—говоритъ:—такое приснилось, какое у чорта рогатаго бываетъ! И знать ихъ не хочу... А какой же еще зарокъ будетъ, Петро?—спрашиваетъ.

— А такой зарокъ еще,—говоритъ прадѣдъ:—чтобъ горилки не пить.

Поскребъ побратимъ затылокъ.

— Горилки не пить... вишь ты!—говоритъ, да и задумался немного.

— Эге-жъ!—отвѣчаетъ прадѣдъ.—Въ такомъ дѣлѣ нельзя иначе, побратимъ мой...

Чесалъ бѣдняга подъ шапкою, чесалъ, да и повеселѣлъ снова.

— А зачѣмъ бы мнѣ,—говоритъ, наконецъ:—и зарекаться, когда она, проклятая,—чтобъ ей ни отца, ни матери не знать!—и такъ ужъ какъ будто опротивѣла мнѣ вовсе?.. Ей же Богу опротивѣла!—говоритъ Квачъ и даже сплюнулъ.

— Тѣмъ и лучше!—отвѣчаетъ прадѣдъ.—Ну, а мнѣ, грѣшному, признаться не дошло до этого. Тянетъ меня, чтобъ тому въ огнѣ горѣть, кто ее выдумалъ! Ну, да я больше ма-

ленькой чарки пить не буду... Такъ, са-амую маленькую, какъ бабій глотокъ... не больше...

— Одну чарку, да еще маленькую,—говоритъ побратимъ:—оно, конечно, ничего не значитъ! А только же правду говорю я, что опротивѣла она мнѣ... Вотъ лопни глазъ мой послѣдній, если вру...

И погнали казаки коней.

III.

Ѣхали казаки, ѣхали, много пути проѣхали, всего натерпѣлись молодцы, много кое-чего насмотрѣлись, бѣду всякую видѣли, а кое-гдѣ и до сабель у нихъ доходило... Ну, да выбрались въ степь, наконецъ, сворачиваютъ уже къ Великому Лугу. И кони даже повеселѣе стали, степь почуявъ,—пофыркиваютъ широкими, горячими ноздрями, идутъ себѣ вольнымъ ходомъ. Куда ни глянь,—все степь, да степь одна, а надъ нею, зеленою, опрокинулось куполомъ голубое небо, точно бы необъятная бирюзовая чаша, и упирается краями въ землю. Кругомъ „ни кусточка, ни бугрочка",—вольно ходитъ вѣтру, и тихо колышетъ онъ высокую, зеленую траву, отчего и кажется, будто плыветъ степь, какъ вода движется. И солнце веселѣе свѣтитъ надъ степью, потому что и въ степи, какъ въ морѣ, не бываетъ тѣни,—нечему и

некому закрывать свѣтъ ясный. Только отъ всадника тянется тѣнь, да отъ высокихъ степныхъ могилъ ложатся темныя пятна, но могилы такъ же рѣдко встрѣчаются въ степи, какъ и всадникъ... Вотъ и орелъ еще, когда, распластавъ широкія крылья, взлетаетъ надъ степью, кидаетъ на нее быстро улетающую тѣневую дымку...

Ѣдутъ казаки день, ѣдутъ другой, вотъ и третій къ концу подходитъ,—немного уже пути имъ осталось. Спустилось солнце, мѣсяцъ блѣднолицый показался, уже и зори тихія коегдѣ заалѣли,—пора привалъ дѣлать. Подъѣхали казаки къ высокой могилѣ, стреножили коней, разостлали свои свиты, сѣдла подъ головы положили, въ головахъ, какъ водится, воткнули копья, а съ боковъ пистоли поклали, да и спать собрались. Только слышатъ, вдругъ, ровно бы завыло что въ степи.

— Я не я буду,—говоритъ чуткій Квачъ:—если это не песъ воетъ.

— Нѣтъ!..—отвѣчаетъ прадѣдъ:—быть этого не можетъ. Откуда же,—говоритъ:—и взяться псу, когда жилья кругомъ нѣтъ?... Не песъ это...

— А что же по-твоему? — спрашиваетъ побратимъ.

— Кто его знаетъ,—говоритъ:—что...— мало ли въ степи чего водится? Разное водится...

— А вотъ же и песъ,—отвѣчаетъ побратимъ, прислушавшись:—ей же Богу, песъ...

— А и не песъ!—упирается прадѣдъ. Любилъ онъ всегда на своемъ настоять.

Даже вскочилъ побратимъ.

— Не песъ—говоришь? Давай объ закладъ, что песъ! Ставь полкварты...

— Что-жъ,—и поставлю!—отвѣчаетъ упрямый прадѣдъ:—отчего не поставить... Только ставить намъ нельзя,—помнишь зарокъ, чай?.. Да и опротивѣла-жъ она тебѣ, говорилъ ты...

Почесался малый.

— Такъ-то оно... такъ...—отвѣчаетъ:—чтобъ ею чорту подавиться!... Ну, а все-таки—песъ это..

— А вотъ же-жъ и нѣтъ!—упирается прадѣдъ.

— Ну, стой же, коли такъ...— разсердился Квачъ:—взберусь я на могилу, да и погляжу съ нея,—можетъ, что и увижу... Посмотримъ, чья правда будетъ!..

Влѣзъ Тарасъ на могилу, оглядѣлся кругомъ, да и кличетъ весело прадѣда.

— А, ну-ка, лышень, иди сюда,— погляди, что намъ Богъ послалъ!

Полѣзъ себѣ и прадѣдъ, посмотрѣлъ вдаль,— что за диво, въ самомъ дѣлѣ? Видитъ,—такъ, въ верстѣ, не больше,—глубокая балка, а въ ней какъ бы хата стоитъ и такъ и свѣтитъ въ окна огнями.

— Что за диво?—говоритъ:—и въ самомъ дѣлѣ жилье!

— Не жилье,—кричитъ повеселѣвшій Тарасъ:—а корчма...

— Можетъ, и корчма...

— Ей же Богу, корчма!—говоритъ побратимъ:—я духомъ чую ее... Потяни, Петро, носомъ,—развѣ не учуешь горилки?

Потянулъ прадѣдъ носомъ и даже сплюнулъ.

— И въ самомъ дѣлѣ,—говоритъ:—какъ будто слышно... Ишь, ты, анаѳемская, какъ далеко разитъ!

Сошли они, задумавшись, съ могилы, а Тарасъ и говоритъ ему:

— Не завернуть ли намъ въ корчму, побратимъ?... Ей-Богу же, лучше завернуть... Въ степи оно, какъ будто, и не такъ, чтобы совсѣмъ хорошо ночевать, да и конямъ овесъ найдется, а давно они, бѣдные, овса не видали... подтянулись на травѣ одной...

— Оно бы можно...—отвѣчаетъ прадѣдъ:—отчего же и не завернуть? Извѣстное дѣло, въ корчмѣ не въ примѣръ лучше будетъ, чѣмъ въ степи голой, да только боязно мнѣ, побратимъ,—самъ знаешь, по какому дѣлу ѣдемъ... Тебѣ оно ничего,—говоритъ:—коли проклятая горилка опротивѣла и въ ротъ не идетъ,—ну, а меня она потянетъ... За версту, вотъ, и то въ носу крутитъ, чтобъ ей горько стало!

— А ты не пей!—говоритъ Квачъ:—пусть себѣ крутитъ... Плюнь на нее, поганую! Развѣ такъ... самую маленькую, отъ холода...

— Нѣтъ,—говоритъ прадѣдъ:—знаю я себя... Не пойду!

— А иди-жъ, побратимъ!

— А вотъ же и не пойду... ей-Богу, не пойду, хоть силкомъ тащи...—отвѣчаетъ прадѣдъ. — Иди себѣ одинъ...

Поговорили они такъ, поговорили, да и побѣжалъ побратимъ одинъ.

— Погляди,— сказалъ:— Петро, коней, а я духомъ сбѣгаю,—обогрѣюсь только, потому что оно, какъ будто, и морозитъ меня малость... Да и овса кстати конямъ прихвачу...

И остался прадѣдъ одинъ въ степи.

IV.

Ой, и свѣтитъ мѣсяцъ, свѣтитъ ясный,— вся степь широкая мрѣетъ отъ него молочнымъ свѣтомъ, только въ балку не хочетъ заглянуть бѣлолицый, оттого и стоитъ такой глубокій мракъ въ темной балкѣ. Нехорошее, знать, мѣсто, потому, извѣстно, что заказано оно мѣсяцу Господомъ заглядывать туда, гдѣ недоброе творится, да на бѣду свою не всѣ люди это помнятъ. Смотритъ мѣсяцъ казаку прямо въ очи, потому что чиста душа казацкая, и тотъ слѣдитъ за нимъ очами, какъ плыветъ онъ безшумно по небесной степи, кое-гдѣ только задѣвая легкія тучки, отчего онѣ и загораются сейчасъ же чистымъ серебромъ да золотомъ. Глядитъ прадѣдъ и на тихія, ясныя зори, какъ онѣ другъ къ дружкѣ въ гости летаютъ, хороводы по небу кружатъ, а не то

и „шуляка“ *) играютъ, отъ котораго улепетываютъ такъ быстро, что и глазомъ не услѣдишь. Долго лежалъ онъ такъ и глядѣлъ, а все ему сна не было. Только, вдругъ, слышитъ: задрожало, зазвенѣло, звякнуло что-то въ тихомъ, неподвижномъ воздухѣ. Прислушался казакъ, а это музыка звенитъ, такъ и расплывается изъ балки по степи... Бубенъ гремитъ, скрипочки „гандзю“ напиливаютъ, такъ и заливаются,—цимбалики то звякнутъ, задрожатъ легкимъ тихимъ стономъ, то замрутъ на мгновенье,—хоть сейчасъ въ плясъ иди!—такъ и зовутъ, манятъ казацкую душу. „Ге!—думаетъ прадѣдъ:—а это, знать, въ корчмѣ банкетъ идетъ, да и знатный же, видно, банкетъ, чортъ бы его взялъ! Вотъ и засидѣлся товарищъ въ теплой корчмѣ, а ты лежи себѣ въ степи колодою!“ Разсердился даже прадѣдъ, но сейчасъ же вспомнилъ, что грѣхъ оно на побратима сердиться. „Лучше бы,—думаетъ:—чѣмъ сердиться, провѣдать бы его,—не приходитъ ли ему бѣда какая?“ Грѣхъ оно, извѣстное дѣло, побратима въ бѣдѣ оставлять. Думалъ такъ прадѣдъ, думалъ, а музыка гудитъ себѣ и топотъ даже доноситься сталъ,—ровно бы гопака люди откалывали. И надумай онъ вдругъ, что и въ самомъ дѣлѣ ему провѣдать должно: не въ бѣдѣ ли какой таварищъ?... Покрутилъ усъ, поднялся, сѣлъ, послушалъ еще немного, головой раскинулъ и говоритъ себѣ, наконецъ:

*) Игра въ ястреба.

„А что-жъ?.. оно и ей-Богу слѣдуетъ побратима провѣдать,—можетъ, и въ самомъ дѣлѣ ему бѣда какая грозитъ, не дай Боже!“ Хорошій товарищъ былъ прадѣдъ, вѣрный.

Всталъ на ноги, подтянулъ саблю, коней осмотрѣлъ, хорошо ли стреножены, да и побрелъ въ балку на выручку побратима, если бы тому что-нибудь понадобилось. Идетъ, видитъ—горитъ корчма огнями, музыка гудитъ, плясъ слышенъ, и чѣмъ ближе, тѣмъ сильнѣе гудитъ,—такъ и заливается музыка, такъ и выстукиваютъ каблуками гопъ, да гопъ!—даже воздухъ дрожитъ.—„Ишь ты, дьявольская музыка,—говоритъ:—какъ хорошо играетъ, анаѳемская,—сами собой ноги выкрутасы разные выдѣлываютъ!“—чуть не заплясалъ даже прадѣдъ. Подходитъ, заглянулъ въ одно окно,—жидъ-корчмарь съ жидовкой да бахурами своими шабашъ справляютъ. „Вотъ оно какъ!—думаетъ:—такъ завтра, значитъ, воскресенье будетъ!“—За дорогу казаки и дни потеряли. „Что же это за нехристи подъ праздникъ банкетъ справляютъ?“—говоритъ недумѣвая, а у самого такъ и вывертываетъ ноги дьявольская музыка. Подошелъ къ другой половинѣ, смотритъ,—Господи ты Боже мой!—одни пани да паны,—полная корчма пановъ,—музыка пилитъ, мазурку откалываютъ, а съ боку, въ сторонкѣ, на таганкѣ варенуху *) варятъ,

*) Водка, прокипяченная въ плотно замазанномъ горшкѣ съ пряностями и медомъ.

да такую славную варенуху, что у прадѣда черезъ стекло и то въ носу завертѣло... Только духъ успѣлъ затаить, а то и чихнулъ бы такъ на всю степь широкую. „Ишь ты,—думаетъ?!.. какую знатную штуку варятъ бисовы дѣти! И что это у нихъ за праздникъ такой сегодня,— Не чорта ли къ себѣ въ гости ждутъ?“

Почесалъ чубъ въ недоумѣньи, да и вспомнилъ про товарища. Ищетъ его глазами, когда,— глядь!—анъ побратимъ на лавкѣ сидитъ, съ панями жартуетъ, туды-сюды однимъ своимъ окомъ стрѣляетъ, точно бы и не вѣсть какой парубокъ. Даже себѣ не вѣритъ прадѣдъ и ротъ раскрылъ.

— Вишь, чортовъ сынъ!..—говоритъ:—а еще увѣрялъ, что и неохочъ будто!... Да и то удивительно,—думаетъ:—съ чего это пани такъ и льнутъ къ нему, одноглазому, ровно мухи на медъ липнутъ? Что за чудасія?—Покрутилъ прадѣдъ усъ и только было подумалъ, не зайти ли ему въ корчму, побратима провѣдать, анъ тутъ кто-то хлопъ его по плечу. Обернулся покойный—и самъ себѣ не вѣритъ: стоитъ передъ нимъ,—видитъ,—какой-то блѣдный, преблѣдный казакъ въ богатомъ жупанѣ, смотритъ въ глаза и улыбается блѣдными губами.

— Здорово, Петро! —говоритъ:—не признаешь, что ли? Неужто такъ-таки и забылъ ты уговоръ нашъ?

Тутъ только вспомнилъ прадѣдъ и казака того, и уговоръ свой.

— Бувай здоровъ!— отвѣчаетъ изумленный и даже отступилъ на шагъ, точно не вѣсть что увидѣлъ. —А признаться-таки,—говоритъ: —и забылъ я... Совсѣмъ память отшибло!

— Не бѣда!—отвѣчаетъ казакъ: —лишь бы теперь вспомнилъ... Ну, сдержи свое слово, выручай, Петро!

Икнулъ слегка прадѣдъ, зачесалъ поясницу и совсѣмъ не знаетъ, бѣдняга, что и сказать ему.

— Гдѣ же мнѣ,—говоритъ, наконецъ: —выручать тебя?

— А здѣсь же...—отвѣчаетъ блѣдный казакъ.

— Вотъ такъ оказія!—удивляется прадѣдъ.— Ну, а гдѣ же она, къ примѣру, твоя баба?

Взялъ казакъ прадѣда за плечо, подвелъ его къ крайнему окну корчмы, указалъ въ это окно пальцемъ и сказалъ ему только: „Гляди!“ Глянулъ прадѣдъ, да такъ и замеръ на мѣстѣ.

Такой дивной красы не видали еще его очи. Да и не слыхалъ онъ, чтобы могла быть такая красота на свѣтѣ, потому что, казалось ему, и глядѣть было страшно на красавицу, что предстала вдругъ его изумленному взору. Съ какимъ-то содроганіемъ глядѣлъ онъ на длинныя, до полу, черныя, густыя косы, на бѣлое чело, какъ бы вырѣзанное изъ кости, на тонкія, точно выведенныя дугой брови и длинныя рѣсницы, на эти глаза, въ которыхъ таился какой-то страшный пламень вмѣстѣ съ безъисходною грустью. Жутко стало ему, но невольно потянулась его рука къ черному усу...

Какъ ни жутко было, а все-таки неотразимо влекли къ себѣ добраго парубка и эти сочныя и тонкія, вмѣстѣ съ тѣмъ, губы, точно вымазанныя алою кровью, и эта пышная грудь, мѣрно дышавшая подъ расшитою сорочкой... Здорово закрутилъ казакъ молодецкій усъ, пожирая глазами сидѣвшую въ тоскѣ красавицу.

„Ге, а чего-жъ она тоскуетъ такъ, голубка, когда тутъ банкетъ идетъ?“—подумалъ онъ, и только подумалъ, какъ сейчасъ же и зашепталъ ему блѣдный казакъ:

— Оттого тоскуетъ, — шепчетъ: — что меня нѣтъ съ ней... По уговору, мы видаемся только съ полуночи, Петро, ну, а съ полуночи, самъ знаешь, наступаетъ праздникъ... По праздникамъ мнѣ воля полагается и тебѣ въ самый разъ приступить!—говоритъ.

— Ге! — подумалъ прадѣдъ, лихо улыбнувшись:—чтобъ мнѣ ни капли горилки въ ротъ не попало, если-бъ я въ праздникъ ли, въ будень ли да ушелъ бы отъ такой голубки! Что я за дурень такой? Не я у нея, а она у меня запросила бы себѣ на праздникъ воли!—Обернулся прадѣдъ, чтобы сказать это самое казаку, анъ того и слѣдъ простылъ! Удивился онъ, да не до того ему теперь было, чтобъ удивляться чему-нибудь. Закрутилъ онъ усъ, поясъ поправилъ, шапку сдвинулъ на ухо и только-было собрался жартъ выкинуть,—въ оконце постучать красавицѣ,—какъ вспомнилъ, вдругъ, про коней да оружіе въ степи.

„Нѣтъ!—думаетъ:—прежде коней сюда приведу и скарбъ заберу“...

Исправный казакъ былъ,—одно слово!

V.

Много ли, мало ли времени провозился прадѣдъ въ степи,—извѣстное дѣло, не медлилъ онъ, — но какъ вернулся назадъ, въ корчмѣ какъ будто и потише стало, грохоту такого не было. Можетъ, кто и домой уѣхалъ, нагулявшись досыта, а, можетъ, и варенуха проклятая, отъ которой у него все еще въ носу шиломъ крутило, угомонила пировавшихъ... Кто же не знаетъ, что отъ нея, анаѳемской, и добрый казакъ порой клонится, какъ былиночка отъ вѣтра, а то-жъ была еще и хорошая варенуха, какой не доводилось никогда прадѣду и носомъ чуять. Выстукалъ онъ въ оконце жидакорчмаря, спросилъ, гдѣ ему коней поставить, овса спросилъ, самъ отсыпалъ имъ по хорошей мѣрѣ, оправился, да и пошелъ отъ стойла черезъ дворъ въ корчму. Идетъ, сдѣлалъ шагъ, другой, только-что поднялъ ногу, чтобъ еще ступить, да какъ наткнется на что-то живое, такъ чуть и не растянулся пластомъ...—„Съ нами крестная сила!..—говоритъ.—Кто это лежитъ колодою на пути, чтобъ ему глаза выскочили?“ Когда приглядѣлся,—анъ это его

побратимъ барахтается и никакъ, бѣдняга, на ноги подняться не можетъ.

— Пусти меня! — бормочетъ, самъ не зная кому:—не держи!... Вотъ, поднимусь, такъ такого задамъ тебѣ!..—грозитъ.

— Перекрестись!—говоритъ изумленный прадѣдъ. — Очумѣлъ ты, что ли? Кто тебя держитъ?...

— А кто-жъ его знаетъ кто?—бормочетъ въ отвѣтъ побратимъ. — Знать, —нечистая сила, добрый человѣче! Видишь, вонъ, ноги не слушаютъ!...

Разсердился тутъ прадѣдъ и поднялъ малаго за чубъ.

— Да ты,—говоритъ:—никакъ всѣ клепки съ головы растерялъ въ корчмѣ!... И меня уже не признаешь?...

А тотъ стоитъ, шатается, да только глазомъ однимъ хлопаетъ. Здорово потрясъ его прадѣдъ.

— Ахъ, ты, пьяница!..—говоритъ:—а еще и брехалъ, что опротивѣла ему горилка, а? Смотрите, люди добрые!

Очухался тутъ побратимъ и тоже себѣ не вѣритъ. Скребетъ только поясницу да сплевываетъ.

— Ей-Богу-жъ,—отвѣчаетъ:—не брехалъ я... Ей же Богу, что опротивѣла...

— Опротивѣла! — разсердился прадѣдъ. — А зачѣмъ же ты нализался такъ, чортовъ сынъ?

— А вотъ же и не нализался!—отвѣчаетъ.— Ей же Богу, что не нализался, Петро,—ни ка-

пельки не покоштовалъ... Даже и усовъ не замочилъ...

— Отчего же ты на ногахъ не стоишь?—не вѣритъ ему прадѣдъ.

— Отъ духу, — говоритъ: — не стою, знать... Вотъ отъ чего...

— Отъ какого духу?

— Да отъ того самаго,—отвѣчаетъ:—отъ варенухи этой анаѳемской!.. Такой отъ нея духъ, Петро, такой духъ шелъ, что вотъ и ноги не держатъ.

— Положимъ,—говоритъ прадѣдъ:—духъ отъ нея крѣпкій, что и говорить! У меня самого,—говоритъ:—черезъ стекло, и то въ носу комари закусали, чтобъ ей до дна выкипѣть! А только, все-таки, дивно мнѣ это, побратимъ, чтобъ отъ духу одного казакъ свалился. Развѣ вотъ отъ того, можетъ быть, что опротивѣла она тебѣ и душа не принимаетъ?

— Эге-жъ, Петро... отъ того!—говоритъ:—отъ самаго... Ей-Богу-жъ отъ того!

— Ну, а въ корчмѣ,—спрашиваетъ прадѣдъ:—ты зачѣмъ съ панями женихался?

— Кто?!. я?—удивляется Тарасъ.

— А кто же?—говоритъ прадѣдъ:—конечно, ты, а не я.

— А вотъ же и не думалъ, Петро! Чтобы мнѣ,—говоритъ:—на коня не сѣсть,—что и не думалъ даже... Это онѣ, сороки, со мною женихались, а не я съ ними... Цуръ имъ и пекъ, стрекотухамъ! Эхъ, Петро!—говоритъ:—не въ

доброе, кажись, мѣсто попали мы съ тобою... Ей Богу же,—въ недоброе...

Дивится прадѣдъ и самъ думаетъ, что недоброе оно въ самомъ дѣлѣ мѣсто, да ничего не подѣлаешь,—нужно уговоръ исполнить, слово казацкое додержать.—„Опять же и красавица такая!“—думаетъ. Хотѣлъ онъ затылокъ почесать, чтобы лучше разумомъ пораскинуть, пустилъ плечо побратима, а тотъ и грохнулся сейчасъ, такъ и не стоитъ на ногахъ.

— Охъ, Петро!—со сна бормочетъ:—дай ужъ мнѣ выспаться... сильно дремота клонитъ...

И захрапѣлъ онъ тутъ же. Постоялъ прадѣдъ, почесалъ чубъ, покрутилъ усъ, заложилъ его молодецки за ухо, сплюнулъ, да и пошелъ въ корчму.

VI.

Гуляютъ себѣ паны и пани въ корчмѣ, варенуху пьютъ, отъ которой такой чудный духъ идетъ, жартуютъ промежъ себя, а прадѣдъ все стоитъ, какъ сталъ онъ въ боковушкѣ передъ грустною красавицей, и слова вымолвить не можетъ. Онѣмѣлъ казакъ, хоть и не глядитъ на него та, не замѣчаетъ, ровно бы и нѣтъ его совсѣмъ, даже не обернулась ни разу. Мало ли, долго ли глядѣлъ онъ такъ, только все же опомнился, наконецъ,—покрутилъ усъ, да и говоритъ ей, хотя и робко сначала:

— А глянь же, — говоритъ: — красавица на меня... хоть глазкомъ однимъ погляди!—проситъ,

Даже не обернулась молодица.

— Зачѣмъ мнѣ глядѣть на тебя?—отвѣчаетъ холоднымъ, насмѣшливымъ голосомъ.

— А затѣмъ, голубка моя,—говоритъ прадѣдъ:—что нѣтъ тебя краше на свѣтѣ... Такъ и молитъ душа твоего взгляда...

— Не новость мнѣ это...— отвѣчаетъ: — надоѣло мнѣ слышать одно и то же...—И даже плечомъ повела съ досады.—Не наглядишься... много васъ такихъ-то наберется,—всѣ попросятъ!

— Ге, ге!—засмѣялся уже смѣлѣе прадѣдъ, довольный, что какъ-нибудь, а завелъ-таки разговоръ.—Ге... ге! А вотъ же и глянь... можетъ быть, я да и не такой какъ всѣ!

— Ты?—спрашиваетъ полупрезрительно красавица. Повернулась и глянула.

Жаромъ запылало прадѣдово сердце отъ ея взгляда,—ровно бы мѣткая татарская стрѣла впилась въ это сердце, но и съ красавицей сталось что-то неладное. Глянула—и не можетъ опустить длинныхъ рѣсницъ, не можетъ отвести широко раскрытыхъ изумленіемъ очей. Сами собой полуоткрылись удивленныя чудныя уста и замѣтно, хотя и слабо, зардѣлись румянцемъ ея щеки.

— Какъ ты похожъ...—говоритъ удивленнымъ шепотомъ, но спохватилась, не договорила.

— На кого, голубка?—спрашиваетъ прадѣдъ, усмѣхаясь.

— Все равно,—говоритъ:—на кого, казакъ... а только страшно похожъ... Словно двойникъ...

Понялъ прадѣдъ, о комъ рѣчь, и сразу осмѣлился. Присѣлъ на лавку рядомъ съ изумленною красавицей, да и повелъ свое дѣло казакъ. Какъ ужъ тутъ онъ крутилъ, водилъ, а только зашутили они шутки промежъ себя,—мастеръ былъ на то, что и говорить! Шутилъ онъ, шутилъ, да и протяни руку, какъ всякій добрый казакъ ее протягиваетъ, когда шутитъ съ бабой.—А, ну,—говоритъ:—погляжу,—тонко-ль оно, полотно, на твоей сорочкѣ!—сказалъ, да вдругъ и хвать назадъ руку,—такое холодное нащупалъ, чуть не вскрикнулъ. „Эге-жъ!—думаетъ:—а она же и вѣдьма!... Ей-Богу же, знать, вѣдьма... Ну, да пусть себѣ будетъ... Много ихъ такихъ... какъ тутъ разбирать, которая вѣдьма, а которая нѣтъ?“

А красавица насупилась и даже вздрогнула сердито.

— Какія у тебя,—говоритъ:—горячія руки, казакъ!

— Отъ любви это...—отвѣчаетъ прадѣдъ.

— Отъ любви?—повторила та насмѣшливо и презрительно вмѣстѣ.—Всѣ вы говорите о любви, а никто изъ васъ и любить не умѣетъ...—И вздохнула горько.

— Ну, ужъ неправда!—обидѣлся прадѣдъ:—можетъ, кто и не умѣетъ, а только я, слава

Богу, этого еще ни отъ одной бабы не слыхалъ...

— Такъ отъ меня,—говоритъ,—послушай!

— Знать, плохо тебя любитъ человѣкъ твой, что ты и на другихъ клепаешь...—говоритъ, усмѣхаючись, раздосадованный прадѣдъ.

Обидѣлась та, такъ и вспыхнула, огнемъ загорѣлись очи.

— Меня?—гордо переспросила красавица:—да онъ рабомъ моимъ сталъ, такъ меня любитъ! Я покорила его, у него и воли своей не стало: захочу только,— онъ весь мой! Но мало мнѣ этого, казакъ...—грустно уже заговорила красавица:—другого проситъ душа, мало ей радости въ такой любви...

— А чего-жъ бы тебѣ еще хотѣлось, къ примѣру?—спрашиваетъ прадѣдъ.

— А того хотѣлось бы,— заговорила она страстно, и чудныя очи ея зажглись горячимъ желаніемъ:—того хотѣлось бы, казакъ, чтобы не я только покорила его, а и онъ меня! Чтобы не по моей волѣ сталъ онъ моимъ, а по своей же, чтобы, отдавъ мнѣ свою душу, онъ вѣчно желалъ бы меня, а не избѣгалъ, и такимъ желаніемъ самъ бы властвовалъ надо мной!... Да гдѣ тебѣ, казакъ, понять мое желаніе,—всѣ вы хуже всякой слюнявой бабы будете... Вамъ только глазомъ моргни, вы и отца съ матерью забудете!—съ вызывающимъ презрѣніемъ сказала красавица, а глаза ея такъ и впились въ прадѣда съ насмѣшкой.

Вспыхнулъ, вскочилъ казакъ на такія рѣчи, да и закрутилъ молодецкій усъ гнѣвно.

— Нѣтъ, стой!.. — говоритъ: - не всѣ такіе, неправда твоя!

И хорошъ же сталъ казакъ при этомъ, дивно хорошъ, молодецъ молодцомъ! Заблестѣли у него глаза, заходила богатырская грудь и смѣло посмотрѣлъ онъ красавицѣ въ очи, а та еще шире раскрыла ихъ, на него глядя: точно бы невиданное видѣла она.

— Нѣтъ,—говоритъ прадѣдъ:—плохой тотъ казакъ, что за бабой забудетъ то, что ему помнить должно... Не такой я!

Разсмѣялась красавица. Такъ и покатился звонкимъ серебромъ ея холодный, вызывающій, презрительно-надменный смѣхъ по всей корчмѣ и разсыпался, казалось, гулкимъ эхомъ далеко-далеко въ мирно дремавшей и молчаливой степи. Холодомъ разилъ этотъ смѣхъ и зло разобрало отъ него прадѣда, обидѣлся онъ,— гордый казакъ былъ. Закусилъ усъ...

„Ну, постой же, вѣдьма!—думаетъ:—гляди, чтобъ и я не смѣялся еще!“

А та выдвинула капризно свои чудныя уста, сощурила слегка глаза, склонила на бокъ голову и говоритъ ему, все еще дрожа отъ смѣха, не то дразня, не то насмѣхаясь:

— Молоко, знать, казакъ у тебя еще не совсѣмъ обсохло на губахъ, оттого и говоришь хвастливыя рѣчи... Только бы захотѣла я, и все забылъ бы ты для меня на свѣтѣ...

— А вотъ же и не все!—задорно отвѣчаетъ прадѣдъ.

— Не все, говоришь?—надменно и обидчиво протянула та, сверкая очами.—Не все? Ой, не хвались, казакъ!.. пожалѣй свои молодые годы!—и вызываетъ и насмѣхается красавица.—Ни за что загубишь жизнь свою... за одно мое слово отдашь ее,—только пожелаю...

— Жизнь?— говоритъ прадѣдъ:—да, жизнь, пожалуй, и не пожалѣю для тебя, красавица... Да и какой казакъ жалѣетъ свою жизнь? Ну, а большаго... нѣтъ,—говоритъ:—большаго не отдамъ тебѣ!...

Раззадорилъ ее казакъ. Извѣстное дѣло,—ничѣмъ не проймешь такъ красивую бабу, какъ словомъ такимъ. Завертѣлась...

— Не отдашь?.. ой-ли?—вызывающе стала дразнить она.—Большаго не отдашь?.. ха, ха, ха!—смѣется красавица.—И душу отдашь, товарищей бросишь, самое мѣсто, гдѣ родился, забудешь... забудешь, кто ты и за чѣмъ послалъ тебя твой гетманъ... А въ тайную грамоту, что далъ тебѣ вельможный, — говоритъ она съ ядовитымъ смѣхомъ: — заверну я свои яркія ленты!...

Такъ и вздрогнулъ казакъ, такъ и вспыхнулъ, какъ порохъ. „Неужто-жъ,—думаетъ,—проговорился побратимъ? Ахъ, онъ чортовъ сынъ!“ Разгнѣвался онъ казацкимъ гнѣвомъ, поднялъ гордо голову и крѣпко сжала стальная рука рукоять отцовской сабли.

— Слушай!— говоритъ смѣлымъ, громкимъ голосомъ:—не хвалился я, не пустыя слова говорилъ, что и жизнь за тебя не пожалѣлъ бы, потому что,—говоритъ,—развѣ только слѣпой пожалѣлъ бы ее за такую красоту... Но, слушай,—не болтай зря пустыхъ рѣчей, не касайся того, что не бабьяго разума дѣло! Видишь ты эту старую отцовскую саблю? Много работала она въ казацкой рукѣ и съ москалемъ, и съ турчиномъ, и съ ляхомъ,—со всякимъ, кого наносила бѣда на Украину... Слушай же, баба: какъ ни хороша ты, но да будетъ проклята моя правая рука,—гнѣвно говоритъ прадѣдъ:—если и на твоей бѣлой шеѣ не блеснула бы эта сабля,—только коснись ты гетманской грамоты, хотя бы мнѣ и самому послѣ того не оставаться жильцомъ на бѣломъ свѣтѣ... Слышишь? Такъ помни же это!—И еще сильнѣе сжалъ казакъ рукоять сабли.

И вспыхнула красавица на такую рѣчь,—не слыхала, знать, она еще такого слова. Огнемъ запылали щеки, засверкали очи, гнѣвно сдвинулись брови, такъ и заходила пышная грудь подъ расшитою сорочкой. Вскочила надменная, разгнѣванная и топнула маленькою ножкой.

— Не боюсь я твоей сабли!—говоритъ и дрожитъ вся съ досады:—только пальцемъ двину, и поднимется за меня такихъ сабель сотня!...

— Я и съ сотней биться стану!—перебилъ гнѣвно прадѣдъ и еще сильнѣе разсердилъ ее тѣмъ, раздосадовалъ.

— Тысяча поднимется! — перебиваетъ, не помня себя, красавица. — Да не въ томъ дѣло,— бейся себѣ, съ кѣмъ хочешь! — смѣется презрительнымъ холоднымъ смѣхомъ. — А вотъ же и ты послушай, кзаакъ: только бровью поведу я, только глазомъ моргну тебѣ, и ты сейчасъ хоть татариномъ изъ казака станешь, щенкомъ у моихъ ногъ ползать будешь!

Не могъ вынести прадѣдъ такой обиды,— поблѣднѣлъ весь. Дрогнули у него губы...

— А ну, моргни!—говоритъ.

— Хочешь?

— Хочу!—отвѣчаетъ смѣло.

— А не пожалѣешь ли, казакъ? Подумай!

— Не бойся!—говоритъ:—попробуй... Вотъ сейчасъ такъ и стану изъ казака татариномъ... Моргни!

Вскипѣла она,—распалилъ ее бравый казакъ до-бѣла,—и совсѣмъ потеряла отъ бабьей гордости голову. Задрожали тонкія ноздри, темныя, сверкавшія очи метнули огонь и еще сильнѣе заходила высокая грудь. Провела она бѣлою рукой по длиннымъ, густымъ косамъ и разсыпались тѣ до-полу черною волной, еще ярче оттѣняя бѣлизну прелестнаго лица и лебединой шеи. Подняла темныя рѣсницы и дивныя очи метнули огненныя стрѣлы въ затрепетавшее казачье сердце!.. Вздрогнулъ казакъ,—чуетъ онъ, что адскій огонь запылалъ въ его груди отъ этого взгляда, жжетъ его и

туманитъ голову, но сжимаетъ еще казацкая рука отцовскую саблю.

— Не сдавайся!..—шепчетъ ему чей-то, ровно бы батьковскій голосъ,—и крѣпится прадѣдъ. Такъ и влечетъ его кинуться къ ней, но стоитъ еще, бодро стоитъ казакъ.

— Ты самъ того хотѣлъ...—говоритъ красавица:—на, гляди же!

И разорвала воротъ бѣлой, расшитой сорочки. Слетѣли покровы, разсыпались, покатились по полу бусы, и казачьимъ очамъ представилась женщина такой дивной красоты, какой не видали еще на землѣ ни солнце, ни блѣдный мѣсяцъ, какая только во снѣ можетъ явиться человѣку. Даже свѣтъ померкъ кругомъ отъ ярко сверкавшей бѣлизны этого тѣла, даже глазъ слабѣлъ и переставалъ различать ясно эти невиданно-чудныя, упругія формы неземной красоты... Воздухъ—и тотъ, казалось, замеръ и оцѣпенѣлъ отъ восторга, цѣлуя и лаская это тѣло! Все на свѣтѣ должно было затумaниться, замереть предъ такою красотой, погрузившись въ одно жадное созерцаніе,—и дрогнула казачья рука на старой, завѣтной саблѣ, заглядѣлся, позабылся казакъ...

— Ну, и что же,—помнишь ли еще что-нибудь на свѣтѣ?—звонко засмѣялась красавица и даже воздухъ задрожалъ серебрянымъ смѣхомъ надъ возможностью что-нибудь помнить.

— Помню!—сами собой отвѣтили упрямыя уста, хотя и дрожала рука на рукояти сабли.

— Помнишь? Нѣтъ, неправда твоя, казакъ!— страстно заговорила красавица и тонкія ноздри ея дрожали отъ волненія, а очи такъ и жгли, какъ пламя.—Но постой же!.. только одно мгновеніе еще, и ты все позабудешь на свѣтѣ!— задыхалась она отъ страстнаго волненія.— Только одно мгновеніе!.. Иди ко мнѣ, испробуй чару моей ласки! Ну, иди же!.. Ты любъ мнѣ, упрямецъ,—слышишь?..

И красавица протянула къ нему свои бѣлыя, полныя руки. Ея горячее дыханіе жгло ему лицо и туманило мысль и память. Вотъ-вотъ, казалось, эти бѣлыя руки обовьютъ казацкую шею, какъ змѣи, сожмутъ и задушатъ,—этотъ огонь ея дыханья высушитъ кровь въ его жилахъ, убьетъ противленье и волю... Все какъ-то спуталось у казака и закружилось сразу въ бѣшеномъ вихрѣ. Этотъ вихрь, казалось, поднялъ его, какъ былинку, и онъ помчался куда-то съ невообразимою быстротой, отъ которой задыхалась его богатырская грудь. Бѣлыя руки почти уже касались его шеи... еще мгновеніе... Но тутъ красавица вскрикнула и, какъ подстрѣленная птица, свалилась на землю.

VII.

— Спасибо-жъ тебѣ, Петро!—слышитъ, вдругъ, ошеломленный, какъ бы опьянѣлый даже пра-

дѣдъ. — Выручилъ ты меня,—сдержалъ свое слово... Заслужу и я тебѣ, вотъ увидишь!— говоритъ кто-то—и хлопъ его по плечу, какъ ледъ холодной рукой.

Обернулся прадѣдъ, пришелъ немного въ себя и глазамъ не вѣритъ... Что за диво такое стряслось? Не поймешь, какъ оно и вышло... „Тьфу, ты, дьявольское навожденіе!“— думаетъ. Оглядѣлся лучше,—да и похолодѣлъ отъ ужаса!

Нѣтъ ни чудной красавицы, ни корчмы, ни банкета,—одна глухая, мрачная балка кругомъ, а надъ нею вверху плыветъ себѣ безмятежно полный блѣдный мѣсяцъ. Давно истлѣвшій надгробный крестъ лежитъ у зіяющей темной могилы, тутъ же бьется въ судорогѣ страшная, вся синяя, дряхлая и сѣдая вѣдьма, а рядомъ съ нимъ стоитъ знакомый казакъ въ богатомъ жупанѣ,—да не казакъ, а мертвецъ,—и смотритъ на него сквозь закрытыя вѣки мертвыми очами... Даже чубъ полѣзъ у прадѣда подъ шапкою въ гору.

„Съ нами крестная сила!“—думаетъ казакъ и не можетъ отъ ужаса поднять для креста руку.

— Не бойся меня, Петро...—слышитъ онъ, какъ говоритъ ему могильнымъ голосомъ мертвецъ:—хоть и не живой я, а не врагъ тебѣ... не бойся! Выручилъ ты меня и не забуду я твоей услуги. Ну, и ты вѣдьма,—говоритъ мертвецъ:—прощай теперь,—конченъ договоръ

нашъ... Долго ты мною владѣла,—буду я теперь лежать спокойно... давно ужъ жаждетъ душа моя покоя! Видишь, Петро,—говоритъ мертвецъ снова прадѣду:—каково оно женихаться!.. Связался я съ вѣдьмой, и даже могила не спасла меня,—изъ могилы вызывала она меня для своей утѣхи... Охъ, и тяжко-жъ мнѣ было, Петро!

Застоналъ мертвецъ, и такъ застоналъ, поднявъ къ мѣсяцу мертвыя руки, что все окрестъ застонало. Даже истлѣвшій крестъ дрогнулъ отъ этого стона.

— Ну, спасибо-жъ тебѣ!—говоритъ.—Прощай пока!—Сказалъ и свалился въ могилу, ровно бы и не было его вовсе.

Не пришелъ еще въ себя прадѣдъ,—двинуться съ мѣста не можетъ!—а глядитъ—тянется вдругъ къ нему проклятая вѣдьма и, точно жаба, таращитъ на него зеленые круглые глаза...

И глядѣть бралъ ужасъ, во что обернулась былая красавица, все чаровавшая неотразимою чарой неземной красоты. Синяя стала, беззубый ротъ ввалился глубоко, подбородокъ сошелся съ носомъ, уши вытянулись, какъ у летучей мыши, и жидкія пряди пожелтѣвшихъ отъ дряхлости сѣдыхъ волосъ висѣли клочьями, какъ шерсть у мохнатой старой козы. Встала и улыбается прадѣду беззубымъ ртомъ, стрѣляетъ въ него круглыми зелеными глазами, подмаргиваетъ.

— Эхъ, и чего-жъ это я такъ убивалась?— шамкаетъ и взялась подъ бока руками, ровно молодица задорная.—Ишь, какая невидаль!.. не хочешь любить—и ступай себѣ въ свою домовину... чортъ съ тобой!.. Одного потеряла, за то другого нашла,—еще и получше будетъ!.. Правда, казакъ?—спрашиваетъ и притоптываетъ по-козиному ногою.

— Это-жъ, къ примѣру спросить, къ чему ты рѣчь свою клонишь?—рѣшился, наконецъ, вымолвить прадѣдъ.

— Смѣшной ты, казакъ!—жеманится вѣдьма:—ровно бы и не знаешь самъ къ чему!..—И моргнула еще бровью, проклятая.—Любъ ты мнѣ, очень любъ...—вотъ къ чему... Давно я желала такого упрямца,—ну, и покорилъ ты меня... Хи, хи, хи!.. Иди-жъ ко мнѣ, сизокрылый!.. приголублю,—говоритъ,—тебя, пригрѣю!—еще и глаза закатила.

Даже сплюнулъ прадѣдъ.

— Приголубь себѣ,—говоритъ,—бабусю, чорта лысаго, то и будетъ тебѣ пара... Да еще,—говоритъ,—смотри, чтобы мѣсяца не было на ту пору, а то чорта перелякаешь *).

Затряслась вѣдьма и зубами защелкала отъ злобы.

— Какъ, путаникъ бабій, джигунъ **) безголовый!—кричитъ:—такъ ты назадъ думаешь? Отбилъ меня отъ мужа, вдовой горемычной

*) Испугаешь.
**) Сорви голова, ловеласъ.

оставилъ и отступать хочешь? Эге! нѣтъ же, безстыжіе твои глаза,—не выпущу я... не на такую напалъ...

— Цуръ тебѣ и пекъ! Опомнись, вѣдьма:—разсердился уже и прадѣдъ.—Да тебѣ,—говоритъ,—мѣсто на огородѣ стоять, да воробьевъ пугать, а не съ казакомъ женихаться... разсыпешься еще!

— Не разсыплюсь...—отвѣчаетъ вѣдьма:—не бойся! Гляди, какъ бы самъ не разсыпался!

— Перекрестись!—уговариваетъ прадѣдъ, да и повернулся было уходить,—анъ не тутъ-то было: подскочила къ нему вѣдьма, да и руки костлявыя протянула.

— Стой!—говоритъ:—и не думай себѣ уходить,—не пущу я... Вздумалъ отбивать, такъ и голубь теперь!

Не до шутокъ прадѣду было,—даже страшно, какъ будто, стало,—видитъ, прицѣпилась нечистая сила, какъ пьявка. Выхватилъ онъ саблю, взмахнулъ ею, да только разсмѣялась вѣдьма.

— Не боюсь я твоей сабли!—говоритъ:—захочу, и тысячу сабель подниму на тебя... Брось, говоритъ, да цѣлуй лучше,—все равно не уйдешь!

„Эге-жъ...—струхнулъ прадѣдъ:—а оно-жъ какъ будто и неладно выходитъ... Вотъ тебѣ и выручай человѣка!“ Хотѣлъ онъ зачесать чубъ, да не до того, знать, было... И струхнулъ онъ-таки порядкомъ, и въ гнѣвъ вошелъ.

— Пусть тебя слѣпой чортъ цѣлуетъ!—говоритъ,—и скокъ въ сторону, а вѣдьма за нимъ... Онъ отъ нея, а она, проклятая, за нимъ,—такъ и кружатъ вкругъ могилы, ровно кошка съ мышью. Кружили они такъ, кружили, то въ эту сторону, то въ ту кинется прадѣдъ, задыхаться сталъ уже,—чуетъ, что нагонитъ его вѣдьма, да какъ закричитъ онъ тутъ не своимъ голосомъ: „Ой, ратуйте, кому душа христіанская дорога!“—такъ ровно громъ по степи прошелъ... И что же вы думаете, люди добрые? Глядитъ прадѣдъ: откуда ни возьмись, летятъ на его голосъ бабы разныя. Своимъ глазамъ не вѣритъ: и Солоха тутъ, и Хивря вдова, и кума, и дьячиха, и Гандзя—и сколько ихъ еще набралось, такъ и счесть нельзя,—всѣ тутъ были, кому онъ только медовые лясы точилъ. Да какъ накинутся всѣ на чортову вѣдьму, какъ сцѣпятся съ нею, да и дружка съ дружкой, такъ одной трескотни и перебранки на десять ярмарокъ хватило бы. Тычутъ, рвутъ и каждая кричитъ себѣ: „Мой онъ!“—„Хоть и путаникъ,—кричатъ,—обманщикъ бабій, а никому не отдамъ, никому не уступлю!“—кричитъ каждая. Глядитъ казакъ и не знаетъ, вѣрить ему или не вѣрить, да какъ тутъ не повѣрить, когда своими глазами видишь, и каждая баба, притомъ же, и лаетъ тебя и норовитъ за что-нибудь ухватить, чтобы другой не дать. Такъ и цапаютъ, стрекотухи, щипками, не разбирая, куда ни попало. „Эге-жъ,—

думаетъ, бѣдняга, пожимаясь да изворачиваясь:—а вотъ же я такъ и не зналъ, что каждая изъ нихъ вѣдьма. Ей-Богу же не зналъ!... Да и не было того тоже, чтобы на хвостъ когда наткнулся, и никогда даже не было, вотъ не сойди я!... Что за чудасія!"—думаетъ... Да улучивъ минуту, лишь тѣ расходились хорошо промежъ себя,—какъ припуститъ казакъ, какъ махнетъ изо всѣхъ силъ, такъ и вѣтру бы не догнать его. Летитъ со всѣхъ ногъ, самъ не знаетъ куда, несется ровно конь безъ узды! Видитъ—и корчма уже передъ нимъ, и побратимъ стоитъ, спину себѣ почесываетъ сонный да по сторонамъ озирается: „Ровно бы,—говоритъ,— Петро кричалъ,—на помощь звалъ!" А прадѣдъ и остановиться не можетъ: такъ прямо и влетѣлъ въ стогъ и съ самою головой въ сѣно и зарылся. Только побратима вспугнулъ: тому показалось, что конь промчался,—даже „тпрр!" закричалъ съ просонокъ.

„Ну,—думаетъ,—отдѣлался какъ-ни-какъ!... И принесла-жъ ихъ нелегкая видимо-невидимо... На смерть защипали бы, кабы не удралъ, чтобъ имъ до смерти сладкаго не пробовать!... А вотъ же,—думаетъ, — и пригодилось-таки мнѣ жениханье... ей-Богу же пригодилось! Что тамъ ни говори, а слопала бы меня вѣдьма анаѳемская, кабы не тѣ."

Да только рано еще порадовался казакъ. Слышитъ, вдругъ, шумъ идетъ, ровно бы то-

потъ большой. „Эге-жъ!— думаетъ:— а это онѣ, проклятыя, за мною, знать, гонятъ!“— да юркнулъ поглубже въ сѣно. Лежитъ и слышитъ—крикъ и брань поднялись такіе, ровно бы на ярмаркѣ.—„Держи!..—радуются проклятыя:—нашли его!... Вотъ онъ, чтобы ему въ огнѣ горѣть!“ Догадался прадѣдъ, что это вѣдьмы, знать, на побратима наскочили, да въ темнотѣ не разобрали хорошенько,—а мѣсяца не было уже на ту пору, ушелъ съ неба,— догадался, а и слово боится сказать... гдѣ тутъ, дрожитъ только. „Ничего ему,—думаетъ,—не будетъ. Какъ разглядятъ, проклятыя, что это не я, а одноглазый Тарасъ, то и кинутъ его, оставятъ въ покоѣ. Какъ бы, вотъ, только въ стогѣ не стали шарить!“ Дрожитъ бѣдняга, зубъ на зубъ у него не попадаетъ, а все прислушивается, хоть и плохо оно слышно ему было. И слышитъ, вдругъ, ровно бы вѣдьминъ голосъ, глухой и грубый такой, спрашиваетъ побратима:

— А, ну, такой-сякой сынъ!—спрашиваетъ:— кого-жъ ты изъ насъ выбираешь себѣ?

— А всѣхъ,—отвѣчаетъ спокойно одноглазый Тарасъ.

— Какъ же такъ, чортовъ сынъ, всѣхъ?— кричатъ ему бабы вмѣстѣ.

— А такъ,—говоритъ, — всѣхъ... Мнѣ,—говоритъ,—чѣмъ больше, тѣмъ и лучше...

„Вишь, ты какой, чорты-бъ его батька взяли, ласунъ!—думаетъ прадѣдъ.— Хоть и

зовутъ меня „ласымъ“, а вотъ же-жъ я никогда такого не говорилъ,—ей-Богу же, что никогда!... Да разрази меня громъ, если-бъ я сталъ съ такою поганою вѣдьмой женихаться!... А еще-же говорилъ, чортовъ сынъ, что и не охочъ!“ Думалъ такъ прадѣдъ, думалъ, но слышитъ, вдругъ, кричитъ Солоха съ дьячихой:

— Такой онъ всегда былъ... Такой самый путаникъ безстыжій!—И Хивря тоже кричитъ, и другія. Хотѣлъ было прадѣдъ закричать имъ въ гнѣвѣ: „Брешете, гавы *) хвостатыя!“—да побоялся, а побратимъ и говоритъ:

— Эге-жъ, — говоритъ, — такой я самый и есть... Казаку все равно,—говоритъ,—какая бы чарка ни была, лишь бы горилка въ ней была хорошая! Не люблю я разбирать,—говоритъ... И побратимъ мой, Петро,—говоритъ,—такой же...

— А и брешешь!—не удержался отъ обиды прадѣдъ, да, къ счастью, не разслышали вѣдьмы его шепотъ, — не до того имъ, знать, было.

— А развѣ жъ ты не Петро?—кричатъ.

— А нѣтъ же!— говоритъ побратимъ:—не Петро я!.. Петро,—говоритъ,—теперь должно быть, гдѣ-либо горилку пьетъ, либо съ бабой женихается... Не можетъ онъ безъ этого!

— Ахъ, ты, сорока брехливая!—снова не удержался въ гнѣвѣ прадѣдъ.

*) Вороны.

— Кто же ты?!.—визжатъ Гандзя съ Хиврей не своимъ голосомъ.

— Я Тарасъ...—говоритъ побратимъ.—Такъ и попъ крестилъ, такъ, — говоритъ, — и люди зовутъ... Вотъ кто я...

Какъ заголосятъ вѣдьмы, какъ завизжатъ, подлыя, такъ прадѣда бѣднягу даже въ жаръ кинуло. „Тьфу, ты, нечистая тебя возьми!— сплевываютъ, слышитъ, и Солоха, и Хивря, и другія всѣ:—и впрямь,—говорятъ,—это Тарасъ одноглазый, чтобъ ему еще до смерти отъ вина сгорѣть! А мы,—говорятъ,—съ дуру подумали, что это Петро,—вотъ тебѣ и разъ!... Ну,—кричатъ,—бѣсъ твоей матери!—сбилъ ты насъ съ толку, далъ Петру улизнуть, говорижъ теперь, гдѣ онъ? Не скажешь,—кричатъ,— мы на тебя такую бѣду напустимъ, такую,— кричатъ,—бѣду, что и часъ свой проклянешь! Говори,—кричатъ,—гдѣ Петро?“

Въ самую середину стога забился уже прадѣдъ, а все-таки слышитъ, какъ побратимъ клянется, что не знаетъ, гдѣ онъ, что и въ очи давно не видалъ его... Кричатъ, визжатъ бабы, грозятъ всякимъ лихомъ, а этотъ все свое... И пошло тутъ такое, что и разобрать нельзя было, что оно такое... Только вдругъ видитъ прадѣдъ,—черезъ груду сѣна видитъ:— тянется къ нему страшная синяя вѣдьма, протягиваетъ костлявыя руки, смѣется беззубымъ ртомъ и смотритъ на него,—въ упоръ смотритъ круглыми зелеными глазами.

— Вотъ гдѣ ты, Петрусь, мой желанный!— шамкаетъ чернымъ ртомъ:—нашла я тебя-таки... Ну, приголубь же меня, казакъ!

Задрожалъ прадѣдъ: ровно бы въ холодную прорубь окунули человѣка. Побѣлѣлъ весь, какъ снѣгъ, чубъ поднялся кверху,—чуетъ онъ сердцемъ, что послѣдній часъ приходитъ. Охъ, и горько же стало ему помирать такою скверною смертью,—не въ ратномъ полѣ, не въ бою за родину, какъ оно подобаетъ казаку, а въ костлявыхъ объятьяхъ старой вѣдьмы! Вспомнилъ онъ гетманскій приказъ, а синія, костлявыя руки уже тянутся къ нему, вотъ-вотъ схватятъ за горло и нѣтъ у него силъ шевельнуться даже... Да спасъ его Господь,—пѣтуха разбудилъ... Какъ закричитъ тутъ пѣтухъ, какъ запоетъ вдругъ, такъ у бѣдняги сразу съ души камень свалился. „Слава тебѣ, Господи!—шепчетъ бѣлыми устами:—спасенъ я теперь!“ А чортова вѣдьма затряслась сейчасъ, посинѣла еще больше, блеснули у нея глаза, какъ у совы, подняла вверхъ костлявыя руки и грозитъ въ безсильной уже злобѣ.

— Постой же, путаникъ!..—говоритъ проклятая:—улизнулъ отъ меня, мужа отбивши, но отплачу я тебѣ! Крѣпко, — говоритъ, — попомнишь меня!.. Разнесутъ твои кости черные вороны!—И провалилась тутъ же въ самое пекло.

А прадѣдъ и захрапѣлъ себѣ спокойно.

VIII

Сколько проспалъ казакъ, кто его знаетъ,—разный сонъ бываетъ у человѣка,—а только когда проснулся уже, то на дворѣ ясный день стоялъ. И все на свѣтѣ Божьемъ было такъ же, какъ оно и всегда бывало, ровно бы и ничего не случилось ночью. Такъ же и солнце свѣтило, и трава колыхалась, и кузька всякая стрекотала, и накаленный солнечнымъ жаромъ прозрачный воздухъ какъ бы дрожалъ и струился, а въ воздухѣ весело рѣяла мелкая пташка всякая. Самая балка не казалась теперь страшной, а корчма, въ которой случились такія необычныя вещи, выглядѣла даже домовито,—такъ и манила укрыться въ нее отъ дневной жары. Одно только было дивно, чего никакъ не могъ понять прадѣдъ: проснулся онъ не въ стогѣ, а на громадной кучѣ навоза, который, видимо, накопился многими годами и выросъ въ добрый стогъ. Удивился прадѣдъ, чубъ зачесалъ, да сразу смекнулъ, что все это нечистыхъ рукъ дѣло. Захотѣла поглумиться надъ казакомъ нечистая сила и показалась ему тогда навозная куча за свѣжее сѣно. Извѣстное дѣло, свяжись только съ чортомъ, либо съ вѣдьмою, то ли еще будетъ! Оправился онъ, подтянулся, посмотрѣлъ коней,—тоже ничего, стоятъ себѣ подъ навѣсомъ и сѣно жуютъ,—да и пошелъ искать побратима. „Что съ нимъ

сталося?—думаетъ.—Вишь, чортовъ сынъ, чего надѣлалъ!... Кабы не побѣжалъ въ корчму грѣться, ничего бы такого не было: выспались бы себѣ какъ слѣдуетъ въ степи. Ну, да задамъ же ему!—думаетъ.—Сразу могъ человѣкъ понять, что не доброе это мѣсто, потому зачѣмъ бы корчмѣ стоять въ пустой степи? Хорошій жидъ,—и тотъ сюда не пойдетъ шинковать, хоть бы и часто приворачивали добрые люди". Думалъ онъ такъ, искалъ, искалъ побратима, а того и слѣдъ простылъ. И туда заглядывалъ, и сюда,—нѣтъ его, да и только! Диву дался прадѣдъ. „Неужто-жъ,—думаетъ,—и натворили надъ нимъ что-нибудь анаѳемскія вѣдьмы?" И заскребло у него на сердцѣ, очень заскребло. „Не слѣдовало бы мнѣ,—кается,—кидать его въ бѣдѣ. И чего это испугался я такъ, дурень?... Никогда ничего не боялся, въ сколькихъ сѣчахъ рубился, одинъ на десятерыхъ, случалось, наскакивалъ, а тутъ, вотъ поди-жъ ты,—отъ бабъ удиралъ!... Ужъ подлинно,—говоритъ,—нечистая сила! Ничего съ нею, знать, не подѣлаешь... И кто-жъ его зналъ,—говоритъ,—что тотъ казакъ—вовсе и не казакъ былъ, а оборотень какой-то?... Не связался, кабы зналъ!"—кается теперь прадѣдъ, а побратима все нѣтъ, да нѣтъ. И пошелъ онъ, унылый, въ корчму жида разспросить...

А жидъ покрылся талесомъ, *) привязалъ коробку съ заповѣдями, точно бы рогъ ко лбу,

*) Молитвенный саванъ.

стоитъ въ углу, не оборачиваясь, и свои жидовскія молитвы бормочетъ. Только длинныя, худыя ноги въ чулкахъ и патынкахъ *) торчатъ изъ-подъ талеса и кажется такъ, точно бы это голый человѣкъ въ простынѣ изъ бани вышелъ. Сидитъ казакъ, ждетъ, пока жидъ отмолится, а тотъ не кончаетъ, на всѣ тоны заливается, все въ большій жаръ входитъ. И стоналъ, крикомъ кричалъ, и языкомъ цокалъ, съ боку на бокъ покачиваясь да патынками пристукивая, а все конца нѣтъ... „Ишь какъ онъ, христопродавецъ, нашу вѣру, знать, проклинаетъ! — подумалъ прадѣдъ, когда жидъ, вздрагивая всѣмъ тѣломъ, залился такимъ высокимъ фальцетомъ, точно бы у него въ кишкахъ схватило.—А, можетъ быть, и душу свою у чорта рогатаго отмаливаетъ,—кто его знаетъ!“—думаетъ прадѣдъ и ждетъ себѣ терпѣливо. Ждалъ, ждалъ, а вдругъ и повернулся къ нему жидъ.

— Опохмѣлиться хочешь?—спрашиваетъ искоса, не переставая бормотать, хотя и тише.

Удивился прадѣдъ, сильно удивился.

— А съ чего бы мнѣ, жидъ, и опохмѣляться,—спрашиваетъ,—когда я только нюхалъ горилку?

Посмотрѣлъ на него жидъ, моргнулъ какъ-то странно глазами, но и слова не сказалъ. Повернулся, да и опять за свое.

„Ге,—думаетъ прадѣдъ: — такъ онъ, пожалуй, и до вечера не кончитъ!“—и окликнулъ его.

*) Еврейская обувь—туфли безъ задковъ.

— Гей же!—говоритъ:—жидъ!.. а послушай, что я тебя спрошу... Будетъ тебѣ нашу вѣру топтать.

Повернулся къ нему жидъ однимъ ухомъ, насторожился и все свое бормочетъ.

— Гдѣ тутъ, скажи,—спрашиваетъ прадѣдъ:—казакъ, побратимъ мой, дѣвался?... Грѣлся онъ тутъ ночью въ корчмѣ, когда банкетъ шелъ, а теперь и слѣда его нѣтъ.

Опять ни слова не отвѣтилъ жидъ, отвернулся, да какъ заголоситъ, такъ у прадѣда въ ушахъ звякнуло. И жутко же ему тутъ стало: почуялъ, что недоброе что-то стряслось.

„Ишь ты, чортовъ сынъ, какъ голоситъ!—думаетъ:—неспроста это, знать!“ Потянулъ онъ себя за усъ, потянулъ, да и прикрикнулъ съ сердцемъ:

— А ну-жъ, - говоритъ,—будетъ тебѣ верещать... Отвѣчай, когда тебя спрашиваютъ!

А жидъ и того пуще залился. Кричитъ, точно бы его рѣзать собрались.

— Слушай же!—разсердился прадѣдъ:—отвѣчай,—дамъ тебѣ злотый *), а будешь томить, вотъ же, ей-Богу, перекрещу тебя... Я не я буду, если креста не наложу!..

Пріутихъ жидъ и повернулъ опять одно ухо.

— Чего это вамъ нужно будетъ?—спрашиваетъ вскользь.

— Гдѣ казакъ дѣвался, спрашиваю?—говоритъ нетерпѣливо прадѣдъ.—Побратимъ мой?

*) Тогдашняя монета въ 15 копѣекъ,

— А почемъ же я знаю, гдѣ онъ дѣвался?— отвѣчаетъ жидъ.— Тамъ дѣвался, гдѣ ему нужно.

— Ой, не вертысь!—грозитъ прадѣдъ.—Гляди, окрещу, чортовъ сыну!

— Звините!—отвѣчаетъ жидъ.—За что-жъ вамъ и крестить меня?.. Какъ же мнѣ знать, гдѣ кто дѣвался, сами подумайте... Мало ко мнѣ, что ли, пьяницъ ходитъ, такъ и смотрѣть мнѣ за каждымъ? Пхе!.. удивительно даже!—И поднялъ жидъ кверху плечи.

— Ну-ну! — разсердился прадѣдъ: — ты не очень-то, жидъ, напирай на пьяницъ,— самъ, гляди, не опьянѣлъ бы!... Не пьяница онъ, а добрый казакъ, а горилки даже не нюхалъ,— опротивѣла она ему.

— Пхе!—смѣется жидъ, вздрагивая плечами и все по прежнему, повернувшись только однимъ ухомъ, не переставая, притомъ же, и бормотать свое.—Тоже удивительно!... И вы не нюхали горилки, и онъ не нюхалъ. А какъ же вы не знаете, гдѣ онъ дѣвался?

— Про то и спрашиваю тебя, что не знаю!— говоритъ съ сердцемъ прадѣдъ.

— Пхе!.. а какой онъ изъ себя будетъ, этотъ казакъ?

— Сухой изъ себя... съ однимъ окомъ...—говоритъ прадѣдъ.

Даже привскочилъ жидъ.

— Ой-вай! съ однимъ окомъ!—всплеснулъ руками да и повернулся всѣмъ передомъ.

— Съ однимъ окомъ?—кричитъ, глаза таращa въ испугѣ.—Казакъ съ однимъ окомъ? Ой-вай! ой-вай!—И закачалъ жидъ головою.

— Чего-жъ ты качаешься да кричишь?—разсердился прадѣдъ не на шутку.—Что-жъ за бѣда, что съ однимъ окомъ,—за то казакъ хорошій!...

— Ой, вы не знаете, вы ничего, не знаете, когда такое говорите! — по-прежнему голоситъ жидъ, качая головой. — Тутъ такое дѣло вышло, такое дѣло... Ой-вай!.. съ однимъ окомъ!...

— Да не тяни ты, чортово отродье!—вскочилъ въ гнѣвѣ прадѣдъ и такъ здорово хватилъ кулакомъ по столу, что столъ подломился, а жидъ и присѣлъ на мѣстѣ.

— Ой, и не лякайте-жъ *) меня!—проситъ.—На что вамъ меня лякать? Лучше отъ того все равно не будетъ...

— Какое же дѣло вышло?!.. говори!—кричитъ прадѣдъ.

— А такое дѣло, господинъ казакъ, говоритъ жидъ, поднимаясь:—такое страшное дѣло, что вы не злотый должны бы дать мнѣ, а два злотыхъ, и не два,—даже три злотыхъ!

— Ну, бери три, только не томи, иродъ!—говоритъ нетерпѣливо прадѣдъ, бросая деньги.

— И не три, господинъ казакъ, а четыре... Ну, пусть будетъ три злотыхъ!..—заспѣшилъ жидъ, замѣтивъ угрожающій жестъ прадѣда.—

*) Пугайте.

Такъ вы про казака съ однимъ окомъ спрашиваете?

— Ну, да-жъ!—говоритъ прадѣдъ

— И гдѣ онъ дѣвался?

— Эге-жъ, про то самое, иродъ!

— Нехорошо онъ дѣвался, господинъ казакъ!—отвѣчаетъ жидъ, качая головой и цокая губами.—Очень нехорошо...

— Ахъ, ты, бѣсъ тебя возьми!.. душу всю вымоталъ!—вышелъ изъ себя прадѣдъ.—Ну, слушай же, свиное ухо, вотъ не сойди я съ мѣста, если не перекрещу тебя, да еще и пейсы не обрѣжу!... Говори толкомъ!—И поднялъ для креста руку.

Съёжился жидъ, испугался.

— Стойте!—вопитъ въ страхѣ:—я все скажу... какъ честный жидъ, все!... И чего-же вы гнѣваетесь, господинъ?... Звѣстное дѣло, нехорошо дѣвался, если его взяли Ромодановскіе *) стрѣльцы и казаки Самойловича.

Такъ и обмеръ прадѣдъ, — даже глаза на лобъ вылѣзли и люлька чуть было изо рта не выпала.

— Врешь, проклятый жидъ!—бормочетъ, еле духъ переводя.—Откуда взялись бы они?

— Откуда взялись? А кто ихъ знаетъ, откуда?—говоритъ жидъ.—Только много дней они кружили здѣсь, чтобы пословъ гетманскихъ перехватить.

---

*) Отрядомъ стрѣльцовъ въ борьбѣ съ Дорошенкой начальствовалъ бояринъ Григорій Ромодановскій.

„Вотъ кого напустили на него подлыя вѣдьмы!“—думаетъ прадѣдъ—и до слезъ рвануло его за сердце. Сами знаете, каково оно было казаку потерять побратима, не заступиться за него острою саблей... „Ге!—думаетъ бѣдняга съ тоской:—зачѣмъ же мнѣ острая сабля, зачѣмъ и казакомъ звать меня, если я своему на помощь не пришелъ? Ну, да можетъ еще и вретъ жидъ!“

— Какъ же они его взяли?—спрашиваетъ не своимъ голосомъ.

— А такъ, взяли,—господинъ казакъ!—отвѣчаетъ жидъ.—Звѣстно, какъ: наскочили гурьбой и взяли... Только очень бился казакъ саблей... Можетъ, и не взяли бы, если-бъ у него ноги лучше стояли...

— Не пилъ онъ—только отъ духу захмѣлѣлъ, бѣдняга!—вздохнулъ печально прадѣдъ и поникъ удалою головой.

— Пхе!—смѣется каторжный жидъ:—можетъ, и отъ духу,—тогда и нюхать не нужно горилки... Зачѣмъ же онъ нюхалъ?

— Поневолѣ нюхать будешь, когда черти варенуху варятъ,—сердится прадѣдъ въ отвѣтъ:—чтобъ имъ горло запекло!.. Такъ когда-жъ они его взяли, нечистыя души?

— А позапрошлою ночью, господинъ казакъ, взяли...—отвѣчаетъ жидъ.

— Какъ позапрошлою? Очумѣлъ ты, что ли, жидъ?—не вѣритъ прадѣдъ.—Только вчера къ вечеру мы попали съ нимъ въ это чортово гнѣздо... Въ эту ночь, значитъ!..

Снова смѣется каторжный жидъ.

— Видно, и вы хорошо понюхали, господинъ казакъ, — говоритъ: — если счетъ потеряли. Нѣтъ, не въ эту, а въ ту ночь еще...

— Ну, и спалъ же я!—удивляется прадѣдъ.— Вотъ, такъ и спалъ, если жидъ не вретъ! И товарища проспалъ... Такъ и отдалъ его безъ защиты Самойловичскимъ здрадникамъ, прости Господи! Тьфу, ты дьявольское навожденіе!

— И еще вамъ нужно сказать, — говоритъ жидъ:—и другого казака искали, потому что ихъ два было, только никакъ найти не могли... И что они со мной дѣлали—и кричали, и стрѣляли, чтобъ я имъ сказалъ,—такое дѣлали, что мнѣ смерть приходила и даже хуже, чѣмъ смерть, а я не сказалъ имъ, гдѣ другой... На что, думаю, сказать имъ? Пускай себѣ стрѣляютъ... Господинъ казакъ какъ проснется, думаю, мнѣ еще три злотыхъ дастъ... Потому хорошій панъ,—сразу видно!..

Не выдержалъ тутъ казакъ, заплакалъ. Вынулъ изо рта люльку, да и залился слезами, ровно бы младенецъ малый...

Ой, и горючи же казацкія слезы,—такъ и жгутъ огнемъ. Только знай онъ, куда поскакать, такъ и полетѣлъ бы орломъ на выручку товарища! Пропадай, казацкая голова, все равно придется ей лечь въ чистомъ полѣ,—одинъ на всѣхъ наскочилъ бы!.. Да не найдешь слѣда въ степи и далеко должны были ускакать враги за сутки.

„Нечего дѣлать!—думаетъ, плача, бѣдняга:—нужно одному везти гетманскую грамоту! Грозила мнѣ бѣдой проклятая вѣдьма... Пусть будетъ, что будетъ,—посмотримъ, чего натворитъ она! А не разнесутъ меня черные вороны, какъ вернусь назадъ,—пусть земля не приметъ, если не кинусь на выручку товарища, только бы онъ цѣлъ остался!“

Потужилъ онъ еще, кинулъ жиду деньги, осѣдлалъ вороного и помчался зеленою степью. Слава Богу и то,—думаетъ,—что при немъ грамота, что не досталась она врагамъ и не добрались они до него... Охъ, и попадись ему только врагъ тогда, то-то поработала бы острая казацкая сабля!

IX.

Большая суета идетъ при ханскомъ дворѣ, много толковъ и всякихъ пересудовъ ходитъ изъ устъ въ уста и ликуютъ кругомъ придворные. Пріѣхалъ посолъ отъ ханскаго друга гетмана Украины, привезъ ему грамоту отъ него и зоветъ орду на совмѣстный бранный пиръ, а давно уже чешутся у „батырей“ руки, давно тянутся онѣ къ кривой саблѣ: надоѣлъ уже долгій миръ! Да и подобаетъ ли добрымъ дѣтямъ „пророка“ сидѣть подъ крышею, слушать, какъ ссорятся между собою ревнивыя жены, когда есть чистое поле, гдѣ можно

рубиться на славу, есть кривая сабля и летучія стрѣлы, которыми можно добыть свѣтлокудрыхъ и черноокихъ красавицъ изъ веселой Польши и Руси или дорогіе московскіе мѣха и чеканнаго серебра утварь... Нѣтъ, даже кони—и тѣ нетерпѣливо ржатъ и постукиваютъ своими легкими ногами.

Обрадовался ханъ и радуются съ нимъ всѣ вѣрные его слуги. Надѣваютъ беги и мурзы дорогіе халаты, пристегиваютъ кривые ятаганы въ богатѣйшихъ ножнахъ, осыпанныхъ жемчугомъ и камнями, потому что пышную встрѣчу готовитъ ханъ послу своего друга,—хочетъ показать и друзьямъ, и недругамъ, какъ чтитъ онъ дружбу и высоко ставитъ великую доблесть гетмана. И дары уже приготовилъ ханъ для него: рѣдкую саблю съ дамасскимъ клинкомъ, на которомъ золотымъ чеканомъ горитъ самое мудрѣйшее изреченіе, и богатое сѣдло, сплошь покрытое золотымъ шитьемъ и крупною бирюзой. А кто-же не знаетъ, что за такимъ даромъ сейчасъ же и сядетъ орда на борзыхъ коней и гикнетъ на всю степь? И весело потому добрымъ воинамъ,—какъ орлы полетятъ они съ ханомъ на помощь гетману. А веселѣе всего Азамату, молодому ханскому сыну,—не бывалъ онъ еще въ бранныхъ походахъ.

Одинъ только дряхлый Фазиль-Ахмедъ-паша *) не радуется, хотя и боится обнару-

*) Фазиль-Ахмедъ — визирь Селима-хана, большой сторонникъ Москвы.

жить свою печаль предъ вѣрными ханскими слугами. Ой, и хитеръ же ты, старикъ, какъ лисица хитеръ! Улыбается, поддакиваетъ, лиситъ съ казакомъ сладкимъ голосомъ, а черная змѣя такъ и гложетъ его сердце, а въ глубоко-впавшихъ глазахъ такъ и прыгаютъ злые огоньки изъ-подъ нависшихъ сѣдыхъ бровей. Много разныхъ слуховъ разносится о немъ молвою: говорятъ, что ненавидитъ онъ гетмана, дружитъ съ Самойловичемъ, сносится втихомолку съ Москвой; говорятъ, что и дары оттуда шлютъ ему, да не слышитъ этого ханъ, приблизилъ къ себѣ пашу, первымъ человѣкомъ сдѣлалъ. Не любятъ его въ ордѣ, сильно не любятъ, но боятся,—никто и голоса поднять не смѣетъ. Былъ одинъ смѣльчакъ извѣстный „батырь“ Кара-Мустафъ *), какихъ немного и въ цѣлой ордѣ найдешь. Осмѣлился онъ, поднялъ голосъ, попытался открыть хану глаза, по извернулся Фазиль-Ахмедъ, юркою лисицей извернулся, а батырь только разгнѣвалъ хана. Осѣдлалъ онъ тогда своего коня, да и уѣхалъ не вѣсть куда на печаль всѣмъ, потому что всѣ любили удалого Кара-Мустафу. Самый слухъ о немъ исчезъ съ тѣхъ поръ въ ордѣ,—живъ ли, не живъ, не зналъ никто, — а Фазиль-Ахмедъ взялъ небывалую силу, потому что во всемъ довѣрялъ ему ханъ. Говорили въ ордѣ, что околдовалъ онъ хана

*) Кара-Мустафъ-паша—впослѣдствіи тоже визирь, замѣститель, Фазиль-Ахмеда.

какими-то нечистыми чарами, говорили, что съ шайтаномъ знался старый паша...

Да не зналъ, не думалъ объ этомъ прадѣдъ,—ввѣрился онъ ловкому колдуну, умѣвшему точить сладкія рѣчи. Радъ былъ, что донесъ его Господь и довезъ онъ гетманскую грамоту безъ всякой помѣхи, что хорошо приняла его орда, а за радостью своей ничего и знать не хотѣлъ. Только Бога благодарилъ, да надъ угрозой старой вѣдьмы подсмѣивался. „А вотъ же и не разнесли меня черные во́роны,—думалъ:—какъ ни грозила старая карга... довезъ-таки грамоту и, если Господь поможетъ, то и побратима еще выручу... я не я буду, если не выручу, только бы живъ былъ тотъ!“ Думалъ онъ такъ, тѣшился, а Фазиль-Ахмедъ и зоветъ его къ хану.

— Ну, другъ, иди,—говоритъ:—самъ ханъ тебя зоветъ предъ свои очи. Любитъ онъ твоего гетмана и съ нетерпѣніемъ ждетъ его грамоту... Приготовь же ее,—говоритъ.

Распоролъ прадѣдъ подкладку въ жупанѣ куда запряталъ гетманскую грамоту, нащупалъ свертокъ рукою, оправился и повелъ его паша предъ ханскія очи.

Пышныя палаты у хана. Все расписано, изукрашено, раззолочено, и такими хитрыми узорами, что не поймешь никакъ, какъ и выводили ихъ мастера. Ни одна баба самою тонкою иглой не вышьетъ на полотнѣ такихъ узоровъ, хоть бы и вѣкъ вышивала, какъ ра-

списаны ханскія стѣны. „Иной, пожалуй, и не повѣрилъ бы!—думаетъ прадѣдъ:--одного золота сколько ушло, а про краску и говорить нечего! Не всякій маляръ и сказалъ бы сразу, сколько пудовъ ея ушло!“ Идетъ прадѣдъ за пашой, а кругомъ мурзы да беги, въ дорогихъ халатахъ, одинъ другого наряднѣе, одинъ другого важнѣе, стоятъ и глядятъ на него, сложивъ чинно на животѣ руки, да кланяются ему, нагибая головы, перекладывая руки съ сердца на чело. Другой оробѣлъ бы среди такой пышности и блеска, но не робкаго десятка былъ прадѣдъ: идетъ себѣ, ступаетъ смѣло подкованными каблуками по дорогимъ коврамъ, такимъ же яркимъ, какъ и расписанныя стѣны, какъ и наряды грозныхъ беговъ.

— Оправься, другъ!—говоритъ, наконецъ, Фазиль-Ахмедъ передъ дверью, у которой стояла съ мечами стража.—Осмотрись получше,—сейчасъ предъ ханомъ станешь!...

Сидитъ ханъ на расшитой подушкѣ, скрестивъ ноги, куритъ длинный чубукъ, а вокругъ хана стоятъ въ золотой парчѣ самые важные мурзы въ ордѣ, всѣ сѣдые да грозные, и ханскіе сыновья тутъ же... И стража стоитъ тутъ же съ блестящими мечами, съ высокими копьями, и все вокругъ такъ блеститъ, такъ сверкаетъ, что у прадѣда и въ очахъ зарябило,—не знаетъ, куда и смотрѣть ему. Но не сробѣлъ казакъ, не ударилъ лицомъ въ грязь,—поклонился хану

и сыновьямъ ханскимъ, и мурзамъ старымъ, и сталъ передъ ханомъ молодецъ-молодцомъ.

— Вотъ, великій ханъ,—говоритъ, кланяясь, Фазиль-Ахмедъ:—привелъ я, по твоему приказу, посла твоего друга гетмана... Шлетъ онъ тебѣ самый низкій поклонъ.

— Скажи послу, — говоритъ ханъ пашѣ:— что я радъ его видѣть и благодарю за поклонъ моего друга. Спроси его,—говоритъ,—здоровъ ли мой другъ?

— Здоровъ гетманъ! — съ поклономъ отвѣчаетъ прадѣдъ: — и желательно знать ему, какъ и твое ханское здоровье будетъ?

Умѣлъ-таки прадѣдъ вести рѣчь,—что и говорить... Малый былъ не промахъ!..

— И мы здоровы, слава Аллаху!—отвѣчаетъ ханъ.—И часто вспоминаемъ нашего друга. Каково ему живется теперь?

— А такъ живется,—говоритъ прадѣдъ:— что, къ примѣру сказать, и галушки съ саломъ не идутъ ему въ горло... Прислалъ меня къ тебѣ съ просьбой о помощи.

— А что нужно ему?—спрашиваетъ ханъ.— Мы всегда рады помочь другу. Говорилъ мнѣ паша, что есть у тебя грамота къ намъ...

— Эге-жъ, — отвѣчаетъ прадѣдъ:—есть! — И полѣзъ рукою въ жупанъ.—Вотъ она самая!

— Мы рады послушать: грамота друга для насъ лучшій гостинецъ!—отвѣчаетъ ханъ.— Возьми ее, Фазиль-Ахмедъ, у посла и прочти, о чемъ пишетъ другъ нашъ.

Беретъ паша свертокъ, развязываетъ, а прадѣду захотись, вдругъ, еще больше задобрить хана въ пользу гетмана.

— И повѣрь, великій ханъ!—говоритъ онъ съ низкимъ поклономъ:—что никому еще не посылалъ вельможный гетманъ такихъ грамотъ. Только тебѣ одному, потому что очень чтитъ онъ, вельможный, твою милость!..

Поклонился до земли, да какъ поднялся, смотритъ,—что за диво?—ни на комъ лица нѣтъ! Посинѣлъ Селимъ-Гирей, сидитъ съ полуоткрытымъ ртомъ и неподвижно уставленными глазами, а грозные, озлобленные мурзы да беги за ятаганы схватились.

„Что за оказія?"—думаетъ въ изумленіи прадѣдъ. Обернулся онъ къ Фазиль-Ахмеду, глядитъ,—и что-жъ бы вы думали, добрые люди,—самъ, своими похолодѣвшими глазами видитъ: держитъ старый колдунъ, вмѣсто грамоты, бабій „очипокъ" *), да еще и потряхиваетъ имъ, чортовъ сынъ, предъ ханомъ...

---

*) Головной уборъ замужнихъ. Поднести таковой мужчинѣ считается и до сихъ поръ величайшимъ оскорбленіемъ. Это и злая насмѣшка, и выраженіе самаго глубокаго презрѣнія. Повѣрье гласитъ, что если зашить незамѣтно очипокъ въ платье возлюбленнаго, то этимъ можно причаровать его сердце. Подозрительныя ревнивицы и до сихъ поръ прибѣгаютъ къ этому средству, чтобы привязать къ себѣ легкомысленнаго сердцеѣда-вѣтренника.

X.

Ой, и крѣпки же стѣны въ страшной башнѣ, такъ крѣпко сложены, что стрѣляй въ нихъ каменными ядрами*) изъ самыхъ большихъ пушекъ, и прахомъ только разсыпались бы ядра. И тяжелыя рѣшетки въ узкихъ бойницахъ крѣпки, не поѣла ихъ ржавчина, не погнуло время, хоть и давнымъ-давно сложена страшная башня... И прòклятая вѣковыми стонами цѣпь не перержавѣла, а все такъ же спускается съ потолка, прикрѣпленная къ нему могучими кольцами, все такъ же плотно охватываетъ казацкую шею, хотя и ручьями, цѣлыми потоками прокатились по ней человѣческія слезы... Не выбраться узнику изъ страшной башни, хотя бы всѣ мыши на свѣтѣ принялись грызть острыми зубами могучія стѣны, и нѣтъ изъ нея другого выхода, какъ на плаху...

Сидитъ на цѣпи прадѣдъ и ждетъ заутра лютой казни. Разорвутъ казака на четыре стороны дикія степныя лошади, а бѣлыя казацкія кости подхватятъ затѣмъ черные вòроны и разнесутъ во всѣ концы свѣта Божьяго. Ой, и рано же ты радовался, казакъ, рано подсмѣивался надъ проклятою вѣдьмой, рано похвалялся!.. Лучше было бы тебѣ слушаться добрыхъ людей, не женихаться съ каждою

*) Въ XVII вѣкѣ были въ употребленіи каменныя ядра.

встрѣчною бабой, не разбирая, вѣдьма-ль она, или не вѣдьма, стóитъ ли она твоей молодѣцкой головы, твоей рыцарской славы, или не стóитъ. Не было бы того, что случилось, не кончилъ бы ты позорною плахой!... Да что плаха? Развѣ смерть страшитъ добраго казака, когда онъ сотни разъ видалъ ее своими смѣлыми очами въ удалыхъ сѣчахъ, гдѣ, какъ спѣлые колосья подъ серпомъ, валились добрые молодцы? Страшнѣе всякихъ мукъ и смертей казаку то, что будетъ снъ теперь проклятъ изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ, какъ врагъ и здрадникъ, навлекшій на родную землю неслыханныя бѣды, превратившій обиженнаго имъ хана въ страшнаго врага изъ союзника и друга. Разславятъ казака во всѣ концы и никто не заступится, никто не скажетъ, что не по злой своей волѣ сдѣлалъ онъ это, что подстроила ему все злая мстительная вѣдьма, потому что кому же придетъ такое въ голову?... „Ой, и кому-жъ ты довѣрился, вельможный гетманъ, батько казачій?.. кого принялъ ты за добраго и вѣрнаго козака?—скажетъ всякій.— Мало-ль у тебя было вѣрныхъ, смѣлыхъ молодцовъ въ твоей Украинѣ, что ты выбралъ такого?“

Думалъ такъ прадѣдъ и горько рыдалъ онъ на желѣзной цѣпи. Горячія были эти слезы, не дай Господь и врагу плакать такими слезами!... Не дай, милосердный, такихъ слезъ никогда на землѣ!... А уже и вечеръ стоитъ,

тихій да румяный, и краситъ багрянцемъ узкія бойницы. Ужъ и зори вспыхнули въ чистомъ небѣ и мигаютъ узнику сквозь желѣзную рѣшетку, ровно бы плачутъ съ бѣднягой.. Съ тяжелыхъ работъ, побрякивая цѣпями, идутъ по улицѣ бѣдные невольники, садятся усталые у подножія башни, и слышитъ прадѣдъ, какъ ведутъ они промежъ себя разговоры о „тихихъ зоряхъ“ милой Украины. „Ой, и мило-жъ тамъ, и ясно, и Днѣпръ реветъ могучій, и вольная воля гарцуетъ по долинамъ, и дивчата поютъ свои чудныя пѣсни!... Ой, приснись же ты намъ хоть во снѣ, милая родина, приснись,—молятъ,—бѣднымъ невольникамъ, за тебя же, незабвенная, въ тяжкій полонъ попавшимъ!“ Молятъ, заливаются слезами, сиромахи, и прадѣдъ плачетъ съ ними, хотя и не видятъ они его... И слышитъ прадѣдъ, окликаютъ они старца прохожаго, тоже невольника, да еще и ослѣпленнаго въ неволѣ, окликаютъ и просятъ:

— Спой же намъ, старче Божій, родную думку!—просятъ невольники.—Спой что-нибудь, облегчи намъ сердца наши!...

И настраиваетъ старецъ Божій свою кобзу, налаживаетъ тоны слѣпецъ-невольникъ... Льется грустный родной мотивъ, дрогнулъ тихій воздухъ отъ жалобныхъ тоновъ и затрепетало сердце казачье!... Дивныя слова неслыханной еще думы долетаютъ до слуха прадѣда и заслушался онъ, замеръ, забывшись... И долго поетъ

старецъ, долго дрожитъ въ тихомъ воздухѣ его старческій голосъ:

„Ой, давно было дѣло, и очень давно оно было, а нѣтъ въ Украинѣ казачьяго сердца, которое бы это дѣло забыло!

„Ой, идутъ ляхи на три шляхи *), а казаки на четыре... Идутъ они какъ братъ съ братомъ, рука въ руку, сердце въ сердце, у тѣхъ и другихъ одна дума... Идутъ они славный пиръ пировать, горячій пиръ!.. заварятъ они пива хмѣльного, червоннаго... Басурману конецъ пришелъ,—поднялись они за землю христіанскую, за волю людскую, идутъ войной на нехристя, идутъ путы рвать, бѣдныхъ невольниковъ изъ плѣна вырывать... Впереди самъ король ѣдетъ, съ боку его—королевичъ, а по правую руку—его первый другъ, нашъ батько казачій, гетманъ Конашевичъ Сагайдачный... **)

„Само солнце въ небѣ стало, заглядѣлось, потому что никогда еще не видало оно на землѣ такой славы, такого блеска и мощи... Ой, и ржатъ борзые кони, — ржатъ, только земля дрожитъ! Ой, и блестятъ мечи, сверкаютъ, острые,—словно, воздухъ горитъ, а отъ копій лѣсъ стоитъ, а отъ знаменъ ихъ солнце не жжетъ,—тѣнью покрываются. И гремятъ литавры и бубны, и рокочутъ звонкія трубы!

---

*) На три пути.

**) Походъ на турокъ Сигизмунда вмѣстѣ съ Русью, когда республика, какъ извѣстно, достигла апогея своей славы и мощи.

Ой, и слава-жъ вамъ, воители славные, защитники христіанскіе,—слава!...

„И говоритъ король своему другу, гетману казачьему: — „Ой, возьми-жъ ты, гетманъ вельможный, да выбери славную сотню и пошли ее на развѣдки! Скрывается отъ насъ басурманъ, бѣжитъ онъ честного боя... Да выбери ты, гетманъ, сотню что ни на есть лучшую, самыхъ лучшихъ орловъ своей славной и милой Руси, самыхъ знатныхъ лыцарей!"

„Отвѣчаетъ королю другъ его гетманъ:— „А и нѣтъ у меня, ясный король, дурной сотни, всѣ они твои вѣрные слуги, ясновельможный,— какъ и всѣ орлята у орла одинаковы. Только-жъ возьму я сотню Харька, потому что невтерпежъ ей хочется рубиться. Зудятъ у твоихъ орлятъ молодые когти!"... И кликнулъ Харька гетманъ и послалъ его на развѣдки. И повелъ Харько свою сотню, а и гикнула сотня, полетѣла, даже степь застонала...

„И нашла она басурмана, да и кинулась, не разсудивши сгоряча, прямо въ сабли. Рубятся орлы, тѣшатъ удалыя сердца, а того и и не видятъ, что облегаетъ ихъ кругомъ басурманская рать, что наскочили они на всю турецкую силу... А когда оглядѣлись, то и коня повернуть нельзя было за туркомъ, и окопалась сотня на мѣстѣ,—отбиваться пришлось. И бьется сотня съ цѣлою ратью день, бьется другой, а на третій и полсотни уже всего остается...

„И сразила на третій день пуля сотника Харька, и упалъ,—кончается славный лыцарь... Ой, и говоритъ же передъ кончиною славный сотникъ Харько да своимъ казакамъ, своимъ братьямъ милымъ:„—Ой, и стойте-жъ, орлы, до послѣдняго стойте!—не уроните вы лыцарской славы!... А и выберите-жъ изъ среды себя одного, пусть коснется моей раны въ сердцѣ и обернется онъ оттого птицей, перелетитъ птицей вражій станъ, а тамъ снова казакомъ станетъ и подастъ вѣсть королю и гетману... Ой, скорѣй только, орлята, чтобы не вышелъ еще изъ меня духъ мой!“

„И клялись ему казаки стоять до послѣдняго и не ронять лыцарской славы... И кидали они жребій и палъ жребій на Юрко молодого, казака удалого. И коснулся Юрко открытаго пулею сердца и сталъ птицей, и улетѣлъ изъ окопа. А казаки бьются, все бьются, на Юрко надѣясь, что приведетъ онъ имъ ратную помощь...

„Ой, и летитъ Юрко пташкой, далеко улетѣлъ уже, да и сѣлъ отдохнуть передъ дѣвичьимъ оконцемъ на вѣткѣ. И заглядись онъ въ оконце на красивую панну, на вѣдьмину дочку, что была еще и матери своей злѣе. И красавица вѣдьма на него заглядѣлась, какъ онъ снова казакомъ обернулся, и причаровала, проклятая... Позабылъ казакъ, зачѣмъ посланъ былъ, позабылъ за дѣвичьими ласками, что товарищей оставилъ въ бѣдѣ, что погибнутъ они

отъ басурманскихъ пуль въ чистомъ полѣ безъ помощи... И братьевъ своихъ, и родную землю позабылъ казакъ!..

„И легла сотня въ чистомъ полѣ, вся безъ единаго, какъ и обѣщала она Харьку. И принесли казацкія души къ свѣтлому престолу Предвѣчнаго свою жалобу на измѣнника брата и просили суда на него, суда страшнаго... И за доблесть ихъ, за смертельный бой съ невѣрными дано было имъ судить самимъ измѣнника, самимъ придумать ему кару лютую... Призадумалась сотня безъ единаго, но надумала.—„Пусть же, милосердный Боже,—говорятъ,—остается онъ рабомъ своей вѣдьмы и вѣчно помнитъ грѣхъ свой,—пусть, когда и въ гробъ ляжетъ, будетъ рабомъ ея и не знаетъ въ домовинѣ *) покоя. Только въ праздникъ свѣтлый Твой пусть отдыхаетъ, чтобъ еще милѣй казался ему покой, котораго у него не будетъ. И пусть проклятая вѣдьма живетъ только своею любовью къ нему и вѣчно мучится, что мало еще онъ любитъ ее... Пусть обоихъ терзаетъ любовь ихъ!“

— „Страшная эта кара!—говоритъ Предвѣчный:—сколько же ей длиться?“

„И отвѣчала сотня безъ единаго:

— „Пусть длится, Пресвѣтлый Боже, пока не найдется въ Украинѣ такой бравый казакъ, что разведетъ ихъ, отобьетъ у него влюбленную вѣдьму, но самъ не попадетъ въ ея руки,

*) Въ гробу.

увернется и останется добрымъ казакомъ на свѣтѣ... Пусть тогда вѣдьма потеряетъ красоту свою и низвергнется въ пекло, а Юрко ляжетъ въ домовину"...

„Ой, и давно было дѣло, и очень давно оно было, а нѣтъ въ Украинѣ сердца, которое бы это дѣло забыло"...

„Эге-жъ!—думаетъ прадѣдъ, когда дослушалъ до конца думу*):—такъ вотъ оно кто будетъ этотъ блѣдный казакъ!... Такъ это Юрко заклятаго разводилъ я!" —И застоналъ бѣняга.—„О, Юрко!—плачетъ:—выручилъ я тебя, легъ ты на покой въ домовину, какъ честный казакъ, а самъ себя я въ бѣду ввелъ и на всю родную землю ее накликалъ! И никто не заступится за меня, на вѣки вѣчные покроетъ позоръ мое имя, хотя я ей-Богу же остался добрымъ казакомъ и свято берегъ грамоту!... А обѣщалъ ты, Юрко, еще и заслужить мнѣ за услугу!... Что жъ ты лежишь въ своей домовинѣ?..."

Крѣпко рыдалъ такъ прадѣдъ, когда глядитъ—стоитъ предъ нимъ мертвый Юрко и

*) Думы объ измѣнѣ казака Юрко не существуетъ. Есть только легенда, жившая еще лѣтъ двадцать тому назадъ въ западной Подоліи въ разсказахъ стариковъ. Въ пѣсняхъ о сотникѣ Харько и его героической смерти тоже не упоминается о Юрко и его измѣнѣ, такъ что сама легенда является совершенно частнымъ и мѣстнымъ преданіемъ, случайно лишь пристегнутымъ къ личности Харька и его сотнѣ.

смотритъ на него сквозь закрытыя вѣки мертвыми очами.

— Прости меня, Петро! прости, славный лыцарь!—говоритъ мертвецъ:—виноватъ я предъ тобою... Страстно жаждалъ я покоя и не могъ устоять,—какъ освободилъ ты меня, такъ и легъ я сейчасъ... Хорошо, что ты вспомнилъ обо мнѣ и разбудилъ своимъ стономъ.

Поднялъ прадѣдъ голову.

— Слушай же, Юрко!—говоритъ онъ ему:—великая твоя вина была,—загладь же ее теперь предъ своими!

— Выручить тебя, казакъ?—спрашиваетъ мертвый Юрко.

— Нѣтъ,—говоритъ прадѣдъ:—не меня выручай, а родную землю выручи отъ ханскаго гнѣва. Выручи ее, Юрко!—заломилъ онъ руки съ мольбою, и брякнула тяжелая цѣпь, и сталъ узникъ предъ мертвецомъ на колѣни.—Что мнѣ смерть? Не боюсь я ея, на то казакъ я, а родину, Юрко, выручай,—милую, многострадальную землю и людъ ея Божій!.. вотъ кого! Да еще побратима моего и тѣхъ бѣдныхъ невольниковъ внизу выручи!—говоритъ, и упалъ къ мертвымъ ногамъ и цѣловалъ онъ ихъ, обливая слезами.

— Не плачь, Петро, не моли меня, чистая душа твоя, все будетъ, какъ ты говоришь, все перемѣнится утромъ и самъ ты выйдешь изъ темницы, бравый лыцарь! — отвѣчаетъ мертвецъ: — самъ выручишь всѣхъ! Поплатится

за свое колдовство съ грамотой старый колдунъ Фазиль-Ахмедъ. Сродни онъ той вѣдьмѣ, потому и мстилъ тебѣ по ея просьбѣ,—подмѣнилъ грамоту и послалъ ее съ Ахметкой, своимъ сыномъ, Самойловичу... Да не тужи: не по немъ станется! Спи себѣ теперь спокойно!...

Сказалъ мертвецъ и слѣдъ его простылъ, а прадѣдъ и заснулъ сейчасъ.

XI.

Ясно свѣтитъ горячее солнце, заливаетъ оно свѣтомъ и плоскія крыши, и грозную башню, и всю широкую площадь, куда бѣгомъ спѣшитъ орда поглазѣть, какъ будутъ разносить дикіе кони бѣлое казацкое тѣло, какъ заплатитъ лютою казнью ханскій обидчикъ. Много орды набѣжало уже, тѣснятся, яблоку упасть негдѣ, и все ростетъ толпа, а съ нею и шумъ ростетъ,—точно бы море—шумитъ широкая площадь. Вотъ и стража идетъ уже, и важные мурзы показались,—знать, недолго ждать осталось: самъ ханъ появится скоро, а тамъ и узника приведутъ. Поднялось солнце еще выше, еще сильнѣе пригрѣло, и показался, наконецъ, вдали на бѣломъ конѣ ханъ съ мурзами и бегами, ѣдетъ, понуривъ голову грустно, а рядомъ съ нимъ и старый паша ѣдетъ, улыбается

про себя,—радъ колдунъ!.. Подъѣхалъ ближе ханъ, остановилъ коня и подалъ Фазиль-Ахмедъ знакъ своею пухлою рукой *). Привели дикихъ коней,—такихъ дикихъ, что четверо татаръ еле сдерживали каждаго. Такъ и горѣли у нихъ быстрыя, испуганныя очи, такъ и валилъ горячій паръ изъ широкихъ ноздрей. Подалъ еще знакъ и пошла стража въ башню за узникомъ. Замерла, затаила дыханіе нетерпѣливая, жадная толпа...

Только что-жъ это шелохнулись всѣ, зашумѣли, когда и узника еще не видно? Обернулись изумленныя головы, шумятъ, и мурзы обернулись, ханъ удивленный смотритъ, а толстый Фазиль-Ахмедъ поблѣднѣлъ, затрясся весь и посинѣлъ затѣмъ... Что такое?... Видятъ всѣ: спѣшитъ, скачетъ, невѣдомый какой-то „батырь“ на ворономъ боевомъ конѣ и везетъ за сѣдломъ притороченнаго плѣнника. Все ближе батырь, и ахнула орда, ликуетъ, почти глазамъ не вѣря отъ радости! Скачетъ это безъ вѣсти пропавшій было общій любимецъ Кара-Мустафъ и везетъ онъ за сѣдломъ связаннаго Ахметку, сына стараго визиря. Скачетъ—и прямо къ хану.

— Вотъ,—говоритъ,—не повѣрилъ ты мнѣ великій ханъ, разгнѣвался на своего вѣрнаго слугу, когда я обличилъ тебѣ въ измѣнѣ Фазиль-Ахмеда... Смотри, же теперь, убѣдись! Уѣхалъ

*) Визирь Фазиль-Ахмедъ страдалъ подъ конецъ водянкой

я съ клятвой не вернуться, пока не добуду въ руки явной вины паши твоего, и не являлся... Но теперь вотъ она, вина его!...

И подалъ Кара-Мустафъ при ордѣ всей хану гетманскую грамоту, отнятую имъ у Ахметки. И покаялся тутъ же Ахметка, что везъ ее по приказу отца къ Самойловичу. И разъяснилъ Кара-Мустафъ, какъ подмѣнилъ старый паша колдовствомъ грамоту и самъ, такимъ образомъ, оскорбилъ хана.

— Несправедливо, великій ханъ, заточилъ ты посла своего друга въ башню!..—говоритъ батырь:—несправедливо хочешь казнить лютою казнью... Да спасетъ тебя Аллахъ и молитва пророка отъ такой несправедливости!

Обнимаетъ ханъ вѣрнаго Кара-Мустафу, благодаритъ его, радуется и визиремъ своимъ дѣлаетъ тутъ же. Велитъ онъ искать стараго колдуна,—требуетъ вся орда его казни,—да нигдѣ найти его не могутъ.

— Казни его!—кричитъ разгнѣванная загорѣвшаяся орда:—тою смертью казни, что онъ, старый колдунъ, невинному послу готовилъ.

Кипитъ орда, шумитъ орда, ханъ гнѣвается, мурзы туда и сюда скачутъ, а нѣтъ стараго колдуна,—и слѣда не оставилъ... Кто говоритъ, что видѣлъ, какъ черная собака сквозь толпу прошмыгнула и исчезла, кто опять клянется, что видѣлъ, какъ черная птица, точно бы ворона, взлетѣла и скрылась... Извѣстное дѣло, колдунъ: какъ захотѣлъ, такъ и исчезъ съ

людскихъ глазъ! Только, вдругъ, и стихаетъ шумъ: „Ведутъ невиннаго посла!“—всего только и пронеслось шепотомъ надъ толпою. Замолкла, повернулась орда...

Тяжело ступаетъ закованная въ латы стража, бодро идетъ въ серединѣ бравый казакъ и смѣло, безстрашно глядятъ его соколиныя очи. „Эхъ!—думаетъ бѣдняга:—знать, все, что говорилъ мнѣ Юрко, только снилось хорошо!“ И горько ему, да не хочется показать ордѣ свою горечь,—хочется умереть бравымъ казакомъ, какъ и дѣды, и отцы его умирали. Идетъ онъ за стражей. „Только... что-жъ это?—думаетъ: — неужто-жъ и не снилось мнѣ, а правда?“ Глядитъ,—идетъ къ нему на встрѣчу самъ ханъ съ мурзами и бегами, беретъ его веселый, за руки, сами мурзы снимаютъ съ него узы и вся орда величаетъ его и славитъ.

„Неужто-жъ это и вправду такъ?“—думаетъ прадѣдъ. И полѣзъ, изумленный, въ шаровары за люлькой, потому что давно уже не потягивала казацкая душа.

— Извини меня, посолъ!—говоритъ ханъ:—всему виною былъ визирь-колдунъ... Проси же у меня, чего ты хочешь... Клянусь пророкомъ, что исполню всякую твою просьбу!

Поклонился прадѣдъ и отвѣчаетъ хану:

— Пошли помошь гетману моему вельможному,—говоритъ,—если ужъ позволяешь мнѣ просить тебя...

— Сегодня же,— отвѣчаетъ ханъ: — повелю ордѣ сѣдлать борзыхъ коней и пойти гетману на помощь. Самъ ты поведешь передовой таборъ *) съ моимъ сыномъ Азаматомъ, а я съ остальною ордой пойду слѣдомъ. А чего же еще хотѣлъ бы ты?—спрашиваетъ ханъ.

— А еще,—кланяется прадѣдъ, слыша радостно, какъ весело зашумѣла орда на ханскія слова:—а еще прошу: освободи ты всѣхъ бѣдныхъ невольниковъ нашихъ, какіе когда-либо въ полонъ попались...

— И это сбудется... Снять съ невольниковъ цѣпи,—пусть идутъ съ нимъ!—приказываетъ ханъ новому визирю:—и дать каждому коня и воинское платье, да и по золотому въ придачу. Ну, а себѣ, казакъ?.. неужели себѣ самому ты ничего не попросишь?

— Себѣ?—задумался прадѣдъ.—А ей-Богу же не знаю, чего и попросить себѣ, милостивый ханъ. Вотъ развѣ горилки добрую чарку, такъ выпилъ бы... съ охотой выпилъ бы! Потому что хоть и давно не пилъ я, а все какъ-то душѣ точно бы опохмѣлиться хочется! Только у васъ тутъ, твоя ханская милость, думаю, и въ заводѣ шинковъ не полагается, и горилки достать негдѣ.

— Будетъ тебѣ горилка!—смѣется ханъ:—выпьешь, сколько душа пожелаетъ!... Но мало одной горилки, проси еще... Проси красавицу,—хочешь? Лучшую невольницу подарю тебѣ!

*) Отрядъ.

— Нѣтъ, милостивый ханъ,—будетъ съ меня... зарокъ далъ! Вотъ гдѣ сидятъ мнѣ красавицы!—показываетъ прадѣдъ на затылокъ.— Баста женихаться!

— Ну, золота?—смѣется ханъ.

— А и зачѣмъ мнѣ оно,—отвѣчаетъ прадѣдъ:—когда его пропить нельзя? Не полагается казаку пить горилку въ походѣ.... *)

Такъ и не попросилъ ничего самолюбивый и гордый прадѣдъ. Не любилъ казакъ попрошайничать!.. Хотѣлъ было уже онъ и подшутить маленько надъ ханомъ: попросить себѣ галушекъ съ свинымъ саломъ, котораго орда, извѣстно, хуже чорта боится,—да тутъ самъ ханъ заговорилъ:

— Ну,— говоритъ,— коли ты такой гордый казакъ, что ничего и попросить не хочешь, такъ я ужъ самъ тебѣ подарокъ сдѣлаю!.. Вотъ, тебѣ,—говоритъ,— моя ханская сабля, что и стволъ ружейный какъ вѣточку перерубить можетъ, а вотъ—и конь, которымъ бы и самъ падишахъ не погнушался!..

И подвели тутъ прадѣду такого коня, такого чуднаго коня, что у него всѣ поджилки отъ радости задрожали и духъ захватило даже...

---

*) Законами запорожскаго войска строго воспрещалось пить во время похода, и кошевой, облекавшійся съ выступленіемъ въ походъ неограниченною властью, могъ карать нарушителей даже смертною казнью. Нѣкоторое послабленіе допускалось только во время осадъ и лагерныхъ стоянокъ. Малороссійскіе реестровые полки тоже строго блюли эти законы.

XII.

Ой, и обложили Дорошенка, обложили кругомъ гетмана,—точно кольцомъ стянули ратью... Ой, и бьется гетманъ день, ой, и бьется два, а на третій видитъ батько, что не пробиться ему, не прорвать кольца, что придется лечь казакамъ лыцарскою смертью, какъ травѣ подъ косою лечь... Ой, и жалко-жъ стало гетманскому сердцу братьевъ своихъ милыхъ, казаковъ удалыхъ, и заплакалъ онъ дробными слезами, какъ огонь горячими казацкими слезами... И сказалъ гетманъ своимъ орлятамъ:

— Гей, вы, орлы мои, казаки удалые! Нѣтъ намъ ни откуда подмоги!.. Покидайте вы лучше меня, своего гетмана,—не кладите напрасно свои головы!

И отвѣчали казаки гетману:

— Не нужно намъ подмоги, коли нѣтъ ея, не покинемъ мы тебя, гетмана,— покладемъ свои головы, какъ сами хотимъ!

И сказалъ на такую рѣчь гетманъ:

— Коли такъ, орлы мои, надѣвайте-жъ вы бѣлыя, чистыя сорочки и покайтесь всѣ другъ другу на комъ какой грѣхъ есть. И теплѣе Богу помолитесь, потому что на смертный бой поведу я васъ, на послѣдній бой!

И надѣвали казаки чистыя, бѣлыя сорочки, и каялись они въ своихъ грѣхахъ другъ другу, и теплѣе Богу молились. Готовились они на горячій бой, на смертельный бой.

И только поднялось солнце, взялъ вельможный гетманъ, батько казацкій, въ правую руку малиновое знамя, и блеснулъ серебромъ свѣтлый ликъ Архистратига *) передъ казацкими рядами, готовыми къ бою.

И загудѣла земля отъ конскаго топота, и задрожалъ вездухъ отъ страшнаго гика: это-жъ помчались, наклонивъ острыя копья, умирать казаки...

Только что же это видитъ гетманъ тамъ, далеко?.. что онъ видитъ изумленными и радостными очами на горѣ за лѣсомъ? Что это за рать спѣшитъ, что за казакъ вьется вьюномъ въ красномъ сердюцкомъ жупанѣ передъ несмѣтной ратью на бѣломъ кровномъ аргамакѣ? Ой, неужто-жъ это Петро ударилъ съ подмогой,—тотъ лихой Петро, о которомъ и слухъ было пропалъ? Горятъ гетманскія очи, дышетъ онъ отвагой и счастьемъ, сталъ передъ послѣдними запасными сердюками **) и поднялъ властную руку.

— За мной, орлы!.. Прорвали наши кольцо! Послалъ намъ Богъ подмогу!—И ударилъ вѣрнаго коня плетью.

Только вихрь зашумѣлъ, только земля застонала подъ копытами борзыхъ коней... Такъ-то самъ гетманъ ударилъ на врага съ сердюками.

---

*) На малиновомъ полѣ серебряный ликъ Архистратига съ мечомъ и щитомъ.

**) Сердюки—гетманская гвардія

Обнимаетъ гетманъ прадѣда, цѣлуетъ его въ уста, называетъ роднымъ братомъ и сразу даетъ ему полкъ вельможный.

— Спасибо тебѣ, Петро! — говоритъ: — въ самый разъ поспѣлъ ты!.. Ни одной головы нашей не осталось бы, кабы ты не ударилъ съ подмогой... Спасибо же тебѣ, братъ мой? Нѣтъ у меня полковника моложе и нѣтъ тебя лучше!

Счастливъ гетманъ побѣдой, счастливы и полки казацкіе,—громко славятъ они гетмана,—счастливъ и прадѣдъ! Нашелъ онъ таки въ обозѣ непріятельскомъ плѣннаго побратима и горячо расцѣловался съ нимъ,—такъ горячо, какъ ни съ одною молодицей не цѣловался никогда... Да никакъ не могъ добиться отъ него, какимъ образомъ его взяли. Ничего не помнилъ Квачъ,—ни того, какъ женихался онъ съ вѣдьмами, ни того, какъ наскочили на него. Помнилъ только, что рубился, а съ кѣмъ—и сказать не могъ. Совсѣмъ отшибло у него память отъ духа той проклятой варенухи, которой нанюхался онъ въ корчмѣ здòрово.

А все оттого, что опротивѣла ему горилка...

— Вотъ оно какъ на свѣтѣ бываетъ!—добавлялъ всегда разсказчикъ:—знать такова ужъ казацкая доля:—выпьешь,—не выпьешь—а все какъ будто пьянъ будешь... Такъ ужъ давайтека, люди добрые, лучше—выпьемъ!

СМОТРИНЫ.

(Изъ украинской жизни.)

Не даромъ говаривалъ покойный дѣдъ, что на свѣтѣ случаются иногда такія дивныя вещи, такія дивныя, что и ума не приложишь, какъ онѣ вышли. Да и голову ломать, по правдѣ сказать, незачѣмъ,—говаривалъ старый,—потому, извѣстное дѣло, безъ нечистаго въ такихъ случаяхъ не обходится: любитъ-таки, окаянный, подгадить доброму человѣку, въ особенности, если еще и зубъ на кого имѣетъ... Ге, ге, не приведи Господи!—такого натворитъ, такого настроитъ, что и не повѣрилъ бы, кабы добрые люди не разказывали, да съ божбою еще, что все это правда сущая!—А у чорта, нужно сказать, большой зубъ былъ на богатаго хуторянина, казака Козолупа,—говорили добрые люди,—очень большой, потому что богобоязненный Козолупъ всегда, какъ только помянетъ кто-нибудь при немъ нечистаго, или самъ какъ-нибудь невзначай обмолвится,—сейчасъ же и сплюнетъ, да еще

и дулю къ тому же сложитъ: на, молъ, подавись! И, разумѣется, что какъ увидѣлъ его окаянный, когда онъ съ ружьемъ за плечами изъ хаты вышелъ, чтобы по зайчикамъ пройтись, а не то, если Богъ пошлетъ, и лисичку прихватить, — какъ увидѣлъ, такъ и затрясся весь. Закрутилъ вихремъ, поднялъ снѣжную пыль по всей улицѣ села и такую скорчилъ уморительную рожу, что писарь, который вмѣстѣ съ другомъ своимъ, головой, третій день безвыходно у Сруля въ шинкѣ сидѣлъ и на ту пору какъ разъ въ окно поглядѣлъ,—такъ и покатился отъ смѣха. Хрючетъ, да и тычетъ пальцемъ въ окно всѣмъ добрымъ людямъ на диво! И вышелъ тутъ у закадычныхъ друзей горячій споръ, чуть не до драки дошло; потому, писарь на своемъ упирается, а голова божится: „Ей Богу,— говоритъ,—не чортъ, а какъ бы змій зеленый! Вотъ не сойти, если не змій!“ Писарь кричитъ: „чортъ!“ а тотъ свое: „змій!“ Спорили, спорили,—вотъ-вотъ вцѣпятся; да, слава Господу, старый казакъ Безухій подошелъ на ту пору погрѣться.—„Стойте, — говоритъ,—люди добрые! Спорите вы,— говоритъ,—какъ ребята малые, будто и не знаете, что нечистый,— будь онъ не тѣмъ помянутъ!—каждому человѣку въ иномъ видѣ кажется! Тьфу на него!“

Сплюнули всѣ трое, да и стали снова пить горилку... А раздосадованный чортъ полетѣлъ себѣ дальше за Козолупомъ. То морозомъ

дохнетъ на него, то снѣгомъ въ глаза сыпнетъ и только руки потираетъ, окаянный, когда добрый человѣкъ ругнется съ досады... Хотѣлось ему, рогатому, отомстить хуторянину всѣ плевки да дули,—очень хотѣлось... И такое надумалъ проклятый, такое надумалъ, что... Ну, да вотъ лучше послушайте, что разсказывали добрые люди.

Невесело проснулась Маруся, такъ невесело, какъ только и можетъ проснуться красавица, которую суровый и упрямый отецъ задумаетъ отдать за немилаго. А ужъ немилѣе Опанаса Тарасовича, кажется, и подыскать нельзя было для нея. Богъ съ нимъ и съ его богатствомъ, и съ домикомъ въ Золотоношѣ, и даже съ чиномъ, когда онъ старый и лысый, да еще и глазъ кривой! А гордость какая,—тьфу ты,—на людей и смотрѣть не хочетъ: панъ, да и все! Еще, пожалуй, думаетъ старый дурень, что и не вѣсть какую честь дѣлаетъ, что хочетъ взять за себя простую хуторянку-казачку!.. Какъ же! Да она, Маруся, сто разъ лучше будетъ послѣдней казачкой, послѣдней наймычкой, чѣмъ женой такого поганаго пана!.. И не нужно ей вовсе этого панства, даже совсѣмъ не нужно!.. Лучше всего было бы выйти за черноброваго Грицка Бондаренка, хотя упрямый и гордый отецъ и слышать не хочетъ, потому что Грицко—бѣднякъ и сирота, у котораго только и есть, что глаза да брови черныя. Ну, такъ

что-жъ,— развѣ у нея своего добра мало?—И хуторъ хорошій, и скотина, да и денегъ, говорятъ, не мало припасено у стараго Козолупа. И вдовая старуха тетка Горпина, крестная мать Маруси, у которой тоже свой хуторокъ, ничего не пожалѣетъ для своей любимицы. Да хоть бы ничего этого и не было, такъ и то не бѣда...

Ну, вотъ, подите же, добрые люди, что за разные вкусы бываютъ на бѣломъ свѣтѣ! Старый Козолупъ думалъ совсѣмъ иначе: красавецъ Грицко казался ему только черномазымъ цыганомъ, а кривой Опанасъ Тарасовичъ— самымъ завиднымъ женихомъ и желаннымъ зятемъ. Не претитъ ему даже кривой глазъ, потому, извѣстное дѣло, не воду же пить съ лица!—И лѣта казались подходящими: бывалый, опытный человѣкъ, а не какой-нибудь вѣтрогонъ,—думалъ старый Козолупъ,— въ самой порѣ! Сильно соблазняла его блестящая кокарда, которую по праву носилъ на фуражкѣ этотъ желанный зять, отставной псвытчикъ, за выслугу лѣтъ награжденный первымъ класснымъ чиномъ, и видѣть свою дочку „паней“, „ея благородіемъ“, казалось старому казаку величайшимъ счастьемъ на свѣтѣ. Ге, да пропади онъ совсѣмъ, если-бъ онъ не пошелъ самъ за такого именитаго человѣка и съ руками, и съ ногами, будь онъ только дѣвкой! Не отцѣпили бы, такъ бы и увязался!—Всегда влекло его сердце къ знат-

нымъ и именитымъ людямъ,—богатый Козолупъ только и водился съ такими: съ паномъ писаремъ, съ дьякомъ, съ поповичемъ да мельникомъ, съ головою и разными торговыми людьми. Гордъ былъ хуторянинъ, не любилъ якшаться съ первымъ встрѣчнымъ или съ сѣрымъ мужицкимъ людомъ, да и денежки любилъ. А у Опанаса Тарасовича, говорили, немало накопилось ихъ дачею въ ростъ по рукамъ подъ вѣрные заклады: умная башка!.. зналъ, какъ деньгами деньги плодить. И неудивительно поэтому, что въ послѣднюю встрѣчу въ городѣ, когда они вмѣстѣ пили у Янкеля хорошіе „выморозки“, и Опанасъ Тарасовичъ, при содѣйствіи своего друга-дьяка, закинулъ мѣткое словцо о Марусѣ, гордый Козолупъ съ радостью ударилъ по рукамъ. „Смотрины“ были назначены на хуторѣ у Горпины. Выпили они тутъ хорошихъ „выморозковъ“ столько, что и Янкель, навѣрное, не сумѣлъ бы отвѣтить сразу, сколько именно, повеличали другъ-друга, да и порѣшили держать все до поры до времени въ тайнѣ. Извѣстно: не хочешь лиха, не болтай зря попустому, пока еще и до дѣла не дошло!

Да развѣ скроется что-нибудь отъ дѣвки или бабы, когда самъ Господь уже создалъ ихъ такими примѣтливыми да хитрыми! Будь молчаливъ, какъ камень, а все-таки провѣдаютъ, возьми ихъ лихо, да еще и такъ, что ума не приложишь, какъ это ихъ угоразди-

ло!... Крѣпились друзья, крѣпко крѣпились, а вотъ же не удалось таки имъ удержать тайну. Правда, на радостяхъ, да еще и послѣ хорошихъ выморозковъ дьякъ не выдержалъ и обмолвился дьячихѣ, но вѣдь дьячиха клялась всѣми святыми, что и матери родной не скажетъ, не то что кому нибудь! Одинъ Господь, конечно, знаетъ, какъ это случилось, а только провѣдали-таки тайну эту и Маруся, и тетка Горпина, да не только онѣ, а и все село Бабинцы, что лежитъ въ трехъ верстахъ отъ козолуповскаго хутора. Оттого-то и ходила красавица Маруся невеселой и сегодня встала невесело,—тяжко даже и подумать было ей о предстоящихъ смотринахъ. Впрочемъ, правду сказать,—не очень-то убивалась дѣвка и не очень боялась... Норовистая была и своенравная,—вся въ батька. Какъ заладитъ что-нибудь, какъ упрется, то батько бывало ничего не подѣлаетъ; ну, да и на крестную тетку Горпину надѣялась,—та всегда за нее. А сестры своей даже и самъ Козолупъ побаивался,—такая баба была, что и чорта проведетъ, коли захочетъ... Какъ только ушелъ батько изъ хаты съ ружьемъ, стала и Маруся собираться на хуторъ къ теткѣ, подсобить въ стряпнѣ, ну, и въ чемъ-прочемъ по хозяйству, потому—гостей ждали много и все не какихъ-нибудь,—а старая Горпина не любила плохо принимать добрыхъ людей. Одѣвается красавица, да все своего суженаго про

себя старымъ дурнемъ обзываетъ. Одно ей удивительно, что чернобровый Грицко не является, ровно бы, молъ, и не чуетъ, что батька дома нѣтъ, что ушелъ онъ съ ружьемъ да доброю фляжкою горилки и, значитъ, бояться нечего. Даже взгрустнулось дѣвкѣ: полно, да любитъ ли, вправду, Грицко? Можетъ, и онъ заглядывается больше на хуторъ и богатство, чѣмъ на ясныя очи?!.. Надѣла она тутъ красные сафьянцы съ подковками на малыя ножки, обернула яркую, красивую плахту и затянула ее дорогимъ шарлаховымъ поясомъ на гибкой таліи, на шею привѣсила разноцвѣтныя бусы, а длинныя косы съ вплетенными лентами обвила два раза вокругъ головки змѣями... И только глянула въ зеркальце,—такъ и разлетѣлись черныя думы! Улыбнулась лукаво и такъ повела своими черными глазами, точно стрѣльнула. Грицко, который въ это самое время какимъ-то чудомъ очутился на порогѣ, такъ и обмеръ...

— Ясочка моя!—только и могъ проговорить парубокъ.

— Вотъ тебѣ и на! А ты откуда?—не то недовольнымъ, не то изумленнымъ голосомъ протянула красавица. И, право же, иной добрый человѣкъ могъ подумать, что дѣвка и въ самомъ дѣлѣ недовольна.—Откуда Богъ несетъ, да и какого добра ищешь въ чужой хатѣ? Прочуялъ уже, что батька дома нѣтъ и на порогъ...

— Ой, Маруся! — говоритъ, — сама знаешь, чьи очи ясныя причаровали мое сердце... Что тутъ и спрашивать!..

— А, можетъ, и не очи,—можетъ, богатство мое?—лукаво засмѣялась красавица, да сейчасъ же и пожалѣла: такое лицо стало у парубка.

— Грѣхъ тебѣ, — отвѣчаетъ, — такія рѣчи вести! И безъ того камень на душѣ, что отецъ тебя просватать хочетъ, такъ бы и кинулся въ прорубь, кажется!.. Одна только и надежда, что на тетку Горпину.

Топнула красавица сердито ножкой.

— А меня, — говоритъ, — и не считаешь? Неужто-жъ,—говоритъ,—думаешь, что я такъ и пойду за этого стараго шмеля, хоть и панъ онъ чиновный?! Пусть себѣ тата какъ хочетъ сватаетъ, а я упрусь и не пойду... Не ему съ мужемъ жить, а мнѣ,—говоритъ,—да и попъ безъ согласу не повѣнчаетъ...

Обрадовался Грицко и протянулъ сейчасъ руки, какъ всякій добрый парубокъ протягиваетъ ихъ, когда жартуетъ съ любимой дивчиной. Обнялъ парубокъ гибкій станъ сильной рукою, притянулъ къ себѣ и такое сталъ нашептывать милой, что та румянилась, да глаза жмурила отъ счастья...

Очень ужъ, знать, досаждалъ нечистый бѣдному Козолупу, потому что, какъ ни крѣпил-

ся человѣкъ и какъ ни была объемиста его охотничья фляжка, а очень скоро не осталось въ ней ни капли: то и дѣло приходилось бѣднягѣ прикладываться, чтобы согрѣться. Путалъ онъ, путалъ, и Дубовскіе лѣса прошелъ, и Майдановскій лугъ, и еще, кажется, какіе-то луга да лѣса, а хоть бы тебѣ одинъ заяцъ!—всѣхъ разогналъ нечистый! Даже зло стало разбирать Козолупа,—никогда не случалось еще... Извѣстное дѣло,—захочетъ нечистый поглумиться надъ человѣкомъ, такъ чего не сдѣлаетъ?! А дѣло и къ вечеру клониться стало, пора бы, кажется, и къ Горпинину хутору свернуть,—того и гляди привезетъ дьякъ своего друга Опанаса Тарасовича, такъ куда тебѣ,—развѣ совладаешь съ нечистымъ! Несетъ да несетъ, окаянный, снѣгомъ,—ни зги не видать, а ночь все ближе и ближе. Да и дивное что-то стало твориться съ казакомъ: на что ни взглянетъ, все ему какъ бы вдвойнѣ кажется,—даже глаза тереть сталъ. Опять же и настоящей стороны никакъ не разберетъ: возьметъ вправо,—анъ, гляди влѣво очутится; влѣво возьметъ, а выходитъ вправо...—Тьфу, ты, нечистый тебя возьми!—думаетъ. Не прочь бы уже бѣдняга не то что до далекаго Горпинина хотора, а хоть до кумы добраться,—благо ея хата на самомъ краю села стояла,—такъ и то не выходитъ. Навѣщалъ-таки Козолупъ свою куму, вдову Хиврю, частенько, хотя и тайкомъ, конечно, чтобы, извѣстное дѣло, люди чего-нибудь дур-

ного, упаси Боже, не подумали,—хорошо зналъ тропу, а вотъ же никакъ не попадетъ! Бился онъ, бился, и такъ, и сякъ, а, наконецъ, изъ силъ выбился. Повалился на снѣгъ, да и давай горькими слезами плакать. Такъ и заливается,—чуетъ, что недоброе что-то творится съ нимъ...

А на ту пору какъ разъ два друга, писарь да голова, отъ Сруля пробирались и тоже пути искали. Голова божится, что вправо нужно идти, а писарь свою голову закладывалъ, что дорога влѣво идетъ... Шарили оба на четверенькахъ по снѣгу, шарили,—когда вдругъ слышатъ, кто-то навзрыдъ рыдаетъ и совсѣмъ какъ будто близко.

— Слышите, панъ голова?—отозвался писарь, поднимаясь и прислушиваясь... Какъ будто баба плачетъ!

— Эге-жъ, панъ писарь! Ей-же Богу, плачетъ! — отвѣтилъ голова, которому удалось набрести на плетень и опереться на него могучими плечами.—Чтобы мнѣ горилки больше не пить, если не плачетъ... И безпремѣнно баба...

— А, можетъ, и не баба, панъ голова?—нерѣшительно спросилъ писарь, сильнѣе всего боявшійся всякой чертовщины.

— Можетъ, и не баба!—согласился охотно голова.

— Можетъ, это и оборотень какой?

— Можетъ, и оборотень!..—какъ эхо подхватилъ равнодушный другъ.

Уперся писарь въ снѣгъ такъ крѣпко, что и вѣтромъ его не качаетъ,—слушаетъ и самъ не знаетъ, какъ быть дальше. И боязно ему, да и любопытство разбираетъ,—ласъ былъ, правду сказать, до женскаго пола. Почесалъ онъ подъ смушковой шапкой да и говоритъ снова:

— И здорово же воетъ баба, панъ голова, возьми ее лихо!.. Можетъ, ей и бѣда какая пришла?..

— Должно быть, что бѣда, панъ писарь!—отвѣчаетъ голова.—Съ чего-жъ бы ей и плакать?.. Не иначе, что бѣда!..

— То-то!..—говоритъ писарь:—и я такъ смекаю, панъ голова! Ужъ не пойти ли къ ней, спросить?..

— Что-жъ!.. и пойти можно, панъ писарь!—согласился голова...

Подумалъ еще писарь, почесалъ подъ шапкой, и поплелись оба на плачь. Немного проплелись, да такъ и остолбенѣли на мѣстѣ отъ изумленія,—двинуться не могутъ...

— Съ нами крестная сила! А то-жъ и не баба, панъ голова!—только и могъ вымолвить пораженный писарь, да такъ и остался съ открытымъ ртомъ.

— И не баба-жъ! — подхватилъ не менѣе изумленный голова. — У бабъ усовъ не бываетъ, панъ писарь... Развѣ что у вѣдьмы...

Хотѣли дать стрекача бѣдняги, да ноги не слушаютъ... Чуютъ, что чубы у нихъ подъ

шапками кверху отъ страха лѣзутъ, морозъ по спинѣ пробѣгаетъ, а стоятъ и только: святъ! святъ!—бормочутъ. А бѣдный Козолупъ обрадовался, что люди подошли, хоть и не разобрать ему въ темнотѣ, кто такіе,—пересталъ ревѣть, повеселѣлъ, да и спрашиваетъ:

— Ой, и скажите же мнѣ, добрые люди,—говоритъ:—что́ тутъ со мной дѣется?..

Не выдержалъ писарь.

— Слышете, панъ голова?—говоритъ, щелкая зубами:—еще и заговариваетъ, нечистая сила!..

— Эге-жъ, панъ писарь! какъ есть!.. заговариваетъ...

А Козолупъ сердится,—гордый былъ.

— Гей-же,—говоритъ,—что вы тамъ топчетесь?.. Не признаете, что-ли, Козолупа,—говоритъ,—когда меня весь свѣтъ хорошо знаетъ?..

— И вретъ же, нечистая сила!—снова говоритъ писарь, зубъ на зубъ не попадая.—Слышете, какъ вретъ, панъ голова?! Пьяница Козолупъ давно,—говоритъ,—на Горпининомъ хуторѣ дочку свою лысому чорту пропиваетъ!

Изумляется Козолупъ. Вотъ тебѣ и на,—думаетъ:—что за чудасія такая?! И я уже какъ будто и не я сталъ, да и люди зря пьяницей лаютъ! Что за чудасія?! Хотѣлъ онъ настоящее слово сказать, да перепуганный

писарь не сталъ дожидаться,—почуялъ, что отошли у него ноги... Какъ дастъ стрекача, а за нимъ и голова, какъ заорутъ во все горло: „Ой, ратуйте, добрые люди,—оборотень явился!“—такъ и у бѣднаго Козолупа чубъ кверху полѣзъ... Схватился самъ, да и ну! не вѣсть куда, такъ сами ноги и несутъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ большій страхъ его разбираетъ... А тѣ бѣгутъ, спотыкаются, снова бѣгутъ, да, знай, орутъ свое во всю глотку,—цѣлое село, почитай, на ноги подняли... И старики, и малые ребята,—всѣ тутъ. Обступили кругомъ,—а на ту пору Господь уже и мѣсяцъ ясный на небо выслалъ,—приглядываются, крестятся, да только и шепчутъ въ страхѣ: „оборотень!“

— Вотъ же, не сойти съ мѣста,—клянется писарь:—если не оборотень!.. Совсѣмъ какъ Козолупъ!—и съ рѣчи,—говоритъ,—и съ виду.. Только вотъ рожа у него козлиная, да рога на головѣ. Правда, панъ голова?

— Святая правда! — отвѣчаетъ, отдуваясь, голова. — Ни дать, ни взять, — змій, люди добрые!..

А тутъ вдругъ и Грицко изъ толпы выступилъ.

— И знаю я, гдѣ онъ скрылся, окаянный!—говоритъ.—Безпремѣнно у Хиври вдовы, люди добрые,—потому что и нѣтъ на селѣ другой такой вѣдьмы, какъ она: всегда къ ней разные оборотни огородами,—говоритъ,—лазятъ!..

И что-жъ бы вы думали, добрые люди?— такъ оно и вышло!.. Вотъ что подстроилъ нечистый, куда загналъ бѣднягу! Кинулись люди къ Хивриной хатѣ, а Козолупъ тамъ и есть,—лежитъ на печи да охаетъ... Ну всѣ, извѣстное дѣло, въ разсыпную, кто куда могъ: кто въ дверь, такъ въ дверь, кто въ окно, такъ въ окно, и не одинъ даже добрый человѣкъ себѣ шишку набилъ, а то и глазъ подсадилъ... Такой гвалтъ вышелъ тутъ, такой гвалтъ, что и сказать трудно! Слава тебѣ, Господи Боже, что Грицко тутъ былъ съ друзьями-парубками и до бѣды не допустилъ, а то и хату спалили бы съ Козолупомъ да Хиврей... Писарь было уже и огонь изъ люльки вытрясать сталъ,—горячій былъ человѣкъ!

Но чорту и этого было мало,—еще и другую, не худшую, штуку выкинулъ... Наѣхало къ Горпинѣ гостей видимо-невидимо, и все люди именитые, не какіе нибудь: дьякъ съ дьячихой, мельникъ съ женою и мало ли кто еще... А всѣхъ важнѣе, конечно, былъ Опанасъ Тарасовичъ въ своемъ форменномъ сюртукѣ съ блестящими пуговицами и яркомъ галстухѣ. Умѣлъ-таки принарядиться человѣкъ, какъ слѣдуетъ,—извѣстно, панъ,—да еще чиновный!.. И виски причесалъ, и чубъ вихромъ поставилъ, и усы закрутилъ, а сѣрый

глазъ, какъ у кота на сало горитъ... Ну, да и сало, правду сказать, было доброе,—хоть кто заглядится на Марусины брови! Ждали Козолупа, ждали да и ждать перестали,—Горпина только рукой махнула... Покрыли столъ сѣномъ, а сверхъ сѣна бѣлую скатерть постлали, нанесли сноповъ, чтобы жито родилось, оставили мѣсто для Козолупа, да и пошло угощенье!.. Господи Боже мой!—чего только не было! Однихъ пироговъ сколько! Ну, поѣли гости, повеличали хозяйку, а Козолупа, все нѣтъ,—даже смѣяться сталъ дьякъ: навѣрное, говоритъ, набрелъ вмѣсто зайца на бочку съ горилкой!.. Да никто ему компаніи не поддержалъ,—потому, извѣстно, кто-жъ не любитъ горилки! Стали тутъ гости шутить и все больше въ сторону Маруси и Опанаса Тарасовича прохаживаться. И то закинутъ, и это,—какъ водится уже въ смотринахъ,—никогда не даютъ милымъ покоя! Опанасъ Тарасовичъ такъ и сіялъ отъ этого, ровно масломъ вымазанный, и самъ еще жару поддавалъ, и Горпина не противилась,—даже подмигивала дьяку, когда тотъ какое-нибудь особенное словцо выпуститъ. Смѣется и подмигиваетъ,—а дѣло ужъ такъ до самой сути и доходитъ, чуть что не до самаго сговора. Да дернуло тутъ ее неладное придумать на бѣду! Повернулась это она вдругъ къ Опанасу Тарасовичу, который и ногъ подъ собой, кажется, не слышалъ, уже и голову

терять сталъ, повернулась, да и скажи ему:

— А что,—говоритъ,—Опанасъ Тарасовичъ,—не хотите-ли, чтобы Маруся вамъ погадала? Можетъ, говоритъ, она на судьбу вамъ укажетъ...

Вмѣшалась тутъ, правду сказать, дьячиха, стала указывать, что неладно гадать зря, когда на то есть день Андрея, да развѣ кто послушаетъ разумнаго слова, когда нечистый вмѣшается?! Такъ и тутъ было,—никто и слушать дьячихинаго слова не хотѣлъ, а Опанасъ Тарасовичъ такъ и кинулся, какъ волкъ голодный...

— Сдѣлайте,— говоритъ,— одолженіе!.. того только и жажду! Возьмите, Марья Микитовна, и укажите судьбу бренную, въ юдоли сей уготованную!

Умѣлъ-таки человѣкъ говорить по ученому, не лазилъ въ карманъ за словомъ... Ну, и схватилась тутъ Маруся съ лавки, взяла воску, стала топить да въ воду лить, а Горпина ей и помогаетъ еще. Топили, выливали, да и вылѣпили, наконецъ... А тутъ еще, ровно бы на зло, дьякъ возьми да и скажи басомъ:

— На что и гадать?—говоритъ.—Извѣстно, что̀ выйдетъ: „ложе честно, непорочно!“ Да какъ захохочетъ, а за нимъ и Опанасъ Тарасовичъ отъ радости! Хохочутъ, хохочутъ, а Горпина и говоритъ:

— А вотъ сейчасъ посмотримъ, люди добрые, что̀ вышло. Поднеси-ка, Маруся, къ стѣнѣ!..

Обступили кругомъ гости, а Опанасъ Тарасовичъ такъ въ самый передъ и вылѣзъ. Подноситъ Маруся къ стѣнкѣ,—и что-жъ бы вы думали, люди добрые?—Вотъ что надѣлалъ нечистый: торчитъ на стѣнѣ черная дуля, да и все!

Позеленѣлъ Опанасъ Тарасовичъ, — обидчивый былъ, страсть, да и кто-жъ бы не обидѣлся,—мѣняется въ лицѣ, гости отъ изумленія рты разинули, а дьякъ и поддай еще жару:

— Вотъ такъ и ложе!—рявкнулъ, да спохватился сейчасъ.—А ну, говоритъ, поверните бокомъ,—можетъ, оно что̀ и другое покажетъ...

Повернула Маруся бокомъ—дуля! Такъ и торчитъ, проклятая, чернымъ пятномъ на бѣлой стѣнкѣ, хоть что хошь!.. даже еще лучше стала,—такъ ровно и тянется сама къ носу... Схватилъ тутъ Опанасъ Тарасовичъ свою фуражку со звѣздой, поклонился да и говоритъ:

— Спасибо, Марья Микитовна, на добромъ угощеніи и вамъ, люди добрые, за компанію. А только, — говоритъ, — не себѣ ли вы, Марья Микитовна, такую штуку и выгадали? — Да прямо въ дверь.

А на ту пору какъ разъ и Козолупъ подходилъ, опираясь на сильное плечо Грицки,

который и поддерживалъ его, и вѣтру не давалъ съ ногъ сшибать, ровно бы батька родного велъ. Сознавалъ старый, какую великую услугу оказалъ ему парубокъ, отъ сраму и отъ бѣды даже выручилъ, когда онъ, перепуганный народомъ, съ печи у кумы свалился... Зналъ также, что и языкъ у парубка не бабій, не будетъ зря болтать пустое и добрую славу человѣка порочить, и потому нѣсколько разъ во время пути назвалъ его Козолупъ добрымъ хлопцемъ. Ведетъ его Грицко, уже и въ сѣни входятъ,— анъ тутъ-то и выскакиваетъ обиженный да разсерженный Опанасъ Тарасовичъ и прямо на Козолупа!..

— Съ нами крестная сила!.. Что́ такое еще случилось?!—изумился Козолупъ.—Куда тебя, сватъ, несетъ?! И дочка же гдѣ?..

А Опанасъ Тарасовичъ даже и слушать не хочетъ, бѣжитъ.

— Не сватъ я тебѣ, пьяница!—кричитъ.— И подавись ты своею дочкою!..

Ну, конечно, обидѣлся богатый Козолупъ: не привыкъ онъ къ такому обращенію, да и кому же пріятно, когда его въ лицо пьяницей обзываютъ, да и неповинную дочку еще корить будутъ. А когда узналъ, какъ оно все вышло и что́ ему Маруся на тѣни показала, то даже и засмѣялся...

— Такъ ему, старому чорту, и нужно!— сказалъ.—Не вѣсть какой панъ, подумаешь!..— Начхать мнѣ на него съ его чиномъ!..

И какъ-то ужъ само собою вышло, что Горпина, а за ней и гости всѣ стали величать сироту Грицко и богачиху Марусю женихомъ и невѣстой...

Такъ вотъ, люди добрые, какія штуки бываютъ подчасъ на бѣломъ свѣтѣ!

СУДЪ БОЖІЙ ВЪ КАРПАТАХЪ.

(Разсказъ горца) *)

I.

Не знаю, какъ у людей долины, а у насъ, горцевъ, часто случаются дивныя вещи,—только не любимъ мы, паночку, зря болтать о нихъ каждому встрѣчному и поперечному... Извѣстное дѣло,—болтовня до добра не доводитъ: сейчасъ налетятъ съ долины прокуроръ и ассесоръ, пойдутъ разводить свои крючки да путать добрыхъ людей,—ну, а кому же это будетъ по вкусу?.. Нѣ любятъ карпатскіе горцы путаться съ чиновнымъ австріакомъ! Правда, цесарь платитъ имъ за ихъ службу деньги, нужно, значитъ, и имъ свое дѣло справлять, за то и хлѣбъ ѣдятъ,—ну, да пусть себѣ лучше справляютъ свои крючки въ долинѣ, въ

*) Сѣверные и восточные склоны Карпатовъ заселены преимущественно горцами славянами, по языку, обычаямъ и нравамъ часто весьма близкими малороссамъ.

своихъ городахъ и селахъ, гдѣ у нихъ для того и тюрьмы построены, и суды есть съ важными судьями, одѣтыми въ шитое золотомъ платье, да и народъ тамъ любитъ судиться... Мы, горцы, этого не любимъ...

А въ нашей Сколѣ отъ вѣка нѣтъ ничего такого, да и мѣста не нашлось бы, гдѣ бы построить. Она, точно орлиное гнѣздо, прилѣпилась на небольшомъ уступѣ высокаго горнаго утеса и совсѣмъ не видна даже съ долины: закрываютъ ее часто туманы да сѣрыя облака, которыя брызжутъ въ долину дождемъ въ то самое время, когда надъ нами свѣтитъ ясное солнце или мѣсяцъ. Отъ насъ же бѣгутъ туда звонкіе, чистые ручьи, одѣтые бѣлою пѣной, и превращаются тамъ въ мутныя, грязныя рѣчки. Извѣстно ужъ,—все загрязнятъ люди долины!... Даже чистое, густое молоко, что мы носимъ туда на продажу, разбавляютъ ихніе купцы всякою грязью, а въ творогъ и масло подбавляютъ не вѣсть что... Не жалуютъ наши тамошнихъ и не любятъ связываться съ ними. Носимъ мы туда на продажу шерсть, сыры, молоко, носимъ медвѣжьи шкуры, да туши горной серны, за что намъ даютъ тамъ бумажные гульдены, два раза въ годъ носимъ туда свою подать и разъ поставляемъ солдата,—лучшаго стрѣлка у австріака. Любятъ тамъ нашихъ молодцовъ и цѣнятъ. Живо обкорнаютъ длинные кудри, облекутъ въ смѣшную сѣрую куртку, вмѣсто широко-

полой съ перомъ шляпы нахлобучатъ съ номеромъ колпачекъ и станетъ бравый хлопецъ кургузымъ нѣмцемъ. Крѣпко убиваются бѣдняги-хлопцы, когда идутъ на жребій, а бабы да дѣвки, такъ тѣ воютъ тогда не хуже голодной волчицы. Ну, да что подѣлаешь? По ту сторону горъ еще хуже: тамъ нашихъ хлопцевъ берутъ въ гонведы,—ну, а кто же не знаетъ, что для насъ венгеръ хуже самого австріака... Венгеръ, тотъ непремѣнно норовитъ совсѣмъ-таки перекроить горца на свой ладъ, чтобы тотъ про своихъ забылъ и сталъ изъ добраго хлопца—венгромъ.

— Ты мадьяръ!—говорятъ бѣднягѣ:—и никѣмъ другимъ не долженъ быть, какъ мадьяромъ... Выбрось свою славянскую дурь изъ головы!

— Нѣтъ!— отвѣчаетъ каждый бравый хлопецъ, если онъ честнаго роду:—не венгеръ я и венгромъ не буду... Я родился карпатскимъ горцемъ и умру горцемъ! Я цесарскій слуга, и самъ цесарь мнѣ защита!..

Такъ, вотъ, только и дѣла у насъ съ людьми долины...

II.

А чудасій у насъ всякихъ бываетъ немало,—только не любятъ у насъ по вѣтру пускать ихъ! Свое дѣло, молъ, домашнее,—сами

и разсудимъ... Оно, конечно, отчего не разсказать доброму человѣку, особенно, если онъ еще и своей, грецкой, вѣры,—настоящей, а не какой-нибудь нѣмецкой или римской... Вы спрашиваете меня, добрый господинъ, про Любашину бездну, что зіяетъ у самой тропы налѣво отъ Сколы,—спрашиваете, почему люди прозвали такъ эту бездну?.. Ге, ге, добрый господинъ,—потому что туда кинулась красавица Любаша отъ тяжкаго горя,—прости ей Господи! Давно бѣлѣютъ тамъ ея косточки, а ихъ не видало еще ни одно человѣческое око... Кто-жъ доберется до бездны, когда и заглянуть туда страшно!.. Извѣстно, вѣдь, всякому, что нечистый,—будь онъ не тѣмъ помянутъ!—устроилъ тамъ свое проклятое гнѣздо и плодитъ рогатыхъ...

А вышло все это изъ-за Богдана, и вотъ какъ оно вышло... Ну, да постойте,—лучше начать, какъ слѣдуетъ, съ самаго начала. Видите-ли, богатый Крачекъ оставался вдовцомъ недолго: потужилъ онъ годъ, другой, еще потерпѣлъ сколько-то тамъ, да и сталъ шарить глазами по дѣвичьимъ щечкамъ... Нельзя вѣдь,—сами понимаете,—человѣкъ еще крѣпкій, сочный, какъ дубъ, да и хозяйство опять, дворъ, господа, лавка,—одному не справиться, за всѣмъ не углядѣть, а дочкѣ Любѣ-то, въ ту пору только еще четырнадцать было,—дитя еще, а не хозяйка... Ну, и сталъ запускать глазунца... Запускалъ, смотрѣлъ да

и высмотрѣлъ на свою бѣду Анку изъ Кальваръ, что лежитъ ниже нашей Сколы, почти что у самой долины... Не нравились ему наши сколянки, захотѣлось, вишь, кальварской франтихи,—да и богатыхъ нѣтъ у насъ, а онъ хотѣлъ непремѣнно по себѣ взять, съ достаткомъ дѣвку. Ну, и взялъ! За Анкой много гульденовъ дали,—отецъ ея тоже въ Кальварахъ лавку держалъ,—и съ себя Анка хороша была: бѣла, румяна, глазъ и бровь черные, какъ угли, и мясиста, ровно дебелая поповна,—извѣстно, на купецкомъ хлѣбѣ. Ну, да того только и было за нею, во всемъ же прочемъ—вѣдьма вѣдьмой: живо скрутила добродушнаго Крачека, такъ скрутила, точно хмѣлемъ обвила!... Съ виду-то оно и ничего какъ будто,—и покрикиваетъ Крачекъ, и полаетъ когда нужно, ровно бы, молъ, и на самомъ дѣлѣ голова всему, какъ слѣдуетъ, а какъ приглядишься ближе, то и увидишь, что во всемъ онъ подъ ея дудку пляшетъ, какъ медвѣдь ученый... Хитрая баба была,—дура вотъ, а вертѣла умнымъ человѣкомъ своей хитростью, какъ хотѣла!... И часто, говорятъ, это такъ бываетъ на свѣтѣ, когда нашъ братъ, поживши хорошо, да вдругъ съ молодой свяжется: совсѣмъ, и разумъ, и волю потеряетъ! Ну, да это еще полбѣды было,—пусть бы себѣ вертѣла дуракомъ, коли онъ самъ въ петлю полѣзъ! Да, вотъ, бѣда настоящая: стала вѣдьма Любушу гнать,—со свѣту плоть род-

ную Крачека сживать, какъ у нея самой сынъ родился... Такой лютой мачихи и не бывало у насъ въ Сколѣ! Всѣ у насъ жалѣли бѣдную Любу, самъ Крачекъ жалѣлъ и убивался про себя, а подѣлать ничего не могъ,—пикнуть не смѣлъ,—такъ въ концѣ-концовъ обошла его вѣдьма! Повѣрите, бѣдной дѣвкѣ совсѣмъ житья не стало,— и била ее вѣдьма, и въ голодѣ держала, въ лохмотья рядила, чего-чего только не придумывала! Пробовалъ попъ Ѳедоръ вступиться за бѣдную,—разъ даже сталъ выговаривать Крачеку, да на такое наскочилъ, что только рукой махнулъ! На версту отчитывала его Анка, пока домой брелъ... „Ты,—говоритъ,—добродѣю, между мужемъ и женой не становись!.. Справляй свою службу Божію да за попадьей своей присматривай,—вотъ, твое дѣло! А Любку я учу, какъ сама хочу. Твоему Крачеку глаза выцарапаю, пусть только слово, дуракъ, вымолвитъ!—И приставила вѣдьма Любку гусей пасти, даромъ что была она дитя отцовское холеное,—а Любка и за это Бога благодарила,—хоть отъ побоевъ избавилась... Вотъ тутъ-то и подвернулся Богданко...

III.

Слыхали вы, чай, про Дудека изъ горной Кодни?.. Первый пачковозъ *) былъ,—контра-

*) Пачковозъ—контрабандистъ.

бандой, что на московскую сторону возилъ, и богатство свое сколотилъ,—слыхали? Ну, такъ Богданко этотъ былъ его сынъ родной. Красивый парень, ловкій, да и богатый къ тому же,—самый завидный женихъ во всей округѣ. Любая дѣвка за него пошла бы, только бы глазомъ моргнулъ малый,—да что дѣвка?!—поповна и та бы не артачилась. Но изъ всѣхъ красавицъ полюбилась ему, видите ли, одна Люба, даромъ что гусей пасла и въ лохмотья наряжалась! Да такъ полюбилась, такъ въ око запала, что хоть горло себѣ рѣжь, хоть въ самый адъ кидайся,—все впору... Причаровала, словомъ!.. Крачекъ отъ радости ногъ подъ собой не слышалъ, любилъ онъ-таки дочку, да и какъ отцу не радоваться такому зятю?!.. И сама Крачиха была даже довольна, потому что Богданко соглашался взять дѣвку въ одной сорочкѣ, безъ единаго гульдена. Кажется, чего бы тутъ еще?—прямо такъ-таки въ церковь Божію съ дружками, да потомъ на свадебный пиръ созвать добрыхъ сосѣдей... Анъ, не тутъ-то было: посмотрите, что̀ вышло.

Былъ у̀ меня, видите ли, крестный сынъ, Петрикомъ звали его,—славный парень, нельзя сказать иначе,—видный и статный, да, вотъ, только одна бѣда: совсѣмъ какъ есть ничего за душой не имѣлъ. То и его, что̀ при немъ. Ну, чай, сами знаете, каково оно на теперешнемъ свѣтѣ сиротѣ-бѣдняку. Не нужно и

очей карихъ, и стройнаго стана, и смѣлости, ничего не нужно,—только бы гульдены звенѣли въ карманѣ. А у Петрика не то, что гульдена, а и крейцера стараго не было. Отца объѣздчики убили, когда товаръ черезъ границу перетаскивалъ, мать умерла съ горя и остался бѣдняга одинъ-одинешенекъ.

Ну, вотъ, пошелъ я разъ въ горы съ ружьемъ за серной,—за большимъ крестомъ, что̀ стоитъ на правой рукѣ отъ Сколы, люди новый выводокъ видѣли, — пошелъ, да и наткнулся не на серну, а совсѣмъ на другое. Путалъ я, путалъ, усталъ даже, во всѣ стороны засматривалъ,—нѣтъ тебѣ ничего да и только!.. Повернулъ уже домой, потому что солнце садиться стало,—когда гляжу: Петриково стадо пасется себѣ тихонько, а его и тѣни не видно! Обернулся и,—что-жъ бы вы думали, вижу?—стоитъ за утесомъ Петрикъ да съ Любкой цѣлуется... Ей Богу!.. даже глазамъ не повѣрилъ! А дѣвка лишь запримѣтила меня,—такого, разумѣется, деркача задала, что и слѣдъ простылъ...

Ну, извѣстное дѣло, крякнулъ я здорово, усъ поправляю, а Петрикъ снялъ шапку, да и потянулся къ моей рукѣ. Нельзя не сказать,—почтительный малый былъ!

— Будь здравъ, отче крестный!—говоритъ.

— Здравствуй и ты, сыне!..—отвѣчаю.—Чай, пора стадо гнать... а?

— Пора, отче!—говоритъ.

— То-то пора... А ты, кажется, Любкиныхъ гусей загонялъ?...

Покраснѣлъ малый,—какъ маковъ цвѣтъ покраснѣлъ... Стоитъ, ровно воды въ ротъ набралъ.

— Что-жъ молчишь?—говорю:—Любка, вѣдь, это была?

— Любка!—отвѣчаетъ.

— То-то, вотъ, Любка... А хорошо ли это съ чужой невѣстой цѣловаться?.. а?

Тутъ ужъ и заговорилъ малый:

— Нѣтъ,—говоритъ,—отче крестный,—не чужая она, а моя невѣста: давно уже любимся мы съ нею и давно присягнули другъ другу. А что за ней Богданко увивается,—такъ этому не бывать,—говоритъ,—и ничего изъ этого не выйдетъ. Богданко,—говоритъ,—мнѣ побратимъ и противъ меня не пойдетъ: мы еще дѣтьми были, крестами обмѣнялись и отцы наши это знали...

Слушалъ я, слушалъ,—сначала диву дался, а потомъ и жалко стало мнѣ малаго.

— Эхъ, Петрикъ; Петрикъ!..—говорю:—молодъ ты еще и зеленъ: не знаешь, что́ любовь дѣлаетъ съ человѣкомъ, когда причароуетъ!.. Не посмотритъ онъ и на родного брата, не то что побратима... Все изъ головы выйдетъ!..

— Нѣтъ!—отвѣчаетъ:—не такой, отче, Богданко! Вотъ, я сегодня же переговорю съ нимъ,—увидите! А только будьте милостивы,

отче!—запрссилъ малый жалобно:—не говорите ничего Крачеку, а тѣмъ паче Крачихѣ.

Почесалъ я на эти слова подъ шляпою, покрутилъ усъ, да и говорю парню:

— Слушай, малый! — говорю: — да вѣдь не ровня ты ей...

— Чѣмъ не ровня?—спрашиваетъ.—Она гусей пасетъ,—я козъ да коровъ пасу. Что у Крачековъ денегъ много, — говоритъ, — такъ намъ ихъ не нужно: будемъ съ Любкой скотъ пасти, а не то пойдемъ до московской границы и я наймусь у жида пачки возить. Насъ, горцевъ, охотно,—говоритъ,—въ пачковозы нанимаютъ и хорошія деньги даютъ.

Вѣрно-то, вѣрно!—подумалъ я.—Лучше нашего брата никто контрабанду не протащитъ, да объѣздчиковъ не проведетъ! Ну, а все-таки покачалъ я головою,—потому, чуяло мое сердце, что не будетъ добра... Эхъ!.. вотъ, она молодость-то!

IV.

Послѣ того въ нашей Сколѣ только и разговору было, что Богдана совсѣмъ и узнать нельзя,—такъ позеленѣлъ парень, да нравомъ измѣнился. Ни прежней живости, ни удальства, ни веселья, ничего... Такъ-таки ровно рукой сняло! Ходитъ хмурный, глядитъ ровно волкъ въ землю, такъ и кажется каждому, что

парень зло таитъ, а не то и намысливаетъ что нибудь. И всѣ, конечно, только диву давались, потому что никто кромѣ меня не зналъ, что тутъ за причина, ну, а я,—извѣстное дѣло,—молчалъ. Разное думали, всякія небылицы плели, а до настоящаго никто не доходилъ: никому въ голову не входило, чтобы тутъ дѣло объ Любѣ да Петрикѣ шло. Кто говорилъ, что Богданко, вѣроятно, деньги потерялъ, кто думалъ, что онъ съ Крачихой на счетъ Любкина приданаго не поладилъ,—всякое плели,— ну, а я себѣ, знай, посмѣиваюсь только, да усъ покручиваю. — Ладно, молъ! болтай себѣ всякъ, что хочешь,—никто, кромѣ меня, правды не знаетъ! — Въ кой-то день опять повстрѣчалъ я Петрика въ горахъ, подошелъ къ нему, да и спрашиваю:

— Здоровъ, сыне!.. Ну, какъ дѣла?..

— А, ничего, отче крестный!—отвѣчаетъ малый,—и взоръ у него свѣтлый да веселый:—хвала Богу, ничего дѣла мои!

— Говорилъ съ Богданомъ?

— Говорилъ, отче крестный!..

— Ну, и что же?...

— А то,—говоритъ,—отче, что по правдѣ какъ сказалъ я все ему, такъ онъ спервоначалу какъ снѣгъ побѣлѣлъ. Правду сказать, сильно это бѣднягу доняло и жалко мнѣ его стало. Разсердился даже Богданъ,— ну, да я ему сейчасъ побратимскій крестъ показалъ.— Гляди,— говорю,—забылъ развѣ, что мы при

отцахъ еще дѣтьми крестами обмѣнялись? Нельзя тебѣ противъ побратима идти!—Смирился,—сейчасъ смирился... Вздохнулъ только тяжко.—Въ сердце,—говоритъ,—ты бы мнѣ, побратимъ, лучше ножъ всадилъ!..

— Эге!.. Ну, а ты-жъ ему что?

— Жалко мнѣ его стало, страхъ какъ жалко, отче!... Я и сказалъ ему только вотъ что: Прости меня,—говорю,—побратимъ, прости, дорогой!—И то разсуди,—говорю,—что ты богачъ и родня у тебя сильная, и всякая дѣвка за тебя пойдетъ, даже поповна, а, можетъ, кто и поповны почище пойдетъ съ охотой. Ну, а я... сирота бездомный,—только и есть у меня всего, что Любка. Не отнимай же,—говорю,—у меня послѣдняго, что Богъ послалъ!

— Такъ! Ну, а онъ тебѣ что? — спрашиваю.

— А онъ мнѣ сказалъ: „я бъ тебѣ, говоритъ, побратимъ мой, съ охотой половину своего богатства отдалъ, лишь бы Любка тебя не любила да ты-бъ отъ нея отступился!.. Ну, а развѣ закажешь сердцу?.. Да и на что мнѣ его богатство? Поговорили мы еще, поговорили, ну, и разошлись.—Пусть будетъ, какъ Богъ судилъ!..—Только и сказалъ Богданко.

Выслушалъ я эту его рѣчь, да и защемило у меня на сердцѣ... Ровно бы такъ и почуяло оно недоброе.

— Ой, гляди, сыне!—говорю,—смотри, какъ бы грѣха какого не вышло...

— А съ чего-жъ бы онъ и вышелъ?—спрашиваетъ малый.—Побратимъ мой добрый хлопецъ, Любка меня любитъ,—ну, вотъ, развѣ Крачиха упрется, такъ мы съ Любкой на нее и не посмотримъ: оставимъ ей все Любкино добро, —пусть себѣ владѣетъ,—а сами уйдемъ.

— А Богданъ же какъ?—спрашиваю...

— Что-жъ Богданъ? — говоритъ. — Богданко славный хлопецъ и не пойдетъ противъ побратима... Найдетъ онъ себѣ еще и лучше невѣсту,—пошли ему Боже!

— Такъ-то такъ!—говорю,—да только смотри, сыне: не бываетъ ладу, гдѣ двое одну любятъ... Смотри,—не добромъ, говорю, можетъ это кончиться!

Ровно бы, вотъ, и чуяло сердце...

V.

Скоро послѣ того, знаете-ли, позвалъ Богданъ Петрика на охоту. —Такъ и такъ, говоритъ, выслѣдилъ я здороваго, молъ, медвѣдя въ скалахъ, — матерый звѣрь будетъ! Пойдемъ,—говоритъ,—убьемъ его,—вотъ тебѣ, говоритъ, и деньги на свадьбу,—за такую шкуру да окорока не вѣсть сколько денегъ отвалятъ!.. А у Петрика и въ мысляхъ никакой опаски нѣтъ,—простъ былъ сердцемъ малый,—обрадовался, да такъ, что и ногъ подъ собой не слышалъ. Вотъ такъ настоящій побра-

тимъ!—думаетъ:—лучше родного, молъ, брата будетъ! Напрасно, молъ, крестный сомнѣвался да бѣду пророчилъ! Пошли они. Богданъ ему и ружье свое далъ, и сумку свою съ патронами.—На, говоритъ, возьми,—хорошее это ружье и зарядилъ я его хорошимъ гостинцемъ!—Взялъ Петрикъ и пошелъ себѣ веселый рядомъ съ побратимомъ. Идетъ Богданъ мрачнѣе темной ночи, глазъ не подниметъ, такъ и глядитъ только въ сырую землю, а Петрику заботы нѣтъ, объ одномъ медвѣдѣ думаетъ,—только бы, молъ, скорѣе добраться до шкуры! Такъ, вотъ, и идутъ они все кверху и кверху горной тропкой. Только вдругъ и сталъ Богданъ.

— Стой, говоритъ, побратимъ,—нужно намъ здѣсь раздѣлиться...

— Отчего такъ?—спрашиваетъ Петрикъ.

— А оттого,—отвѣчаетъ Богданъ:—что звѣрь уже близко. Видишь, говоритъ, вонъ, ту черную трещину вверху,—ну, тамъ и сидитъ онъ въ пещерѣ... По этой тропкѣ двоимъ рядомъ не добраться, а гуськомъ на звѣря идти негоже—одинъ другому помѣхой будетъ.

— Вѣрно!—отвѣчаетъ Петрикъ.—Но есть-ли побратимъ, еще и другая тропка до этой трещины?

— Оглянись только налѣво,—говоритъ Богданъ:—видишь, вонъ вьется черный карнизъ надъ кручей,—ну, это и будетъ вторая тропка! Потруднѣе она, поопаснѣе, — сорваться

легко съ нея,—ну, да жребій бросимъ, кому Богъ судитъ... Будемъ сходиться съ двухъ сторонъ,—кому Богъ звѣря положитъ, на того онъ и выскочитъ.

— Что-жъ, давай кидать жребій! — отвѣчаетъ Петрикъ охотно.

Кинули побратимы жребій, и выпала первая тропка Петрику, а по худшей Богданъ пошелъ. Карабкаются парни надъ темною бездной, ногтями за камень цѣпляются, сколько разъ, можетъ быть, смерть подъ ногами видѣли, а ничего, справляются... Извѣстно ужъ,—гдѣ и серна призадумается, нашъ братъ, горецъ, тѣнью проскальзываетъ. Дыханіе иной разъ затаишь, чтобы не сорваться, грудью къ скалѣ такъ прильнешь, точно приросъ къ ней,—и все таки продвинешься. Ну, такъ, вотъ, побратимы уже и сходиться стали,—съ двухъ сторонъ другъ къ другу приближаются,—вотъ уже и близко они, совсѣмъ близко,—такъ, не больше, какъ на два ружейныхъ ствола одинъ отъ другого. Тутъ бы, кажется, и сойтись имъ,—анъ, у самыхъ ногъ черная, бездонная трещина... Радостью забилось сердце у Петрика,—видитъ онъ, что самъ Богъ судилъ ему жребіемъ медвѣдя,—потому что его тропка прямо въ трещину идетъ, а Богданко за камнемъ завернуть не можетъ. Подходитъ Петрикъ къ самому краю, заворачиваетъ уже, держа ружье на-готовѣ, а звѣрь, тутъ, какъ зарычитъ вдругъ изъ темной трещины!.. По-

чуялъ, знать, сразу человѣка,—ну, да не сробѣлъ хлопецъ: уперся ногами въ край тропки, навалился спиной на каменную стѣну утеса, наставилъ ружье, нацѣлилъ,—бацъ! Подхватили черные духи на сто голосовъ выстрѣлъ, пошли перекликаться грохотомъ, рявкнулъ медвѣдь, захватило духъ у парня отъ счастья: положилъ, думаетъ, звѣря,—будетъ пожива!—Да вдругъ и побѣлѣлъ, какъ снѣгъ горный...

— Ой, побратимъ, спасай!—кричитъ не своимъ голосомъ:—знать, промахнулся я!

А Богданко стоитъ по ту сторону бездны, видитъ все, глядитъ на побратима глазами темнѣе ночи да и отвѣчаетъ ему, не поднимая ружья:

— Не промахнулся ты, Петрикъ... А только пуль не положилъ я въ стволы ни себѣ, ни тебѣ,—и спасать тебя нечѣмъ. Какъ Богъ судилъ, тому изъ насъ и достанется Любка...

И свернулъ тутъ медвѣдь на его глазахъ побратиму буйную головушку.

VI.

Такъ, вотъ, какъ бываетъ у насъ порой въ нашей горной Сколѣ... Никто у васъ въ долинѣ про это не знаетъ, потому что мы, горцы, не любимъ судиться, да возиться съ чиновниками. Мало-ли чего натворили бы

тѣ, когда бы узнали,—сколько бы народу тягать стали. А за что? Извѣстное дѣло,—Божій судъ тутъ былъ за милую!.. Другое дѣло, кабы Богданъ подвелъ какъ-нибудь Петрика, а тутъ подвоха не было,—по жребію шли, метали жребій честно!.. Что Богданъ пуль не положилъ въ стволы,—такъ что-жъ? Петрикова вина, что онъ не осмотрѣлъ ствола, а другое опять—то, что и себѣ Богданъ не положилъ пули. Выйми онъ другой жребій,—было бы ему то же, что и Петрику,—на то шелъ! На побратима своего руку поднять, конечно, грѣхъ,—ну, а такъ, на Божій судъ пойти, — отчего-жъ? — другое совсѣмъ дѣло! Такъ мы, сколяне, и разсудили промежъ себя, когда Богданъ повинился намъ всѣмъ у колокольни, — такъ и попъ Ѳеодоръ судилъ... Правда,— трещатъ тамъ разныя сороки, что не будь Богданъ богатъ, а Петрикъ сирота бездомный, то судили бы мы иначе,—ну, да на всякую брехню не откликнешься!

Вотъ, тутъ-то и случился грѣхъ съ Любой... Какъ услышала, бѣдная, въ чемъ винится Богданъ,— побѣлѣла вся, всплеснула руками и кинулась бѣжать, какъ оглашенная... Бросились за ней вдогонку парни, чуя недоброе,—да гдѣ ужъ!.. Только и видѣли, какъ Любка перекрестилась у самой бездны...

А только и Богданко не долго жилъ послѣ того:—какъ листъ пожелтѣлъ да высохъ малый, ровно бы кто изъ него алую кровь пилъ...

Ужъ къ какимъ знахарямъ ни водилъ его отецъ, кто ни отчитывалъ, да ни откуривалъ,—потому думали, что и въ самомъ дѣлѣ, можетъ, Петрикъ волкулакомъ сталъ, какъ безъ исповѣди умеръ, и кровь его пьетъ по ночамъ,—однако, ничего не вышло... Какъ свѣчка сгорѣлъ малый!..

ВОЕВОДА ИЗЪ ЧЕРНАГО ЗАМКА.

(Легенда).

Давно это было, очень давно... Вымерли люди, прахомъ разсыпался пышный и могучій замокъ,—а память все еще живетъ въ народѣ, все не умираетъ! Послушайте разсказы стариковъ, прислушайтесь къ пѣснѣ слѣпого лирника, который поетъ въ праздничный день у церковной паперти, за что добрые люди подносятъ ему то грошъ, то бубликъ, а то и цѣлый кнышъ, и много интереснаго услышите про воеводу изъ „Чернаго замка“. Могучъ и грозенъ былъ воевода,—а другого такого неприступнаго замка, съ такими высокими башнями и безчисленными бойницами, говорятъ, и найти нельзя было на свѣтѣ...

При поворотѣ изъ Жванца, быстрый Днѣстръ врывается стрѣлою въ узкое ущелье и кипитъ тамъ, и реветъ, весь одѣтый бѣлою пѣной, точно ложе его—не песокъ и щебень, а раскаленное до-бѣла желѣзо. Высокіе отроги Карпатовъ давятъ его выпяченною грудью, одѣтою каменною броней утесовъ, и мечется Днѣстръ,

прыгая съ камня на камень, съ гряды на гряду, пока не вырвется въ болѣе широкое ложе. Но и выбравшись,—долго ворчитъ еще и сердится, старый... Хорошо знаютъ это мѣсто плотовщики, что гонятъ лѣсъ изъ Буковины, и всегда крестятся и тепло молятся Богу, подплывая къ нему! Много смѣлости и искусства нужно тутъ кормчему, много труда и пота выпадаетъ на долю плотовщиковъ,—ну, да кому охота на свѣтѣ считать чужой трудъ и потъ,—пронесло бы только!...

Вотъ въ этомъ-то мѣстѣ, на самой высокой кручѣ и выстроилъ свой замокъ воевода. Много божьяго свѣта открывалось глазамъ съ высокихъ башенъ, во всѣ четыре стороны глядѣли зубчатыя бойницы... Въ одну сторону разстилалась земля турецкаго султана, занятая невѣрными, по которой бродила хищная орда, въ другую—тянулись коронныя земли Польши, гдѣ въ то время входили въ силу отцы-іезуиты, а между той и другой, точно клинъ, входила Русь съ ея вольнолюбивымъ казацкимъ народомъ, поднимавшимъ уже грозную борьбу съ шляхетствомъ и ненавистными ксендзами. Черный замокъ стоялъ точно сторожевой постъ на распутьи. Сердцемъ глядѣлъ оттуда въ шляхетскую Польшу, а своими страшными бойницами онъ грозилъ прямо въ очи „схизматамъ“ казакамъ и „поганымъ“ невѣрнымъ.

Страшная молва ходила про грознаго воеводу по свѣту,—такая молва, что и поминать

ее къ вечеру неладно... Гуляка и безбожникъ былъ старый воевода въ молодости, и запродалъ онъ, говорили, чорту свою душу за разныя утѣхи. Повезло ему послѣ того неслыханное счастье на свѣтѣ,—чортъ служилъ ему вѣрнѣе собаки... Но за то какъ подошла старость, когда сталъ приближаться срокъ разсчета,—жутко, ой, жутко стало воеводѣ! Эхъ, въ томъ-то и бѣда, что люди не всегда знаютъ и помнятъ цѣну своей человѣческой души, размѣниваютъ ее на всякую пакость и только поздно спохватываются, что цѣннѣе она и золота, и удачи! Каялся старый воевода, молился, весь отдался отцамъ-іезуитамъ, ни на шагъ не отпускалъ отъ себя ксендза и чего-чего только ни дѣлалъ: и съ невѣрными дрался, и жидовъ вѣшалъ, а сильнѣе всего на православныхъ налегъ. Убѣдили его іезуиты, что въ этомъ его спасенье, и сталъ онъ гнать казаковъ, запирать святые храмы, насильно сгонять народъ въ костелы, бить и мучить упорныхъ. Страшная слава пошла про Черный замокъ,—хуже турка ненавидѣлъ народъ воеводу...

— Ничего, ничего!..— говорилъ ему старый іезуитъ:—пусть тебя ненавидитъ народъ: ненависть схизматовъ—твое спасеніе...

Ой, только не такъ дѣло было!.. За недѣлю до условленнаго срока, ровно въ полночь, въ темную, глухую полночь, когда воевода сидѣлъ въ угрюмомъ раздумьи, придумывая новыя муки мужичью-схизматамъ,—кто-то, хвать, и хлопни

его по плечу! Обернулся воевода, да такъ и обмеръ со страха.

А шельма рогатый стоитъ себѣ, ухмыляется и подмигиваетъ ему рыбьимъ глазомъ, какъ ни въ чемъ не бывало...

— Здравствуй! — говоритъ.—Призналъ меня?.. а?.. Вѣдь по условію за недѣлю я долженъ напомнить тебѣ о срокѣ!..

— Дудки, поганая рожа! — отвѣчаетъ блѣдный воевода, а самъ такъ и дрожитъ съ ногъ до головы.—Дудки,—кончено! Отняли меня у тебя отцы-іезуиты, — ты и коснуться не смѣешь!...

Усмѣхнулся проклятый, снова подмигнулъ рыбьимъ глазомъ.

— Никто тебя не отнималъ у меня и пока у меня твоя росписка,—ты мой!.. А вотъ она,—видишь?!.. То-то, братъ-воевода, не взыщи,—ничего не подѣлаешь—самъ, вѣдь, расписался!.. Такъ вотъ же и помни: черезъ недѣлю ровно, въ сочельникъ,—и мнѣ, и тебѣ конецъ гулять по свѣту... мнѣ — по положенію, тебѣ — по условію!...

Сказалъ—и провалился проклятый. Едва очнулся бѣдный воевода; зубъ на зубъ не попадаетъ,—дрожитъ, какъ осиновый листъ, а самъ бѣлѣе полотна. Кинулся къ духовнику-іезуиту и заломилъ въ отчаяніи руки. Ужасный страхъ объялъ грѣшника, призадумались и патеры... Долго совѣщались „отцы“ и, наконецъ, сказали воеводѣ:

— Правъ, говорятъ, нечистый: — пока росписка у него, ты принадлежишь ему... Спасти тебя можетъ только смерть въ бою съ невѣрными и схизматами... Но есть еще и другой выходъ,— можно уничтожить росписку въ разведенномъ огнѣ: для этого устрой громадный костеръ и сожги на немъ всѣхъ схизматовъ своего воеводства, — тогда сгоритъ и росписка...

И пошли падать вѣковые лѣса подъ ударами топоровъ для необъятнаго костра, который долженъ былъ запылать къ полуночи сочельника. И пошелъ по землѣ людской стонъ, потекли людскія слезы, какъ ручьи весною...

Прошла и послѣдняя ночь,—наступилъ сочельникъ. Измучился отъ хлопотъ и отъ страха за день воевода. Проснулся онъ рано, осмотрѣлъ приготовленные костры, оглядѣлъ несмѣтныя толпы согнаннаго народа, и все ему еще кажется мало, все еще боится и трепещетъ душа... Заперся въ своей опочивальнѣ, дрожитъ и думаетъ страшную думу: что-то будетъ ночью?... Стала клонить его отъ усталости дремота, но не сдается воевода,—выѣзжаетъ онъ съ разными людьми сдѣлать объѣздъ, посмотрѣть: не найдется ли еще гдѣ-нибудь хоть одного схизмата... Ѣхалъ, ѣхалъ, да и наткнись на цѣлую сотню казаковъ, которые пробирались въ Запорожье. Поднялась горячая свалка, и палъ воевода: угодила ему въ бѣлую грудь острая казацкая сабля...

Чувствуетъ воевода, что сталъ онъ вдругъ легче малой пушинки,—не держитъ его больше земля и быстро несется онъ вмѣстѣ съ легкимъ вѣтромъ куда-то далеко... далеко... въ необъятную даль... Мимо проносится онъ рѣзвыхъ бѣлыхъ тучекъ, мимо звѣздъ золотыхъ, и чуть-чуть не задѣлъ даже рогатую свѣтлую луну. Не боится онъ ничего и никого—легко ему и хорошо, не страшитъ его теперь страшная росписка!... Несутся съ нимъ и за нимъ, и впереди, и съ боковъ несмѣтныя толпы другихъ тѣней, и всѣ несутся въ одну сторону, точно къ одной точкѣ... Сколько онъ летѣлъ, сколько пролетѣлъ,—не знаетъ воевода; потерялъ онъ всякое представленіе о часѣ и разстояніи. Но, вотъ, и конецъ... Смотритъ,—какъ будто двѣ громадныя двери: одна направо, другая налѣво... Въ правую входятъ свѣтлыя и радостныя тѣни, въ лѣвую—черныя и мрачныя... Подошелъ воевода къ правой и тоже постучался.

— Кто это стучитъ? — спрашиваетъ изъ-за двери чей-то могучій, но ласковый голосъ.

— Я стучу!.. воевода...

— Скажи мнѣ свое право войти въ эту дверь, куда входятъ только тѣ, кто искупилъ земные грѣхи...

— Я погибъ въ бою за вѣру!—отвѣчаетъ смѣло воевода.—Моя сабля еще дымится вражеской кровью... Меня сразила рука схизмата-казака!...

Взялся онъ за запоръ, нажалъ, но не поддается дверь... И видитъ воевода,—полный не-

доумѣнія,—видитъ: смотрятъ на него сквозь тяжелую дверь два чьихъ-то свѣтлыхъ, любящихъ глаза.

— Сядь, воевода!—слышитъ онъ вдругъ тотъ же голосъ:—посиди у этой двери пока не надумаешься...

Сѣлъ воевода, крутитъ усъ, недоумѣваетъ; сидитъ, долго сидитъ,—и видитъ, какъ мимо проходятъ въ закрытую дверь тѣни одна за другою. Скучно и тяжело ждать невѣдомо чего, нетерпѣніе разбираетъ старика; только видитъ онъ, вдругъ, идетъ казакъ-схизматъ съ прострѣленной грудью и тоже сталъ у двери.

— Я—казакъ, и погибъ въ бою за вѣру... Меня сразила ляшская пуля. Пропустите!...

— Сядь и ты казакъ, рядомъ съ воеводой,—отвѣчаетъ ему тотъ же невѣдомый чудный голосъ:—посиди пока у этой двери.

Сѣлъ казакъ рядомъ; сидятъ, другъ на друга не глядятъ,—такъ бы и сцѣпились, такъ бы и заходили острыя сабли, кабы руки были живыя; только вдругъ видятъ,—плетется къ дверямъ и жидъ съ веревкой на шеѣ...

— Я—еврей!—говоритъ онъ смѣло:—я ревностно соблюдалъ святой законъ, преподанный чрезъ Моисея... Я погибъ за вѣру,—меня повѣсили казаки...

— Тамъ уже ждутъ двое...—отвѣчаетъ ему голосъ.—Сядь съ ними рядомъ и подожди у двери...

Вспыхнули и воевода, и казакъ, когда еврей сѣлъ рядомъ, но нечего было дѣлать... И вотъ,

видятъ они, тащится бритый татаринъ. Проситъ пустить его въ дверь; говоритъ, что пуля казацкаго мушкета уложила его въ правомъ бою.

— Погибъ я во славу Аллаха въ бою за свою вѣру!...

— Сядь и жди!—сказалъ тотъ же чудный голосъ.

Сидятъ всѣ четверо, сидятъ и ждутъ, только другъ на друга косятся... Хоть бы слово другъ другу,—ни-ни! такъ и пышутъ гнѣвомъ и злобой: у каждаго болитъ своя рана... Тѣни проходятъ въ дверь одна за другою, время летитъ, а тѣ все сидятъ и сидятъ. И всѣмъ скучно, и всѣмъ невесело, даже вотъ и дремота клонить стала.

Но вотъ кто-то изъ нихъ запѣлъ, воздавая хвалу Всевышнему. Немного погодя запѣлъ и другой по-своему; сталъ пѣть потомъ и третій... И одинъ за другимъ запѣли всѣ хвалу невидимому великому Богу, каждый по-своему, кто какъ умѣлъ съ дѣтства. Дрогнулъ прозрачный эѳиръ гимномъ общей хвалы, и отдѣльные звуки этого хора потонули въ полномъ гармоніи аккордѣ, сливаясь другъ съ другомъ. Золотыя звѣзды вспыхнули ярче, луна улыбнулась, а свѣтлыя тѣни, спѣшившія къ завѣтной двери, засвѣтились счастьемъ...

— Эхъ, люди, люди!—зазвучалъ изъ двери тотъ же таинственный ласковый голосъ со вздохомъ:—собрались вы здѣсь, наконецъ, хвалить

Бога вмѣстѣ, согласно и дружно... Вернитесь вы назадъ на землю и поживите такъ на землѣ...

Точно вихрь подхватилъ воеводу,—такъ и грохнулся онъ о землю и... проснулся...

Глядитъ,—онъ у себя въ опочивальнѣ; надъ нимъ склонился грозный патеръ, тормошитъ его и будитъ...

— Встань же, воевода,—давно пора зажигать костры схизматовъ!—говоритъ патеръ.—Очнись!.. близится святое утро...

Всталъ воевода молча, вышелъ на крыльцо, оглядѣлъ костры и трепетно ждавшія казни толпы народа, вздрогнулъ и вдругъ поклонился въ ноги связаннымъ схизматамъ.

— Размечите сложенные костры!—приказываетъ.—Простите меня, божіи люди!—говоритъ толпѣ:—давайте вмѣстѣ воспоемъ хвалу единому Богу...

И грянулъ многотысячный хоръ святую хвалу... И разнеслось святое пѣніе во всѣ стороны свѣта, поднялось до зенита и свѣтлый голубой эфиръ задрожалъ ему въ отвѣтъ розовымъ трепещущимъ свѣтомъ святого утра... На встрѣчу розовымъ лучамъ понеслись съ земли веселые колокольные звуки... Прошла роковая полночь! Перекрестился воевода, глянулъ,—а въ рукѣ у него лежитъ его собственная росписка!..

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
Г. А. МАЧТЕТА.

Первое посмертное изданіе

съ біографіей и портретомъ автора.

Томъ II.

ИЗДАНІЕ Б. К. ФУКСА.

Кіевъ.

Дозволено цензурой. Кіевъ, 18 Іюня 1902 года.

КІЕВЪ.
Типографія Петра Барскаго, Крещатикъ, соб. домъ, № 40.

Томъ II.

Путевыя картинки американской жизни.

I. Путевыя картинки:

Прерія и піонеры.
Горожане преріи.
Въ школѣ.
Спириты и духи.
Община фрея.

II. Стрекоза.
III. Въ Святое Утро.
IV. Полоска неба.

Біографія, портретъ и факсимиле Г. А. Мачтета, а также библіографическій списокъ его произведеній будутъ даны въ двѣнадцатомъ томѣ.

ПУТЕВЫЯ КАРТИНКИ.

Прерія и піонеры.

I.

Штатъ Канзасъ лежитъ въ той части территоріи Соединенныхъ Штатовъ, которая слыветъ подъ общимъ именемъ „преріи". Часто это слово переводятъ словами: степь или равнина; но какъ тотъ, такъ и другой переводъ крайне ошибочны,—въ особенности, когда дѣло идетъ о Канзасѣ: ничего общаго съ нашей молчаливой, однообразной, ровной, гладкой, безлѣсной степью у него нѣтъ. Весь онъ—холмы и долины, пересѣченные множествомъ ручьевъ и овраговъ, часто высыхающихъ лѣтомъ, но шумливыхъ и многоводныхъ весною, покрытыхъ по берегамъ дубами, бѣлымъ и чернымъ орѣхомъ, сикиморами и колючимъ кустарникомъ, на острыхъ иглахъ котораго находишь часто неопровержимыя доказательства зоологическихъ экскурсій юнаго двуногаго поколѣнія за

птичьими гнѣздами... При заходѣ солнца, ручьи и овраги покрываются густымъ туманомъ, который утромъ клубами расходится по обширной синевѣ, что и послужило поводомъ индѣйцамъ,—сынамъ Великаго Духа пустыни, задолго до прихода блѣднолицаго кочевавшимъ по этимъ мѣстамъ, — назвать эту страну— Канзасъ, т. е. дымящійся ручей.

Ночью прерія—олицетворенная тишина.... Ни одного звука, ни одного движенія... Только луна, обливающая все своимъ мягкимъ серебристымъ свѣтомъ, плыветъ по усѣянному яркими звѣздами небу, глядясь и отражаясь въ безчисленныхъ ручьяхъ съ ихъ зеркальной, гладкой поверхностью, да мѣрно движутся, ползутъ и ростутъ громадныя тѣни холмовъ, гигантскихъ дубовъ, тѣнистыхъ орѣховъ и развѣсистыхъ сикиморъ въ долинахъ. Трудно повѣрить, что нѣсколько часовъ тому назадъ вся прерія кипѣла самой шумливой жизнью и что еще чрезъ нѣсколько часовъ жизнь опять закипитъ со всею страстью... Все точно вымерло,—даже больше: точно здѣсь никогда и не было жизни! Теплый, мягкій воздухъ, весь пропитанный наркотическимъ запахомъ цвѣтовъ, какъ-то одуряетъ и невольно склоняетъ къ дремотѣ...

Но вотъ потянулъ вѣтерокъ и зашуршалъ гдѣ-то въ листьяхъ дикаго подсолнечника... что-то чирикнуло разъ, другой... вершины холмовъ чуть-чуть подернулись едва замѣтнымъ, дро-

жащимъ румянцемъ.... и разомъ, точно по мановенію жезла волшебницы, проснулась вся прерія. Все застрекотало, завизжало, зачирикало, зашумѣло на тысячу ладовъ и тоновъ, привѣтствуя близкое солнце.

Этотъ неистовый гамъ, этотъ рѣзкій переходъ отъ смерти къ жизни, эта дивная, постепенно открывающаяся предъ глазами, панорама изумруднаго, широкаго моря травы съ маленькими акрами лѣса, съ разбросанными на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга фермерскими деревянными хижинами, изъ высокихъ трубъ которыхъ начинаетъ уже струиться сѣро-синій дымокъ, сначала точно ошеломитъ васъ... но, мало-по-малу, въ грудь вашу начнетъ закрадываться какое-то безотчетное, сильное чувство жизни, счастья и свободы....

Чудно хороши преріи! Не даромъ говорятъ, что кто прожилъ въ нихъ хоть немного, тотъ не захочетъ больше города.

Изъ коренныхъ обитателей Канзаса, съ уходомъ индѣйцевъ и громадныхъ буйволовыхъ стадъ дальше на югъ, въ такъ называемую „Indian Territory“ (земля, отведенная конгрессомъ индѣйцамъ: поселившійся тамъ бѣлый не находится уже подъ охраной законовъ Соединенныхъ Штатовъ), остались только милліонныя стада вѣчно стрекочущей стрекозы, тысячи ужей и гремучекъ, дикихъ степныхъ курицъ, маленькихъ бекасовъ и другихъ водяныхъ и болотныхъ птицъ, да множество степныхъ кроли-

ковъ.... Правда, на югѣ Канзаса, по границѣ съ „Indian Territory", попадаются иногда и буйволы, и лоси, но въ такомъ незначительномъ числѣ и такъ рѣдко, что и упоминать про нихъ не стоитъ; все же человѣческое населеніе, исключая нѣсколькихъ небольшихъ селеній полуосѣдлыхъ индѣйцевъ,—пришлое. Изъ восточныхъ штатовъ,—стойкіе, смѣтливые, невозмутимо-хладнокровные, но добрые и въ большинствѣ случаевъ готовые отъ души помочь сосѣду въ нуждѣ янки, постоянно наѣзжающіе изъ Европы тупые, съ большимъ трудомъ сживающіеся съ американскими нравами, обычаями и учрежденіями нѣмцы, да горькіе пьяницы, фанатики ирландцы, всѣ политическія убѣжденія которыхъ черпаются ими изъ проповѣдей іезуитовъ-патеровъ.

Весь этотъ „сырой матеріалъ", какъ зовутъ янки переселенцевъ (это названіе вполнѣ гармонируетъ съ тѣмъ полупрезрѣніемъ, обиднымъ сожалѣніемъ и полуучастіемъ, съ какимъ природные янки вообще относятся къ переселенцу, не знающему ни ихъ языка, ни ихъ обычаевъ, запуганному, робкому и нерѣшительному), Америкѣ приходится переработывать, переламывать. Изъ этого дюжаго, но забитаго, пугливаго, нерѣшительнаго, вѣчно оглядывающагося, точно не знающаго, куда дѣвать самого себя, нѣмца нужно создать гражданина и полноправнаго, и свободнаго; изъ вѣчно пьянаго, вѣчно ругающагося, вѣчно дерущагося фана-

тика ирландца,—и безвреднаго человѣка, и такого же гражданина... Пройдетъ пять лѣтъ (необходимое время, которое переселенецъ обязанъ прожить въ Соединенныхъ Штатахъ, чтобы получить гражданство), и переселенецъ незамѣтно самъ для себя переродится. Онъ зоветъ уже себя гражданиномъ и гордится этимъ, сознаетъ свои интересы, свое положеніе, подаетъ голосъ (право голоса переселенецъ получаетъ и послѣ шестимѣсячнаго пребыванія въ какомъ-нибудь штатѣ, но только въ дѣлахъ штата, въ которомъ онъ поселится), участвуетъ въ митингахъ, не пугается, не оглядывается: онъ точно другимъ человѣкомъ сдѣлался, точно вторично „родился на свѣтъ Божій", какъ говорятъ они.

Странной и невѣроятной можетъ показаться эта громадная переработывающая, цивилизующая сила государства тому, кто не стоялъ лицомъ къ лицу съ нею, во-очію не увидѣлъ, не осязалъ, такъ сказать, неисчерпаемаго духовнаго богатства этой націи. Но много труда,—за то велико и вознагражденіе. Эти сотни тысячъ рукъ, ежегодно приплывающихъ къ берегамъ Америки, не бездѣлица: это цѣлые милліоны, цѣлые милліарды, и во всякомъ случаѣ бо̀льшіе милліарды, чѣмъ тѣ, которые Бисмаркъ взялъ изъ Франціи. Пусть-ка сочтетъ Германія тѣ милліоны, что она истратитъ на воспитаніе и кормленіе дѣтей своего народа, которыя, выросши, окрѣпши, ознакомившись съ трудомъ и запас-

шись небольшимъ капиталомъ, бѣгутъ чрезъ океанъ, чтобы тамъ, въ Новомъ Свѣтѣ, создавать тѣ знаменитые дворцы, пароходы, желѣзныя дороги, фабрики и заводы, на описаніе которыхъ туристы изводятъ цѣлыя стопы бумаги, и превращать дикую, дѣвственную пустыню, дикіе, первобытные лѣса — въ роскошный садъ и ферму.

Безъ особеннаго сожалѣнія, безъ слезъ, почти съ полнымъ равнодушіемъ бросаютъ переселенцы свою родину. Не много слезъ видѣлъ я, направляясь въ Гамбургѣ, въ числѣ прочихъ, къ пыхтѣвшему и свистѣвшему пароходу, да и то плакали или молодой парень, цѣлуя на прощаніе невѣсту и призывая „den lieben Gott“ въ свидѣтели, что онъ ее „выпишетъ“ немедленно, какъ только пристроится, то отецъ съ дѣтьми, то братья... большинство точно убѣгало скорѣй отъ этихъ мѣстъ, гдѣ протекли ихъ дѣтство и юность. Рѣдко кто поворачивалъ голову назадъ посмотрѣть, какъ скрывалась вдали, въ туманѣ сине-зеленаго моря, родная сторона; но всѣ жадно, страстно всматривались въ синеву, когда мы подъѣзжали къ берегу Америки, чтобы поскорѣе увидѣть эту „счастливую страну“.

Я, однако, далекъ отъ того, чтобы слагать дифирамбы Америкѣ. Много темныхъ сторонъ, много пятенъ можно найти и тамъ, и написать о нихъ цѣлые томы, хотя и то нужно сказать, что при полной гласности и все ро-

стущемъ образованіи гражданъ эти пятна и темныя стороны не страшны Америкѣ. Если я и употребляю такія выраженія, какъ „счастливая страна“, то дѣлаю это единственно съ цѣлью показать, какъ относится, какъ характеризуетъ эту страну масса переселенцевъ, смутно ищущая другого быта. Она не имѣетъ никакого опредѣленнаго, сложившагося идеала новой лучшей жизни, ничего выясненнаго: все ея желаніе—жить полегче, въ лучшей матеріальной обстановкѣ. Понятно, что Америка съ ея безусловной свободой, съ ея высокой заработной платой является для нея страной обѣтованной.

Задолго до начала междоусобной войны, когда конгрессъ впервые провелъ границу между рабовладѣльческими и аболиціонистскими штатами, не позволивъ рабству переходить эту границу, Канзасъ, бывшій тогда еще территоріей, а не штатомъ, сплошь населенный сіуксами, осседжами, команчами и другими индѣйскими племенами, сдужилъ ареной долгой, упорной, кровавой борьбы между аболиціонистами и рабовладѣльцами, — борьбы, которую вело не правительство, а народъ, противъ которой конгрессъ тщетно протестовалъ и которая послужила поводомъ назвать Канзасъ „кровавымъ“. Югъ, желая и Канзасъ пріобщить къ числу мѣстностей, гдѣ было бы введено рабство, началъ усиленно заселять его своими единомышленниками, что было чрез-

вычайно удобно, такъ какъ Миссури, одинъ изъ рабовладѣльческихъ штатовъ, граничилъ съ Канзасомъ. Какъ только прослышали на востокѣ объ этой агитаціи юга, немедленно потянулись оттуда фургоны смѣлыхъ аболиціонистовъ, немедленно образовались общества съ большими капиталами, поставившія своею цѣлью противодѣйствовать стремленіямъ юга помогать своимъ переселенцамъ деньгами, оружіемъ, платьемъ и поддерживать переселеніе въ Канзасъ аболиціонистовъ. Началась жестокая война; составлялись правильные военные отряды; давались настоящія сраженія; кровь лилась ручьями, чему помогали и индѣйцы, нападавшіе то на тѣхъ, то на другихъ. Горсть войска, которую конгрессъ послалъ для „усмиренія", должна была стоять и смотрѣть, какъ дерутся граждане, не смѣя вмѣшиваться въ стычки, такъ какъ этимъ она помогала бы одной изъ двухъ дерущихся сторонъ, пока конгрессъ не отозвалъ ее обратно, увидя всю безуспѣшность подобнаго усмиренія. Нечего и говорить, что аболиціонисты не допустили рабства въ Канзасѣ.

Въ эпоху этой знаменитой гражданской войны впервые прозвучало великое имя Джона Брауна, „друга и защитника угнетенныхъ", погибшаго такой геройской смертью, видавшаго предъ собою смерть всѣхъ своихъ героевъ-сыновей, „одною рукою закрывавшаго имъ глаза, а другою заряжавшаго карабинъ", какъ гово-

ритъ пѣсня. Это имя будетъ жить въ памяти народа, пока будутъ помнить имена Вашингтона Пэна, Франклина и Линкольна, пока будутъ существовать школы, и дѣти, распѣвая въ нихъ, свои пѣсни, будутъ пѣть:

„И трупъ Джона Брауна за нами идетъ:
Онъ знамя и ранецъ походный несетъ...
Онъ за свободу людей пострадалъ,
И намъ онъ свободу любить завѣщалъ!“

Но прошли года, и Канзасъ изъ кроваваго превратился въ мирный земледѣльческій штатъ. Сѣверъ его и средина заселяются все больше и больше, и только югъ представляетъ собою еще дѣвственную пустыню. Туда-то мы и направимся съ читателемъ присмотрѣться къ жизни первыхъ поселенцевъ или такъ называемыхъ піонеровъ.

Предъ нами тѣ-же холмы, роскошныя долины, зеркальные ручьи, красивыя береговыя рощи, то же чудное лазоревое небо: только вдали, къ югу, выдѣляются на этомъ свѣтло-голубомъ фонѣ темносинія очертанія горъ, пересѣкающихъ пограничную „Indian Territory“.

Года $4^1/_2$ тому назадъ (въ Америкѣ это большая давность), по этимъ холмамъ и долинамъ не бродила нога „блѣднолицаго“. Только сыны Великаго Духа пустыни, гордые осседжи, обутые въ мокассины, обернутые въ шерстяныя одѣяла, вооруженные тугими луками и томагауками, преслѣдовали здѣсь сердитаго буйвола, быстроногаго лося, курили „трубку

совѣта", выходили раскрашенные на „боевую тропу" и пѣли свои воинственныя, монотонныя пѣсни.

Здѣсь стояли только „вигвамы"—жалкіе шалаши изъ древесныхъ вѣтвей, въ которыхъ отъ зари до зари, обливаясь потомъ, работала „скво" на своего господина-супруга, сдирала кожу съ убитой дичи, варила, пекла, носила дрова, воду и проч., близъ которыхъ безмятежно отдыхалъ отъ трудовъ охоты „великій воинъ", куря свою трубку и не подозрѣвая, что врагъ уже близко.

Кончилась междоусобная война, молніей прорѣзалъ паровозъ дикія преріи запада, мчась отъ одного океана къ другому... и вдали на горизонтѣ стали показываться бѣлыя пятна, сильно обезпокоившія осседжскихъ воиновъ, сильно возмутившія ихъ. Они зорки!... они различили вдали, что эти бѣлыя пятна—злѣйшіе враги ихъ, столь ненавидимые ими „корабли пустыни"—фургоны американскихъ піонеровъ.

Все ближе къ осседжамъ подвигались эти фургоны, все слышнѣе и слышнѣе становились для чуткаго уха краснокожаго стукъ топора, визгъ пилы и возня поселенцевъ, пугавшіе буйвола и лося... Наконецъ, они показались у самой границы, и вскорѣ начали переступать ее.

Пара крѣпкихъ лошадей или выносливыхъ, неприхотливыхъ муловъ, небольшой, но крѣпкій плугъ, большой крѣпкій топоръ, немного

сѣмянъ, немного свинины и кофе, тяжелый, но вѣрно бьющій карабинъ съ изрядным запасомъ пороха и пуль, еще нѣсколько разныхъ необходимыхъ мелочей,—вотъ и все первоначальное имущество поселенца. Рѣдко пріѣзжалъ одинъ фургонъ,—все больше два, три и болѣе вмѣстѣ: оно и выгоднѣе, и веселѣе, и безопаснѣе. Прибывали поселенцы и холостые, и семейные, и молодежь, и старики, но бодрые и крѣпкіе. Сдѣлавъ привалъ у какого-нибудь ручья, поросшаго лѣсомъ, перекусивъ, что Богъ послалъ, они немедленно отправлялись осматривать мѣстность, выбрать получше участокъ. *) Выбравъ участокъ непремѣнно съ водой и съ лѣскомъ, они немедленно перевозятъ на него свои фургоны, которые долго и долго продолжаютъ замѣнять имъ дома; затѣмъ они рубятъ деревья и начинаютъ строить, такъ называемые, „блокгаузы“ или, по-просту говоря, „срубъ“, поднимаютъ нѣсколько акровъ земли и засѣваютъ ее маисомъ, арбузами и овощами.

Нечего и говорить, что „піонеры“ всегда природные американцы и рѣдко-рѣдко когда обжившіеся эмигранты Европы, гонимые съ

*) Американское правительство заранѣе озаботилось раздѣлить всю землю на ровные участки, въ 80 акровъ каждый, для чего и посылало своихъ землемѣровъ дѣлать измѣренія и планы, часто съ вооруженнымъ эскортомъ, въ виду индѣйцевъ и ихъ желанія противодѣйствовать всему, что можетъ привлечь переселеніе. Разумѣется, измѣренія и распредѣленіе участковъ производятся не въ мѣстахъ, отводимыхъ

востока или неудавшимися спекуляціями, или любовью къ земледѣлію, заниматься которымъ на востокѣ они не имѣли возможности по причинѣ дороговизны земли,—дороговизны, доходящей до 200 и болѣе долларовъ за акръ, или надеждой нажить деньгу, продавъ занятый участокъ, когда страна заселится и цѣны на землю возрастутъ (такихъ очень много), или же просто любовью къ полной свободѣ преріи, гдѣ нѣтъ еще никакихъ установленныхъ формъ, никакихъ кодексовъ, гдѣ законъ —его собственная воля, его право — личная сила, смѣтливость, умъ и храбрость.

За первыми пришли другіе, за другими третьи и т. д. Когда первые поселенцы забрали лучшіе участки съ водой и лѣсомъ, послѣдующіе не хотѣли брать безлѣсныхъ, безводныхъ, и стали переходить границу, захватывая землю, принадлежавшую индѣйцамъ. Тѣ, и такъ уже возмущенные близкимъ сосѣдствомъ бѣлыхъ, послѣ такихъ поступковъ со стороны ненавистныхъ сосѣдей, стали протестовать и упрашивать „блѣднолицыхъ братьевъ“ уйти, не пугать буйволовъ и лосей,

---

конгрессомъ индѣйцамъ, а на землѣ, принадлежащей Uncle Same „дяди Сэма“, какъ зовутъ янки Соединенные Штаты,—слѣдовательно, и въ мѣстахъ, пограничныхъ съ индѣйскими. Землемѣры, раздѣливъ землю на такіе участки, наносятъ ихъ на планъ, а на землѣ означаютъ границы участка четырьмя камнями, которые ставятся по угламъ каждаго участка, имѣщаго видъ или четыреугольника, или параллелограмма.

единственнаго средства къ ихъ существованію, не трогать зелени, оставленной имъ въ наслѣдство Великимъ Духомъ и отведенной „Великимъ отцомъ блѣднолицыхъ“ (президентомъ). „Вы,—говорили піонерамъ ихъ старшины:—и такъ уже насъ обидѣли: вся земля и по ту, и по сю сторону длинныхъ горъ была наша,—вы, блѣднолицые, ее отняли у насъ! Вы научили насъ пить огненную воду, вы внесли раздоръ въ наши семьи, вы грабите насъ, мѣняя шкуры на вашу проклятую воду, вы не держите своихъ обѣщаній! куда ни ступитъ ваша нога, вездѣ бѣдствія нашего народа увеличиваются, и теперь вы хотите селиться среди насъ, и пугать стада дичи, чтобы индѣецъ умеръ съ голоду!...“ Напрасно убѣждали ихъ „піонеры“, что назначеніе человѣка—обработывать землю, и т. д.: индѣйцы были глухи къ ихъ убѣжденіямъ. Пошли угрозы; слова „блѣднолицый братъ“ замѣнились выраженіемъ „блѣднолицая собака“... Произошли отдѣльныя схватки и убійства, которыя перешли въ открытую войну. Визжали стрѣлы, гремѣли карабины, пока конгрессъ, въ который постоянно сыпались жалобы бѣлыхъ на индѣйцевъ и убѣжденія прислать войско и стереть съ лица земли этихъ краснокожихъ собакъ, не послалъ маленькаго отряда усмирить осседжей и вывести съ ихъ земли „піонеровъ“.

Пришли войска... Оседжи дѣйствительно усмирились и „піонеры“ дѣйствительно сошли съ ихъ земли... Но ушли войска,—и все пошло по прежнему!.. Опять піонеры засѣли къ индѣйцамъ, опять обѣ стороны рѣзали, душили, скальпировали другъ друга, но поселенцевъ прибывало все больше и больше и всѣ они дѣйствовали дружно; ихъ карабины были страшнѣе стрѣлъ и томагауковъ; напуганная дичь уходила все дальше и дальше на югъ отъ мѣстъ, гдѣ поселился человѣкъ, а съ нею рѣшили уйти и оседжи...

Наконецъ, они обратились къ конгрессу съ предложеніемъ купить ихъ землю... Конгрессъ съ радостью ухватился за это предложеніе, видя въ немъ единственную возможность положить конецъ этой рѣзнѣ, и условился съ оседжами уплачивать имъ по одному доллару 25 центовъ за акръ. Оседжи ушли дальше на югъ, въ „Indian Territory“, зажигая все за собою... все сдѣлалось черно и голо!.. Пріѣхали землемѣры, размежевали землю, — а за ними двинулись поселенцы. По законамъ Соединенныхъ Штатовъ каждый гражданинъ и каждый эмигрантъ изъ Европы имѣютъ право на полученіе въ собственность безплатно участка земли въ 80 акровъ *), такъ называемаго гомстид'а, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы взявшій

*) Всякій, кто сражался въ сѣверной арміи во время междоусобной войны, имѣетъ право получать на тѣхъ же условіяхъ 160 акровъ.

участокъ обработывалъ его въ теченіе пяти лѣтъ, послѣ чего только онъ и становится его собственностью. Но, разумѣется, это правило занятія участковъ не распространяется на земли, не принадлежащія государству, а покупаемыя имъ у индѣйцевъ.—Конгрессъ собственно не *покупаетъ*, а только гарантируетъ индѣйцамъ уплату денегъ и условливается съ ними въ цѣнѣ. Деньги же обязанъ платить поселенецъ, при чемъ конгрессъ даетъ ему „льготнаго сроку“ одинъ годъ со дня занятія имъ участка. Но поселенецъ, который никогда почти не имѣетъ и гроша за душой, оттягиваетъ этотъ срокъ платежа на два, три, четыре и больше годовъ. Занимая участокъ, онъ не объявляетъ только объ этомъ оффиціально до той поры, пока не соберетъ необходимой суммы, и можетъ быть вполнѣ спокоенъ, что никто другой не покусится отнять у него его участокъ, воспользовавшись тѣмъ, что оффиціально онъ считается незанятымъ, и внеся за него деньги: тутъ уже само общество, общественное мнѣніе защищаютъ права поселенца, и такой человѣкъ навлекъ бы на себя негодованіе всего окрестнаго населенія, которое волей-неволей заставило бы его уйти, если бы не сдѣлало съ нимъ чего-нибудь и похуже. Общество смотритъ на землю, обработываемую человѣкомъ, какъ на его неприкосновенную собственность, и всякаго, кто посмотрѣлъ бы иначе, народъ

непремѣнно „мобировалъ“ бы. Mob,—значитъ толпа, сборище; to mob,—мобировать, какъ это слово понимается народомъ,—значитъ устраивать толпою заговоръ противъ кого-нибудь, произносить надъ кѣмъ-нибудь приговоръ, въ исполненіи котораго всѣ должны принимать участіе; и нужно сказать, что нѣтъ ничего страшнѣе и рѣшительнѣе моба: быстрота, точность и тайна выполненія рѣшеній,—просто невѣроятны!

Если мобируемый не совершилъ какого-нибудь крупнаго уголовнаго проступка, по общественнымъ понятіямъ влекущаго за собою строгое наказаніе, если противъ него нѣтъ сильныхъ, рѣзкихъ уликъ, и онъ только сильно подозрѣвается обществомъ, или если онъ своимъ поведеніемъ, своей жизнью привелъ въ негодованіе общество,—въ такихъ случаяхъ ему обыкновенно предлагаютъ уйти по добру по здорову; если онъ не послушается, — окрестное населеніе начинаетъ дѣлать ему разныя пакости и непріятности: бить его скотъ, жечь хлѣбъ на полѣ и проч.—или, наконецъ, сильно возмущенное,—вымажетъ дегтемъ, обкатаетъ въ перья и просто выгонитъ въ такомъ видѣ. Впрочемъ, дѣло до этого не доходитъ, или доходитъ рѣдко,—обыкновенно, мобируемый уходитъ послѣ перваго предостереженія, зная, какъ опасно шутить съ общественнымъ мнѣніемъ.

Но если мобируемый подозрѣвается въ большомъ преступленіи, если улики противъ него велики,—мобъ приступаетъ къ суду надъ нимъ, такъ называемому суду Линча, по которому 12 гражданъ Соединенныхъ Штатовъ могутъ произнести даже смертный приговоръ надъ человѣкомъ, и который такъ часто практикуется въ полупустынныхъ преріяхъ, а иногда и въ населенныхъ, съ организованными, правильными судами, Штатахъ.

Такой случай былъ именно въ Иллинойсѣ, въ одномъ изъ самыхъ населенныхъ и богатыхъ Штатовъ. Одинъ фермеръ-ирландецъ, человѣкъ способный и неглупый, отличался какою-то болѣзненною жестокостью и, какъ всѣ вообще сыны „зеленаго Эрина", ужасной вспыльчивостью. Однажды онъ до того больно высѣкъ сына, что тотъ упалъ въ обморокъ... Взбѣшенный тѣмъ, что не слышитъ больше крика своей жертвы, просто помѣшавшійся отецъ бросилъ сына на раскаленную желѣзную печь, отчего мальчикъ и умеръ. Закопавъ трупъ въ саду и запретивъ домашнимъ подъ страхомъ смерти говорить о случившемся, ирландецъ отправился въ ближайшій городъ и объявилъ денежную награду тому, кто отыщетъ будто бы сбѣжавшаго сына. Но сосѣди, сильно подозрѣвавшіе, что тутъ что-то неладно, собрались большой толпой, вынудили у домашнихъ признаніе, нашли трупъ мальчика, и если бы не шерифъ, который прибылъ съ

толпою на мѣсто и который „именемъ закона“ потребовалъ къ себѣ ирландца, чтобы отвести его въ тюрьму, толпа непремѣнно повѣсила бы его.

На другой день у тюрьмы собралось болѣе 500 человѣкъ, вывели убійцу на площадь и немедленно начали судить его сами. Въ 10 минутъ былъ произнесенъ смертный приговоръ, который и былъ приведенъ въ исполненіе народомъ. Убійцу повѣсили на ближайшемъ деревѣ, послѣ чего толпа спокойно разошлась.

Обыкновенно этотъ судъ кончается тѣмъ, что вмѣсто обвиняемаго въ мірѣ остается небольшая эпитафія, гласящая, что такой-то, такого-то числа и года, былъ судимъ судомъ Линча и приговоромъ гражданъ повѣшенъ за то-то; впрочемъ, случается, что обвиняемый и оправдывался безусловно, но, признаться, оправдательные приговоры такъ рѣдки, мнѣ такъ рѣдко приходилось слышать о нихъ, и въ то же время слышать такъ много случаевъ повѣшенія, что оправданіе можно считать совершенно исключительнымъ явленіемъ. Да и трудно ожидать иного: нужно, чтобы человѣкъ навлекъ на себя ужъ слишкомъ сильныя подозрѣнія общества, чтобы его судили, да къ тому же иниціатива суда принадлежитъ всегда „Vigilant Committe“, бодрствующему комитету, который всегда предварительно производитъ тайныя разслѣдованія. „Vigilant Committe“ есть тайная слѣдственная коммиссія общества. Первые поселенцы, сой-

дясь другъ съ другомъ, сжившись и зная, что въ сосѣди къ нимъ можетъ потянуть всякій человѣкъ, избираютъ изъ среды своей этотъ комитетъ, поручая ему слѣдить за образомъ жизни и поступками вновь прибывающаго и, такимъ образомъ, оберегать все населеніе отъ „опаснаго человѣка“. Имена членовъ комитета сохраняются въ глубокой тайнѣ и новый поселенецъ никогда и не подозрѣваетъ, что сосѣдъ его есть, можетъ быть, и тайный соглядатай.

Такъ оберегаютъ поселенцы самихъ себя и первые зачатки гражданственности въ пустынѣ отъ человѣка, который и тамъ, какъ и вездѣ, называется „нарушителемъ порядка“.

II.

Ходячее убѣжденіе, что земля есть лучшій сохранный банкъ, дающій самые вѣрные и большіе проценты, оказывается наиболѣе справедливымъ въ дѣвственныхъ преріяхъ Западной Америки, гдѣ всѣ траты земли, до прихода человѣка, ограничивались однимъ питаніемъ травы, которая, сгнивая или превращаясь въ пепелъ отъ пробѣгавшаго пожара, возвращала ей всѣ ея затраты. Богатство почвы здѣсь до того велико, что по истеченіи 10—12 лѣтъ со дня первой обработки и обсѣмененія ея устанавливается средняя норма доходности, которая не измѣняется въ теченіе цѣлыхъ 10—14 лѣтъ безъ всякаго искусственнаго удобре-

нія. Невольно согласишься, что „обрабатывать преріи—значитъ не истощать, а удобрять ихъ". какъ говорятъ фермеры.

Впрочемъ, и въ преріи почва не вездѣ одинакова: есть мѣста болѣе или менѣе плодородныя, хотя всѣ они вообще плодородны. Богаче и сильнѣе всего черноземная долина по берегамъ ручьевъ,—такъ называемая „bottom land"; бѣднѣе всего холмы, съ болѣе тонкимъ слоемъ чернозема и подпочва которыхъ каменистая. „Золотой серединой" между двумя этими крайностями будетъ такъ называемая prairie land,—равнины или долины между холмами.

Но самой дорогой, сильной и плодородной почвой фермеры Запада считаютъ не черноземъ, какой-бы тучный онъ ни былъ, а встрѣчающуюся мѣстами въ долинахъ „red soil",—красноватаго цвѣта почву, богатую содержаніемъ желѣза, совершенно неизвѣстную на востокѣ и присущую исключительно преріямъ. Въ Канзасѣ red soil'а немного и вся она идетъ подъ огороды, фруктовые сады и виноградники. Первая вспашка, первое поднятіе почвы — вещь самая трудная, требующая крѣпкихъ орудій, сильнаго скота и очень много сноровки и ловкости со стороны земледѣльца. До чего трудно это дѣло, можно заключить изъ того, что цѣпи, которыми припрягается скотъ къ плугу, рвутся точно веревки, благодаря множеству крѣпкихъ корней (остатковъ прежнихъ лѣсовъ истребленныхъ пожарами), за которые часто

цѣпляется плугъ и разорвать которыя чрезвычайно трудно.

Вспаханная земля, или, правильнѣе сказать, перевернутый дернъ, въ первый годъ даетъ очень мало. Все, что поселенецъ можетъ посѣять, не рискуя потерять сѣмена и трудъ,— это маисъ, который выростетъ очень низко, будетъ малъ и мелкозернистъ, но все-таки выростетъ. Сѣять же другой какой хлѣбъ въ первый годъ поселенцу и думать нельзя. Зато великолѣпно родятся такія овощи, какъ арбузы, тыквы и огурцы, играющіе далеко не послѣднюю роль въ пищѣ піонера. Но черезъ годъ, когда дернъ перегніетъ и разрыхлится, поселенецъ смѣло уже сѣетъ пшеницу, различные, самые нѣжные, сорта маиса, какъ напр. sweet corn, pappy corn и другіе, садитъ картофель, бобы, горохъ, свеклу, томаты и другія овощи, а также сѣетъ соргумъ,—особый видъ сахарнаго тростника *), и хлопчатникъ. Самыми злѣйшими врагами земледѣльца, его видовъ и надеждъ на урожай, являются: страшный, всеистребляющій prairie fire,—пожаръ прерій, и бродячій скотъ.

Кто не видалъ пожара въ преріяхъ, ежегодно, когда жаркое солнце высушитъ траву, охватывающаго прерію, тотъ не можетъ себѣ представить всего страшнаго, грознаго величія

*) Сахарный тростникъ разводится отводками, а „соргумъ“ сѣется. Изъ него не приготовляютъ сахара, а дѣлаютъ вкусную, темнаго цвѣта, патоку.

этого явленія и сопряженныхъ съ нимъ ужасовъ и несчастій. Прежде, чѣмъ пожаръ достигнетъ даннаго мѣста,—на горизонтѣ показываются его предвѣстники: страшные, черные клубы дыма и опрометью бѣгущій, испуганный скотъ... Дымъ все больше и больше чернѣетъ, клубы его становятся все громаднѣе и превращаются въ цѣлую черную тучу, охватывающую собою половину горизонта, и, наконецъ, показываются длинные, тонкіе языки краснаго пламени... Днемъ солнце меркнетъ за дымомъ и кажется какимъ-то кровавымъ пятномъ на темно-сѣромъ фонѣ, что еще болѣе придаетъ явленію зловѣщій, страшный видъ... Ночью—это великолѣпная, ни съ чѣмъ не сравнимая иллюминація... Все горитъ, все пылаетъ,—даже небо, по которому разстилаются кровавые потоки свѣта и дыма, который кажется темно-краснымъ... Жаръ становится невыносимымъ... кругомъ расплавленное море пламени... доски, бревна начинаютъ тлѣть... дымъ ѣстъ глаза и душитъ.... скотъ реветъ и мечется, какъ угорѣлый.... сухая, горящая трава трещитъ, а надъ пламенемъ въ дыму рѣютъ безчисленныя стада птицъ, подхватывающихъ обгорѣлыхъ, задушенныхъ дымомъ, земноводныхъ, и наполняющихъ пространство своимъ рѣзкимъ, пронзительнымъ крикомъ.

Бѣда, если фермеръ заранѣе не обезопасилъ себя, вспахавъ плугомъ нѣсколько рядовъ бороздъ вокругъ своего дома и засѣяннаго

поля, или, что еще дѣйствительнѣе, не выжегъ травы вокругъ нихъ...*): тогда ему остается только зажечь впереди себя, по вѣтру, траву, оставить домъ и поле на съѣденіе пожару, а самому съ домашними, скотомъ и всѣмъ, что можно вынести изъ дому, перейти на обгорѣлое мѣсто и спокойно ожидать пожара.

Но болѣе постояннымъ врагомъ фермера является скотъ, пасущійся въ преріяхъ и спастись отъ котораго ему гораздо труднѣе... Нужно хорошо и крѣпко огородить засѣянное поле! Если у поселенца нѣсколько штукъ скота, онъ необходимо долженъ пустить его пастись на свободѣ, такъ какъ иначе прокормить его онъ не въ силахъ; и хорошо еще, если онъ успѣетъ хоть на зиму заготовить сѣна, пока пожаръ не истребилъ травы. Кромѣ фермерскаго скота, въ преріяхъ бродятъ громадныя стада скотопромышленниковъ. Обыкновенно эти господа тянутъ въ преріи вслѣдъ за поселенцами, откармливаютъ на не занятыхъ еще участкахъ преріи скотъ, закупаемый въ штатѣ Техасъ (гдѣ скотоводство процвѣтаетъ и чуть ли не вся западная половина котораго населена скотоводами) за безцѣнокъ,—отъ 10 до 14 долларовъ за штуку,—и послѣ гонятъ его

*) Дѣло очень опасное, потому что легко пустить пожаръ по преріи. Обыкновенно для этого выбираютъ время, когда трава еще не совсѣмъ высохла, и, зажигая ее, вооружаются метлами изъ дикой полыни, которыми не позволяютъ огню распространяться и даютъ ему нужное направленіе

для продажи въ восточные штаты, гдѣ получаютъ громадные барыши.

Какъ ни тяжело подобное сосѣдство фермерамъ, сколько непріятностей ни приноситъ оно, тѣмъ не менѣе фермеры мирятся съ нимъ и даже поощряютъ всѣми зависящими отъ нихъ мѣрами переселеніе скотопромышленниковъ. Дѣло въ томъ, что скотопромышленникъ всегда человѣкъ денежный, и приходъ его въ среду піонеровъ, у которыхъ часто нѣтъ ни гроша за душой и которымъ вести торговлю приходится первобытнымъ образомъ, мѣняя продуктъ на продуктъ,—сопровождается появленіемъ денегъ, этимъ самымъ удобнымъ средствомъ обмѣна; да, кромѣ того, приходъ его создаетъ новый, доходный промыселъ въ преріи. Пригоняя скотъ осенью, онъ долженъ подкормить его за зиму (покупается обыкновенно молодой) и дать ему отдохнуть и поправиться съ дороги. Не имѣя тамъ заготовленнаго на зиму корма, онъ раздаетъ скотъ фермерамъ на прокормъ въ теченіе зимы (фермеры, въ виду этого, заготовляютъ у себя много сѣна и строятъ на сѣверѣ каменную стѣну, за которой скотъ могъ бы укрываться немного отъ сѣвернаго вѣтра), при чемъ плата производится тѣмъ же скотомъ и фермеръ получаетъ иногда, смотря по обстоятельствамъ, третью часть или половину изъ прокармливаемаго имъ числа штукъ.

Впрочемъ среди піонеровъ того county*), въ которомъ и я находился, произошелъ расколъ въ мнѣніяхъ относительно скотопромышленниковъ, который выразился тѣмъ, что одна часть, побѣднѣе, еле-еле успѣвшая**) кое-что засѣять и не успѣвшая еще огородить засѣяннаго, стала требовать введенія во всемъ „county" Herd low'a, а другая, успѣвшая уже кое-какъ устроиться,—fence low'a. Первый законъ обязываетъ всякаго владѣльца скота присматривать за нимъ, платить всѣ убытки, какіе его скотъ причинитъ другому фермеру; второй требуетъ, чтобы каждый фермеръ огораживалъ свое поле, и лишаетъ его права требовать вознагражденія за причиненные ему чужимъ скотомъ убытки.

Вопросъ надлежало рѣшить голосованіемъ, для чего и былъ назначенъ особый день. Прерія оживилась: вездѣ шла агитація, вездѣ собирались кучки народа, спорили, говорили и снова спорили...

— Джент'мэны и леди!—говорилъ одинъ сухой, длинный, съ простовато-добродушнымъ видомъ ораторъ собравшейся кучкѣ:—Я не

---

*) County — графство, административное дѣленіе штата County дѣлится на township'ы—округа, родъ мэрій

**) Поля огораживаютъ или каменными циклопическими стѣнами, и тогда мѣсто называется „stone fence" или кольями, для чего вбиваютъ въ землю столбы, а къ нимъ прибиваютъ горизонтально rails'ы, колотыя, длинныя и тонкія,—большею частью, орѣховыя или дубовыя, которыя хорошо колются, бревна.

ораторъ, вы это знаете джент'мэны... правда... Джонъ Пэнъ никогда не былъ спикеромъ... но... но... Годдемъ... (Тутъ ораторъ какимъ-то особенно энергическимъ движеніемъ губъ съ шумомъ выплюнулъ на цѣлую сажень табачную жвачку).—Пусть я пропаду, если... если, джнт'мэны, я не такой же гражданинъ, какъ и всѣ, и не могу высказывать своихъ мыслей!... Да, джент'мэны, вы это понимаете и потому... и потому... чортъ побери!.... Джент'мэны... и потому я говорю: къ чорту fence low... намъ нужно Herd low!... Правда, джент'мэны, Herd low... чтобы... вы сами понимаете отлично—зачѣмъ... чтобъ не издохнуть съ голоду... чортъ побери... и т. д.

Въ другихъ мѣстахъ шли другія рѣчи, съ претензіей на широту взгляда, на исторію и пр.

— Джент'мэны и леди!.. Джент'мэны и леди! (ораторъ вращаетъ зрачками). Интересъ страны прежде всего.... прежде всего!.... Джент'мэны и леди! долой личность (ораторъ дѣлаетъ энергическій жестъ рукою и колѣномъ), когда она идетъ въ разрѣзъ съ интересами общества.. Господа!.. (Ораторъ самодовольно оглядываетъ слушателей). Общество распоряжается, а не личность... или... или нѣсколько личностей... это былъ-бы турецкій деспотизмъ, господа! (ораторъ сплевываетъ жвачку). Правда?.. господа! такъ думали отцы наши (набиваетъ ротъ табакомъ)... великіе отцы нашей республики....

Вашингтонъ!!... Вашингтонъ такъ думалъ, господа, и потому Herd low не годится. Интересы страны требуютъ fence low'a!!! (ораторъ умолкаетъ на секунду и грозно оглядываетъ слушателей).—Пусть отдѣльныя личности побѣдствуютъ, пока огородятъ поля, но интересъ страны... и т. д.

Въ назначенный день всѣ граждане собрались въ условленномъ мѣстѣ (пустая хижина уѣхавшаго поселенца), выбрали судей, дѣло которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы слѣдить за правильностью голосованья, и хранителей голосовъ, которые держали коробки отъ сигаръ, съ прорѣзаннымъ отверстіемъ на крышкѣ, въ родѣ нашихъ копилокъ, куда граждане опускали свои мнѣнія, выраженныя на клочкѣ бумаги карандашемъ или чернилами. Большинство въ цѣломъ „county“ высказалось за fence low *).

Вслѣдъ за поселенцами и скотопромышленниками тянутъ въ преріи и люди съ особымъ складомъ понятій и нравственности, люди, составляющіе продуктъ „настоящихъ дней“, вся задача, вся цѣль которыхъ—„to make money“. дѣлать деньгу, ничего не производя.

Это—купцы въ преріяхъ. Закупивъ на востокѣ товаровъ, различныхъ мелочей и припасовъ, они отправляются въ преріи, строятъ тамъ,—въ мѣстахъ, гдѣ погуще фермы,—блокгаузъ, и начинаютъ перепродавать нуждаю-

*) Вотировали по township'амъ отдѣльно.

щимся во всемъ почти піонерамъ привезенные товары по неслыханно высокимъ цѣнамъ. Піонеръ рѣдко имѣетъ деньги и потому онъ часто забираетъ товары у купца, предлагая ему взамѣнъ то хлѣбъ, то яйца, то свиней, куръ и проч., при чемъ оцѣнщикомъ является самъ торговецъ, который никогда не забудетъ оцѣнить свои товары очень высоко, а предлагаемое фермеромъ—очень низко. Пріѣзжаетъ другой купецъ. По теоріямъ экономистовъ „конкуренція" должна была-бы понизить цѣны товаровъ, а въ дѣйствительности жизнь смѣется надъ ихъ тщетными усиліями втиснуть ее въ мизерныя рамки, въ которыхъ она никакъ не можетъ помѣститься... Торговцы сговариваются продавать по общей цѣнѣ товары, дѣлаютъ даже взаимныя уступки другъ другу,—сговариваются, напр., чтобы одинъ торговалъ тѣмъ-то, а другой другимъ,—и цѣны остаются прежними, фермеры попрежнему наполняютъ ихъ кладовыя всякой всячиной: за лопату—фунтъ сахару, топоръ или что нибудь другое... Пріѣзжаетъ третій купецъ и четвертый, и дѣла идутъ все тѣмъ-же порядкомъ долго и долго, пока мѣстность не заселится, не проложатся хорошія, удобныя дороги и не выстроятся городки. Впрочемъ, и послѣ этого цѣны товаровъ понижаются очень медленно.

Блокгаузъ, жилище піонера, построенъ для защиты поселенца отъ чего хотите, только не

отъ холода. Реомюръ, вынесенный въ зимнюю ночь изъ дома, когда желѣзная печка потухла, на свѣжій воздухъ, когда нѣтъ вѣтра, никогда не покажетъ разницы: 10^0 въ комнатѣ,—10^0 и на дворѣ... За то вы никогда и не угадаете, что спящій піонеръ—человѣкъ, а не груда разнаго хлама. Зима въ Канзасѣ страшна не снѣгомъ, котораго почти не бываетъ, а сильными сѣверными вѣтрами, которые могутъ „кровь вымораживать въ жилахъ"; иногда зимою я долженъ былъ прекращать писать письма, такъ какъ чернила замерзали на перѣ и каждыя 10 минутъ приходилось оттаивать на печкѣ чернила въ чернильницѣ. Если фермеръ человѣкъ семейный, то и чердакъ у него жилая комната,—всегда спальня, въ два окна; нижняя же комната—кухня, столовая, гостиная, зала для танцевъ, для митинговъ и пр. Тамъ вы всегда найдете желѣзную печь, иногда и грубый каминъ, кое-какъ сложенный изъ камня, столъ, стулья, кухонную посуду, шкафъ и книги.

Утромъ, часовъ въ шесть, фермеръ уже поднимается, приноситъ дровъ, зажигаетъ печку, ставитъ воду въ чайникѣ и будитъ свою „миссизъ". Работящая, зоркая, вѣчно говорящая или поющая „миссизъ" быстро одѣнется, умоется, разбудитъ дѣтокъ, если „Богъ послалъ", сойдетъ съ своего чердака и начнетъ стряпать... А мужъ въ это время чиститъ лошадей, даетъ имъ корму, доитъ коровъ (обыкно-

венно эту обязанность исполняютъ мужчины), послѣ чего выпуститъ ихъ гулять по преріи до солнечнаго захода; чрезъ часъ готовъ и breakfast, умыты и причесаны дѣти, накрытъ бѣлой скатертью столъ и разставлена посуда... На громкій, звонкій призывъ своей половины приходитъ супругъ, умывается, причесывается и садится за столъ.

На столѣ стоитъ поджаренная свинина, вареный картофель, еще какія-нибудь овощи и яйца, а на печкѣ шумитъ и бурлитъ чайникъ или кофейникъ въ ожиданіи своей очереди.

У семейныхъ фермеровъ ѣдятъ всегда кто нибудь изъ холостыхъ сосѣдей за небольшую плату. Въ опредѣленное время раздается стукъ въ дверь, въ отвѣтъ на что слышится обычное: „come in“,—и въ комнату входитъ рослый, сильный сосѣдъ, не снимая шляпы и привѣтствуя хозяевъ: „Halloo!“ Онъ садится за столъ, снимаетъ шляпу и вмѣсто всякихъ приглашеній слышитъ: „help your self“—помогай самъ себѣ,—послѣ чего ему не дождаться ужъ никакихъ потчеваній.

Начинается ѣда и разговоры; говорятъ о погодѣ, объ урожаѣ, о происшествіяхъ дня, о политикѣ; того ругаютъ, клянутся, что больше не выберутъ, на что иногда слышится отвѣтъ: „я не выбиралъ его!..“—произносимый съ нѣкоторымъ чувствомъ самодовольства; другого хвалятъ, называютъ умной дѣтиной, хорошимъ „слугой“. Вообще, нѣтъ ни одного яв-

ленія въ области политики штатовъ, ни одного постановленія конгресса, о которыхъ такъ или иначе не судила бы фермерская хижина, какъ и нѣтъ хижины безъ газеты.

Кончился завтракъ,—кончились и разговоры. „Джент'мэны" уходятъ на работу,—пахать, сѣять, косить и пр., смотря по времени, иногда и помогать сосѣду, по его приглашенію, за что тотъ, разумѣется, и у него отработаетъ... Зимою,—самое трудное для фермера время,—фермеръ отправляется или въ лѣсъ—рубить и колоть „rails'ы" для ограды полей, или рыть колодезь и пр... Такъ до 12 часовъ, т. е. до обѣда.

За это время „миссизъ" успѣетъ убрать посуду, послать дѣтей въ школу, если только они уже ходятъ въ школу, а нѣтъ, такъ сотню разъ приказать Чарли не лазить по столу, не прыгать, не дразнить вертушку-шалунью Рози, не дразнить кота Тома и не вырывать хвостовъ у куръ... сбѣгать поболтать къ сосѣдкѣ о нарядахъ, о мѣстныхъ „львахъ" и мало-ли еще о чемъ... А послѣ нужно что-нибудь шить, готовить обѣдъ, присмотрѣть за домашнимъ хозяйствомъ; а къ вечеру готовить ужинъ, укладывать дѣтей и пр., до поздней ночи. Много у нея работы, самой мелочной, непріятной, такъ что даже пословица сложилась: „мужчина работаетъ отъ солнца до солнца, а женщина всегда".

Въ обѣдъ, который не роскошнѣе завтрака, снова всѣ сходятся, снова разговоры, шутки и смѣхъ, затѣмъ снова работа до вечера,—до ужина.

Вечеромъ, послѣ работъ, сходятся сосѣди Говорятъ или читаютъ, а иногда устраивается и вечеринка: соберется молодежь, холостые фермеры, подростки дѣвушки и невѣсты, молодыя фермерскія жены, сейчасъ выищется скрипачъ, играющій по слуху разныя „вальсъ“, „шотишъ“, „джокъ“ и пр., столы и печка выносятся, все пожилое прижмется къ стѣнамъ, а все молодое начинаетъ кружиться, прыгать летать подъ звуки скрипки усерднаго артиста, который, входя въ экстазъ, забываетъ беречь струны, смычекъ и уши. Горятъ щеки, горятъ глаза, бьются сердца... все дышетъ весельемъ и счастьемъ.

Кромѣ того, въ преріи бываютъ еженедѣльно опредѣленныя собранія, называемыя „дебатами“. Собранія эти—своего рода клубы, куда люди сходятся исключительно съ цѣлью обмѣняться мыслями, поспорить объ извѣстномъ вопросѣ. Тамъ ничего не читаютъ, а только говорятъ. Въ опредѣленный день сходится общество поочереди то у того, то у другого фермера. Сейчасъ-же избирается предсѣдатель, который руководитъ преніями, и судьи, съ которыми онъ резюмируетъ пренія и произноситъ рѣшеніе. Вопросъ, подлежащій обсужденію въ слѣдующее собраніе, объявляется въ

концѣ каждаго собранія, такъ что публика имѣетъ время всесторонне обсудить спорный вопросъ. Вопросы эти касаются политики, литературы, педагогіи, библіи, соціальныхъ вопросовъ и пр., и ставятся всегда въ такой, приблизительно, формѣ: „Что служитъ лучшимъ образовательнымъ средствомъ для человѣка: занятіе науками или путешествіе?“ (Вопросъ этотъ обсуждался при мнѣ въ „Marshall County“ и споривше пришли къ такому результату: для образованія человѣка равно необходимы и то, и другое, и одно безъ другого недостаточно, при чемъ занятіе науками должно предшествовать путешествію). Предъ началомъ преній собравшіеся раздѣляются на двѣ группы: одну—защищающую одно положеніе, другую—другое, при чемъ желающіе говорить говорятъ поочереди, устанавливаемой предсѣдателемъ. Когда всѣ выскажутся и желающихъ говорить больше не будетъ, предсѣдатель съ судьями резюмируютъ все сказанное сторонами и затѣмъ произносятъ свое рѣшеніе относительно того, какая изъ двухъ споривѣшихъ сторонъ права.

Въ собраніяхъ этихъ участвуютъ и женщины, и мужчины. Никакихъ входныхъ билетовъ при этомъ не требуется: стоитъ только придти и занять мѣсто.

Интереснѣе всего бываютъ, разумѣется, пренія по вопросамъ политическимъ и соціальнымъ.

Всякій, кто побывалъ на этихъ дебатахъ, можетъ вынести такое впечатлѣніе, что люди эти—не ученые, но они многое читали, многое слышали, о многомъ серьезно думали. У нихъ здоровая, неотуманенная логика, страстное желаніе уяснить себѣ то, что для нихъ неясно, и они цѣнятъ и взвѣшиваютъ каждое свое слово.

Когда я жилъ на сѣверѣ Канзаса, у меня былъ тамъ одинъ знакомый, даже больше, — искренній другъ, фермеръ, отличный работникъ, отличный хозяинъ, настоящаго имени котораго я, какъ и всѣ сосѣди его, никогда не зналъ, а звалъ, какъ и всѣ, дядя „Джекъ“, при чемъ, когда говорилъ о немъ въ третьемъ лицѣ, всегда, какъ и всѣ, прибавлялъ эпитетъ—„толстый“. Дядя Джекъ не былъ женатъ, да и не понималъ, кажется, зачѣмъ это женятся люди, былъ уже сѣдоватъ, хотя свѣжъ и бодръ, любилъ шутить и смѣяться; грустнымъ я никогда его не видалъ. Онъ души не слышалъ въ своей пони „Дженни“, крѣпко любилъ свою лягавую собаку Пальмерстона (по его словамъ, онъ назвалъ ее такъ по той причинѣ, что она, задумавъ стянуть что-нибудь, умильно лаяла, виляла хвостомъ и ласкалась), но больше всего, даже больше „зеленой преріи“, за которую онъ „душу-бы положилъ“, любилъ онъ всевозможные митинги, дебаты, рѣчи и пр. Отличный хозяинъ, онъ былъ всегда безъ денегъ, и никто никогда не зналъ навѣрное, куда „толстый дядя Джекъ“

дѣвалъ тѣ кругленькія суммы, которыя такъ часто доставались ему отъ продажи того и другого. Знали только, что дядя „Джекъ“ всегда какъ-то черезчуръ интересовался школами, что никогда ни одинъ „школьный бой“ или „школьная“ миссъ не проходили мимо его фермы, не грызя чего-нибудь или не придерживая своихъ кармановъ, что часто ни съ того, ни съ сего у какого-нибудь Джона или Чарли появлялись сапоги и новые штаны, а у какихъ-нибудь хорошенькихъ Бетси, Рози, Кэтъ и другихъ—новыя хорошенькія ленточки. Знали также, что когда молнія сожгла у сосѣдняго фермера гумно, домъ и убила вола, дядя Джекъ о чемъ-то долго съ нимъ разговаривалъ, послѣ чего фермеръ, многосемейный бѣднякъ, началъ строить новый домъ и купилъ другого вола; знали еще, что дядя Джекъ всегда первый помогалъ всѣмъ въ нуждѣ, но все это вещи такого рода, что на нихъ никакъ нельзя строить вѣрныхъ предположеній,—куда „толстый Джекъ“ дѣвалъ свои деньги.

Ни одинъ митингъ, ни одно собраніе не проходили безъ него и безъ его Пальмерстона, который всегда храпѣлъ во время ожесточенныхъ преній и иногда, разбуженный въ своихъ сновидѣніяхъ ужъ слишкомъ жарко заспорившими, поднималъ неистовый лай, чѣмъ приводилъ въ немалый конфузъ и негодованіе дядю Джека. Если-бы хоть одинъ митингъ со-

стоялся безъ него, навѣрное всѣ-бы отправились къ его фермѣ узнать—что съ нимъ.

Иногда вечеромъ, покончивъ работу, въ лѣнивой истомѣ лежишь въ травѣ и считаешь неисчислимыя яркія звѣзды, и вдругъ заслышишь трубный гласъ „дяди Джека", громко кричащаго и зовущаго: сэй!.. *) Встанешь, крикнешь: „галло!"—и увидишь дядю Джека верхомъ на своей,—между нами будь сказано,—лѣнивой Дженни, и съ своимъ неизмѣннымъ Пальмерстономъ.

— Митингъ, сэй!..

— Гдѣ?

— Близъ „чернаго дуба" у такого-то. Приходите...

— Приду... Хотя, вы знаете,—я еще плохо разбираю по-англійски..

— Ничего, приходите... нельзя вѣдь,—митингъ...

И дядя Джекъ удалялся, натягивая узду, чтобы показать, что Дженни не лѣнивая, а горячая лошадь...

На всякомъ митингѣ, на всякомъ дебатѣ дядя Джекъ непремѣнно что-нибудь говорилъ, но, проговоривъ минуты три, онъ обыкновенно конфузился, путался, объявлялъ, что сказалъ вовсе не то, что хотѣлъ сказать, и удалялся въ толпу; а когда предсѣдатель дебата, резю-

*) Вмѣсто сэръ обыкновенно произносятъ, когда зовутъ: "сэй".

мировавъ пренія, высказывалъ рѣшеніе, дядя Джекъ выходилъ изъ толпы и объявлялъ, что онъ точь-въ-точь то-же самое хотѣлъ сказать. Всѣ уже такъ къ этому привыкли, что послѣ рѣчи предсѣдателя обыкновенно разступались и оборачивались на толстаго дядю Джека.

Онъ-то и доставилъ мнѣ случай видѣть одинъ странный дебатъ, который и можно только увидѣть въ Америкѣ. Впослѣдствіи я видѣлъ и еще разъ такой-же, но только на югѣ Канзаса.

Фермеры,—пресвитеріане и методисты (двѣ враждующія церкви), — согласились выписать изъ ближайшаго, довольно большого города Сентъ-Джо двухъ проповѣдниковъ, предварительно составивъ складчину для обезпеченія имъ кормовыхъ, суточныхъ и прогонныхъ, чтобы тѣ сразились словесно предъ народомъ и рѣшили, наконецъ, кто изъ нихъ правъ, а кто ошибается.

Въ назначенный день школьный залъ (самое большое зданіе въ преріяхъ—школа) былъ полонъ народа. Здѣсь были мужчины, леди и дѣти; былъ и дядя Джекъ, но безъ Пальмерстона, который не былъ впущенъ почему-то въ собраніе, вслѣдствіе чего неистово заливался на дворѣ, и по лицу дяди Джека видно было, что эти мольбы Пальмерстона сильно скребутъ его по сердцу.

Пришли и проповѣдники съ книгами, записками, карандашами и пр., и начались дебаты. Но что за дебаты! Я ожидалъ чего-нибудь серьезнаго, авторитетнаго... и вдругъ цѣлый коробъ взаимныхъ насмѣшекъ, самыхъ ядовитыхъ, самыхъ злыхъ и колкихъ!... Чего тамъ только не было!.. Слова: „любезный братъ мой“— не сходили съ устъ; но за ними лились такія сравненія, такіе выводы, такія аналогіи, что обоимъ, наконецъ, стало жарко и потъ покатилъ съ нихъ градомъ. Долго спорили, даже на другой день спорили... наконецъ, охрипли и оба порѣшили, что каждый изъ нихъ правъ относительно другого. Они не старались опровергать положенія одинъ другого, но какъ можно смѣшнѣе, глупѣе, непривлекательнѣе выставить другъ друга предъ публикой. За то публикѣ было раздолье, просто „животики надрывали“... И послушали, и посмѣялись, и въ концѣ концовъ всякій остался убѣжденнымъ, что именно онъ правъ. Вновь обращенныхъ по окончаніи дебата не было.

Толстый дядя Джекъ смѣялся до того, что началъ плакать; онъ даже вскрикнулъ, что у него что-то лопнуло внутри отъ смѣха, чѣмъ сильно встревожилъ стоявшихъ около него, и затѣмъ сильно обрадовалъ, когда объявилъ, что ему только такъ показалось...

III.

Уже давно дозрѣли маисъ, бобы и горохъ въ огородахъ фермеровъ, давно была убрана,

свезена, а кой-гдѣ и смолочена золотая пшеница. Ярко-зеленая прерія начала блѣднѣть и блѣднѣть; шумливая, неугомонная крикунья стрекоза точно охрипла за весну и лѣто; толстобрюхія гремучки стали прятаться и не валялись на зло пѣшеходамъ по дорогамъ,—за то прибавилось разной дичи, прибавилось степныхъ куриць, бекасовъ, утокъ... Казалось, вся прерія ворковала, пищала и клокотала... Что ни шагъ,—испуганная птица съ крикомъ поднималась вверхъ, хлопая тяжелыми крыльями, а за нею другая, третья и т. д. То и дѣло раздавались выстрѣлы то тамъ, то сямъ, вслѣдъ за которыми цѣлая туча вспуганной дичи кружила по ясному, голубому небу.

Осень была близка. Это видно было и изъ того еще, что чудный бодрящій воздухъ преріи теперь отзывался гарью и дымомъ, легкія облака котораго носились по всѣмъ направленіямъ.

— Сэръ!—приглашали сосѣди другъ друга:—приходите помочь мнѣ... я жгу траву...

— All right!—И фермеры вооружались метлами изъ дико ростущей полыни, спичками и сухой соломой, сходились въ урочный часъ,—обыкновенно послѣ обѣда,—и начинали „жечь прерію".

Дѣлалось это для самозащиты, чтобы спасти себя, семью, постройки и скотъ отъ „prairie fire" — пожара прерій, ежегодно осенью, когда вся трава высохнетъ,—охватывающаго собою прерію... Для этого-то каждый и выжигалъ траву вокругъ своего дома заблаговре-

менно, пока она не превратилась еще въ сухое сѣно, неширокую полосу, чрезъ которую, какъ чрезъ заколдованный кругъ, пожаръ не переходилъ внутрь, а огибалъ его и летѣлъ дальше по преріи, оставивъ въ покоѣ всѣхъ притаившихся за спасительной чертой. Какъ только огонь охватывалъ траву, горѣвшую не быстро, фермеры метлами тушили его съ боковъ, не позволяя распространяться, и тѣмъ самымъ давали ему желаемое направленіе. Работа выходила иногда очень горячая, особенно въ мѣстахъ, гдѣ было посуше: опаливало волосы, усы и бороду, жгло тѣло,—но оставить, уйти, было нельзя; можно было „пустить огонь", сжечь строенія, зажечь сосѣда, потому никакая усталость,—вообще, ничто не принималось во вниманіе.—Не сдержи вы огня, причини кому-нибудь вредъ или убытокъ,—и вамъ бы пришлось развѣдаться съ судомъ и съ общественнымъ мнѣніемъ, что страшнѣе всякаго суда въ Америкѣ.

— Пожаръ летѣлъ, сэръ!—летѣлъ, какъ стрѣла!—говорила мнѣ сосѣдка-фермерша, вѣчно веселая хлопотунья-работница.—Все огонь, все трещитъ, сэръ!.. все,—только одно пламя!.. Да, одно пламя, сэръ!.. Дымъ, сэръ, такъ и ѣстъ глаза... Видитъ М. Бенетъ, что ему сгорѣть придется, совсѣмъ сгорѣть, сэръ,—и говоритъ: back fire *) пустить надо! А сосѣдъ не хочетъ,

*) Back fire, когда зажигаютъ впереди себя траву, чтобы, выйдя на обгорѣлое мѣсто, спастись отъ набѣгающаго пожара.

боится.—У меня, говоритъ, тамъ пшеница,—вы-де меня сожжете, а пожаръ-то, можетъ быть, и не добѣжитъ до насъ! Но Бенетъ не послушался, — со страху все-таки зажегъ.... а судъ, представьте себѣ, присудилъ заплатить сосѣду 100 долларовъ, сэръ! Бѣдняга Бенетъ напрасно испугался, сэръ!.. совсѣмъ напрасно!... Огонь дѣйствительно не на него шелъ.... стороной шелъ и ручей былъ сбоку... Потому и заплатилъ, сэръ!..

И случаевъ такихъ въ преріяхъ много, очень много.

Разъ въ одно прекрасное утро вся окрестность была встревожена страшной новостью... На одной изъ фермъ случилось убійство,—вся семья изъ четырехъ душъ была звѣрски зарѣзана. Первымъ разнесъ эту вѣсть, конечно, толстый Дикъ, всегда знавшій все раньше другихъ.

— Убійство случилось!... слышали, сэръ?... ужасное дѣло!—кричалъ онъ еще издали, галлопируя отъ фермы къ фермѣ на своей вислоухой чалой пони:—ужасное дѣло, джентльмэны!.. Ужасное!.. Четыре души!.. Четыре цѣлыхъ души!..

— О!—отвѣчали ему вездѣ:—гдѣ? Годдемъ!

— У нѣмца... у стараго нѣмца, сэръ!—ворчалъ Дикъ скороговоркой:—ночью... сегодня ночью!..—И онъ мчался дальше, неустанно погоняя свою лѣнивую кобылу и болтая толстыми ногами.

За нимъ показывался уже шерифъ, всегда опаздывавшій, тощій и длинный, какъ скелетъ, со шляпой на затылкѣ, съ сильно загнутыми колѣнами, верхомъ на всѣмъ извѣстной своей привычкой лягаться пони Рози.

— Слышали, леди и джентль'мэны?... слышали? какое несчастіе!—начиналъ теперь безъ обычнаго привѣтствія свою рѣчь этотъ вѣжливѣйшій изъ самыхъ вѣжливыхъ гражданъ околотка, то и дѣло утирая клѣтчатымъ платкомъ катившійся по лицу потъ:—слышали, чортъ побери?...

— Про убійство? Да, сэръ... Дикъ говорилъ!—отвѣчали ему.

— Дикъ?!—обижался самолюбивый шерифъ:—ахъ, этотъ Дикъ!—вѣчно мѣшается не въ свое дѣло!

— Стой, Рози!.. ты глупа, какъ подошва!—Ужасное дѣло,—виновныхъ нѣтъ... Дура!—(послѣднее относится къ Рози, потянувшейся къ травѣ)... О!—и онъ выплевываетъ жвачку, и такъ мѣтко, что попадаетъ прямо въ стрекозу:—подозрѣнія есть—и только!..

И онъ тоже мчится дальше!

Со всѣхъ сторонъ скачутъ всадники... Вся прерія точно ожила, забѣгали сосѣдки другъ къ дружкѣ... То и дѣло сыпятся вопросы и возгласы: „слышали? видѣли?! ахъ, ужасно!.. четыре души!!“

— Слышали?..—вопитъ издалека маленькая, вертлявая жена инспектора публичныхъ ра-

ботъ:—слышали?—кричитъ она, задыхаясь и едва переводя духъ:—у нѣмца пять тысячъ было, пять тысячъ долларовъ!.. Дикъ говоритъ!.. Дикъ, миссисъ!..

— И! а! о!—кричатъ изумленныя слушательницы.

— Да, пять тысячъ!..—продолжаетъ усталая отъ быстраго бѣга разсказчица.—Да!.. Я давно знала, что онъ очень денежный!..

— Миссисъ! миссисъ!—кричитъ вновь прибѣжавшая сосѣдка:—Представьте: десять тысячъ!.. Десять тысячъ долларовъ! У нѣмца, говорилъ Дикъ, было десять тысячъ! Цѣлыхъ десять тысячъ долларовъ!..

— Пять!—горячо возражаютъ слушательницы.

— Пять!—яростно вопитъ маленькая жена инспектора, сильно обиженная, что ея сообщеніе было менѣе грандіозно.—Пять!

— Спросите Дика! Десять!.. ей Богу, десять!..

— Пять!.. Мистеръ Дикъ...

— Пятнадцать тысячъ, миссисъ!.. пятнадцать!.. У нѣмца... Всѣ говорятъ!—какъ-то отрывисто долетаютъ слова быстро бѣгущей женщины, сильно размахивающей руками.

— Десять!—яростно возражаетъ ей одна.

— Пять! Ей Богу же, пять!—кричитъ другая.

— Нѣтъ! нѣтъ!.. пятнадцать!.. Всѣ слышали пятнадцать...

Начинается гамъ, визгъ, ожесточенный споръ, который не приводитъ ни къ какому соглашенію... то и дѣло слышится: „Дикъ“,

„пять...“ „десять..“ „пятнадцать...“, „всѣ“... и проч. Наконецъ, спорящія разбѣгаются разносить дальше свои новости.

Вся площадь предъ небольшой досчатой хижиной убитой фермерской семьи кишмя кишѣла народомъ, лошадьми и телѣгами. Кто сидѣлъ верхомъ, глубокомысленно жуя „жвачку“, кто въ телѣгѣ, кто бродилъ, прислушиваясь къ толкамъ и вставляя мимоходомъ словечко, два, а не то и прибаутку... Человѣкъ до двухъ сотъ тутъ было... Былъ тутъ и толстый Дикъ въ штанахъ, сшитыхъ имъ собственноручно и покрытыхъ столькими заплатами, что они казались составленными изъ лоскутковъ всевозможныхъ матерій, со шляпой на самомъ затылкѣ, съ трубкой въ зубахъ и руками въ карманахъ,— вообще, балагуръ и крайне добродушный человѣкъ; былъ и худой шерифъ, воображавшій себя почему-то очень схожимъ съ президентомъ Линкольномъ, — страстный любитель дебатовъ и рѣчей, начинавшихся у него обыкновенно: „когда Линкольнъ“—и проч.. былъ и суровый, угрюмый Джемсъ, отличительной чертой котораго было необыкновенное умѣніе мѣтко попадать „жвачкой“ въ задуманное мѣсто, и сильно боявшійся своей супруги Никельсъ, и розовый, вѣчно веселый Чарли, любитель яркихъ галстуховъ и мѣстный левъ, и хладнокровный Смитъ, и... словомъ, былъ весь околотокъ...

— Это тѣ двое, что пріѣзжали сюда четвертаго дня.... Это они убійцы!..—слышались голоса въ толпѣ...

Дѣйствительно, двое молодыхъ мужчинъ пріѣзжали къ убитому и затѣмъ скрылись, неизвѣстно куда.

— Непремѣнно они!... они!... они!.. — ревѣла толпа:—но гдѣ же они?

— Это онъ укажетъ!.. непремѣнно укажетъ!..

Этотъ *онъ* былъ молодой фермеръ, тоже нѣмецъ, очень недавно поселившійся въ этой мѣстности, и, какъ сосѣдъ и соотечественникъ, часто навѣщавшій убитую семью; теперь его почему-то не было на сходкѣ. Толпа сильно подозрѣвала его въ соучастіи, хотя всѣмъ онъ былъ извѣстенъ за крайне добродушнаго и смирнаго малаго. За нимъ поскакали двое съ шерифомъ и теперь толпа съ нетерпѣніемъ ожидала его прибытія и начала допроса... Наконецъ, вдали показалось нѣсколько всадниковъ...

— Они!.. Это они... посланные! — зашумѣла толпа, все больше и болѣе разгораясь.

Всадники приближались... точно конвоемъ окруженный, ѣхалъ молодой нѣмецъ. Толпа притихла и встрѣтила прибывшихъ гробовымъ молчаніемъ.

Молодой нѣмецъ,—по лицу было видно, сильно встревоженный,—слѣзъ съ лошади и подошелъ къ толпѣ.

— Гдѣ были?—сурово спросилъ кто-то изъ толпы.

— На мельницѣ... вчера поѣхалъ...—отвѣчалъ тотъ, сильно путаясь въ произношеніи англійскихъ словъ и постоянно мѣшая ихъ съ нѣмецкими:—Боже мой! что за несчастье! кто могъ ожидать?—на глазахъ у него навернулись слезы.

— Хорошъ гусь!—засмѣялся суровый Джекъ: ты намъ лучше скажи, гдѣ убійцы?

— Убійцы!.. Кто же убійцы?!—я не знаю!..—удивился нѣмецъ, поводя плечами.

— Н-н-е знаешь?! Ишь ты, право!... А тѣ-то двое, что пріѣзжали... гдѣ они?!...

— Я не знаю...—отвѣчалъ молодой фермеръ:—я не знаю, гдѣ они и кто они...

— Не знаешь?! хорошо!. ладно! Посмотримъ!

— Не знаю...—отвѣчалъ допрашиваемый:—совсѣмъ не знаю... Я ихъ и видѣлъ только въ тотъ вечеръ четвертаго дня, какъ они пріѣхали наняться къ убитому въ рабочіе, какъ къ соотечественнику!

— Ладно, ладно... замазывай!—заревѣла вдругъ толпа:—Къ трупамъ его! къ трупамъ!... Тамъ, можетъ быть, скажетъ правду!..

Несчастнаго, какъ полотно блѣднаго, повели въ домъ... Четыре трупа лежали рядомъ: мужа, жены и двоихъ дѣтей... У молодого нѣмца потекли слезы...

— Боже мой, что за несчастье!..—шепталъ онъ.

— Ну... говори! Теперь говори,—хоть тутъ покайся!—продолжала настаивать толпа, все больше возбуждаясь.

— Я невиненъ... я ничего не знаю!—шепталъ допрашиваемый.—Они были друзья мои... Мы—изъ Баваріи... всѣ изъ Баваріи.

— Если убитые твои друзья, такъ назови убійцъ... укажи, гдѣ они...

— Да я не знаю... ничего не знаю!—шепталъ блѣдный и безъ того уже сильно потрясенный фермеръ.

Толпа вспыхнула.

— Такъ на висѣлицу его... Петлю ему!.. подъ веревкой все скажетъ!..

Обвиняемый задрожалъ... Онъ какъ-то инстинктивно протянулъ впередъ руки, точно умоляя о пощадѣ... глаза его дико блуждали, по щекамъ катились слезы: ужасъ, страшный ужасъ смерти выражали всѣ черты его лица...

— На висѣлицу... петлю... веревку!—ревѣла толпа.

— Это ужъ слишкомъ! Этого нельзя допустить!—вступился толстый Дикъ.—Онъ, вѣдь, тоже гражданинъ... и уликъ противъ него нѣтъ никакихъ, кромѣ того, что онъ тоже нѣмецъ и видался съ пріѣзжавшими... Но, вѣдь, это, граждане, не улика!.. Совсѣмъ, чортъ побери, не улика!— и онъ энергично выплюнулъ жвачку.

— Молчи, тыква!—закричали ему изъ толпы:— Скорѣе веревку!

Обидное сравненіе съ тыквой сильно подѣйствовало на обидчиваго Дика. Онъ смѣшался и отошелъ въ сторону...

— Джентль'мэны! граждане!..—началъ свою рѣчь въ защиту обвиняемаго шерифъ.—Граждане! когда Линкольнъ, господа, когда Абраамъ Линкольнъ!..

— Молчи, колокольня... глухарь, ужъ!—ревѣла толпа и еще болѣе обидныя сравненія сыпались на голову оратора.

Но шерифъ не смутился.

— Итакъ,—продолжалъ онъ: — когда Линкольнъ... когда Абраамъ Линкольнъ, этотъ великій законодатель, господа... но не въ томъ дѣло,—перейдемъ къ факту...

— Чортъ!.. дылда!.. Сядь лучше на свою кочергу Рози и убирайся домой!..

Все могъ простить шерифъ,—но не обиду своей любимой пони... Сравненіе быстроногой Рози съ кочергою—было нестерпимо. Онъ вспыхнулъ.

— Я представитель закона! — воскликнулъ онъ.—Я не допущу!..

— Не допустишь?.. Ну-ка,—покажи, какъ?..

— Именемъ законовъ Соединенныхъ Штатовъ!—гордо отвѣчалъ шерифъ, вытягиваясь и поднявъ руку...

Толпа смутилась и смолкла.

— Д-да!—продолжалъ онъ въ восторгѣ отъ

произведеннаго впечатлѣнія и захлебываясь отъ сознанія своего величія.—Именемъ законовъ! И если вы не послушаетесь,— я объявлю васъ бунтовщиками!.. Бунтовщиками противъ закона республики!

Этого было немного слишкомъ...

— Постой! постой!—выступилъ впередъ изъ рядовъ смущенной толпы суровый Джемсъ. — Постой! Я, вѣдь, тоже кое-что смыслю въ законахъ!.. Развѣ Линчъ—не законъ штатовъ тоже!.. А?! Развѣ онъ не практиковался и не практикуется въ преріи?! А?!

— Да, да! Онъ правъ!.. Джемсъ правъ! молодецъ Джемсъ!—подхватила радостно толпа, выходя изъ своего смущенія.

— А ты насъ зовешь бунтовщиками?!—иронизировалъ торжествующій Джемсъ:—насъ,— преданнѣйшихъ союзу гражданъ?! Бун-товщиками!!. когда мы даже не судимъ, а только допрашиваемъ!..

— Вѣрно!—подхватила толпа.—Вонъ его!—Онъ самъ бунтовщикъ!..

— Мы только хотимъ узнать истину и по твоему: бунтовщики?—захлебываясь въ свою очередь сказалъ Джемсъ.

— Веревку!.. веревку!.. Да здравствуетъ Джемсъ!—снова заревѣла толпа.

Веревка, переброшенная черезъ толстый сукъ, уже болталась въ воздухѣ... Одинъ конецъ ея держалъ въ рукѣ суровый побѣдитель, Джемсъ, невозмутимо жевавшій табакъ,—

другой, съ петлей на концѣ, висѣлъ съ дерева.

Обвиняемаго подвели къ дубу, связавъ назадъ руки. Онъ точно замеръ... Блѣдный, съ выраженіемъ дикаго, непобѣдимаго испуга, онъ шатался и, если бы его не поддерживали и не тащили, онъ упалъ бы, не сдѣлавъ и шага.

— Я невиненъ! — все такъ же глухо повторялъ онъ:— мы изъ Баваріи... изъ Баваріи!

Въ толпѣ послышался ропотъ недовольныхъ, но онъ былъ заглушенъ яростнымъ крикомъ большинства.

— Накидывай петлю!...

Обвиняемому накинули петлю на шею и придвинули узелъ къ горлу... Онъ шатался и, кажется, ничего не сознавалъ. Какъ только поддерживавшіе его отняли отъ него руки, онъ зашатался и чуть не упалъ, такъ что его снова стали поддерживать.

— Говори: кто и гдѣ убійцы? Въ послѣдній разъ... говори...

— Богъ свидѣтель!—не знаю! —какъ-то отчаянно прохрипѣлъ несчастный и слезы ручьемъ брызнули у него изъ глазъ...

Еще разъ въ толпѣ послышался недовольный ропотъ...

— Говори!.. не то повѣсимъ!.. Говори!..

Обвиняемый ничего не отвѣтилъ, Слезы-ли ему мѣшали, или языкъ не повиновался,—

только вмѣсто словъ у него выходили какіе-то хриплые звуки.

— Тяни!...

Что-то хрустнуло... Веревка, скользнувъ по шероховатому суку, стерла немного коры и та посыпалась мелкой пылью... Вотъ она вытянулась, наконецъ, какъ струна: видно было, какъ петля все больше затягивалась... Лицо несчастнаго посинѣло, ротъ раскрылся, глаза какъ-то тупо, какъ стекляные, смотрѣли впередъ и увеличивались въ объемѣ... Еще немного и онъ поднялся бы на воздухъ...

— Стой, довольно... стой!—закричала толпа: —отпусти...

Джемсъ отпустилъ веревку, двое другихъ отпустили петлю. Обвиняемый былъ точно пораженъ параличемъ... Вся ужасная сцена была только испытаніе, только пытка, на которую всѣ заранѣе согласились.

— Дайте ему воды! — закричалъ кто-то:— брызни!..

Дикъ и шерифъ брызгали усерднѣе всѣхъ; обвиняемаго точно ведрами окатили: онъ былъ весь мокрый; Джемсъ тоже брызгалъ и лилъ очень усердно...

— Зачѣмъ?—укоризненно говорилъ шерифъ въ промежуткахъ, пока набиралъ въ ротъ воды:—зачѣмъ это испытаніе? Я видѣлъ, что онъ невиненъ!..

— И я тоже...— говорилъ Дикъ.

— И я!.. и я!..—слышалось въ толпѣ.

Такъ яростно кричавшіе прежде, казались теперь очень смущенными. Многіе отправились къ лошадямъ поправлять узду, сѣдла, ремни, при чемъ ни за что, ни про что дергали, били и ругали лошадей, точно тѣ были виноваты.

— Дура!.. корова неповоротливая! — кричалъ одинъ, толкая ногой ни въ чемъ неповинную пони...—Я давно собираюсь промѣнять тебя!.. Погоди!..

— И создалъ же Богъ такую скотину проклятую?!—ворчалъ другой, дергая узду то въ одну, то въ другую сторону, забывая, что еще недавно сравнивалъ своего коня съ „крылатымъ вѣтромъ".

А бѣдняга нѣмецъ, наконецъ, пришелъ въ себя... Удивленно, тупо выпучивъ глаза, онъ, казалось, смотрѣлъ—ничего не видя... Онъ дышалъ неровно, то сильнѣе, то слабѣе, съ промежутками и съ хрипомъ. Первое ощущеніе его, было ощущеніе холода,—потому что прежде всего онъ сталъ уклоняться отъ усердныхъ брызгъ толстаго Дика, лившаго, точно изъ бочки, и обтиралъ лицо и открытую грудь. Его начали успокаивать, ласкать и увѣрять, что всѣ теперь убѣждены въ его невиновности,

— Это для истины... для открытія преступленія!—говорили ему наивные люди.

Его подвели къ телѣгѣ Джемса. Суровый Джемсъ непремѣнно настаивалъ, чтобы молодого нѣмца отвезти домой на его, Джемсовой, телѣгѣ. Онъ шелъ какъ-то скорѣе машиналь-

но, чѣмъ сознательно, точно не понимая еще,—куда и зачѣмъ... Лицо его было блѣдно-сѣрое, вѣки полуопущены и шелъ онъ, пошатываясь... Черты лица не выражали ни радости, ни страха: какое-то мертвое безучастіе стояло въ нихъ.

Его посадили и повезли. Дикъ и шерифъ сѣли съ нимъ рядомъ, сзади ѣхали нѣсколько фермеровъ верхами. Джемсъ, правившій съ козелъ, страшно ругался и билъ лошадей такъ немилосердно, что сильныя, рослыя лошади стали хрипѣть, подыматься на дыбы, лягаться и, навѣрное, разнесли бы вдребезги телѣгу, не управляй ими руки съ такими стальными мускулами.

Когда подъѣхали къ избушкѣ нѣмца,—она была всего на четверть мили отъ мѣста происшедшей трагедіи,—его посадили на камнѣ у порога дома... Онъ все еще продолжалъ молчать... Дикъ вошелъ въ домъ, началъ раскладывать огонь въ печкѣ, все ворчалъ, и немилосердно стучалъ дверцами и другими частями чугунной печки.—Горитъ...—ворчалъ онъ:—вѣдь ничего нѣтъ!... Гдѣ же свинина? жарить надо . .Ѣсть вѣдь ему, поди, захочется!—и суровый Джемсъ шарилъ, рѣзалъ свинину, какъ стряпуха, и все ворчалъ.

Сопровождавшіе ихъ стали разъѣзжаться, постоянно оглядываясь на молодого нѣмца, который все продолжалъ сидѣть такъ же, въ той же позѣ, какъ и сѣлъ.. Послѣднимъ уѣхалъ Джемсъ, стоявшій долгое время молча,

точно въ недоумѣніи и сильно чесавшій выбритый подбородокъ, что было съ нимъ всегда, когда онъ размышлялъ о чемъ-нибудь очень важномъ. Но вскорѣ онъ вернулся; и хлопотавшій теперь у печки толстякъ Дикъ былъ свидѣтелемъ такой сцены: Джемсъ спрыгнулъ съ телѣги, повозился зачѣмъ-то у мордъ лошадей, оглянулся и, точно не замѣчая сидѣвшаго нѣмца, началъ шарить глазами по землѣ.—Трубка, чортъ побери! — ворчалъ онъ: — трубка!!. Непремѣнно здѣсь потеряна!.. Не булавочка, подлая!... найдется, вѣдь!—И онъ продолжалъ переходить съ мѣста на мѣсто, близко нагибаясь къ землѣ и ругаясь.

— Сэръ!—вдругъ громко и рѣзко, точно злобно, обратился онъ къ нѣмцу:—сэръ... чортъ побери!..—и Джемсъ смѣшался отъ чего-то.—Я говорю, сэръ... я хочу сказать.—не видали ли вы моей трубки?..

— Это онъ въ разговоръ вступить хочетъ!—мелькнуло у меня въ головѣ!—разсказывалъ послѣ наблюдавшій Дикъ.

Нѣмецъ удивленно поднялъ голову, посмотрѣлъ долго, пристально и, какъ бы собравшись съ мыслями, переспросилъ:—Что?

— Что, сэръ?.. Трубка, моя трубка затеряна, проклятая!—Джемсъ сконфуженно запнулся.—И съ какой это стороны сегодня вѣтеръ дуетъ? —вдругъ ни съ того, ни съ сего спросилъ онъ самого себя, сильно нахмуривъ брови.

— Трубка? нѣтъ.. не видалъ!—процѣдилъ спрошенный...

— Не видали, чортъ побери... не видали?— быстро заговорилъ Джемсъ: — не видали?... Жалко, чортъ побери... жалко!...

— Непремѣнно съ юго-востока!—вдругъ отвѣтилъ онъ самому себѣ на вопросъ: откуда дуетъ вѣтеръ.

— Что?—переспросилъ нѣмецъ.

— Я говорю: съ юго-востока!—Съ юго-востока, сэръ, вѣтеръ дуетъ... Непремѣнно оттуда!.. Я еще утромъ говорилъ женѣ... Дождь будетъ, сэръ, или нѣтъ? какъ вы думаете?..

Нѣмецъ удивленно выпучилъ глаза, ничего не понимая...

— Да, сэръ, будетъ... непремѣнно будетъ, сэръ!... Гдѣ же трубка?—Онъ снова принялся искать, ворча и ругаясь. Видно было, что онъ съ чѣмъ-то собирался и сильно конфузился.

— Сэръ... вы... того... какъ бишь это?. Вы... ну, однимъ словомъ, не считайте меня мерзавцемъ!—точно собравшись съ духомъ, вскричалъ Джемсъ и остановился, какъ вкопанный.

Нѣмецъ удивленно смотрѣлъ на него.

— Вы... того... какъ это...—все быстрѣе и быстрѣе выкрикивалъ Джемсъ, точно гора у него свалилась съ плечъ;—вы того!.. то есть, я хочу сказать... у васъ хорошая земля, сэръ... я это знаю... пропади я!...

Нѣмецъ слушалъ, ничего не понимая.

— Да, пропади я.... лопни глаза!... я это знаю!.. Когда Джемсъ говоритъ, сэръ, то онъ это знаетъ... навѣрное знаетъ!.. И вамъ, сэръ, надо пшеницу сѣять... надо, сэръ!.. А у меня сѣмена есть и я вамъ дамъ ихъ.... сколько хотите!... И вспашу вамъ поле!.. Лошади у меня даромъ стоятъ, все равно, вѣдь!.. Трубка, трубка... гдѣ-же она? Прощайте, сэръ! завтра пахать выѣду... завтра, непремѣнно, сэръ!—Онъ вскочилъ въ телѣгу и сильно погналъ лошадей.

На другой день Джемсъ дѣйствительно пахалъ у нѣмца и сѣялъ пшеницу...

— Однако, у этого угрюмаго чорта есть сердце!—ворчалъ Дикъ, передавая всѣмъ видѣнное. – Кто бы подумалъ?! Съ виду,—чистый дьяволъ!...

Не всегда, впрочемъ, подобнаго рода допросы кончаются такимъ образомъ. Сильно разъяренная толпа, слишкомъ подозрѣвающая, —въ особенности, когда у нея есть на лицо факты, такъ или иначе компрометирующіе человѣка,—иногда вѣшаетъ его три и даже четыре раза, всякій разъ по приведеніи въ чувство... Это страшный пріемъ допроса піонеровъ преріи,—тѣхъ мѣстъ, гдѣ жизнь еще не сложилась вполнѣ, гдѣ не установилось еще правильныхъ человѣческихъ отношеній, гдѣ людямъ приходится такъ много бороться и съ природой, и со звѣремъ, и съ индѣйцемъ,

ненавидящимъ фермера, какъ личнаго врага, и съ своимъ же, подчасъ, братомъ „блѣднолицымъ“, прибывшимъ въ прерію не для мирной культуры, а спасаясь „отъ закона“ за преступленіе, совершенное гдѣ-нибудь въ восточныхъ штатахъ,—глядящаго на прерію, какъ на безнаказанную почву для преступныхъ подвиговъ. „Шерифы“, „судьи“ и прочія общественныя должностныя лица, созданныя условіями другой жизни, другихъ отношеній и существующія здѣсь скорѣе по традиціи, настолько еще безсильны въ этихъ условіяхъ быта, что народъ не вѣритъ въ ихъ силу и часто, очень часто обходится безъ ихъ помощи.

— Пока до суда, — мы засудимъ! Судъ пойдетъ разводить, да тянуть съ разными формальностями, а онъ и удеретъ тѣмъ временемъ!—говорятъ въ преріяхъ.

Но нужно сказать, что подозрѣнія общества бываютъ чрезвычайно рѣдко ошибочны. Зря общество никогда и никому не сдѣлаетъ зла, развѣ случайно. До этого не допуститъ и тайный „бодрствующій комитетъ“, значеніе и власть котораго въ преріи неизмѣримо сильнѣе власти всякаго шерифа. А приговоръ такъ называемаго „суда Линча“ всегда правъ, —развѣ за рѣдкими, случайными исключеніями. Онъ бываетъ жестокъ,—это другое дѣло. Я знаю, напримѣръ, случай, когда негра, изнасиловавшаго и полупридушившаго затѣмъ молодую миссъ, привязали къ сухому орѣху

облили керосиномъ и сожгли. Я знаю другой случай, когда общественному вору,—чиновнику, укравшему школьныя деньги и деньги сиротъ,—отрубили кисть руки и отрѣзали ухо... Но въ неправосудіи „судъ прерій“ никто не обвиняетъ. Напротивъ, онъ въ высшей степени нелицепріятенъ и ни для кого не допускаетъ смягченій. Въ уголовныхъ дѣлахъ (только они и подлежатъ суду) „Линчъ“, какъ и военно-полевой судъ, знаетъ только оправданіе или наказаніе... и послѣднее почти всегда—петля. Обыкновенно приговоренный, запирающійся за все время суда надъ нимъ, по произнесеніи приговора, признается самъ во всемъ, затѣмъ съ невозмутимымъ, чисто американскимъ хладнокровіемъ, выплевывая ежеминутно табачную жвачку, отправляется вслѣдъ за судьями къ роковому дубу или орѣху и, съ веревкой на шеѣ, прощается съ неподкупными и неумолимыми судьями.

— Молись!—говорятъ ему тѣ обыкновенно.

— All right!—отвѣчаетъ почти всегда приговоренный:—только вотъ еще минуточку дайте, покурить бы...

— Ну! ну! кончай!—кричатъ съ виду суровые судьи, боясь разжалобиться или потерять свой степенно-неумолимый видъ:—кончай!..

— Кланяйтесь тому-то и тому! — приговоренный пересчитываетъ друзей и знакомыхъ.

— All right! All right!—кричатъ судьи.

И съ петлей на шеѣ приговоренный все еще проситъ кланяться такому-то, или передать то-то!

IV.

Прошли два, три дня,—и оживленіе и толки въ преріи по поводу убійства семьи нѣмца улеглись понемногу... Отъ всего этого дѣла остались только объявленіе въ мѣстной газетѣ „о наградѣ въ 500 долларовъ тому, кто укажетъ слѣдъ убійцъ“, три смертельныхъ вражды между тремя сосѣдками, поссорившимися изъ-за цифры богатства убитыхъ,—да признаніе толстымъ Дикомъ факта существованія у суроваго Джемса человѣческаго сердца.

Но скоро въ преріи началось новое движеніе, болѣе сильное, суета, бѣготня и хлопоты. Въ особенности усердствовали женщины. То и дѣло мелькали въ желто-зеленой травѣ, полувысохшей отъ лѣтняго зноя, ихъ ситцевыя и миткалевыя, все болѣе темныхъ цвѣтовъ, платья и громадные фургоны-капоры, спасавшіе красивыя лица кокетливыхъ „миссъ“ и „миссисъ“ отъ загара.

Дымъ изъ трубъ валилъ непрерывно,—на фермахъ варили, жарили, пекли хлѣбъ такъ усердно и въ такомъ количествѣ, точно въ долгій походъ собирались.

— Такъ ѣдемъ?—было только разговору при встрѣчѣ.

— Ѣдемъ.. непремѣнно ѣдемъ... всѣ ѣдутъ!— отвѣчали спрошенные.

— Въ „Синей долинѣ“ у „Старыхъ кедровъ?“—Хорошее мѣсто, отлично выбрано!—И вода хорошая, и лѣсокъ то же...

И вотъ, въ одно прекрасное утро у каждой фермы стояла снаряженная толпа, въ телѣгу укладывались всевозможныя печенья и варенья, садились снаряженныя фермерши съ чадами и домочадцами, и длинной вереницей тянулись въ путь къ „Синей долинѣ“.

Тамъ былъ назначенъ „Church meeting“,— церковный митингъ.

„Синяя долина“,—самый красивый уголокъ всей окрестной мѣстности, — такой красивый, что пройди сюда желѣзная дорога,—pia desideria всего населенія,—и фланеры туристы и туристки съ Востока, эти неугомонные искатели впечатлѣній и ощущеній, навѣрное наѣзжали бы сюда сотнями побродить по долинѣ и скатамъ окаймляющихъ ее островерхихъ холмовъ, попить свѣжей, холодной воды изъ звонкаго ручья, раздѣляющаго ее на двѣ половины, нарѣзать изъ гибкой лозы хлыстиковъ и палочекъ, насобирать полные, необъятные карманы разныхъ камешковъ и валяющихся обломковъ индѣйскихъ стрѣлъ и сотни, цѣлыя сотни разъ прокричать:—„чудо“ и „прекрасно“. Но пока желѣзной дороги еще нѣтъ, нѣтъ туристовъ и туристокъ,—не слышно ни пѣвучихъ декламацій изъ Байрона, Шелли, Лонгфелло и дру-

гихъ, любимыхъ туристами, поэтовъ, ни восторженныхъ похвалъ красотамъ природы,—а если и поразитъ иногда ваше ухо чье-нибудь восклицаніе, что „Синяя долина“—чертовски хорошее мѣсто!—то, будьте увѣрены, оно вызвано только возможностью получить на одинъ засѣянный бушель цѣлыхъ пятьдесятъ и больше. Впрочемъ, въ этомъ поспѣшитъ убѣдить васъ и самъ восклицающій, такъ какъ онъ немедленно добавитъ къ своей похвалѣ:—Да, сэръ! отличное мѣсто... пятьдесятъ на одинъ, а, можетъ быть, и больше!..

Теперь долина кишѣла народомъ, телѣгами и лошадьми... Бѣлые верхи на телѣгахъ дѣлали ее такъ похожей на военный лагерь, усѣянный палатками, что не ряби въ вашихъ глазахъ отъ множества пестрыхъ бантовъ, лентъ и перьевъ, нацѣпленныхъ на „миссъ“ и „миссисъ“, и не разносись далеко дѣтскій визгъ и смѣхъ, вы едва-ли рѣшились бы войти сюда, не осмотрѣвъ предварительно неизмѣннаго спутника, револьвера, или не удостовѣрившись, что тамъ не непріятель!

Но какъ бы ни былъ воинственъ на видъ общій видъ долины,—настроеніе съѣхавшихся было какъ разъ противоположно ему. Люди съѣхались сюда—молиться, каяться и слушать проповѣди своихъ проповѣдниковъ. Вся весна, все лѣто прошли для нихъ за тяжелымъ, почти каторжнымъ, трудомъ, подъ палящими лучами солнца; всѣ помыслы ихъ за это время были

направлены только на кусокъ хлѣба, всѣ духовныя силы—на разныя предпріятія, продѣлки, торговые фокусы,—словомъ, на все то, что характеризуетъ настоящую борьбу за существованіе, обезпечивающую счастливцамъ кусокъ хлѣба,—и какъ только кончилось все это, люди почувствовали вдругъ какую-то пустоту, неудовлетворенность, потребность отдыха—въ видѣ новыхъ впечатлѣній и ощущеній, потребность чего-то другого, чего не было до сихъ поръ, что невольно усыплялось и подавлялось суровыми условіями суровой жизни. Чтобы удовлетворить этой потребности, потушить эту духовную жажду, они и съѣхались сюда, отбросивъ далеко отъ себя всѣ житейскіе помыслы и волненія,—все то, чему исключительно они посвящали все свое время; и часто, очень часто и утромъ, и въ сумерки, и поздней ночью восторженныя рѣчи проповѣдниковъ о любви, о братствѣ между людьми, о другой жизни,—жизни будущаго, гдѣ нѣтъ ни житейской корысти, ни злобы, ни борьбы,—прерывались, глухими стонами и рыданіями растроганнаго народа, жаркія слезы капали на поблекшую траву преріи и глухо звучали судорожные удары въ грудь.

Сюда съѣхались и методисты, и пресвитеріане, и униторіане, и послѣдователи другихъ религіозныхъ сектъ, имя которымъ въ Америкѣ—легіонъ; но, не смотря на это, не было ни распрей, ни ссоръ.. Все точно слилось,

соединилось въ одномъ инстинктѣ, въ одномъ чувствѣ,—необходимости пожить чувствомъ, духомъ. Съ разсвѣтомъ подымались люди, и съ разсвѣтомъ начинались молитвы и проповѣди, которыя произносились духовными и частными лицами. Проповѣди эти не отличались искусными оборотами рѣчи, книжнымъ краснорѣчіемъ, вычурностью; но за то онѣ дышали неподдѣльнымъ чувствомъ, страстью, глубокой вѣрой,—ихъ произносили энтузіасты, у которыхъ часто отъ нервнаго раздраженія судорожно сжимало горло. Въ полдень все это прерывалось обѣдомъ и общимъ отдыхомъ, послѣ котораго опять начинались молитвы и проповѣди, продолжавшіяся до поздней ночи.

Цѣлыхъ трое сутокъ продолжался Church meeting подъ открытымъ небомъ. Энтузіазмъ съѣхавшихся росъ все больше и больше, и подъ конецъ, дойдя до извѣстнаго maximum'а, началъ ослабѣвать и падать... Уже на третьи сутки съ разсвѣтомъ двинулось много телѣгъ назадъ, а на четвертые—Синяя Долина была почти пуста... Только немного „преданныхъ", да проповѣдники остались еще, горько оплакивая „людскую испорченность" и „заблужденія грѣшнаго міра".

Церковные митинги служатъ самымъ удобнымъ средствомъ распространенія въ Америкѣ ученій разныхъ сектъ и обществъ въ родѣ мармонства, шекерства и другихъ. Рѣдко, говорятъ, проходитъ такой митингъ безъ того,

чтобы секты эти не пріобрѣли себѣ новыхъ послѣдователей... Къ возбужденному, наэлектризованному, оплакивающему свою грѣховность, свое паденіе, безконечно желающему въ ту минуту отречься отъ всего этого народу,—являются адепты извѣстныхъ ученій и злобно, желчно бичуя современную жизнь, ея условія, ея порочность,—восторженно, вдохновенно говорятъ о своей жизни, построенной на началахъ любви и братства. „Царство грѣха и мрака“—говорятъ они, называя такъ современную жизнь:—„должно пасть и исчезнуть“... „Рай на землѣ заступитъ его мѣсто!“..

И этотъ рай, по ихъ словамъ, они знаютъ и укажутъ... Тамъ вѣчно грѣетъ солнце и нѣтъ ни печали, ни воздыханій!

Горожане преріи.

Весну и лѣто я проработалъ на фермахъ. Сначала, конечно, я былъ болѣе чѣмъ плохимъ работникомъ: все у меня валилось изъ рукъ, я не умѣлъ и не зналъ ничего,—я уставалъ до одури, до острой боли во всѣхъ мускулахъ (такъ, что разогнуть спину становилось мукой),—и въ первый мѣсяцъ поэтому работалъ безъ платы, учась только,—получая за свой трудъ одинъ „board",—т. е. столъ и квартиру. Но черезъ мѣсяцъ, когда наступила горячая страдная пора, мнѣ предложили уже долларъ съ четвертью въ день и я былъ на счету „настоящаго работника". Какъ все это досталось мнѣ,—я говорить не буду: само собою, что не легко,—но за то и не такъ уже невозможно тяжело, какъ это можетъ показаться на первый взглядъ никогда не работавшему физически человѣку. Самое важное для работника: пріучить свои мускулы къ дол-

гому, постоянному напряженію, умѣть распредѣлять запасъ своихъ силъ и энергіи такъ, чтобы расходовать ихъ не сразу, а постепенно,—дается только навыкомъ и является поэтому самымъ труднымъ. Новичекъ обыкновенно берется горячо сразу, растрачиваетъ массу силъ и энергіи на совсѣмъ ненужныя движенія, спѣшитъ, слишкомъ сильно, до боли въ пальцахъ, держитъ рабочій инструментъ: топоръ, мотыку, вилу и т. д.,—которые, кстати сказать, замѣчательно удобны въ Америкѣ,—и черезъ какой-нибудь часъ устаетъ такъ, какъ хорошій, привычный работникъ не устанетъ и за день. Помню, что въ первое время,—въ полдень, когда раздавался звонокъ, звавшій всѣхъ къ обѣду,—я бывалъ уже до того безсиленъ, до того ослабѣвалъ, что, вмѣсто обѣда, бросался на землю и засыпалъ.

Но если съ физической стороны мое положеніе и было немного тяжело, за то съ моральной стороны оно было совсѣмъ иное... Положеніе батрака, наёмнаго рабочаго въ Америкѣ, а въ особенности на Западѣ, въ преріяхъ, гдѣ рабочихъ рукъ такъ мало, не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, къ какому мы привыкли... Въ преріи онъ не „наёмникъ", не существо низшее, не слуга, котораго можно и потретировать, на котораго и покричать можно, котораго можно-де при случаѣ и... („велика важность?!—батракъ!") —а лучшій другъ того, у кого онъ работаетъ,—самый дорогой това-

рищъ, желанный гость... За нимъ ходятъ какъ за другомъ-гостемъ, его холятъ, дорожатъ имъ; его присутствіе въ фермерской семьѣ— ея счастье и предметъ зависти для сосѣдей. Обусловлено это тѣмъ, главнымъ образомъ, что въ преріяхъ каждый батракъ можетъ самъ занять участокъ земли и, какъ-ни-какъ,— а стать фермеромъ-собственникомъ; тѣмъ, что рукъ въ преріяхъ чрезвычайно мало, и тѣмъ еще, что наниматель-хозяинъ всегда самъ работникъ, энергичный, умѣлый, гордящійся своимъ часто каторжнымъ трудомъ, глядящій на физическій трудъ библейскими глазами,— какъ на священнѣйшій Завѣтъ Божій... Человѣка тамъ оцѣниваютъ по его способности къ труду, по его знаніямъ, и, право, за все время пребыванія на Западѣ я не видѣлъ нигдѣ ни одного представителя исключительно „интеллигентнаго“ труда. Профессора, врачи, адвокаты, ректоры и т. д.,—всѣ они всегда сами чистили и запрягали своихъ лошадей, сами чистили конюшни (въ цилиндрѣ на головѣ, но въ рабочемъ фартукѣ), топили печи, возили воду,—словомъ, умѣли обходиться во многомъ сами, безъ слугъ,—такъ какъ „слуга“ на Западѣ стоилъ бы черезчуръ дорого,—это разъ; а два:—такой образъ жизни они считали и здоровымъ, и благороднымъ, ничуть не роняющимъ ихъ интеллигентнаго авторитета. Поэтому и неудивительно, что работника тамъ уважаютъ... Нанимая кого нибудь, тамъ даже

не говорятъ: „на работу“,—тамъ просятъ „помочь“... „Help me!“ ...помогите мнѣ!—говорятъ тамъ.

Осенью, когда закончилась уборка и чистка маиса (кукурузы),—работъ на фермахъ больше не было и волей-неволей пришлось подумывать о томъ, какъ провести зиму до наступленія весеннихъ работъ. Заводовъ и фабрикъ въ преріяхъ нѣтъ,—зимнихъ промысловъ (ломка камня для ограды полей, рубка деревьевъ, приготовленіе кольевъ для оградъ) очень мало и всѣ они переполнены хорошо приспособленными руками,—такъ что положеніе батрака-земледѣльца обыкновенно къ зимѣ становится затруднительнымъ. Приходится уѣзжать и подыскивать работу въ городахъ, проживая заработанныя лѣтомъ деньги. Такимъ образомъ и мнѣ приходилось оставить дикую прерію и переселиться куда-нибудь въ городъ, на что, впрочемъ, я разсчитывалъ и ранѣе. Поживъ въ преріи, приглядѣвшись къ быту въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ общественная жизнь начинаетъ только организовываться,—увидѣвъ, такъ сказать, только зародышъ культуры,—я хотѣлъ присмотрѣться къ быту и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жизнь запада Америки уже болѣе или менѣе сложилась, организовалась, гдѣ „піонеръ“, боровшійся съ пустыней, съ индѣйцемъ, судившій судомъ „Линча“,—устроилъ маленькій общественный центръ, городокъ, и превратился въ „горожанина“. Меня очень инте-

ресовала жизнь такого городка, служащая центромъ для разбросанныхъ на десятки миль вокругъ піонеровъ. Въ такихъ городкахъ „піонеръ" избираетъ, продаетъ и покупаетъ, рядитъ и судитъ; они даютъ „направленіе" и „ведутъ политику" для цѣлаго округа; тамъ учатся дѣти и стоятъ церкви, тамъ издаются мѣстныя газеты... Я именно и хотѣлъ посмотрѣть *такой* городокъ, а не большой, старый городъ,— и, пользуясь лѣтнимъ заработкомъ,—поступилъ въ мѣстную школу, чтобы за зиму хорошо овладѣть языкомъ, котораго я не зналъ, такъ какъ прибылъ въ Америку только съ знаніемъ французскаго и нѣмецкаго.

— Мистеръ Джорджъ!—говаривали мнѣ не разъ мои знакомые и пріятели, которымъ было извѣстно, что на родинѣ я былъ учителемъ:— вы бы за зиму подучились языку, сэръ,—хорошо подучились бы! Голова у васъ, кажется, хорошо начинена, чортъ побери! Много вы на нее-то ухлопали,—что-жъ даромъ мотать ею вправо и влѣво за чисткой маиса!.. Подучитесь языку-то, и нашихъ дѣтей учить станете. Мы васъ учителемъ выберемъ!.. Образованныхъ у насъ въ преріи нѣтъ, какъ видите!

Такая перспектива мнѣ самому улыбалась сначала и я порѣшилъ отправиться въ городокъ и поступить въ школу. Я выбралъ Мэрэзвиль, въ одномъ изъ сѣверныхъ округовъ Канзаса.

Мэрэзвиль, небольшой городокъ, лежащій при желѣзной дорогѣ и рѣчкѣ Blueriver, состоялъ тогда не болѣе какъ изъ 500—550 домовъ, не смотря на то, что онъ „старъ, какъ свѣтъ", говоря словами мѣстныхъ остряковъ, хотя ему не было больше 12 лѣтъ, что для американцевъ, впрочемъ, большая давность. Основанъ онъ былъ точно такъ же, какъ основываются всѣ городки въ преріяхъ. Когда на востокѣ пройдетъ слухъ, что такая-то часть преріи начинаетъ заселяться, нѣсколько ремесленниковъ и купцовъ, которымъ „не везетъ", отправляются въ прерію „основывать городъ". Выбравъ удобное мѣсто, они забираютъ смежные участки, строютъ на нихъ дома съ мастерскими, каждый по своей спеціальности: кузнецъ—кузню, столяръ—столярную, а купецъ—лавку и пр., даютъ какое-нибудь имя „новому городу", а затѣмъ извѣщаютъ о своемъ предпріятіи администрацію штата, отъ которой и получаютъ нужные документы (хартію) на основаніе города. Поселенцы, разумѣется, всегда рады этому: мастерскія и мастера имъ нужны; гости съѣзжаются, устраиваютъ торги въ городкѣ и пр., что развиваетъ торговлю и вызываетъ все большій и большій наплывъ въ городокъ ремесленниковъ и торговцевъ. Пріѣзжаетъ докторъ, аптекарь, еще нѣсколько купцовъ, адвокаты, типографщикъ съ типографіей, онъ же и издатель мѣстной газеты, какой-нибудь „Знамя Свѣта", „Гласъ Трибуна" или

„Звѣзда Запада“, наполненной на первыхъ порахъ исключительно одними анекдотами, остроумными шутками, повѣстушками мѣстнаго издѣлія, плохими стихотвореніями о природѣ, солнцѣ, любви къ ней и пр., объявленіями и мѣстными извѣстіями. Если мѣстность выбрана удачно, при рѣкѣ,—въ особенности, если встрѣчается уголь,—городокъ быстро разростется и превратится въ настоящій городъ. Такъ, напр., городъ Independence на югѣ Канзаса въ Montgomerry County, въ три года, послѣ ухода съ того мѣста индѣйцевъ, уже сталъ большимъ городомъ, съ магазинами, конторами, банками и тремя газетами; мало того: онъ до того быстро и сильно богатѣлъ и развивался, что штатъ разрѣшилъ ему выпустить свои однорублевыя облигаціи, при постройкѣ имъ небольшой вѣтви желѣзной дороги. Впрочемъ, иногда хорошія естественныя условія и мѣшаютъ городку развиваться. Если черезъ городокъ прошла желѣзная дорога, если мѣстныя условія настолько хороши, что и сомнѣваться нельзя въ непремѣнномъ развитіи городка, тогда часто денежные люди, цѣль которыхъ „to make money“, скупаютъ всю окрестную землю у владѣльцевъ, а затѣмъ повышаютъ такъ на нее цѣну, что заселеніе тормозится и двигается очень медленно. То же случилось и съ Мэрэзвилемъ: мѣстный богачъ, банкиръ Шмидтъ (нѣмецъ), скупилъ всю почти землю и держитъ въ своихъ рукахъ судьбу несчаст-

наго города, а между тѣмъ Мэрэзвиль богатъ хорошей водой, лѣсомъ и даже углемъ, который встрѣчается въ окрестностяхъ въ изобиліи.

Часто между двумя-тремя городками въ преріи наступаетъ конкуренція: каждый хочетъ перетянуть переселеніе къ себѣ и часто происходитъ, благодаря этому, то, что городки объявляютъ „свободное заселеніе“, т. е. владѣтели земли, первые основатели городка, раздаютъ даромъ желающимъ селиться небольшіе участки земли. Но почти всегда конкуренція кончается пораженіемъ одного и побѣдою другого; нужно, чтобы благопріятныя условія для развитія были совершенно одинаковы, въ такомъ только случаѣ могутъ уцѣлѣть конкурирующіе. Жители побѣжденнаго городка, собравъ свои пожитки, разобравъ досчатые дома и уложивъ все это въ телѣги, перекочевываютъ къ „побѣдителю“, граждане котораго встрѣчаютъ ихъ съ тріумфомъ и открытыми объятіями. Такой случай произошелъ въ томъ „County“, на югѣ Канзаса, въ которомъ жилъ и я. Городокъ Ozro Fals былъ побѣжденъ Cedar Vall'емъ, и жители побѣжденнаго перенесли „свой городъ“ къ побѣдителю, оставивъ мѣсто такимъ-же голымъ, какимъ оно было до ихъ прихода.

Въ Мэрэзвилѣ были уже банкъ, три доктора, двѣ аптеки, три адвоката и двѣ газеты, издатели которыхъ стали ярыми врагами съ

тѣхъ поръ, какъ сдѣлались издателями. Одинъ ропталъ на спиртные напитки, какъ на міровое зло, другой защищалъ ихъ, какъ необходимость, въ умѣренномъ количествѣ; одинъ говорилъ, что членовъ конгресса нужно „перевѣшать“ за данныя ими монополіи желѣзнымъ дорогамъ и потачки капиталистамъ; другой совѣтовалъ гражданамъ вымазать ихъ только дегтемъ и обкатать въ перья; одинъ увѣрялъ читателей, что вся „бѣда“ происходитъ отъ того, что „нѣкоторые господа, занимавшіеся прежде тѣмъ-то (прежняя спеціальность другого издателя, намекъ на него) и ничего, молъ, не смыслящіе въ государственныхъ вопросахъ, наводняютъ міръ глупыми теоріями;— другой, принявшій намекъ на себя, немедленно проситъ „благосклонныхъ читателей“ быть судьями его „честныхъ и клонящихся къ общественному благу теорій“ и отвернуться съ презрѣніемъ отъ того, кто въ своихъ статьяхъ является-де врагомъ цивилизаціи и порядка (намёкъ на предложеніе перевѣшать членовъ конгресса).—Общество обыкновенно читало и того, и другого, и больше хохотало, чѣмъ проникалось. Руководили же общественнымъ мнѣніемъ преимущественно большія газеты востока или большихъ городовъ запада.

Съ обоими издателями я познакомился скоро по пріѣздѣ въ городокъ, а съ однимъ изъ нихъ, мистеромъ Блюпойнтъ, владѣльцемъ „Эхо народа“, даже сошелся близко. Оба они

были въ то же время и главными сотрудниками, и единственными наборщиками, и разносчиками своихъ газетъ. Но, кромѣ этого, каждый изъ нихъ имѣлъ еще и другое дѣло: издатель газеты „Знамя Свѣта“ былъ дроггистомъ, имѣлъ магазинъ, въ которомъ продавались всевозможныя патентованныя средства отъ всякаго рода болѣзней, болей, сыпей, и т. д., и т. д., и мелочь въ родѣ гребней, бумаги, чернилъ и т. д. (въ магазинѣ помѣщалась и редакція же); мистеръ Блюпойнтъ завѣдывалъ, при помощи жены, мѣстной телеграфной станціей, гдѣ помѣщалась и почтовая контора *). Послѣдняя отнимала у у него очень мало времени: все дѣло его, какъ почтмейстера, заключалось въ продажѣ марокъ, въ упаковкѣ и распаковкѣ тюковъ съ письмами и въ распредѣленіи таковыхъ по „ящикамъ“ (box). Въ каждой американской конторѣ стоитъ громадный шкафъ,—вѣрнѣе, длиннѣйшія полки подъ стекломъ,—подѣленный на множество ящиковъ съ номерами, написанными на стеклѣ. Эти ящички разбираются

*) Въ небольшихъ городкахъ Запада почтовыхъ конторъ, какъ особыхъ, спеціальныхъ учрежденій не существуетъ. Съ согласія гражданъ, такая контора всегда устраивается при магазинѣ выбраннаго купца, который завѣдуетъ полученіемъ и отправкой корреспонденціи, получая самое ничтожное вознагражденіе отъ штата. Главный его доходъ, или, вѣрнѣе, барышъ,—въ рекламѣ его магазина, въ постоянномъ наплывѣ посѣтителей. Аккуратность такихъ почтовыхъ конторъ поразительна. Я не слышалъ никогда, нигдѣ, ни одной жалобы на контору.

гражданами за плату по доллару въ годъ и каждый, такимъ образомъ, имѣетъ свой номеръ (иногда нѣсколько семей соединяются въ одинъ номеръ), который и выставляется корреспондентами на конвертѣ. Распредѣленіе писемъ по ящикамъ производится легко и быстро, а каждый адресатъ, зайдя въ контору, не справляясь, видитъ самъ, есть ли ему письма за стекломъ въ ящичкѣ съ его номеромъ. Плата за эти „box" поступаетъ всецѣло почтмейстеру и мистеръ Блюпойнтъ получалъ, такимъ образомъ, болѣе 1000 долларовъ въ годъ.

Мистеръ Блюпойнтъ учился въ нормальной школѣ, затѣмъ слушалъ курсъ въ одномъ изъ университетовъ востока и, перепробовавъ удачи и счастье на многихъ поприщахъ, начиная съ торговли и кончая политикой, ушелъ, наконецъ, въ вольныя преріи.— „Душно мнѣ было на востокѣ.—говаривалъ онъ мнѣ: тамъ уже, сэръ, стало попахивать „старой дурой" (old full—старая дура: синонимъ слова „Европа" у чистокровныхъ янки).—Наша завѣтная, старинная простота, наши нравы, обычаи, наша равноправность, все начинаетъ тамъ похрамывать... Какъ-ни-какъ, а Европа все-таки даетъ себя знать,—недаромъ такъ боялся этого старина Монроэ! (президентъ, впервые высказавшій принципъ: „Америка для американцевъ"). Я вотъ и ушелъ сюда, гдѣ ничего нѣтъ такого, гдѣ еще по старому дышется... Среди американскихъ фермеровъ только и

найдете вы теперь то, что дорого сердцу янки"...

Въ свободные часы,—правда, ихъ выпадало немного,—мистеръ Блюпойнтъ упивался классиками. Горацій, Овидій, Виргилій были его страстью, солнцами, предъ которыми совсѣмъ исчезали всѣ позднѣйшіе и современные великіе писатели и ораторы. Въ мой первый визитъ я засталъ его именно за чтеніемъ его любимцевъ и съ перваго же момента мы заспорили.

— Такъ вы утверждаете, что Горацій произносилъ *не такъ*?!—съ невыразимой ироніей спросилъ Mr. Блюпойнтъ, отложивъ книгу.

— Да, утверждаю... не такъ!..

Мистеръ Блюпойнтъ читалъ по латыни, какъ и всѣ англичане, по *своему*, съ своимъ акцентомъ и примѣняясь къ своему произношенію. Такъ, напримѣръ: Sumere depositum clavum fierique tribuno?—онъ прочелъ приблизительно такъ: Сёмири дипозайтумъ клэвомъ фирайкви трайбоно*).

— Гм! позвольте узнать: какъ же онъ произносилъ на самомъ дѣлѣ?—еле-еле сдерживая злобную иронію, совсѣмъ ехидно спросилъ онъ.

Я прочелъ. Мистеръ Блюпойнтъ прыснулъ отъ смѣха.

— Ха! ха! ха!.. сэръ... Это „континентальное" произношеніе!...

— Совершенно вѣрно... Вся Европа!... Но ми-

*) Горацій. Сатира VI. 25.

стеръ Блюпойнтъ перебилъ меня съ злобнымъ смѣхомъ.

— Вся Европа!?.. Вся Европа!? Ха! ха! ха! А развѣ эта старая дура слышала своими ушами, какъ произносили на самомъ дѣлѣ римляне!?

— Конечно нѣтъ, но...

— Всякія „но“ въ сторону, сэръ!.. они только запутываютъ дѣло... Фактъ тотъ, что она не слышала своми длинными ушами,—значитъ и *утверждать* не можетъ,—не можетъ *утверждать*, сэръ! Это ясно, какъ день!... Къ тому же, сэръ, Римъ былъ, несомнѣнно, *морскою* державою, а не *континентальною*... Отсюда тоже ясно, что произношеніе *морскихъ* народовъ, сэръ, имѣетъ больше основаній быть правильнымъ, чѣмъ народовъ *континентальныхъ*!..... Ясно, какъ день!!.

Не смотря на то, что такое утвержденіе никакъ не могло сдѣлаться для меня „яснымъ какъ день“, мы все-таки стали съ нимъ пріятелями. Отъ него я узналъ и „грустные случаи“, которые выпадаютъ на долю редактора и политическаго оратора на западѣ въ „чертовски горячія времена“. Въ такое именно „чертовски горячее время“, во время мятежа юга, мистеру Блюпойнту, страстному сторонніку Линкольна, въ штатѣ Миссури 47 разъ выбивали окна 5 разъ въ него стрѣляли и столько же разъ отстрѣливался онъ самъ, а разъ даже вымазали дегтемъ, обкатали въ перья и въ такомъ видѣ на палкахъ отнесли

за черту городка, гдѣ несчастный укрылся у дружественнаго фермера. .—Всего было вдоволь!—гордо потиралъ при такихъ разсказахъ мистеръ Блюпойнтъ свои руки:—всего-съ! Но мы (тутъ его голосъ становился необычайно торжественъ), но мы, сэръ, никогда не опускали свое знамя! Никогда!!

И добрая, умная, любящая миссисъ Блюпойнтъ дарила его въ такихъ случаяхъ долгимъ, любящимъ взглядомъ своихъ прелестныхъ глазъ, какъ бы говорившимъ, что лучше его нѣтъ человѣка въ цѣломъ союзѣ.

Прибывъ въ Мэрезвиль, я прежде всего отправился искать Boarding house (пансіонъ), которыхъ было три въ городкѣ, и выбралъ средній по цѣнѣ. За чистенькую комнатку съ постелью и пищей (три раза въ день; завтракъ, обѣдъ и ужинъ) съ меня взяли 4 доллара съ половиной въ недѣлю, и, нужно отдать полную справедливость, кормили очень хорошо. Комнатка моя, помѣщавшаяся во второмъ этажѣ, который весь состоялъ изъ такихъ же комнатъ, занятыхъ „пансіонерами“ гостиницы (рабочими, клерками и т. д.), была чуть-чуть больше квадратной сажени и въ одно большое, свѣтлое окно. Постель была чиста, какъ снѣгъ; полъ хорошо вымытъ; маленькій столикъ покрытъ чистой скатертью. Одно неудобство: комната моя не отапливалась и нагрѣвалась только собственнымъ дыханіемъ жильца.—„Здѣсь вы будете только спать...—

пояснилъ хозяинъ: — заниматься же будете, какъ и всѣ, въ parlour'ѣ (гостиной), гдѣ постоянно горитъ желѣзная печка!" — Я зналъ этотъ обычай запада: спать въ нетопленныхъ комнатахъ,—что и дешевле обходится, и здоровѣе, какъ говорятъ,—и неособенно меня смущало, такъ какъ я давно уже привыкъ къ такой „гигіенѣ", непріятной только при вставаньи. Да и холода тамъ не сильные: я не помню, чтобы морозъ когда нибудь достигалъ ниже 8—9°.

Пока я раскладывалъ вещи, хозяинъ мой, добрѣйшій, простодушнѣйшій, но воображавшій себя почему-то „ловкимъ дѣльцомъ" и „хитрецомъ", вѣчно любившій дразнить свою молодившуюся супругу увѣреніями, что она-де „крѣпко подгуляла", на что обыкновенно получалъ въ отвѣтъ сердитое: „н-нне знаемъ еще, кто изъ насъ больше!?" — произносимое особенно ехидно, — мистеръ Sullaevane принесъ въ мою комнату три большихъ картины. Первая, былъ портретъ Линкольна, рисованный точно сажей; вторая — портретъ Гранта краснаго, какъ ракъ, съ коротко остриженными щетинистыми волосами, съ краснорѣчивой надписью: „Вотъ онъ молодчина, спасшій союзъ и свободу!.. Будь здоровъ дѣтина!",—а третья изображала какую-то битву со множествомъ огня, дыма, съ громаднымъ полосато-звѣзднымъ знаменемъ, пушками и какими-то жучками въ кэпи, изображав-

шими собою уніонистовъ, и бѣжавшими опрометью южанами. Подпись гласила: „Ага, презрѣнные защитники рабства!.. Вотъ мы васъ какъ отдѣлали!“ Развѣсивъ картины и полюбовавшись ими, мистеръ Sullaevane отступилъ и, подмигнувъ, обратился ко мнѣ:

— Ну, сэръ,—какъ по-вашему!? Какъ вы находите эту живопись?...

— Да развѣ это живопись, мистеръ Сюлливанъ?!

— А то какъ же?!—удивился тотъ.

— Вѣдь это литографіи....

— Такъ что же, сэръ,—тѣмъ лучше!... —увѣренно возразилъ, поучительнымъ тономъ, мистеръ Сюлливанъ:—тѣмъ лучше... Повѣрьте, человѣкъ рукой никогда не сработаетъ такъ, какъ машина!..

Пришлось поневолѣ похвалить картины и тѣмъ доставить ему большое удовольствіе... Онъ сейчасъ же пояснилъ мнѣ, что самъ участвовалъ въ изображенной битвѣ и совершилъ какой-то необычайный подвигъ.

— А сначала-то южане васъ здорово били, кажется!—поддразнилъ я его.

— Совершенно вѣрно!..—отвѣтилъ Сюлливанъ:—въ щепы тесали наши арміи... Да и что же удивительнаго?... всѣ почти офицеры союза перешли на ихъ сторону,—всѣ они были дѣти южанъ... Но разбитые, сэръ, мы сумѣли встать, какъ одинъ человѣкъ и сдѣлать по своему!.. Мы взяли всѣ ихъ обучен-

ныя арміи!.. Кто же у васъ въ Европѣ это сдѣлаетъ!?.. Франція пробовала сэръ, да не смогла съ нѣмцемъ!.. Такъ-то!—и онъ ушелъ торжествующимъ.

Когда я зашелъ внизъ, въ „parlour“,—очень большую, свѣтлую, хорошо оштукатуренную комнату, посреди которой стояла большая желѣзная печь,—бо̀льшая часть пансіонеровъ была уже въ сборѣ, курила или жевала табакъ, сидя вокругъ распространявшей пріятное тепло печки и перебрасываясь шутками, остротами и пр. Началось знакомство.—Кто вы?.. Откуда?.. Ваше занятіе?.. Какъ давно въ Америкѣ?.. Какъ вамъ нравится Америка, политика Гранта? и пр., и пр.—сыпались градомъ вопросы. Пришлось отвѣчать на все это почти разомъ, путаясь и заикаясь, благодаря плохому знанію языка, что, впрочемъ, не вызывало ни смѣха, ни шутокъ. Мой отвѣтъ, что я намѣренъ посѣщать школу, вызвалъ всеобщее одобреніе.—„Сейчасъ видно, что не нѣмецъ“, отозвался кто-то, и общество залилось дружнымъ, громкимъ хохотомъ, копируя нѣмцевъ и разсказывая на ихъ счетъ всевозможные анекдоты. Harry, молодой пенсильванецъ, пріѣхавшій на западъ „искать счастья“ и нашедшій его въ темныхъ глазахъ, коралловыхъ губкахъ и золотыхъ локонахъ миссъ Мэри, служанки нашихъ хозяевъ (что не мѣшало ей пользоваться всеобщимъ уваженіемъ держать себя, какъ миссъ, и считаться ни-

сколько не ниже хозяевъ, быть имъ скорѣй сестрой, чѣмъ служанкой, и представлять собою „завидную партію“) объяснялся мнѣ въ своей любви къ французскому языку, просилъ поучить его, обѣщая мнѣ за то свое содѣйствіе въ англійскомъ, при чемъ немедленно началъ ученіе съ глагола „любить“. Въ концѣ концовъ онъ попросилъ перевести какую-то мудреную, составленную имъ фразу о глазахъ красавицы—небесныхъ звѣздахъ, переводъ которой какимъ-то чудомъ (какъ говорила миссъ Мэри, пришедшая спросить меня значеніе его, при чемъ Harry напрягался изо всѣхъ силъ чтобы не сіять, а казаться серьезнымъ) очутился на дверяхъ ея комнаты... Выслушавъ переводъ, миссъ Мери, вся вспыхнувъ, убѣжала, какъ-то лукаво улыбаясь въ сторону Harry, а Harry, не выдержавъ, расхохотался, весь просіялъ, и, вскочивъ, началъ теребить мою руку.

Вскорѣ, однако, прелестная миссъ вернулась съ какимъ-то вязаньемъ въ рукахъ и подсѣла къ огню... Общество сейчасъ же обратилось къ ней съ просьбой спѣть какую-нибудь пѣсенку вмѣстѣ съ Harry и оба не заставили себя долго просить... Вставъ, они очень мило спѣли дуэтъ, слова котораго я часто слышалъ въ Канзасѣ, почему и привожу здѣсь почти буквальный переводъ его, какъ примѣръ тамошнихъ народныхъ пѣсенъ.

Мэри. — Уходи,—бушуетъ вьюга,
Вѣковая ель скрипитъ!...
Гарри:—Пустяки!.. Въ объятьяхъ друга
Насъ и буря не страшитъ!
Мэри: — Слышишь вой?.. протяжный, мѣрный?..
Это воетъ звѣрь лѣсной!..
Гарри:—Не дрожи! товарищъ вѣрный,—
Острый ножъ,—всегда со мной!
Мэри: — Говорятъ, что здѣсь нечистый
Въ бурю губитъ пришлецовъ!
Гарри:—О, мой другъ!—молитвой чистой
Защищусь я отъ бѣсовъ!
Мэри:— Уходи!.. Отецъ застанетъ
На бѣду съ тобой вдвоемъ!..
Гарри:—Что жъ!? Привѣтливо онъ взглянетъ
На бесѣду съ женихомъ!
Мэри:— Говорятъ... Но, ради Бога,
Уходи къ себѣ скорѣй!...
Безъ того трудна дорога,
Ночь становится мрачнѣй!
Поспѣши,—я сердцемъ чую,
Что грозитъ тебѣ бѣдой!..
Гарри:—Знаю я бѣду ту злую —
Это—парень молодой!
У сосѣда блещутъ очи
Страсти пламенной огнемъ!...
И его, во мракѣ ночи,
Уложу съ тобой вдвоемъ...
О б а в м ѣ с т ѣ:—Подъ ножомъ, во время бури,
Двое любящихъ легли...
Волны желтыя Миссури
Ихъ, баюкая, несли ..
Кровью красилися волны...
Кто-то плакалъ вдалекѣ...
А они, покоя полны,
Тихо плыли по рѣкѣ...

Послѣднія слова дуэта Гарри спѣлъ, конечно, необычайно выразительно,—такъ, что, глядя на него, миссъ Мэри врядъ ли не постаралась бы забыть „пламенныя очи сосѣда“, если-бы таковой и былъ на грѣхъ. И пѣвицу, и пѣвца публика наградила громкими апплодисментами.

Послѣ сытнаго ужина, который состоялъ изъ мяса, овощей, яицъ, масла, варенья, сухого пирожнаго и кофе, я сѣлъ заниматься: и мнѣ никто не мѣшалъ уже до самаго отхода ко сну,—даже Harry, который дѣлалъ страшныя усилія, чтобы вспомнить французскій переводъ „я васъ люблю!“

На другой день, утромъ, позавтракавъ въ половинѣ седьмого, я отправился погулять по Мэрэзвилю... Чистенькій городокъ кипѣлъ уже дѣломъ и работой. Все его населеніе состояло изъ „людей профессій“, какъ зовутъ тамъ адвокатовъ, докторовъ, купцовъ, банкировъ и ремесленниковъ, и все оно уже суетилось, двигалось, „дѣлало дѣло“... По улицамъ стояли телѣги съѣхавшихся изъ преріи фермеровъ, покупавшихъ и продававшихъ, узнававшихъ цѣны,—среди которыхъ я встрѣчалъ знакомыхъ, тепло окликавшихъ меня обычнымъ на западѣ: Hallow! Каменныхъ зданій было мало,—а среди нихъ больше и красивѣе всѣхъ была, конечно, школа, красовавшаяся на площади, гордо поднимавшаяся вверхъ надъ

цѣлымъ городомъ своей башенкой-куполомъ, въ которомъ помѣщался колоколъ.

На этой площади меня кто-то громко окликнулъ. Обернулся,—сосѣдъ по гостиницѣ.

— Вы вѣдь русскій... Хотите видѣть тоже русскаго?

— О, конечно!.. гдѣ же онъ?

— Здѣсь, недалеко!.. Купецъ... мистеръ Вольфъ.

Мы подошли къ магазину. На вывѣскѣ, съ нарисованными табакомъ, сигарами, сыромъ и т. д., и надписью: „Найдешь все, чего хочешь", красовалось имя Вольфа. Хозяинъ принялъ насъ очень любезно, предложилъ сигары, и когда мы, оставшись вдвоемъ,—проводникъ сейчасъ же ушелъ,—разговорились,—оказалось, что мистеръ Вольфъ дѣйствительно русскій,—но только еврей. (Всѣ пріѣзжающіе изъ Россіи евреи называютъ себя въ Америкѣ русскими). Онъ давно отвыкъ отъ евреизма, если можно такъ выразиться, и превратился по убѣжденіямъ, обычаямъ, образу жизни въ совершеннаго американца. Ружье Ремингтона, висѣвшее на стѣнѣ, и патронная сумка съ орломъ ясно свидѣтельствовали, что мистеръ Вольфъ принадлежитъ даже къ мѣстной милиціи...

— А не тянетъ васъ иногда домой?!—спросилъ я его, наконецъ, послѣ длиннаго разговора о томъ, о семъ.

— Какъ вамъ сказать?..—задумался мистеръ Вольфъ:—правду сказать, иногда, не смотря на все, что я здѣсь имѣю,—какъ-то скучно становится,—вѣрнѣе: тоскливо... Какъ будто дѣйствительно тянетъ поглазѣть на прежнія мѣста, гдѣ прошло дѣтство... на своихъ, на... Ну, да это такъ,—ничего! Вотъ, жена,—та больше этому поддается... ее сильнѣе тянетъ! Иногда всплакнетъ даже!.. А васъ?...

— Меня .. тянетъ!..

— То-то!—улыбнулся Вольфъ.—И Богъ его знаетъ, что это значитъ!? И теплѣе здѣсь, и живешь съ достаткомъ, и то есть, и это,—а вотъ же мало какъ будто... Не забудешь своей стороны!.. Нѣтъ-нѣтъ, да и вспомнишь!..

Поговоривъ на эту тему, мы разстались,—при чемъ мистеръ Вольфъ взялъ съ меня обѣщаніе навѣщать его почаще и придти познакомиться съ его женой.

Благодаря Блюпойнту, Вольфу и мистеру Вильямсу,—учителю, о которомъ я буду говорить ниже, я быстро перезнакомился съ цѣлымъ городкомъ. Впрочемъ, это всегда очень легко въ городкахъ запада. Мужское населеніе, по вечерамъ, когда дѣла кончены, обыкновенно проводитъ часъ, другой въ „биръ-салонахъ“, гдѣ за кружкой эля, портера, стаканомъ джина или виски гуторитъ о политикѣ, о происшествіяхъ и злобахъ дня и тутъ-то быстро заключаются знакомства. Разъ въ недѣлю, по субботамъ, въ большой залѣ школы устраивались

общія собранія, нѣчто въ родѣ нашихъ клубныхъ, только безъ ихъ скуки и картежной игры, гдѣ люди еще больше знакомились и сближались другъ съ другомъ, проводя время весело и непринужденно. На этихъ собраніяхъ вели дебаты, обсуждали мѣстные вопросы, играли въ шахматы, пѣли, играли на пьянино, только не танцовали,—такъ какъ танцы мѣшали бы другимъ, да и многія секты Америки противятся танцамъ. Танцовальные вечера обыкновенно устраивались въ частныхъ квартирахъ; на субботнихъ же, „школьныхъ“ собраніяхъ молодёжь обоего пола довольствовалась непринужденнымъ, веселымъ ухаживаньемъ другъ за другомъ, музыкой и пѣніемъ. Я постоянно навѣщалъ эти собранія и, признаюсь, рѣдко встрѣчалъ у насъ такую веселую непринужденность и такое умѣнье хорошо проводить время. Входъ въ эти собранія оплачивался 25 центами (1/4 доллара), которые шли на скромное угощеніе.

Иногда городокъ устраивалъ, тоже въ складчину, общіе пикники на какой-нибудь фермѣ или въ недальнемъ поселеніи полуосѣдлыхъ индѣйцевъ, гдѣ краснокожіе показывали всѣмъ чудеса своей ловкости и искусства владѣть оружіемъ. Стрѣлой изъ лука они попадали на разстояніи 30 шаговъ въ десяти-центовую монету (величиной съ нашъ гривенникъ), поставленную ребромъ, или расщепляли прутъ, толщиной въ большой палецъ. На разстояніи

20 шаговъ они метали свой томагаукъ (топорикъ) въ нарисованное на доскѣ углемъ сердце, величиною въ ладонь. Но я видалъ и еще большее искусство: индѣецъ пускалъ стрѣлу навѣсомъ и она, поднявшись вверхъ и описавъ красивую дугу, падая, попадала въ положенную на земь шапку. Такъ на Миссисипи индѣйцы стрѣляютъ рыбу.

Трудно себѣ представить что-нибудь болѣе жалкое и печальное этихъ поселеній полуосѣдлыхъ индѣйцевъ, населеніе которыхъ вымираетъ съ ужасающей быстротой. Такой индѣецъ не потерялъ еще свойствъ и инстинктовъ чистаго охотника, по прежнему презираетъ все, кромѣ охоты, по прежнему ненавидитъ трудъ,—но жену свою,—свою несчастную „скво“ положительно запрягъ въ полевое хозяйство. Несчастная „скво“, быстро старѣющаяся, съ утра до вечера работаетъ тяжеле вола, въ то время какъ ея господинъ, „великій воинъ“,—пробавляется кое-какой охотой, звѣриной и рыбной ловлей да показываньемъ „блѣднолицымъ“ за нѣсколько центовъ ловкости и искусства. Бѣдность такихъ поселеній—невыразима! Нѣкоторое, хотя только приблизительное понятіе о нихъ можетъ дать цыганскій таборъ съ его голыми дѣтьми. Такіе индѣйцы обыкновенно споены до того уже „блѣднолицымъ братомъ“, что всѣ до одного—горчайшіе пьяницы. За водку, за нѣсколько центовъ индѣецъ не задумается уступить ни жену, ни

дочь, ни сестру, и о развратѣ въ такихъ поселеніяхъ и говорить нечего. Живутъ они въ жалкихъ шалашахъ,—„вигвамахъ“,—полныхъ нечистотъ и сору, гдѣ дѣти спятъ вмѣстѣ съ собаками и то и дѣло выпрашиваютъ милостыню. Вообще, это что-то такое жалкое, несчастное, что стыдно становится за культуру, которая ничего другого не могла и не сумѣла сдѣлать изъ свободнаго, гордаго воина-индѣйца. Вольные индѣйцы, независимые, неокультивированные, такъ сказать,—неизмѣримо выше. между тѣми и другими и параллели провести нельзя даже... Этихъ бѣлые презираютъ,—а тѣхъ боятся и ненавидятъ.

— И не стыдно вашему союзу этого?—спросилъ я невольно мистера Блюпойнта во время такой экскурсіи въ индѣйское поселеніе.

— Конечно, стыдно... но что же дѣлать, сэръ?... ничего другого сдѣлать нельзя было.

— Какъ?!

— Очень просто... Индѣйца нужно совсѣмъ не трогать,—оставить его такимъ дикаремъ-охотникомъ, каковъ онъ есть, или привести его въ такое состояніе, какъ вы видите... Соприкосновеніе съ цивилизаціей ничего изъ него другого сдѣлать не можетъ... Неужели же намъ уйти и предоставить ему прерію?!.

И это взглядъ почти общій въ преріяхъ.

Не смотря на небольшую величину, значеніе Мэрэзвиля было очень велико для цѣлаго округа преріи... Все, что ни производилось

преріей, стекалось въ городъ и уже отсюда, благодаря желѣзной дорогѣ, направлялось на востокъ или въ большіе центры запада. Тутъ же производилось или хранилось въ складахъ все необходимое для фермеровъ,—даже цѣлые дома изъ брусьевъ, перенумерованныхъ, такъ что сложить ихъ не представляло особеннаго труда. Въ Мэрэзвилѣ была лѣсопилка, вальцевая мельница, много кузницъ и всевозможныхъ мастерскихъ, гдѣ вѣчно шла работа для прерій. Тутъ же находились и агенты разныхъ торговыхъ фирмъ, скупавшіе у фермеровъ хлѣбъ и разное сырье; отсюда агенты машинныхъ заводовъ разъѣзжали по фермамъ, предлагая „машины въ разсрочку“ на довольно сносныхъ условіяхъ; тутъ же находился и „ссудный банкъ“, гдѣ фермеръ всегда могъ получить необходимую ссуду за очень небольшой процентъ. Безъ города фермеръ былъ бы точно безъ рукъ.

Но и съ другой стороны Мэрэзвиль былъ необходимъ. Тамъ была большая, центральная школа, библіотека, церкви; тамъ проѣзжими артистами давались спектакли и концерты,—а все это такъ же необходимо американскому фермеру, лишь только онъ хоть немного сталъ на ноги,—какъ и любому горожанину. Въ Мэрэзвилѣ учитель Вильямсъ устраивалъ довольно часто публичныя лекціи и чтенія и они всегда бывали биткомъ набиты съѣзжавшимися фермерами. Посѣтивъ впервые

такую лекцію, я невольно высказалъ свое удивленіе Блюпойнту, что залъ набитъ людьми такъ плотно. Среди слушавшихъ было много пріѣхавшихъ сравнительно издалека.

— Я знаю, сэръ, знаю!—ликуя и вмѣстѣ съ тѣмъ ехидствуя, возразилъ мнѣ Блюпойнтъ:— у васъ тамъ ваша „старая дура" думаетъ о насъ чертъ знаетъ что!.. Торгаши, молъ... неучи, фермеры-работники, профаны и только! Подождите, сэръ, подождите!.. Мы у себя, можетъ быть, рѣшимъ и устроимъ скоро то, о чемъ у васъ, въ Европѣ, еще только робко лепечутъ!.. Да-съ!—Увидите!

— Дай Богъ, мистеръ Блюпойнтъ... дай Богъ! Но вы все-таки квасной патріотъ!..

Но мистеръ Блюпойнтъ никакъ не хотѣлъ съ этимъ согласиться.

— Я—чистокровный янки, сэръ!—а мы на полдорогѣ не останавливаемся!.. Нѣтъ! Мы не боимся шагать впередъ и ничего, чертъ побери, не боимся!.. Народъ мы молодой и новый... Назади у насъ нѣтъ ничего, что бы насъ задерживало,—а впереди, сэръ,—*все!* Все, сэръ!

Я уже сказалъ, что все населеніе городка состояло изъ „людей профессій", какъ зовутъ фермеры представителей интеллигентнаго труда, ремесленниковъ и купцовъ,—и самую большую часть его составляли, конечно ремесленники. Между послѣдними въ городкѣ были люди съ обширнымъ образованіемъ, съ боль-

шими знаніями и начитанностью, съ широкимъ развитіемъ. Часовщикъ обладалъ дорогой библіотекой, шорникъ зналъ такъ основательно европейскую литературу, какъ дай Богъ знать ее и хорошему учителю,—онъ читалъ въ подлинникахъ Гёте и Гюго, не говоря уже о представителяхъ англійской литературы; слесарь, мистеръ Коллинсъ, самъ изучалъ высшую математику и по поводу нѣкоторыхъ вопросовъ аналитической геометріи велъ переписку съ однимъ изъ выдающихся профессоровъ Бостона; другой слесарь увлекался химіей и открылъ даже у себя маленькую химическую лабораторію, въ которой, между прочимъ, производилъ анализъ почвъ,—словомъ, каждый изъ нихъ, кого я зналъ, кромѣ своей спеціальности, дававшей ему болѣе или менѣе хорошій заработокъ, интересовался еще и наукой, и литературой. Многіе изъ нихъ несли, кромѣ того, разныя общественныя должности: по школьному дѣлу, земельному, судебному и т. д.,—а одного, столяра Смита, хорошо знавшаго исторію и право, прочили при мнѣ въ сенаторы штата. Даже какъ-то странно было мнѣ сначала находить на рабочемъ верстакѣ Спенсера, Бентама, Гёте, Секки, Тиндаля и т. д., или подъ стукъ рабочаго молотка, подъ скрипъ обрѣзываемой кожи, вести разсужденія о психологіи, копошиться въ исторіи народовъ, разбирать теоріи Мальтуса, Рикардо и Маркса, или слушать прекрасную декламацію

Байрона,—такъ какъ шорникъ, мистеръ Поульсъ, дѣйствительно декламировалъ замѣчательно... Свое любимое стихотвореніе Байрона: „When allround grew, dear, and dark“,—онъ читалъ такъ, что ему легко позавидовали бы и лучшіе чтецы. Многіе изъ президентовъ Соединенныхъ Штатовъ, какъ извѣстно, были ремесленниками: Линкольнъ — юношей былъ дровосѣкомъ, Грантъ—кожевникомъ, Джонсонъ и послѣ президентства остался портнымъ.

Но изъ всѣхъ моихъ знакомыхъ самымъ симпатичнымъ являлся для меня бочарь Стоунъ, полковникъ волонтеровъ, сѣдой старикъ съ разбитыми, почти не двигавшимися ногами, жестоко контуженными во время горячаго боя. До междоусобной войны онъ служилъ судьей, но какъ только вспыхнулъ мятежъ юга,—записался въ волонтеры союза, надѣлъ ранецъ и скоро былъ выбранъ въ полковники... Полученныя въ бою контузіи долго продержали его въ больницѣ, изъ которой бѣдняга вышелъ почти калѣкой. Онъ поселился затѣмъ у вдовца брата,—фермера въ Канзасѣ,—а когда тотъ умеръ, оставивъ ему на попеченіе сироту-дочку, „полковникъ Стоунъ“ поневолѣ продалъ его участокъ, такъ какъ не могъ вести самъ хозяйства, вырученныя деньги положилъ въ банкъ на имя молоденькой племянницы, и вмѣстѣ съ нею переселился въ городокъ, гдѣ она ходила въ школу, а самъ онъ сталъ бочарить. „Полковникъ“ получалъ пенсіонъ, но,

какъ истый „янки“, никакъ не могъ оставаться безъ дѣла и выбралъ, какъ самъ онъ говорилъ, „самое подходящее ремесло для такого разбитаго человѣка“. Съ 9 утра садился онъ за свой верстакъ въ широкое кресло, больныя ноги окутывались пледомъ, а старыя, но крѣпкія руки начинали стругать и стругать до обѣда, а затѣмъ и до вечера. Вся прерія ѣздила покупать у него его боченки, ведра и кадки, послушать его умнаго, честнаго слова, посовѣтоваться въ важныхъ случаяхъ. И низко склонялись, привѣтствуя честнаго, умнаго старика, гордыя головы „молодцовъ запада“, смѣлыхъ фермеровъ вольной преріи...

Много разъ приставали къ полковнику съ предложеніями послать его сенаторомъ или членомъ конгресса,—но старикъ уклонялся всякій разъ, ссылаясь на больныя ноги, на расшатанное здоровье, на свое законное желаніе дожить вѣкъ мирно и тихо въ своей избѣ, при своей любимицѣ-сироткѣ. „Молодыхъ выбирайте, джентль'мэны-граждане!... молодыхъ... а съ меня, старика, уже довольно!“—Такъ и короталъ онъ свой вѣкъ, уча племянницу, сбивая тысячи бочекъ и кадокъ, да разговаривая съ добрыми пріятелями. А пріятелями его были всѣ, кто только зналъ его.

Такъ и стоитъ предо мной эта старая фигура сѣдого бочаря-полковника въ его завѣтномъ креслѣ, среди цѣлой кучи стружекъ, обручей и дощечекъ,—неустанно стругающаго

обручи и медленно, съ разстановкой разсказывающаго что-нибудь собесѣднику. Я привязался къ старику, какъ къ родному, да и онъ говаривалъ, что чувствуетъ себя хорошо, когда въ окно завидитъ меня, идущаго къ нему. Покончивъ школьныя занятія, я, бывало, всегда заходилъ къ нему по дорогѣ, а по вечерамъ онъ предлагалъ мнѣ читать что-нибудь громко, чтобы помогать усвоить рѣчь и произношеніе. Для меня всегда было большимъ удовольствіемъ оказать ему какую-нибудь услугу,—онъ это зналъ, и потому помогъ мнѣ отбить у племянницы, 15-лѣтней дѣвочки, завидное право водить его по комнатѣ, чего она до меня никому не уступала...

— Когда я въ школѣ,—пусть водитъ кто хочетъ! — упрямо отстаивала миссъ Адда свое право:—но когда я дома,—я одна могу водить дядю!..

Но тутъ много помогъ и Шекспиръ въ красномъ тисненномъ переплетѣ, поднесенный ей мною въ день ея рожденія. Въ этотъ день она впервые позволила мнѣ „водить дядю“.

Разъ я какъ-то сказалъ старику, что мнѣ скучно безъ работы, къ которой я привыкъ уже въ преріи, что одни школьныя занятія, одинъ умственный трудъ начинаетъ тяготить меня...

— Не будетъ ли у васъ чего-нибудь такого, что я могъ бы сдѣлать для васъ?.. Какой-нибудь работы?—спросилъ я.

— Будетъ, сэръ, будетъ... Съ удовольствіемъ!..—отвѣтилъ онъ.

Черезъ нѣсколько дней онъ предложилъ мнѣ поѣхать въ лѣсъ и нарѣзать ему жердей и нарубить кольевъ, въ городскомъ участкѣ, мили за четыре.

— Наймите у сосѣда телѣгу и лошадей для меня,—они сегодня свободны у него,—и поѣзжайте!.. Можете, сэръ?

— Конечно, могу!.. Съ радостью!

— Ладно значитъ!.. Плата обычная!..

— Что вы, сэръ!—даже обидѣлся я:—какая тутъ плата!? Для меня это будетъ удовольствіе... Мнѣ такъ уже хочется поработать, поразмяться!.. Что вы!?

— Нѣтъ, мой другъ!—заговорилъ въ отвѣтъ старикъ, тепло взявъ мою руку:—это было бы не въ порядкѣ... Такъ нельзя!.. Всякую *личную* услугу я отъ васъ приму всегда съ удовольствіемъ, ибо знаю, какъ вы привязаны ко мнѣ, старику. Но тутъ работа, сэръ! Тутъ содѣйствіе моему ремеслу, дающему мнѣ доходъ,—а всякій трудъ, всякое содѣйствіе должно быть оплачено!.. Этотъ принципъ, сэръ, вы и сами знаете... Вѣдь эта услуга не *больному*, которую, какъ *больной*, я всегда приму отъ друзей,—напримѣръ: когда вы водите или закутываете меня; это содѣйствіе *производителю*,—значитъ, производительный трудъ, который неминуемо долженъ быть всегда оплаченъ...

Большое спасибо вамъ и за готовность помочь мнѣ поѣхать въ лѣсъ!..

— Но на эти деньги я все равно куплю Аддѣ конфектъ, сэръ,—вы это знаете!—сказалъ я, наконецъ, истощивъ всѣ свои доводы.

— Это ваше дѣло и право, сэръ!—засмѣялся отъ души старикъ: — но принципъ долженъ быть соблюденъ... И если бы люди всегда блюли его свято и правильно, не мошеннически,—отношенія людей были бы неизмѣримо лучше!..

Вечеромъ Адда ликовала: она грызла съ подругами конфекты, благословляя дядинъ „принципъ“.

Въ школѣ.

Какое бы впечатлѣніе ни произвела общая жизнь въ Соединенныхъ Штатахъ на посторонняго человѣка, сдѣлался ли бы онъ ея восторженнымъ поклонникомъ, или злобнымъ хулителемъ,—но есть въ американской жизни одно явленіе, которое на всѣхъ производитъ самое пріятное, самое отрадное впечатлѣніе, одинаково сильное какъ въ населенныхъ мѣстахъ, такъ и въ преріяхъ: это школа, „святое мѣсто“ для американца. Тамъ онъ учится „уважать человѣка“, „не дѣлать другому того, чего себѣ не желаетъ“, уважать и любить трудъ и презирать лѣность. Тамъ онъ пріобрѣтаетъ духъ гражданства, чувство собственнаго достоинства, привычку считать себя „господиномъ самого себя“,—словомъ, все то, что составляетъ его видовой признакъ. Школа для американцевъ есть вопросъ жизни или смерти, въ отношеніи государства, какъ выразился однажды одинъ изъ ораторовъ на „школьномъ митингѣ“. — „Не будь у насъ такъ много

школъ, остановись хоть на минуту количественный и качественный ростъ ихъ, — и мы были бы стерты, смяты, уничтожены наплывомъ полуобразованной массы переселенцевъ изъ Европы.“ — Вотъ почему американецъ такъ любитъ, такъ холитъ свою школу, такъ уважаетъ ее, вотъ отчего онъ, который такъ не любитъ „пускать деньги на вѣтеръ“, всегда съ готовностью, большею частью по собственной иниціативѣ, жертвуетъ на школы не доллары или десятки долларовъ, а тысячи и тысячи; вотъ почему и конгрессъ считаетъ своею *первою* обязанностью заботу о развитіи школьнаго дѣла, такъ неразрывно связаннаго съ богатствомъ и могуществомъ государства, видя въ немъ залогъ общаго счастья, благосостоянія и силы. Въ послѣднюю междоусобную войну опытъ доказалъ, что образованные граждане, никогда не державшіе оружія, въ случаѣ надобности, могутъ составить непобѣдимую армію и вести долгую, упорную войну, стоившую страшныхъ суммъ.

Школы, школы и школы! — вотъ лозунгъ Америки, ея надежда и сила! вотъ на что тратитъ она больше всего свои средства! *).

Система и программа преподаванія одина-

*) Въ Соедин. Шт. есть такъ называемый „школьный фондъ“, заключающійся въ землѣ, которую даритъ конгрессъ, и капиталахъ, которые идутъ на развитіе школьнаго дѣла. Землями завѣдуетъ особая инспекція; онѣ продаются только тогда, когда цѣны возрастутъ вокругъ.

ковы во всѣхъ начальныхъ элементарныхъ школахъ, гдѣ бы онѣ ни были,—въ преріяхъ среди піонеровъ, или въ населенныхъ мѣстахъ. Школу различитъ обыкновенно каждый безъ всякаго труда: это всегда самое большое, самое красивое изъ общественныхъ зданій, съ традиціонной башенкой, въ которой виситъ школьный колоколъ. Внутри двѣ, иногда три, большія, чрезвычайно свѣтлыя, высокія комнаты, хорошо выбѣленныя, съ черной, широкой полосой вокругъ, которая замѣняетъ наши классныя доски, на такомъ разстояніи отъ пола, что ученикъ всякаго возраста можетъ удобно писать на ней мѣломъ. Въ длину комнаты стоятъ въ два ряда легкія, весьма удобныя складныя скамейки, особенное достоинство которыхъ заключается въ томъ, что, пиша, ученикъ не налегаетъ грудью на край пюпитра. Противъ скамеекъ стоитъ небольшой столикъ учителя съ ударнымъ колокольчикомъ; въ одномъ углу желѣзная печка, въ другомъ—шкафъ съ книгами, а по стѣнамъ—географическія карты и зоологическія картины. Выше ихъ, по карнизамъ,—громадными буквами написаны изреченія изъ евангелія:—„возлюби ближняго своего“,—„не дѣлай другому, чего не желаешь себѣ“; принципы изъ гражданскаго кодекса:—„предъ Богомъ и закономъ всѣ равны“,—„учись любить родину и великихъ отцовъ, основавшихъ республику“, и т. д., а также имена историческихъ лицъ: Галилей, Ньютонъ,

Вашингтонъ, Франклинъ и т. д. Программа школъ не велика: чтеніе и письмо (англійскій языкъ), вся ариѳметика, отечествовѣдѣніе и ознакомленіе съ другими государствами; естественная и отечественная исторія. Но желающіе всегда могутъ слушать и дополнительный, высшій курсъ у школьнаго учителя также безплатно. Въ этотъ высшій курсъ входятъ: подробный синтаксисъ, словесность и исторія литературы, алгебра, геометрія и общія понятія изъ физики. За преподаваніемъ, за всѣмъ, что касается внутреннихъ порядковъ школы,—слѣдитъ исключительно мѣстное земство, избирающее изъ своей среды школьныхъ инспекторовъ, обязанныхъ постоянно ревизовать школы, слѣдить за программами, за успѣхами, за отношеніемъ къ ученикамъ учителя, который и избирается земствомъ по предложенію тѣхъ же инспекторовъ. Дисциплина школъ направлена главнымъ образомъ на то, чтобы поддерживать строгое равенство въ средѣ школьниковъ и школьницъ, такъ какъ дѣти обоего пола учатся всегда вмѣстѣ, и потому въ школѣ вы не встрѣтите никакихъ распрей между дѣтьми бѣлыхъ, негровъ и индѣйцевъ. Съ этою же цѣлью, въ виду существованія въ Америкѣ множества сектъ,—изъ программы школьнаго преподаванія совершенно исключенъ Законъ Божій, преподаваемый дѣтямъ родителями и пасторомъ секты на дому.

Порѣшивъ ходить въ школу, я отправился сначала къ ея старшему учителю, м-ру Williams'у, завѣдывавшему школой на правахъ нашего директора. Засталъ я его за доеніемъ коровы и пока онъ ловко и быстро справлялся съ своимъ дѣломъ, я передалъ ему, кто я, чего хочу, а онъ разспросилъ меня о моихъ знаніяхъ. Загнавъ корову въ стойло и направляясь со мною къ дому, онъ любезно пригласилъ меня къ себѣ. Мистеръ Вильямсъ улыбнулся:

— Знаете, сэръ, что я вамъ скажу?

— Нѣтъ, сэръ.... даже не догадываюсь!—отвѣтилъ я.

— Скажу я вамъ, что вы—первый европеецъ, который, за семь лѣтъ моего пребыванія здѣсь директоромъ школы, начинаетъ такъ, какъ вы, то-есть съ изученія языка и для этого поступаетъ въ школу... Европа, къ сожалѣнію, даритъ насъ типами, далеко противоположными... Я очень, очень радъ, сэръ!.. Я даже, могу сказать, счастливъ!

Онъ принялъ меня очень хорошо, познакомилъ съ женой, очень умной, очень образованной женщиной, уроженкой, какъ и онъ, города Нью-Іорка, и пригласилъ обѣдать. За обѣдомъ мы разговорились. Мистеръ Вильямсъ учился на востокѣ, былъ хорошій филологъ и бѣгло говорилъ по-нѣмецки и по-французски, такъ что разговоры наши клеились очень хорошо. Жилъ онъ съ достаткомъ,

имѣлъ хорошую и дорогую библіотеку, въ которой можно было найти всѣхъ классиковъ, великихъ писателей и ученыхъ Европы, и очень много педагогическихъ сочиненій. Я посѣщалъ его впослѣдствіи очень часто, почти черезъ день, и часто мы вели разговоры съ нимъ о томъ, о семъ, въ то время, когда онъ кололъ дрова, накачивалъ воду, перетаскивалъ съ огорода капусту, картофель и пр., или чистилъ лошадь.

— А, должно быть, странными на первый взглядъ кажемся мы вашему брату, европейцу?—спросилъ онъ меня какъ-то.

— Чѣмъ же?

— Да какъ же!.. Вашъ основной принципъ счастья: возможно меньше работать самому и какъ можно больше пользоваться услугами другого... У васъ, вѣдь, помню, считается неприличнымъ самому относить свои сапоги въ починку,—я много смѣялся по этому поводу, когда путешествовалъ у васъ... Ну, а у насъ-то—совсѣмъ наоборотъ!..

Въ школѣ было три класса, кромѣ такъ называемаго „дополнительнаго“, состоявшаго изъ окончившихъ уже школьный курсъ и желавшихъ дополнить его тѣми или другими предметами. Съ первыми двумя классами,—малолѣтнимъ и среднимъ,—занимались учительницы; съ третьимъ, — старшимъ, — мистеръ Вильямсъ. Въ этомъ же старшемъ классѣ занимались и „дополнительные“, какъ называли

ихъ школьники. Всѣ классы,—и малолѣтній, и средній, и старшій,—дѣлились на три группы каждый, такъ что въ школѣ, не считая „дополнительной“ группы, было девять группъ. Дѣленіе на группы Вильямсъ считалъ необходимымъ ради того, чтобы всѣ ученики одинаково хорошо учились и основательно усвоивали бы изучаемое,—а самое дѣленіе обусловливалось, кажется, главнымъ образомъ, способностями и развитіемъ. Вильямсъ говорилъ:

— Если въ классѣ у меня есть очень способные, которые быстро могутъ идти впередъ за мною и быстро все усвоивать,—есть средніе, съ которыми нужно больше работать, и малоспособные, которые берутъ все усиленнымъ трудомъ,—то вотъ вамъ уже и естественныя три группы... Если не дѣлить ихъ на группы, не заниматься съ каждой отдѣльно, примѣняясь къ ея силамъ, а предъявлять ко всѣмъ сразу одни и тѣ же требованія,—то въ классѣ у меня будетъ немного „первыхъ“ и очень много „послѣднихъ, изъ рукъ вонъ плохихъ“... А въ классѣ у учителя всѣ должны одинаково хорошо знать свои предметы! Таковъ принципъ нашихъ школъ, сэръ!

На другой день послѣ бесѣды съ мистеромъ Вильямсомъ я отправился въ школу.

Пришелъ я еще очень рано, послѣ перваго звонка; никакихъ сторожей не было: одинъ только 14-лѣтній мальчикъ, ученикъ (сирота, котораго содержало общество) кололъ

дрова и носилъ ихъ въ классъ. Вскорѣ, однако, стали приходить ученики, и я былъ очень обрадованъ, увидя, что между ними попадаются люди, весьма почтенные по возрасту, съ почтенными, окладистыми бородами. Мы скоро перезнакомились; то были желавшіе заняться алгеброй, геометріей и англійской литературой. Одинъ изъ нихъ былъ почтальонъ, возившій въ опредѣленные дни почту, три приказчика, одинъ сапожникъ, одинъ кузнечный подмастерье и три фермера... Вскорѣ показались и ученицы, между которыми тоже было не мало 16, 17 и 18-лѣтнихъ невѣстъ, занимавшихся тѣми же предметами, что и мои новые знакомые. Знакомство съ ними завязалось тоже очень быстро. Я поправлялъ имъ задачи по математикѣ, онѣ меня экзаменовали по англійскому языку, и громко и дружно хохотали, когда я перевиралъ слова или путалъ предложенія.

Уже тѣмъ велика американская школа, что она рождаетъ такія прямыя, простыя, разумныя отношенія обоихъ половъ между собою... Никакого пошлаго ухаживанія, любезничанья, дѣланія глазокъ, двусмысленныхъ шутокъ и остротъ вы не встрѣтите въ школѣ.. „Школа—это святое мѣсто, гдѣ всѣ ученики и ученицы, пока они въ классѣ,—братья и сестры“!—говорилъ мнѣ Williams, и говорилъ совершенную правду. Разумѣется, нельзя сказать, да и m-r Williams назвалъ бы это ненормальнымъ,

чтобы быстрые глазки и розовыя щечки не производили никакого вліянія на алгебраистовъ, геометровъ и пр.; я думаю,—далеко напротивъ: у миссъ Бэтси, прехорошенькой 17-лѣтней дѣвушки, какъ-то ужъ особенно часто ломались карандаши, и какъ-то всегда выходило такъ, что починялъ ихъ мой сосѣдъ, почтальонъ, рослый, красивый малый; а по окончаніи классовъ, при выходѣ, обстоятельства складывались такимъ образомъ, что Бэтси и почтальонъ всегда какъ-то нечаянно выходили вмѣстѣ и шли рядомъ, при чемъ Бэтси нечаянно роняла то книгу, то платокъ, что немедленно возвращалось ей ея кавалеромъ, и я убѣжденъ,— впрочемъ, также какъ и она,— что урони она булавку, булавка была бы немедленно отыскана... А сколько разъ Бэтси въ рекреаціонные часы грызла пряникъ или яблоко, при чемъ мой другъ почтальонъ какъ-то весь сіялъ и крѣпко жалъ мнѣ руку. Но все это такія вещи, о которыхъ зналъ весь городъ, такъ-же, какъ и о томъ, что почтальонъ ждетъ не дождется того времени, когда у него будетъ долларовъ 700—900 и когда... А все это нисколько не мѣшало занятіямъ. Напротивъ, Бэтси и почтальонъ были лучшими учениками.

Взрослая дѣвушка въ Америкѣ пользуется самой широкой свободой; никто не указываетъ ей, какъ держать себя, съ кѣмъ и когда ходить и пр.; никто не слѣдитъ за ея нрав-

ственностью, зная, что для нея она дороже, чѣмъ для всѣхъ постороннихъ. Она ходитъ, посѣщаетъ съ кѣмъ ей угодно, кого угодно, въ полной увѣренности, что никогда и ни отъ кого не услышитъ никакого выговора, никакого замѣчанія, такъ какъ всѣ считаютъ ее не куклой, не воскомъ, тающимъ предъ „пламенемъ лица мужчины", а вполнѣ самостоятельнымъ человѣкомъ, который слѣдитъ самъ за собою и который самъ знаетъ, какъ держать себя... Никогда не встрѣтитъ она ни наглости, ни дерзости, ни двусмысленности, никто никогда не оскорбитъ ее, никто не позволитъ себѣ сдѣлать ей малѣйшую непріятность (за это прибили бы до полусмерти), и потому съ мужчиной она держитъ себя не какъ съ существомъ, котораго надо бояться и остерегаться до замужества, а какъ съ другомъ, хорошимъ знакомымъ, равнымъ себѣ человѣкомъ.

Пока я такимъ образомъ бесѣдовалъ въ классѣ съ моими взрослыми товарищами, со двора доносились и визгъ, и крикъ, и пѣнье школьныхъ „boy'евъ и миссъ", перебрасывавшихся „снѣжками", катавшими другъ друга въ снѣгу и пр. Никакихъ надзирателей имъ не полагается, а несчастныхъ случаевъ, даже просто вывиховъ, даже дракъ не было за все время моего пребыванія въ школѣ; и, замѣтьте,— никогда никакихъ доносовъ, жалобъ и пр. Мальчики сами расправляются съ „обидчикомъ", для

чего среди нихъ есть свои президенты, сенаторы, конгрессъ, и пр.; ихъ рѣшенія безапелляціонны и приводятся немедленно въ исполненіе. Таковъ общій характеръ воспитанія дѣтей въ Америкѣ. Мальчики почти совершенно независимы и свободны, и родители признаютъ законность ихъ дѣтскихъ „союзовъ", постановленія ихъ дѣтскихъ „жюри", не мѣшаются въ ихъ частные „законы", вырабатываемые дѣтскимъ же „конгрессомъ",—которые всѣми дѣтьми, членами „союза", блюдутся свято и нерушимо. Напротивъ: сами родители стараются поощрять общую солидарность дѣтей, развивать въ нихъ общественность, самодѣятельность, а на ихъ „самоуправленіе" смотрятъ, какъ на школу, лучше всего вырабатывающую будущаго гражданина и лучше всего дисциплинирующую.

— Такимъ путемъ, — говорятъ они: — дѣти выучиваются свято чтить законы.

Разъ я забылъ въ школѣ свой porte-crayon, очень красивый, привезенный мною изъ Европы. Тщетно искалъ я его потомъ и тщетно, хотя неутомимо, помогалъ мнѣ въ моихъ поискахъ школьникъ Альванъ,—сынъ хозяина пансіона: я счелъ его пропавшимъ. Но черезъ нѣсколько дней, послѣ обѣда, когда я сидѣлъ въ пансіонѣ и занимался, ко мнѣ быстро и въ большой тревогѣ вбѣжалъ Альванъ.

— Сэръ! васъ желаетъ видѣть президентъ!..

— Кто, Альванъ?... Какой президентъ?..—удивился я.

— Президентъ школьнаго союза и жюри!..

Я вышелъ къ „президенту“, здоровому, красивому мальчугану, лѣтъ 15. Рядомъ съ нимъ стояли два члена „жюри“.

— Здравствуйте, господинъ президентъ!..—сказалъ я:—что вамъ угодно?

— Здравствуйте, сэръ!—отвѣтилъ съ большимъ достоинствомъ мальчикъ.—Мы пришли просить васъ удѣлить намъ нѣсколько минутъ по дѣлу...

— Сдѣлайте милость!.. Что же такое?

— Вы потеряли карандашъ?

— Да, сэръ!..

— Не можете ли вы описать намъ его?..

Я описалъ.

— Не этотъ-ли?..—спросилъ „президентъ“, вынимая изъ кармана мой карандашъ.

— Онъ самый!

— Такъ получите его, сэръ!.. Его нашелъ и утаилъ ученикъ младшаго класса... Наше „жюри“ присудило его къ „покаянію“.

— А что это за покаяніе?

— Онъ долженъ будетъ завтра при учителяхъ повиниться всему классу и обѣщать не дѣлать этого впредь! Вы ничего не имѣете противъ, сэръ?..

— Ничего!..

Президентъ и члены жюри раскланялись и ушли. На другой день, въ большой залѣ школы, гдѣ собраны были всѣ школьники и учителя, мальчикъ принесъ „покаяніе“, глотая

горячія слезы. Онъ разсказалъ, что восхитился карандашемъ и потому сдѣлалъ „такую гадость,—утаилъ найденное“,—но никогда больше этого не сдѣлаетъ. Слушали всѣ молча, сурово сдвинувъ брови, а когда „покаяніе“ кончилось, отецъ мальчика, стоявшій тутъ же, взялъ его за руку и подвелъ къ мистеру Вильямсу.

— Сэръ! будьте добры: прочтите ему законы!—сказалъ онъ.

Мистеръ Вильямсъ развернулъ какую-то юридическую книгу и громко, торжественно прочелъ:

„Всякая утайка, какъ и похищеніе чужого имущества,— есть воровство. Уличенный въ такомъ преступленіи, по всей справедливости не можетъ пользоваться общими гражданскими правами“...

— Слышишь?! — дополнилъ отецъ: — слышишь?! — онъ перестаетъ считаться гражданиномъ!..

Мальчикъ рыдалъ...

Теперь вернусь къ школѣ. Вскорѣ я былъ окруженъ школьниками, ворвавшимися въ классъ, „какъ мустанги“, но затѣмъ преспокойно разсѣвшимися по своимъ мѣстамъ... Меня хлопали по плечу, спрашивали, кто я показывали мнѣ,—желая угодить, вѣроятно,— карту Россіи съ маленькимъ описаніемъ, бо́льшая часть котораго посвящена снѣгу и волкамъ, приглашали съ ними кататься на конькахъ и

пр., пока не раздался третій звонокъ и m-r Williams не вошелъ въ классъ. Все притихло, всякіе разговоры прекратились; Williams пожалъ намъ, взрослымъ, руки, и началъ раздѣваться. Снявъ пальто, онъ усѣлся за свой столикъ и придавилъ пружинку колокольчика: это былъ знакъ, что классъ начался; началось съ пѣнія: дѣти, взрослые, мальчики и дѣвочки, все образовало одинъ дружный хоръ, пѣвшій одинъ изъ любимыхъ народныхъ гимновъ, полный славныхъ именъ и народныхъ доблестей.. Кончилось пѣніе — начались занятія.

Классъ, какъ я уже сказалъ, былъ раздѣленъ на три группы. Взрослые обучались своимъ особымъ предметамъ. Я, желая усвоить себѣ англійское произношеніе и хорошо изучить языкъ,—по англійскому языку занимался со всѣми группами дѣтей, а когда они, кончивъ занятіе по языку, переходили къ другимъ предметамъ, я занимался переводомъ чего-нибудь съ русскаго на англійскій, и эти переводы передавалъ Williams'у, который дома исправлялъ ихъ и отдавалъ мнѣ исправленными на слѣдующее утро.

Никакихъ вызововъ, никакихъ отмѣтокъ не было (только въ концѣ недѣли Williams выдавалъ лучшимъ ученикамъ особые „наградные билетики"). Все дѣлалось по звонку, и ученики отлично знали свои правила. Послѣ пѣнія, Williams ударилъ три раза въ колокольчикъ. За первымъ звонкомъ встала вся 2-я группа,

за вторымъ—вся она двинулась къ переднимъ, пустымъ скамьямъ, за третьимъ—усѣлась на скамьяхъ и началось чтеніе, произношеніе отдѣльныхъ трудныхъ типичныхъ словъ и перечисленіе наизусть всѣхъ буквъ этихъ словъ (правописаніе). 1-я группа въ это время занималась чистописаніемъ, а старшая, 3-я, рѣшеніемъ заданныхъ имъ алгебраическихъ задачъ. Когда кончилось занятіе языкомъ со 2 группой, что было возвѣщено тоже тремя звонками, по которымъ 1 я группа вставала и шла на мѣста второй, а вторая уходила заниматься чистописаніемъ, я остался заниматься съ 1-й группой. 3-я, старшая, въ это время положила свои задачи на столъ учителя и получила отъ него тэмы для маленькаго сочиненія. Занятія съ первой группой заключались въ томъ же, въ чемъ и занятія со 2, только статьи для чтенія и примѣры были легче. Кончивъ занятіе съ группой, Williams, опять звонкомъ же, собралъ обѣ группы и началъ классъ географіи; старшей же задалъ для рѣшенія геометрическія теоремы (онъ всегда заставлялъ учениковъ добиваться рѣшенія самимъ, и это былъ великолѣпный методъ). Послѣ этого класса давался часъ рекреаціи,—для обѣда. Послѣ обѣда шли занятія по правописанію и исторіи. Всѣхъ учениковъ въ классѣ было 67.

Въ другихъ комнатахъ, смежныхъ съ нашей, занимались учительницы обученіемъ грамотѣ: у нихъ были тоже три большія группы.

И все это были 6, 7, 8 и 9-лѣтнія дѣти... Въ классѣ я не видѣлъ слезъ, наказанія, шалостей, не слышалъ крика учителя или угрозы: всѣ были заняты, всѣ усердно трудились... Я просто удивлялся тому такту, той сдержанности, той любви, съ какими Williams обращался съ учениками, его замѣчательному умѣнью объяснять дѣтямъ все непонятное имъ и трудное. Ни разу не возвысилъ онъ голоса, ни разу не отказался отвѣчать на безчисленные вопросы, съ которыми къ нему постоянно обращались,— отвѣчать крайне вѣжливо и очень обстоятельно. Когда классъ хохоталъ, вызванный къ тому какимъ-нибудь школьнымъ курьезомъ, хохоталъ съ нимъ и Williams; если кто-нибудь, разговаривая, не обращалъ вниманія на его объясненія, Williams просилъ разговаривающаго повторить сказанное, при чемъ конфузъ служилъ ему наказаніемъ. Разговаривать, впрочемъ, покончившимъ свои занятія и ждущимъ слѣдующаго урока позволялось,—только шепотомъ, чтобы не мѣшать другимъ. „Все равно, говорилъ Williams, они будутъ разговаривать, скучая,—такъ запрещать зачѣмъ же?.. Допускать же дѣтей въ школѣ до скуки—самое вредное". Во время рекреаціи все окружало его, смѣялось, шутило, острило, даже иногда и на его счетъ, при чемъ онъ, разумѣется, не оставался въ долгу. Взрослыя „миссъ" надѣляли его мятными сахарными сердечками, подшучивали надъ его вязаными шарфомъ и перчатками,

допрашивая, „какая мэрэзвильская миссъ связала ему ихъ“, при чемъ лукаво улыбались, когда онъ увѣрялъ ихъ, что сработала жена, и обѣщали допросить Mrs. Williams. Наша знакомая Бэтси приставала къ нему всегда больше всѣхъ,—„точно піявка“, какъ говаривалъ Williams, и когда ничто не брало, онъ рѣшался на послѣднее средство и спрашивалъ лукаво почтальона: „когда тотъ отправится съ почтой?“ Съ Бэтси при этомъ дѣлался сейчасъ же кашель, а почтальонъ, по простосердечію не понимавшій обыкновенно въ первую минуту, въ чемъ дѣло, и съ точностью опредѣлявшій часы и дни своихъ путешествій, подъ конецъ, раскусивъ весь тайный смыслъ вопроса, краснѣлъ и, улыбаясь, обращался къ географической картѣ искать какого-то города.

Когда, послѣ окончанія классовъ, Williams, пожимая мою руку, спросилъ меня: „Ну что, какъ наша школа?“—я могъ ему отвѣтить только его же словами: „школа—святое мѣсто!....“

И, дѣйствительно, она—„святое мѣсто“ для американца, который холитъ ее и лелѣетъ, какъ нѣчто самое дорогое и близкое... Каждый считаетъ своимъ долгомъ непремѣнно сдѣлать что-нибудь для нея: этотъ привезетъ дровъ, тотъ посадитъ вокругъ деревья, выпишетъ для нея книги или карты, четвертый подаритъ мебель, деньги и т. д. „Дарить школу“—такой же общій принятый долгъ, какъ у насъ, положимъ, давать „на водку“... Рѣдкое „завѣщаніе“

забываетъ мѣстную школу, которой почти всегда оставляется что-нибудь завѣщателемъ; это стало даже какъ бы обычаемъ... Богачи щеголяютъ другъ передъ другомъ пожертвованіями на школы; такъ, напр., Куперъ на свой счетъ основалъ знаменитый университетъ, Асторъ тоже, Твидъ, Гоуардъ и другіе... Вообще, въ Америкѣ школа является дѣломъ національнаго культа и чести.

Спириты и духи.

— Ну, сэръ, а ваше мнѣніе?

Вопросъ этотъ, предложенный толстымъ добрякомъ, весельчакомъ и мѣстнымъ острякомъ, фермеромъ Вильсономъ, сидѣвшимъ въ числѣ прочихъ у желѣзной печки „биръ-салона“, поставилъ въ сильное затрудненіе того, къ кому онъ относился. Сухой, длинный-предлинный, отлично выбритый аптекарь (ибо къ нему обратился Вильсонъ) сначала крякнулъ, потомъ какъ-то особенно повелъ вокругъ своими стекляными, сѣрыми глазами, потомъ помѣшалъ уголья въ печкѣ, потомъ еще крякнулъ и, наконецъ, собравшись съ духомъ и устремивъ безжизненный взоръ на носокъ своего ярко блестѣвшаго сапога, точно про себя отвѣтилъ:

— Я думаю, что они правы, сэръ!

Эти *они* были—спириты. Дѣло въ томъ, что недавно въ городокъ пріѣхалъ молодой, сухопарый, „тощій, какъ одна изъ семи египетскихъ коровъ“, по выраженію Вильсона,

блондинъ, съ жидкими волосами и какимъ-то ребяческимъ видомъ, и объявилъ себя докторомъ и посредникомъ между людьми и духами, т. е. медіумомъ. Пріѣздъ его поднялъ цѣлую революцію въ городкѣ: прекрасный полъ,—„точно кошки, понюхавшія валеріаны“, по выраженію остряка,—такъ и льнулъ къ медіуму, увѣрявшему, что тонкость конструкціи женскаго организма способствуетъ женщинамъ входить въ интимныя сношенія съ невидимыми существами, и требовалъ отъ него сеансовъ, духовъ и магнитизированія. Всѣ „миссисъ“, а въ особенности миссисъ Вильсонъ и жена аптекаря, увѣрявшія, что видѣли уже сотни духовъ, описывали ихъ такими милыми, граціозными, вѣжливыми, „точно джент'мэны“, такъ расписывали глаза, улыбки и прочіе атрибуты духовъ, что мужья просто обидѣлись, и въ то время, когда ихъ прекрасныя половины занимались духами, сами собирались въ „биръ-салонъ“, садились вокругъ желѣзной печки, задравъ ноги, и вели разговоры о своемъ печальномъ положеніи и спиритизмѣ вообще.

Прошу теперь представить изумленіе собесѣдниковъ, когда аптекарь, этотъ мѣстный политикъ и разумникъ, на вопросъ Вильсона, вызванный слухами, что спириты считаютъ спиритизмъ самою древнѣйшею религіей и имѣющей самое большое число послѣдователей, вдругъ отвѣтилъ: „я думаю, что они правы, сэръ!...“

Вильсонъ пересталъ жевать табакъ, сосѣдъ его переложилъ лѣвую ногу на правую, другой сосѣдъ пересталъ насвистывать „Janke doodle„,—словомъ, всякій чѣмъ-нибудь выразилъ свое полное изумленіе.

— Why?.. O!!—послышалось вокругъ, а гдѣ-то дальше пронеслось даже: „годдемъ!..“

Но аптекарь стоически выдержалъ бурю гнѣвнаго изумленія друзей собесѣдниковъ. Невозмутимо, хладнокровно переложилъ онъ языкомъ жвачку съ праваго угла рта въ лѣвый и, не сводя глазъ съ блестѣвшаго, какъ зеркало, носка, продолжалъ:

— Они правы, джент'мэны!.. правы, чортъ побери! правы, какъ... какъ докторъ Самюэль, утверждающій, что самые сильные враги болѣзней: касторовое масло и хина (аптекарь сплюнулъ на середину залы). Развѣ мистики, джент'мэны, развѣ мистики не тѣ же спириты? Развѣ дикарь, чортъ побери, не спиритъ, когда вѣритъ въ лѣсныхъ и степныхъ духовъ? Развѣ, развѣ... ну, хоть древніе греки, джент'мэны... Вы знаете, кто это греки? Народъ такой былъ въ Европѣ,—тоже вѣрилъ въ разныхъ духовъ,—развѣ они не спириты? Чортъ побери!.. да развѣ я не правъ, джент'мэны?!

Миръ былъ заключенъ: споривше согласились съ аптекаремъ.

— А, по моему, всѣ они дураки или шарлатаны, сэръ!—прошипѣлъ не угомонившійся Вильсонъ.

— Дураки или шарлатаны!?—повторилъ аптекарь, откусывая табачную пластинку:—да, джент'мэны, иногда.. (сплевываетъ), бываютъ вѣдь всякіе... и шарлатаны, и дураки бываютъ, но бываютъ, чортъ побери, честные люди (опять сплевываетъ)! Просто—заблуждающіеся и искренно вѣрующіе. Развѣ, сэръ,—сказалъ онъ, обратившись прямо къ Вильсону и глядя на него въ упоръ:—развѣ я былъ бы шарлатанъ, если бы, допустимъ, вѣруя въ духовъ, и не будучи въ состояніи открыть причины, которая заставляетъ мою рыжую лѣнивую пони,—она лѣнива, джент'мэны, какъ черепаха!—прыгать и биться ночью въ стойлѣ, точно чортъ засѣлъ ей въ шкуру,—если-бъ я объяснилъ это продѣлками духа, любителя лошадей!

Общество одобрительно улыбнулось. Смущенный Вильсонъ покраснѣлъ, сплюнулъ и открылъ уже ротъ, чтобы отвѣтить аптекарю, какъ на дворѣ передъ салономъ послышались грохотъ остановившейся телѣги, хлопанье бича, женскій смѣхъ и энергическіе stacato мужского баса.

— Галло, джент'мэны, галло!.. — проревѣлъ дюжій, раскраснѣвшійся отъ мороза молодецъ, быстро, не снимая шляпы, вбѣжавшій съ цѣлой тучей холоднаго воздуха въ салонъ и поочередно каждому изъ насъ пожимавшій руки.— Ѣдемъ, что-ли, чортъ побери! Хорошее общество, джент'мэны: всѣ цвѣточки преріи (молодецъ самодовольно улыбнулся своему поэтичес-

кому сравненію дѣвицъ съ цвѣточками). Пора, вѣдь, чортъ побери! три мѣста, джент'мэны, три мѣста... Ну!..

Джент'мэны переглянулись, а со двора доносились визгъ, звонкій хохотъ, шутки,—словомъ, всѣ признаки веселья.

Всѣ поднялись. Было уже половина восьмого, а вечеринка у фермера Дэвиса должна была начаться въ восемь „спиритическимъ сеансомъ", самымъ интереснымъ для меня, такъ какъ до этого вечера я не видалъ еще ни одного сеанса. Сообща мы рѣшили, что такъ какъ въ подъѣхавшей телѣгѣ мѣстъ свободныхъ было всего три, то ими и воспользуются „три холостяка": я и еще двое,—а аптекарь, Вильсонъ и прочіе „женатые" отправятся за своими половинами и поѣдутъ вмѣстѣ на телѣгѣ Вильсона.

Быстро мчалась телѣга, которою правилъ нашъ старый знакомый, Чарли, придерживая одною рукою миссъ Мэри, при каждомъ ухабѣ и поворотѣ,—точно изъ страха,—крѣпко прижимавшуюся къ нему. Все хохотало, шутило, слышались вздохи, кое-гдѣ поцѣлуи, раздавалось не то угрожающее, не то ласкающее: „сэръ"!—словомъ, происходило все то, что такъ обычно въ обществѣ молодыхъ „миссъ" и джент'мэновъ прерій, гдѣ невинное, молодое кокетство и любезничанье не считаются еще преступленіемъ, гдѣ „ловко сорванный" поцѣ-

луй не считается грѣхомъ и слово: „Shooking“— не стало своего рода „memento mori“.

Наконецъ, вдали блеснули огоньки.... еще минуты двѣ-три—и телѣга съ шумомъ, гамомъ и пѣніемъ подкатила къ дверямъ фермы Дэвиса. Джент'мэны выбѣжали высаживать „миссъ“, а хозяинъ, стоя на порогѣ, то и дѣло приговаривалъ: „come in“ да „how do you do“.

Домъ былъ не великъ,—въ три комнаты съ чердакомъ, гдѣ помѣщалась спальня хозяевъ,—и, какъ всѣ почти фермерскіе дома запада, построенъ изъ досокъ, какъ строятся наши сараи. Внутри „parlour“ былъ оштукатуренъ; въ углу стояла желѣзная печь; по стѣнамъ висѣли полочки съ книгами, портреты неизмѣнныхъ Вашингтона и Линкольна; какая-то сентиментальная блондинка, нюхавшая огромную розу, двѣ битвы, скрипка и часы, звонившіе всегда не впопадъ; а въ другомъ углу, противоположномъ печкѣ, стоялъ покрытый скатертью органъ,—большая рѣдкость въ преріи, обличающая нѣкоторую зажиточность,— на которомъ, стройная, какъ пальма, свѣжая, златокудрая, съ чудными черными глазами красавица Кэтъ, единственная дочь хозяевъ, играла разные вальсы и шотишъ и аккомпанировала пѣвцамъ и пѣвицамъ. За нимъ теперь сидѣлъ, какъ-то машинально перебирая клавиши, сухой, длинный, со впалою грудью, съ какимъ-то блуждающимъ, полу-идіотскимъ взглядомъ узкихъ голубыхъ глазъ, медіумъ, дѣйствительно напо-

минавшій собою одну изъ семи тощихъ коровъ. Вокругъ него, сбившись въ кучку, стояли нѣсколько женщинъ и смотрѣли на него такимъ восторженно-удивленнымъ, сладкимъ, преданнымъ взглядомъ, какъ смотрятъ у насъ въ деревняхъ на „блаженненькаго". „Что-то съ нимъ такое? что онъ думаетъ? Можетъ, изречетъ что-нибудь?"—говорили ихъ, напряженно слѣдившія за нимъ, лица.

Вдругъ онъ вытянулся и, обведя все собраніе взглядомъ, какъ-то глухо произнесъ:

— Начнемъ...

Немедленно заходили, затопали, задвигали стульями, притушили лампу, такъ что въ комнатѣ образовался полумракъ, и усѣлись въ кругъ,—такимъ образомъ, что каждый мужчина имѣлъ съ своей правой стороны женщину,—взялись за руки и придвинули каждый сосѣдъ ногу къ ногѣ своей сосѣдки.

Наступило молчаніе.

Я окинулъ взглядомъ сидѣвшихъ. Всѣ лица какъ-то тупо, напряженно смотрѣли впередъ. Толстое лицо Вильсона уже не смѣялось своей вѣчно доброй, веселой улыбкой: оно точно окаменѣло; аптекарь не жевалъ, весь вытянулся и подался впередъ; маленькая ручка моей сосѣдки, нервной Кэтъ, розовое личико которой слегка поблѣднѣло, задрожала въ моей рукѣ...

— Джент'мэны и леди!—вдругъ прервалъ молчаніе хриплый голосъ медіума, и все собраніе слегка вздрогнуло отъ этого голоса.—

Джент'мэны и леди, братья и сестры!.. Отбросьте въ настоящую минуту свои сомнѣнія, если они живутъ въ комъ нибудь изъ васъ!.. Братья и сестры! духи могутъ не придти, если вы всѣ не будете вѣрить.... Братья и сестры! помните: одна паршивая овца портитъ все стадо!... изгоните ее, если она есть среди васъ!... Изгоните ее, братья и сестры!.. Приготовьтесь къ страшной и чудной минутѣ!—И медіумъ, точно въ изнеможеніи, упалъ на стулъ.

Наступило опять молчаніе и всѣ лица стали еще тревожнѣе, еще напряженнѣе. Толстый Вильсонъ самъ дрожалъ въ эту минуту, аптекарь поблѣднѣлъ. Медіумъ какъ-то дико смотрѣлъ въ одну точку; его почитательницы, съ мистриссъ Вильсонъ до аптекаря включительно, превратились въ какихъ-то сфинксовъ съ блѣдными, какъ полотно, лицами... Моя сосѣдка дрожала, какъ листъ. Этотъ полумракъ, царившій въ комнатѣ, это гробовое молчаніе среди такого многолюднаго собранія, эти напряженныя, поблѣднѣвшія, точно окаменѣвшія въ ожиданіи чего-то страшнаго и таинственнаго, лица, наконецъ, слова, сказанныя медіумомъ его глухимъ гробовымъ голосомъ,—все это не могло не повліять на нервы и воображеніе....

Мою сосѣдку съ лѣвой стороны вдругъ забила лихорадка. Это непріятное щелканье зубовъ, прервавшее гробовую тишину, вызвало какой-то нервный холодъ и дрожь по тѣлу...

— Братья и сестры! готовы-ли вы?—прохрипѣлъ медіумъ, и глаза его сдѣлались совсѣмъ дикими: въ нихъ просвѣчивало изступленіе. Всѣхъ сидѣвшихъ передернуло... моя сосѣдка чуть не вскрикнула...

— Готовы-ли вы?

Въ кругу раздалось нѣсколько нервныхъ вздоховъ.

— Готовы-ли вы? Великая минута приближается... я слышу... духи близко: меня давитъ что-то!..

Какъ-бы въ отвѣтъ на это, раздалось вдругъ шипѣнье, хрипѣнье и звонокъ: часы пробили два или три раза, я не помню... Эти звуки столь обыкновенные въ другое время, теперь особенно непріятно раздались въ ушахъ.

— Братья и сестры!

Медіумъ, какъ бѣшеный, вскочилъ со стула; глаза его блуждали дико по сторонамъ, все лицо искривилось и судорожно подергивалось; правую руку онъ далеко откинулъ отъ себя, а лѣвою выдѣлывалъ разные жесты.

— Я вижу!... вижу! — изступленно кричалъ онъ, при чемъ хриплый крикъ болѣзненно отзывался на нервахъ:—вижу!.. вотъ... они... они.. лучезарный вѣнецъ!.. корона!... духи!.. Братья и сестры! жизнь течетъ! Другой міръ!.. Привѣтствуемъ васъ, великіе гости!..

Пѣна била у него изо рта, все тѣло, не говоря уже о лицѣ, точно кривилось въ судорогахъ; лѣвая рука описывала въ воздухѣ то

дуги, то прямые углы, и только одни глаза точно окаменѣли въ своихъ орбитахъ.

Потомъ бредъ смѣнился хриплымъ рычаньемъ, перешедшимъ въ настоящій вой. Медіумъ запѣлъ визгливымъ фальцетомъ какой-то гимнъ, въ которомъ слово „духи“ чередовалось съ словами „счастливая страна и любовь“, и началъ прыгать и вертѣться.

— Давитъ... давитъ... грудь... голова... Духи великіе!—произнесъ онъ и, какъ снопъ, повалился на полъ.

Что происходило въ это время съ зрителями, я описывать не стану: всякій легко себѣ представитъ ихъ состояніе. — Говорятъ, что нервный человѣкъ, смотря на коверкающагося въ судорогахъ падучей болѣзни, самъ легко можетъ заболѣть тутъ же: настолько сильно впечатлѣніе, производимое этимъ видомъ страданія. То же самое происходило и тутъ. Это страшное, отвратительное состояніе, въ которомъ находился медіумъ, его крики, галлюцинаціи, кривлянье и жесты, пѣна, бившая изо рта, должны были произвести самое страшное впечатлѣніе на сидѣвшихъ. Достаточно сказать, что вслѣдъ за паденіемъ медіума въ кругу раздалось нервное истерическое рыданіе, и одна изъ женщинъ, вскочивъ какъ помѣшанная, съ растрепанными волосами, такимъ же блуждающимъ, какъ и у медіума, взоромъ, начала бредить, кричать, рыдать и пѣть. Пѣніе, плачъ, крики, стонъ поминутно чередовались

между собою; она то стучала кулаками въ грудь, то судорожно разнимала руки, то подавалась впередъ или откидывала назадъ голову. За нею поднялась другая, третья, четвертая, поднялись mrs. Вильсонъ и аптекарша... Все это кричало, плакало, пѣло, неистовствовало, прыгало и вертѣлось вмѣстѣ.—Просто сцена изъ Вальпургіевой ночи, какой-то сказочный шабашъ вѣдьмъ. Лица утратили всякое подобіе человѣческихъ: что-то пьяное, дикое, сумасшедшее, крайне отвратительное отпечатлѣлось на нихъ; глаза точно окаменѣли и, какъ у трупа, глядѣли впередъ, ничего не видя, руки летали въ воздухѣ въ различныхъ направленіяхъ; хриплые, точно придушенные крики, пронзительные стоны, пѣніе какое-то дикое, раздиравшее уши своими визгливыми тонами, глухой ревъ, сапъ, одышка бѣсновавшихся дѣлали эту сцену невыносимой, такъ что, когда мои сосѣдки, потрясенныя этимъ видомъ, сами бросились въ истерику и начали то дико хохотать, то метаться въ судорожныхъ рыданіяхъ, и эти звуки пришлись мнѣ прямо надъ ухомъ, я рѣшился отрезвить, привести въ сознаніе этотъ ужасный Бедламъ. Я быстро вскочилъ, съ шумомъ отбросилъ стулъ въ сторону, подбѣжалъ къ лампѣ и пустилъ сильную струю свѣта.

Шумъ отъ паденья стула, мои шаги, сильный, яркій свѣтъ, моментально освѣтившій комнату, не могли не произвести дѣйствія, подобнаго струѣ холодной воды. Всѣ сидѣвшіе

точно ожили, какъ-то свободно вздохнули, и когда прошли первые моменты общаго нѣмого удивленія по поводу такого поступка съ моей стороны, почти всѣ, радостно потягиваясь и позѣвывая, какъ послѣ тяжелаго сна, оставили свои мѣста. Никто и не думалъ протестовать или требовать продолженія сеанса. Вильсонъ началъ съ „годдемъ“, а кончилъ увѣреніемъ, что онъ „самымъ хладнокровнымъ образомъ смотрѣлъ на эту комедію“, при чемъ тщательно избѣгалъ моего взгляда; аптекарь только иронически улыбался; кое-гдѣ слышались замѣчанія, что это были бѣсноватыя, и одобреніе моего поступка. „Бѣсновавшіеся“, пораженные вдругъ яркимъ свѣтомъ и шумомъ, остановились, точно приходя въ себя; нѣкоторые попадали на стулья, точно въ забытьи, другіе хотѣли продолжать свои кривлянья, но крайне неуспѣшно, и незамѣтно исчезли среди поднявшагося общаго движенія и шума.

Одинъ медіумъ протестовалъ и увѣрялъ, что за такіе поступки духи иногда строго наказываютъ.

— Вы изъ сомнѣвающихся?—какъ-то презрительно-иронически спросилъ онъ меня.

— Не только изъ сомнѣвающихся, но и изъ положительно невѣрующихъ!—отвѣчалъ я.

— А сегодняшній вечеръ? Развѣ вы не убѣдились?

— Въ чемъ же убѣдиться? Въ томъ, что люди или притворялись, или дѣйствительно

впали въ болѣзненно-нервное, пьяное, восторженное состояніе?

— Нѣтъ, сэръ! Эти люди — произнесъ онъ торжественно строго:—не больные... напротивъ: ихъ природа гораздо тоньше вашей, вслѣдствіе чего они имѣли способность впадать въ особое счастливое, блаженное состояніе, когда грубымъ глазамъ человѣка открывается высшій міръ... На это не всякій способенъ...

— Совершенно вѣрно,—здоровый человѣкъ не способенъ. Но скажите: отчего не всѣ удостоились видѣть духовъ, а только единицы?

— Виною этому, сэръ, ваша грубая природа. Наконецъ, духи могутъ не желать говорить съ вами: они имѣютъ своихъ избранныхъ. Впрочемъ, послѣднія откровенія говорятъ, что міръ скоро преобразуется и всѣ будутъ способны увидѣть этотъ чудный, безсмертный, блаженный міръ.

Наставительно торжественный тонъ, которымъ медіумъ поучалъ меня и который въ сущности доставлялъ ему всегда извѣстное вліяніе на другихъ, болѣе робкихъ, крайне непріятно поразилъ Вильсона.

— Скажите, пожалуйста,—спросилъ онъ: если дѣйствительно тотъ міръ такъ прекрасенъ, настолько лучше нашего, то отчего вы не повѣситесь,—тѣмъ болѣе, что, какъ спиритъ, не вѣрите ни въ грѣхи, ни въ наказаніе за нихъ?

Очень можетъ быть, что медіумъ отвѣтилъ-бы не менѣе дерзкой фразой,—но ему помѣшалъ общій громкій хохотъ присутствовавшихъ, раздавшійся при этомъ вопросѣ. Хохотъ положительно заставилъ его смѣшаться: онъ замялся, сконфузился и отошелъ въ сторону, презрительно пожимая плечами.

Раздалась музыка, началось пѣніе, танцы, толки о политикѣ и соціальныхъ вопросахъ...

Давно прошла полночь, когда Вильсонъ съ аптекаремъ, верхомъ на своихъ пони, сопровождали насъ всѣхъ, сидѣвшихъ въ телѣгѣ, и крѣпко подтрунивали надъ своими половинами, увѣряя, что тѣ предъ сеансомъ „потянули малую толику виски“, а въ телѣгѣ шли шутки, рукопожатья и многое такое, чего никто не видѣлъ и не долженъ былъ видѣть...

Спириты насчитываютъ своихъ послѣдователей въ Соединенныхъ Штатахъ не сотни, не тысячи, а цѣлые милліоны. Въ средѣ ихъ шла ожесточенная борьба, которая дѣлила ихъ на два враждебные лагеря: одинъ, требовавшій какой-то спиритической организаціи, основанія чего-то въ родѣ спиритическаго общества, или, вѣрнѣе, церкви; другой, отрицавшій всякую организацію, какіе-бы то ни было законы и предписанія, все, что напоминало бы собою государство въ государствѣ, требовавшій безусловной свободы мнѣній, взглядовъ, убѣжденій

для всякаго послѣдователя спиритизма. И тѣ, и другіе имѣютъ свои конгрессы, своихъ президентовъ, свои органы печати, постоянно грызущіеся съ „матеріалистическими“ газетами и съ различными христіанскими сектами, имя которымъ въ Америкѣ—легіонъ.

Органомъ свободныхъ спиритовъ служила, между прочимъ, еженедѣльная газета „Woodhull and Claflin Weekly“, издававшаяся госпожею Вудхолъ, президентомъ ихъ конгрессовъ, извѣстной защитницею женскихъ правъ и рабочаго вопроса. Сначала она была медіумомъ, дебютировала въ Чикаго, гдѣ вызывала духовъ, вела съ ними корреспонденцію для желающихъ, и пр., но затѣмъ, оставивъ ремесло медіума, дававшее ей значительныя средства къ существованію, обратилась на путь соціальной пропаганды, оставшись все-таки горячимъ прозелитомъ спиритизма: она увѣряла, что даръ замѣчательнаго, блестящаго краснорѣчія, свои идеи, свои убѣжденія она черпала отъ духа знаменитаго греческаго оратора Демосѳена, постоянно-де язляющагося и сопутствующаго ей.

Противники спиритовъ, которые не могутъ не уважать эту смѣлую, честную, умную отъ природы женщину, объясняютъ ея приверженность къ спиритизму плохимъ философскимъ развитіемъ, обусловливающимъ ея вѣру въ духовъ. Этотъ недостатокъ, въ связи съ плохимъ

знаніемъ точныхъ наукъ *), и создаютъ такое положеніе, при которомъ человѣкъ всѣ таинственныя, поражающія явленія природы долженъ объяснять, разумѣется, не законами, а чѣмъ-нибудь въ родѣ духовъ и ихъ проявленій. Что же касается до увѣреній Вудхолъ, что она сама видитъ духовъ и постоянно бесѣдуетъ съ духомъ Демосѳена, то это объясняется очень возможными галлюцинаціями органовъ слуха и зрѣнія, при такой впечатлительности, нервности, восторженности, какими обладаетъ она, и при ея страшной, неутомимой, крайне энергической нервной дѣятельности.

Дѣйствительно, болѣе смѣлаго, энергическаго, неустрашимаго пропагандиста отыскать трудно. Чего только не вынесла она! Сколько пошлости, звѣрства, клеветъ, преслѣдованій не сыпалось на нее по поводу ея защиты женскихъ правъ,—она все продолжала дѣйствовать неутомимо. Ее смѣшивали съ грязью и называли публичной женщиной; какъ „публичной женщинѣ", ей отказывали хозяева отъ квартиры, частныя школы выгоняли ея дѣтей за то, что они „имѣютъ такую мать",

*) Американцы вообще, въ массѣ, отличаются диллетантизмомъ и бѣдностью философскаго и, если хотите даже политическаго развитія. Рабочіе Парижа, напр., развиты неизмѣримо больше и неизмѣримо больше знакомы съ соціальными науками, чѣмъ рабочіе Америки. При этомъ они любятъ дѣлать выводы и обобщенія,—само собою разумѣется, иногда крайне смѣшныя и ложныя; такъ, напр., мой знакомый Mr. Truman пришелъ къ убѣжденію, что главныя бѣды человѣчества,

и даже, въ концѣ-концовъ, ее посадили въ тюрьму, изъ которой она, впрочемъ, вышла торжествующей.

Случилось это по такому поводу. Вудхолъ назначила день собранія, на которомъ хотѣла произнести рѣчь. Партія, враждебная ей, стремилась во что бы то ни стало помѣшать этому собранію и произнесенію рѣчи. Чтобы достигнуть этого, она подговорила одного изъ своихъ членовъ, получавшаго газету Вудхолъ, обвинить ее предъ судьей въ „распространеніи грязной литературы по государственной почтѣ", что строго наказывается закономъ. Этотъ господинъ, дѣйствительно, предъявилъ судьѣ (принадлежавшему къ той-же партіи) послѣдній № журнала и заявилъ претензію. Въ самый день, когда должно было состояться собраніе, судья вызвалъ Вудхолъ въ судъ и потребовалъ отъ нея, впередъ до рѣшенія дѣла, 200.000 долларовъ въ обезпеченіе ея личности. Не смотря на то, что друзья ея охотно вызвались представить немедленно требуемую сумму, Вудхолъ объявила судьѣ, что если-бы онъ потребовалъ съ нея и 1

развратъ и болѣзни, происходятъ отъ того, что люди стали носить платья, въ силу чего онъ началъ пропагандировать наготу, увѣряя при этомъ, что люди, имѣя возможность постоянно любоваться высшею красотою, человѣческимъ тѣломъ,—перестанутъ развратничать, а свободный притокъ воздуха къ тѣлу создастъ здоровье. Свою теорію онъ пропагандировалъ и словомъ, и дѣломъ, изъ-за чего выходило много исторій.

центъ, то она и тогда отказалась-бы заплатить, и требовала препровожденія ея въ тюрьму. Немедленно было объявлено въ залѣ собранія, что Вудхолъ не будетъ говорить, такъ какъ чрезъ 3 часа она будетъ арестована. Публика начала расходиться, но въ это время прибыли друзья Вудхолъ и объявили, что она непремѣнно будетъ сегодня говорить. Въ виду такого заявленія, публика осталась, а къ дверямъ прибыла полиція съ тѣмъ, чтобы не пустить Вудхолъ въ залу, такъ какъ три часа отсрочки даны ей были не для произнесенія рѣчей, а для устройства домашнихъ дѣлъ, какъ мотивировала полиція свое постановленіе. Но Вудхолъ тѣмъ не менѣе явилась, переодѣвшись старой квакершей. Взойдя на трибуну при крикахъ одобренія и рукоплесканіяхъ публики, она сбросила чепчикъ и плащъ и начала свою рѣчь. Кончивъ, она обратилась къ полиціи, не смѣвшей войти въ залу и помѣшать ей, съ словами: „Теперь ведите меня!“ Нечего и говорить, съ какимъ энтузіазмомъ провожала ее публика, какой страшный шумъ и движеніе распространились по Нью-Іорку! Достаточно сказать, что на другой день она была освобождена, не внеся ни цента залога.

Другая, не менѣе распространенная, газета спиритовъ—„Banner of Light“ —„Знамя Свѣта“, издающаяся въ Чикаго. На ея столбцахъ помѣщаются всѣ продѣлки духовъ въ данное время, происшедшія въ Соединенныхъ Шта-

тахъ, различные сеансы, видѣнья, имена извѣстнѣйшихъ медіумовъ и пр. Она заявляетъ, напримѣръ, что такой-то, живущій тамъ-то, занимающійся тѣмъ-то, объявляетъ, что ему являлись духи въ такомъ-то числѣ и видѣ, и говорили то-то, и т. д.

Кромѣ многихъ газетъ, спириты пишутъ цѣлые объемистые томы сочиненій, и очень можетъ быть, что слово „сочиненія“ нужно прилагать въ большинствѣ случаевъ буквально къ ихъ произведеніямъ.—„Не смѣйтесь, не смѣйтесь.... не относитесь къ намъ слегка! изслѣдуйте наше ученіе, наши творенія...“— говорятъ они,—и тутъ-же для доказательства, для изслѣдованія предлагаютъ вамъ разные случаи изъ спиритическихъ газетъ, или громадные томы подъ такими заглавіями: „Мои бесѣды съ Вашингтономъ, Пэномъ, Франклиномъ и проч. духами великихъ людей“, или: „Что говорили мнѣ духи о матеріализмѣ“, „Мой разговоръ съ духомъ Огюста Конта и Овэна“ и тому подобныя доказательства.

Большинство послѣдователей старо-соціальной школы въ Америкѣ—спириты; такъ напр., всѣ Шэкеры, отчасти Мармоны и пр.; но, кромѣ того, спиритами основаны многія коммуны, въ которыя принимаются членами только спириты, да и то еще съ соизволенія духовъ, высказываемаго посредствомъ одного изъ медіумовъ. Такихъ коммунъ насчитывалось въ 1873 году довольно много. Въ этихъ

коммунахъ всѣ дѣла, всѣ предпріятія, всѣ постановленія и законы проходятъ чрезъ высшую инстанцію „духовъ“, которымъ предоставлено право „veto“, изрекаемое ими устами медіума. Все, что бы тамъ ни случилось, дѣлается по волѣ духовъ, что бы кто ни задумалъ,—нужно спросить духовъ. Личная иниціатива, индивидуальность изгнана изъ этихъ обществъ, потому что главнымъ распорядителемъ всего является медіумъ. И такое устройство общества спириты желаютъ навязать всему міру. „Это—величайшее счастье!“—говорятъ они; а когда увидятъ на лицѣ улыбку сомнѣнія, то принимаютъ ироническій тонъ и, подсмѣиваясь, говорятъ вамъ: „Впрочемъ, что!... Вы слѣпцы! Когда ваши величайшіе люди,—люди, которымъ вы поклоняетесь,—создали свои величайшія творенія, которыхъ вы не могли понять,—вы назвали ихъ сумасшедшими... Что же послѣ этого мы для васъ!?..“

Община Фрея.

Въ 1871 г. на югѣ Канзаса, въ мѣстности, всего два года передъ тѣмъ оставленной индѣйцами, ушедшими на три мили южнѣе въ пограничную „Indian Territory," поселился вмѣстѣ съ женою и другомъ своимъ, американцемъ Бригсомъ, молодой русскій, Фрей (Владиміръ Гейнсъ), оставившій Россію еще въ 1868 году... Претерпѣвъ всевозможныя невзгоды, нужду, лишенія, голодъ,—словомъ, все то, что такъ неразрывно связано съ первыми днями жизни каждаго русскаго на американской почвѣ, благодаря полнѣйшему незнанію языка, обычаевъ и условій страны, отсутствію необходимой житейской практичности и навыка въ работѣ, онъ отправился было во вновь устроившуюся общину въ штатѣ Миссури съ женою и ребенкомъ. Община скоро распалась, и Фрей опять остался, какъ былъ,—ни съ чѣмъ, но зато, живя въ общинѣ. онъ сошелся съ Бригсомъ, съ которымъ и рѣшился основать новую общину. Денегъ у нихъ не было: все имущество,

доставшееся имъ послѣ раздѣла общинной собственности, заключалось только въ парѣ лошадей съ телѣгой, коровѣ, да желѣзной печкѣ,—значитъ, нужно было ѣхать въ далекія пустынныя преріи, гдѣ земля ничего не стоитъ, и тамъ поселиться; такъ они и сдѣлали. Бригсъ, поѣхавшій выбрать мѣсто, остановился на землѣ, оставленной осседжами, въ Howard County Канзаса, которую правительство продавало по 1,25 за акръ, и взялъ два смежныхъ участка въ 150 акровъ каждый, въ 4 миляхъ отъ основавшагося уже городка Cedar Vale. Переселеніе ихъ было цѣлымъ рядомъ невзгодъ и лишеній. Зима стояла суровая, какой давно не помнили. Переселенцы поотмороживали пальцы рукъ и ногъ, питались самой скудной пищей, и въ это время рыли землянку, гдѣ могли-бы пріютиться на первое время, до постройки дома, жена и ребенокъ, ожидавшіе наступленія весны для переселенія; сами-же пристроились пока въ лачугѣ гостепріимнаго сосѣда-піонера. Весною землянка была готова. Пріѣхали Мэри Фрей и ребенокъ, съ телѣгой, нагруженной сѣмянами, птицей и утварью, и переселенцы, накупивъ досокъ въ городкѣ, принялись за постройку дома и полевыя работы. Годъ спустя послѣ этого, я, живя на сѣверѣ Канзаса, съ нетерпѣніемъ ожидалъ отвѣта отъ нихъ на мое письмо, въ которомъ просилъ позволенія на-

вѣстить ихъ и присмотрѣться къ ихъ житью-бытью.

„Вы, безъ всякаго сомнѣнія, сами понимаете,—писалъ мнѣ Фрей:—съ какою радостью встрѣтимъ и я, и жена моя всякаго русскаго, желающаго пріѣхать къ намъ, будетъ-ли его цѣлью только навѣстить насъ, или остаться съ нами навсегда. А что будетъ пріятно намъ, то будетъ пріятно и нашему дорогому другу, старику Бригсу. Но какъ-бы я ни желалъ васъ видѣть у себя, я считаю своею первою обязанностью посовѣтовать вамъ прежде крѣпко подумать, чѣмъ двинуться сюда... Мы живемъ крайне бѣдно, бѣднѣе даже русскаго крестьянина, у котораго изба все-таки теплѣе нашей. У насъ нѣтъ ни чаю, ни сахару, ни кофе; мы не ѣдимъ говядины и свинины, и все это къ тому же считаемъ очень вреднымъ. Кромѣ того, если вы курящій, вамъ придется бросить эту привычку, такъ какъ нашъ другъ Бригсъ, ненавидящій табачный дымъ, только подъ тѣмъ условіемъ согласенъ на пріѣздъ къ намъ новыхъ лицъ". Затѣмъ Фрей писалъ, что къ нимъ прибылъ одинъ американецъ съ цѣлью поступить въ общину и находится теперь на „испытаніи", что краткость его письма ко мнѣ обусловливается отсутствіемъ свободнаго времени, такъ какъ онъ заваленъ массою писемъ отъ лицъ, справляющихся объ ихъ житьѣ-бытьѣ и условіяхъ поступленія въ общину, на которыя нуж-

но отвѣчать, и въ концѣ приложилъ маршрутъ.

Ближайшая станція желѣзной дороги, „Independence“, точно по мановенію волшебнаго жезла выросшій въ три года городъ, отстоялъ отъ нихъ на сорокъ миль къ сѣверо-востоку. „Эти сорокъ миль,—писалъ Фрей:—вы можете проѣхать въ дилижансѣ, который три раза въ недѣлю отходитъ изъ Independence'а въ Cedar Vale чрезъ Peru, столицу нашего County, за шесть долларовъ“. Съ необычайною быстротою мчалъ меня поѣздъ по холмамъ и долинамъ Канзаса, пересѣкая быстрые ручьи и глубокіе овраги, пугая дикихъ степныхъ курицъ, останавливаясь только на двѣ-три минуты у небольшихъ телеграфныхъ станцій, замѣняющихъ собою наши вокзалы, да иногда убавляя ходъ до тихаго шага, чтобы взять поджидающаго на насыпи пассажира *).

Чѣмъ дальше къ югу, тѣмъ пустыннѣе становилась мѣстность, тѣмъ меньше фермъ и городковъ встрѣчалось по дорогѣ; безконечнымъ желто-зеленымъ (было начало февраля) ковромъ раскидывалась волнообразная, холми-

*) Въ Америкѣ, въ особенности въ мѣстахъ пустынныхъ, можно сѣсть въ поѣздъ и не со станціи, для чего стоитъ только, стоя на насыпи, махнуть платкомъ приближающемуся поѣзду, при чемъ машинистъ немедленно убавитъ ходъ, а кондукторъ выдастъ вскочившему пассажиру билетъ для проѣзда отъ ближайшей къ данному мѣсту станціи. Другое удобство всѣхъ американскихъ дорогъ то, что билетъ на проѣздъ теряетъ

стая прерія, далеко-далеко сливаясь съ ясно-голубымъ небомъ, безъ малѣйшаго пятнышка, безъ единой тучки, съ однимъ только яркимъ, но еще плохо грѣвшимъ солнцемъ. Легкая дымка тумана, обличавшая присутствіе шаловливыхъ звонкихъ степныхъ ручьевъ, волнуясь, обнимала подошвы холмовъ, и нѣжно, клубами окутывала голые сучья великановъ берегового лѣса: вѣкового дуба, съ толстою, покрытою свѣтло-зеленымъ мохомъ, корою, высокой, но тонкой и раскидистой сикоморы, коренастаго орѣха, да колючихъ, растопырившихся во всѣ стороны кустарниковъ. По дѣвственнымъ лугамъ и долинамъ бродили дикія стада, задиравшія хвосты и съ громкимъ мычаньемъ метавшіяся во всѣ стороны при приближеніи поѣзда; прыгалъ, какъ резиновый мячикъ, пущенный сильною рукою, степной кроликъ, да, громко хлопая тяжелыми крыльями, перелетали съ мѣста на мѣсто большія стада степной дичи. Тихо, незамѣтно подкрался вечеръ, румяня ярко-розовымъ свѣтомъ и вагоны, и прерію, и небо; какъ громадное раскаленное ядро, повисло на горизонтѣ, теперь безопасное для глазъ, а прежде такое яркое, ослѣпительное

свою силу только съ дѣйствительнымъ проѣздомъ пассажира, а никакъ не съ просрочкой времени. Съ билетомъ, взятымъ сегодня, можно ѣхать чрезъ 2 года и оставаться на неопредѣленное время въ тѣхъ пунктахъ дороги, какіе указаны въ билетѣ. Съ проѣздомъ извѣстнаго разстоянія, извѣстная часть билета отрывается кондукторомъ.

солнце, медленно удаляясь и уступая свое мѣсто блѣдной лунѣ да брилліантовымъ звѣздамъ.

Вдругъ, сильный, рѣзкій свистокъ, тихій ходъ и остановка...

Что такое? Все бросилось къ окнамъ разузнать, въ чемъ дѣло. Впереди былъ глубокій оврагъ съ перекинутымъ черезъ него, не особенно большимъ, мостомъ. У моста слышались голоса. Къ пассажирамъ подошелъ кондукторъ.

— Мостъ опасенъ!.. Кто хочетъ можетъ выйти... оврагъ можно пройти пѣшкомъ...

— А поѣздъ?..

— Поѣздъ пойдетъ...

— Провалиться можно?

— Можно... сваи расшатались...

— И проѣхать можно?...

— И проѣхать можно.

Никто не вышелъ. Раздалось обычное „all right“... свистокъ... и поѣздъ, еле-еле двигаясь, проѣхалъ дрожавшій мостъ. Сошло благополучно.

И опять помчался поѣздъ съ тою невообразимой быстротою, которая характеризуетъ американскую ѣзду по желѣзнымъ дорогамъ. Въ ярко освѣщенномъ, богато убранномъ, очень длинномъ вагонѣ (на американскихъ желѣзныхъ дорогахъ нѣтъ классовъ) кто расположился продолжать сонъ, прерванный остановкою поѣзда, кто продолжалъ чтеніе, разговоръ

или игру въ карты, до которой было не мало охотниковъ. Опять забѣгалъ буфетчикъ, предлагая то фрукты, сласти, сигары, или романы, карикатуры и памфлеты, то, такъ называемые, „сюрпризы“,—небольшіе запечатанные ящики со всевозможными мелочами: резинкою, ножикомъ, конфектами и прочими вещами, въ числѣ которыхъ счастливцу могъ попасться и серебряный долларъ, вкладываемый для приманки, за полъ доллара. Больше всего ловятся на эти сюрпризы любопытныя американскія „миссъ“ и неопытные, добродушные европейскіе эмигранты.

Нигдѣ такъ не привлекательна ѣзда по желѣзнымъ дорогамъ, какъ въ Америкѣ. Нѣтъ никакихъ классовъ, купэ и пр. Пассажиры помѣщаются въ одинаковыхъ большихъ, похожихъ на длинныя залы, вагонахъ, чрезвычайно удобно и роскошно устроенныхъ, съ превосходной, доведенной до совершенства, вентиляціей. Полнѣйшая свобода царствуетъ въ вагонѣ: никто не кричитъ на васъ, никто не указываетъ мѣста, гдѣ можно, гдѣ нельзя стоять или сидѣть, никто не приказываетъ входить или не выходить, никто не смотритъ за вами: вы сами себѣ хозяинъ, хоть прыгайте изъ вагона.

На всѣхъ почти дорогахъ, за небольшимъ исключеніемъ вновь построенныхъ, въ поѣздѣ находятся и великолѣпные спальные дворцы-вагоны и буфетъ, въ которомъ вы за сравни-

тельно недорогую плату получаете великолѣпную, свѣжую и чисто приготовленную пищу, не заходя въ вокзалы, которыхъ тамъ и нѣтъ, если не называть такъ небольшія телеграфныя будки, испещренныя объявленіями и вывѣсками всевозможныхъ цвѣтовъ и содержаній, подчасъ весьма курьезныхъ, въ родѣ слѣдующаго: „Жены, не желающія видѣть своихъ мужей истощенными, пусть покупаютъ для нихъ „Знаменитый элексиръ противъ худобы“ у моего мужа-изобрѣтателя, аптекаря въ Чикаго! Драгоцѣнный подарокъ женамъ!“ Затѣмъ слѣдуетъ подпись, улица и домъ; или слѣдующей: „Носки Гранта!—Всѣ, истинно-преданные союзу республиканцы, непремѣнно пожелаютъ пріобрѣсть себѣ такіе-же носки, какіе носитъ президентъ Грантъ. Дешево и комфортабельно!“ *).

Наконецъ, показался и „Independence“. Трудно было повѣрить, глядя на эти правильно разбитыя, хорошо застроенныя двухъ и трехъэтажными домами улицы, богатые магазины, съ громадными зеркальными окнами, большія гостиницы, какъ напр., „Codvell Hotel“, фа-

*) Какъ извѣстно, американцы—большіе мастера на рекламы, и изобрѣтательность ихъ въ этомъ отношеніи доходитъ до величайшихъ курьезовъ. Извѣстно, напр., что фабриканты обезпечиваютъ опредѣленной суммой семью преступника, осужденнаго на казнь, съ условіемъ, чтобы тотъ въ своемъ „послѣднемъ словѣ“ крикнулъ съ эшафота: „Покупайте то-то у такого-то!“—Во время моего пребыванія въ Штатахъ случился,

брики, банки и типографіи,—что городу всего три года, что это еще младенецъ, который долженъ расти и расти,—и онъ ростетъ сказочно. Двумя днями только раньше меня возвратились въ Independence делегаты, которыхъ городъ посылалъ въ конгрессъ хлопотать объ оставленіи въ Independence'ѣ „Land office'а". Весь городъ ликовалъ и праздновалъ свою побѣду. Конгрессъ внялъ его ходатайству... А дѣло было важное: отъ такого или иного рѣшенія конгресса зависѣло будущее города. „Land office"—оффиціальная контора, завѣдывающая земельными участками. Тамъ фермеръ долженъ заявлять о взятой имъ землѣ, платить за нее черезъ годъ послѣ заявленія (такъ

однако, небывалый курьезъ,—когда фабрикантъ вздумалъ даже президента обратить въ вывѣску-рекламу... Вновь избранный Грантъ долженъ былъ говорить рѣчь съ традиціонной „платформы" къ избирателямъ. Наканунѣ онъ получилъ отъ фабриканта цѣлый гроссъ (дюжину дюжинъ) прелестныхъ носковъ въ подарокъ, съ вышитыми крупными золотыми буквами именемъ фабриканта и маркой фабрики. Посылая этотъ подарокъ, фабрикантъ просилъ своего „высокоуважаемаго президента", котораго увѣрялъ въ своей „любви и преданности",—непремѣнно надѣть его носки и *только подкатать панталоны*, чтобы всѣ „граждане могли видѣть золотое клеймо фабрики". Грантъ, конечно, обидѣлся. Въ газетѣ было напечатано, что „президентъ никакъ-де не ожидалъ, чтобы нашелся гражданинъ, который смотрѣлъ бы на президента, какъ на вывѣску",—но дѣло было сдѣлано... Этотъ курьезъ разошелся по штатамъ и фабрика стала извѣстной.

какъ вся эта земля принадлежала индѣйцамъ осседжамъ, ушедшимъ дальше на югъ и поручившимъ конгрессу продавать ее по 1 дол. 25 центовъ за акръ, предварительно присягнувъ и представивъ двухъ поручителей, что онъ беретъ ее исключительно для обработки, а не для спекуляцій (это было сдѣлано въ виду того, что многіе спекуляторы въ Америкѣ скупаютъ земли, пока онѣ дешевы, не обрабатываютъ ихъ и, дождавшись, когда земля поднялась въ цѣнѣ, перепродаютъ ее вдвое и даже вчетверо дороже). Присутствіе въ городѣ такой конторы обусловливало собою постоянный наплывъ фермеровъ, а это, въ свою очередь, способствовало торговлѣ. Понятно поэтому, съ какимъ азартомъ и алчностью велись споры между разными городами по вопросу о мѣстѣ пребыванія „Land office“. Споры длились долго... Въ конгрессъ сыпались просьбы, объясненія, доказательства... Ѣздили делегаты, но, какъ видно, доводы и доказательства делегатовъ такого богатаго, сравнительно съ прочими, города, какъ Independence, показались конгрессу самыми убѣдительными и вѣрными.

Оживленіе, суета и споры еще болѣе увеличились, когда телеграфъ, въ день моего пріѣзда, принесъ крупную новость о взяткѣ, данной на-дняхъ, m-r'омъ Померой, сенаторомъ Соединенныхъ Штатовъ отъ Канзаса, нѣкоему мистеру Кребингу, одному изъ вліятельнѣй-

шихъ лицъ въ Канзасѣ и члену канзасскаго сената, чтобы тотъ не мѣшалъ его вторичному избранію. Взятка была въ 7,000 долларовъ. М-r Кребингъ въ день выборовъ, когда Померой уже заранѣе торжествовалъ свое вторичное избраніе, въ присутствіи всѣхъ представителей канзасскаго штата, положилъ у избирательной урны всѣ 7,000 долл., объявивъ, какимъ образомъ они ему достались, какъ уговаривался съ нимъ Померой и какъ увѣрялъ его „въ пріобрѣтенномъ уже согласіи другихъ.“ Скандалъ вышелъ громадный! Оплеванный, провалившійся сенаторъ Померой былъ призванъ къ суду „Верховнымъ судомъ“ а на мѣсто его избранъ J. J. Ingels.

Что происходило въ Independence'ѣ по полученіи этого извѣстія, и передать трудно. Нужно быть знакомымъ съ американской жизнью, со взглядомъ избирателей на своихъ представителей, съ тѣмъ безпредѣльнымъ уваженіемъ, съ какимъ они относятся къ своимъ избирательнымъ правамъ, чтобы понять всю суету, весь шумъ, поднявшійся на улицахъ, перекресткахъ, въ магазинахъ, гостиницахъ и пр. мѣстахъ. Телеграммы, требующія всевозможныхъ разъясненій, летали за телеграммами. Газеты читались на расхватъ... Цѣлая масса народа столпилась у желѣзнодорожной станціи, ожидая поѣзда, который долженъ былъ привезти письма и газеты изъ „Тупики“—столицы Канзаса... Вездѣ кучки... жесты, крики, изъ

которыхъ явственнѣе и чаще всего произносились: „Годдемъ... 7,000... мистеръ Кребингъ... мистеръ Померой... мистеръ Ингельсъ... взятка... повѣсить...“ Извѣстіе было настолько поразительно и разнеслось такъ быстро, что черезъ нѣсколько часовъ множество фермерскихъ телѣгъ уже толпилось по улицамъ города, и съѣхавшіеся дюжіе, молчаливые фермеры, съ неизмѣнной трубкой и энергическимъ „Годдемъ“, шныряли, прислушиваясь и разспрашивая, по магазинамъ и гостиницамъ, гдѣ услужливые, разговорчивые клерки, съ негодованіемъ сообщая „продѣлку висѣльника Помероя“, не забывали своей обязанности, пользуясь случаемъ, дѣлать свой „бизинесъ“—отмѣрять и отвѣшивать. Многіе купцы, вслѣдъ за полученіемъ этого извѣстія, наняли верховыхъ, чтобы развести его по фермамъ, зная какъ дважды-два, что городъ наполнится людомъ... а карманы долларами.

На другое утро, съ зарею, я уже отправился въ путь, оставивъ свой багажъ въ гостиницѣ „до востребованія“. За городомъ сейчасъ-же начиналась прерія съ ея холмами, глубокими оврагами, ручьями и долинами, съ досчатыми фермерскими домами, число которыхъ, чѣмъ дальше, становилось все меньше и меньше. Дорога, едва пробитая, означенная двумя проложенными колеями, вилась лентой то въ гору, то въ оврагъ, съ крутымъ, опаснымъ спускомъ, пересѣкая часто старыя буй-

воловыя тропы *), и терялась на каменистыхъ, голыхъ вершинахъ холмовъ. Изрѣдка показывался медленно тянувшійся бѣлый фургонъ переселенца, пѣшеходъ, съ котомкой за плечами, сейчасъ-же весело вступавшій въ разговоръ, да возвращавшійся откуда-нибудь фермеръ, предлагавшій вамъ „подсѣсть“ и „подъѣхать“. Попадались и черныя, какъ смоль, обгорѣлыя мѣста, тянувшіяся Богъ вѣсть откуда и кончавшіяся непремѣнно у ручья или мокраго оврага, а кое-гдѣ на горизонтѣ носились черные клубы дыма гдѣ-то далеко горящей преріи.

Было уже далеко за полдень, когда я подошелъ къ торчавшей, въ сторонѣ отъ дороги, одинокой фермѣ пообѣдать. Громадный черный песъ бросился было съ угрожающимъ видомъ и злобнымъ лаемъ, но на обычное: „stop!“—прилегъ и завилялъ хвостомъ. Я постучалъ въ дверь.

— Come in!

Молодой рослый фермеръ сидѣлъ съ трубкой въ зубахъ, въ шляпѣ и съ газетой у стола... Молодая, красивая жена его ловко и скоро убирала со стола посуду и остатки обѣда, прилежно слушая чтеніе. До моего слуха долетѣли отдѣльные звуки: „7,000... взятка... сенаторъ...“

— How do you do?.. (какъ поживаете).

---

*) Путь, которымъ ходятъ буйволы, называется буйволовою тропою. Характеристическій признакъ ея: множество параллельныхъ, глубоко выбитыхъ, колей.

— How do you do, how do you do!..— былъ отвѣтъ:—садитесь...

— Хотите обѣдать?

— Да!

— Что-жъ... можно?—спросилъ фермеръ жену.

— Еще бы... сейчасъ-же, сэръ... подождите одну минуточку, сэръ... только одну минуточку... сейчасъ-же... что любите, чай? нѣтъ?.. кофе? чай? да?.. Берите стулъ, сэръ... одну минуточку...—и она быстро прнялась за работу Желѣзная печка запылала.

Пошли разспросы: откуда? кто? зачѣмъ? Не хочу-ли взять участокъ... отличная-де земля вокругъ и великолѣпный участокъ рядомъ... Что говоритъ Independence по поводу взятки сенатора. Какъ думаютъ на сѣверѣ о монополіяхъ желѣзныхъ дорогъ?.. Развиваются-ли фермерскіе клубы?.. Какова тамъ земля и пр.

Подоспѣлъ и обѣдъ: свинина, сушеное буйволовое мясо, бобы, картофель, яичница и чай. Мистриссъ то и дѣло спрашивала: „не хотите-ли еще?“

Собираясь уходить, я вынулъ было обычные 50 центовъ за обѣдъ, но фермеръ рѣшилъ, что это много, и мы согласились на 30. Пожавъ руки и пожелавъ другъ другу всякихъ благъ, мы разошлись: я—къ дорогѣ, онъ—для какой-то работы.

— Вамъ три ручья по дорогѣ!—крикнулъ онъ мнѣ вслѣдъ:—заночуете у третьяго!..

Темнота стала меня захватывать еще до того, какъ я дошелъ до ручья... Но вотъ по-

слышался шумъ бѣгущей воды... начали выдѣляться болѣе темныя очертанія берегового лѣса и слабый отблескъ костра, разложеннаго ранѣе меня пришедшимъ какимъ-то пѣшеходомъ.

Я пошелъ прямо на свѣтъ.

— Кто тамъ? —окликнулъ въ темнотѣ голосъ.

— Другъ! – отвѣчалъ я.

— Идите къ огню!..

У огня сидѣлъ молодой янки, пришедшій, какъ разсказалъ онъ, взять участокъ вблизи рѣки... Подальше паслась привязанная лошадь, а на кострѣ шипѣлъ небольшой мѣдный чайникъ. Я тоже вынулъ свои припасы; мы напились чаю изъ одного дорожнаго стакана, по очереди,—сначала онъ, послѣ я, —закусили, осмотрѣли револьверы, закутались: я—въ плэдъ, онъ—въ шерстяное одѣяло, и растянулись на „мать-сырой землѣ".

На другой день вечеромъ я былъ уже у Фрея.

Привѣтливо, радостно встрѣтила меня небольшого роста, смуглая, съ черными, какъ смоль, волосами, съ умнымъ, энергичнымъ и добрымъ лицомъ женщина, близко прижимаясь къ которой и не то пугливо, не то удивленно выпучивъ умные черные глазки, стояла дѣвочка, дочь ея, Белла. Вскорѣ пришелъ и Фрей, вышедшій-было на минуту кликнуть остальныхъ къ обѣду. Сегодня онъ былъ поваромъ, вмѣсто жены, которая, недавно оправившись послѣ тяжелой болѣзни, чувствовала себя еще не совсѣмъ хорошо. Фрей, корена

стый, крѣпко сложенный мужчина, съ умнымъ и красивымъ лицомъ, встрѣтилъ меня какъ и жена. Посыпались вопросы съ обѣихъ сторонъ. Каждому изъ насъ хотѣлось узнать, вспомнить какъ можно больше, сказать и передать многое и многое. И онъ и я—мы давно не видали родины, жили долго среди совершенно новыхъ и чуждыхъ условій, другихъ людей, другихъ понятій. Но при встрѣчѣ здѣсь, подъ этимъ новымъ небомъ, на этой широкой волѣ, первое слово наше было—Россія. Только въ такія минуты познаешь, какъ сильно, страстно любишь то, что вскормило, взлелѣяло воспитало и создало тебя, съ чѣмъ ты сжился, что ты научился понимать. Разговоры какъ-то вдругъ перестали клеиться... что-то тяжелое, щемящее охватило душу... Точно поблекла въ глазахъ чудная широкая прерія, погасло ясное солнце, затуманилась голубая, прозрачная даль... и захотѣлось вдругъ страстно, сильно захотѣлось подъ наше бѣдное сѣрое небо, въ наши голыя, холодныя равнины, лѣса!.. дымныя избы!.. Пришли и остальные: старикъ Бригсъ и новый членъ общины, Трюманъ, о пристрастіи котораго къ „обнаженности“ я говорилъ въ прошлой главѣ,—оба спириты и жаркіе поклонники смѣлыхъ обобщеній доктора Тролла *).

*) Докторъ Троллъ гидропатъ и гигіенистъ, отрицающій аллопатическую и всякую лѣкарственную систему лѣченія, и какъ гигіенистъ,—отрицающій безусловно табакъ, кофе, чай, мясо, соль, и пр.

Они работали надъ новой пристройкой къ дому, помылись усѣлись за столъ.

Первый обѣдъ, который я раздѣлилъ съ ними, состоялъ изъ вареныхъ бобовъ и небольшихъ хлѣбцовъ изъ муки съ отрубями Все было прѣсное,—не было на что купить соли.

Община состояла вся изъ Фрея съ женой и ребенкомъ, и двухъ поименованныхъ спиритовъ, и эти лица представляли собою въ одно и то же время и членовъ-общинниковъ и установленное „конституціей“ общины,—какъ называли они свой уставъ,—„начальство“. Фрей былъ секретаремъ, его жена—казначеемъ, Бригсъ, „президентомъ“, Трюманъ—неоффиціальнымъ (онъ еще считался на „испытаніи“) распорядителемъ работъ. Раньше меня пріѣзжалъ къ нимъ одинъ русскій г. Д., братъ извѣстнаго русскаго критика, но оставался тамъ недолго, пока и онъ и общинники съ другой стороны не стали тяготиться другъ другомъ. Г. Д. никакъ не могъ проникнуться вегетаріанизмомъ и спиритизмомъ,—общинники же никакъ не могли примириться съ „грѣшной похотью и жадностью“, какъ они называли желаніе поѣсть мяса, посыпать что-нибудь солью, покурить и выпить чашку кофе или чая. Тщетны были всѣ споры съ ними на этой почвѣ,—нужно было безропотно покоряться... Всѣ споры они прекращали афоризмомъ, что „человѣкъ ѣстъ для того,

чтобы жить, а не живетъ для того, чтобы ѣсть".

Исходя изъ этого положенія, они и нападали деспотически на всякаго мясоѣда, кофе и чае-пійцу, потребителя соли, масла и т. д.

— Человѣкъ долженъ ѣсть столько лишь, чтобы не умереть съ голоду!—говорили они въ такихъ случаяхъ.—Если же онъ будетъ присыпать пищу солью, да сдабривать ее тѣмъ да другимъ, чтобы повкуснѣе было,—онъ непремѣнно съѣстъ больше, чѣмъ слѣдуетъ, а, это будетъ уже чревоугодіе и похоть... Ему нужно всего лишь немного овощей, хлѣба,—пожалуй, яблоко!.. Ну, и ѣшь все это, какъ оно есть,—а не прикрашивай для похоти...

— Но вѣдь соль необходима! — возражали имъ.

— Вздоръ!...—это все глупые аллопаты выдумали... Соль воспаляетъ,—она вредна!.. Положите-ка ее на слизистую оболочку,—посмотрите, что будетъ!? Организму она нужна въ небольшихъ дозахъ, и желудокъ,—этотъ химическій кабинетъ,—выработаетъ ее изъ овощей, въ которыхъ она присутствуетъ...

— Зачѣмъ же вы варите овощи?.. Ѣли бы ужъ ихъ такими, какими онѣ производятся землей!

— А?!—горячились общинники.—Мы варимъ не для вкуса, а для того, чтобы облегчить работу желудку... Зачѣмъ ему лишній трудъ...

Пусть жизненная энергія расходуется на что-нибудь полезное...

— Но мясо-то легче варить желудку, чѣмъ овощи.

— Вздоръ!—опять закричитъ Бригсъ:—все это дураки аллопаты выдумали! Мясо возбуждаетъ, а всякое возбужденіе вредно...

Такимъ образомъ въ общинѣ, устроенной съ цѣлью выработки „идеальнаго строя жизни" царилъ невозможный деспотизмъ, самый ужасный изъ всѣхъ его видовъ,—деспотизмъ „мнѣній и убѣжденій",—и въ данномъ случаѣ даже грубо невѣжественныхъ. Главный руководитель общины, президентъ ея, которому подчинялись всѣ,—мистеръ Бригсъ,— былъ человѣкъ, несомнѣнно, мягкій, честный, но глубокій фанатикъ своихъ предразсудковъ, основанныхъ на крайне плохомъ, диллетантскомъ образованіи, полузнаніи и представлявшихъ „метафизическіе" выводы „aus sich" изъ этихъ полузнаній или, даже вѣрнѣе, обрывковъ знаній. Вегетаріанецъ и троллистъ до мозга костей, онъ крайне подозрительно и предубѣжденно относился къ каждому, кто не соглашался съ нимъ, считая его „тупой головой", неспособной-де оторваться отъ заблужденій, установленныхъ „дураками-аллопатами". Такой представитель „тупой головы" въ его глазахъ являлся непремѣнно „себялюбцемъ,—рабомъ, грѣховной плоти и похоти". Человѣкъ, который сказалъ бы Бригсу, что на вѣру онъ не при-

метъ его обобщеній и выводовъ, въ то время, когда такая масса свѣтилъ науки безусловно говоритъ иное,—что отрицать ему, профану въ области медицины, утвержденія науки глупо,—такой человѣкъ былъ бы непонятенъ Бригсу. „Когда все это такъ просто!"—сказалъ бы онъ и сейчасъ же сталъ бы увѣрять, что вы просто уклоняетесь, изворачиваясь, изъ-за „чревоугодія".

— Это просто увертка, чтобы оправдать свое пристрастіе къ соли, кофе, табаку, мясу и т. д,—сказалъ бы онъ. Нетерпимость его въ этомъ отношеніи доходила до того, что онъ не допускалъ въ общину курящихъ лицъ.

— Я не вѣрю въ человѣка, который сознательно, во имя одного только пріятнаго ощущенія, будетъ отравлять себя никотиномъ!—говорилъ онъ.

Трюманъ—былъ копія съ Бригса, и, какъ всякая копія,—значительно ниже своего оригинала. Ему было за сорокъ лѣтъ; онъ былъ лысъ, некрасивъ, рябоватъ,—но сентименталенъ, какъ выпущенная на каникулы институтка. Перебывалъ онъ во всѣхъ почти сектахъ, побывалъ даже гдѣ-то пасторомъ,—и очутился въ этой общинѣ потому, что она, молъ, только еще „складывалась",—значитъ, способна была „отрѣшиться отъ многихъ предразсудковъ", въ числѣ которыхъ, какъ я уже сказалъ раньше, онъ считалъ и ношенье платья... Свое отрицанье платья онъ основывалъ такъ:

— Платье препятствуетъ воздуху касаться нашего тѣла,—а это, несомнѣнно, вредно... Во вторыхъ:—платье скрываетъ отъ насъ красоту формъ человѣка .. Ничего нѣтъ красивѣе въ мірѣ красоты, напримѣръ, женскаго тѣла,—а, благодаря платью,—люди лишены возможности любоваться имъ, какъ, напримѣръ, любуются цвѣткомъ... Платье, скрывая формы, распаляетъ воображенье, а это ведетъ къ разврату.

Свое отрицанье платья онъ сталъ пропагандировать на дѣлѣ, не смотря на протесты всѣхъ. Когда ему говорили, что сосѣди могутъ счесть это за неприличіе и, пожалуй, даже „мобировать“ общину за развратное-де поведеніе,—онъ пресерьезно предложилъ переселиться всѣмъ на какіе нибудь необитаемые острова,

Самъ Фрей, несомнѣнно, былъ неизмѣримо образованнѣе и развитѣе обоихъ.—Но, къ сожалѣнію, его умъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ, лишенныхъ собственнаго творчества и анализа, умовъ, что такъ легко вообще подчиняются другимъ умамъ, не болѣе сильнымъ, а болѣе упрямымъ и настойчивымъ, и, подчинившись, всегда фанатически затѣмъ отстаивающихъ воспринятое. Человѣкъ, такъ сказать, „личныхъ симпатій“, онъ подчинялся легко лицу, къ которому чувствовалъ влеченье и это обусловливало собою такую путаницу въ его понятіяхъ, взглядахъ, міросозерцаніи, создавало такой хаосъ, что разобраться въ этой кашѣ было положительно невозможно... Въ одно и

то же время, благодаря вліянію Бригса, съ одной стороны, и знаніямъ и взглядамъ усвоеннымъ до знакомства съ Бригсомъ,—онъ былъ и какъ бы спиритъ и не спиритъ, и троллистъ и не троллистъ, и врагъ индивидуальности, и заступникъ ея и т. д., и т. д. до безконечности. Что онъ былъ на самомъ дѣлѣ,—я и до сихъ поръ не знаю,—хотя прожилъ съ нимъ 8 мѣсяцевъ. Чувствовалось ясно одно только: что, не смотря на образованіе,—предъ вами умъ крайне несамостоятельный, шатающійся, неустойчивый.—Даже то, предъ чѣмъ онъ нѣкогда благоговѣлъ вмѣстѣ съ другими въ шестидесятые годы,—онъ какъ бы топталъ теперь и презиралъ.

— Послушайте,—сказалъ я ему разъ по полученіи письма, напомнившаго мнѣ среди этой идилліи въ преріи о людяхъ и людскихъ заботахъ:—послушайте, неужели такъ-таки въ самомъ дѣлѣ ухлопать всю жизнь, всѣ ея силы, энергію, самоотверженіе—на горохъ и бобы!.. Неужели все только сѣять, садить, поѣдать,—затѣмъ снова то же самое?!.

— Да,—только на это!.. На горохъ и бобы, какъ вы говорите!—горячо возразилъ онъ и глаза его блеснули.

— А люди, Фрей?

— Люди!?—почти со злобой отвѣтилъ онъ:—люди?.. Пусть присматриваются къ намъ и устраиваются по нашему!.. Мы выработаемъ имъ примѣръ, новую форму!..

И въ поднявшемся спорѣ онъ положительно началъ топтать всѣ великія имена подвига, ума, самоотверженья,—называя ихъ „себялюбцами", дѣйствующими изъ одного неодолимаго желанія „коноводить",—такъ или иначе получать популярность среди „глупой толпы"...

— Вотъ, въ родѣ этого господина! - закончилъ онъ съ раздраженьемъ, указывая на біографію Лассаля.

Его жена, Мэри Фрей, была женщина очень и очень недюжиннаго ума. Такой „общиной" она тяготилась,—многое твердо и ясно отрицала въ ней,—но терпѣла поневолѣ, держа себя съ необычайнымъ тактомъ. И характеромъ была она выше всѣхъ троихъ и, несомнѣнно, что только благодаря ея вліянію въ общинѣ еще и могъ уживаться хотя кое-какъ посторонній человѣкъ не ихъ „толка". Но во время моего пребыванія тамъ она уже подумывала оставить общину и заняться изученіемъ медицины въ одномъ изъ университетовъ востока.

Все жилище этихъ людей состояло пока изъ одной комнаты, въ которой должны были помѣщаться пять человѣкъ и ребенокъ. Домъ былъ построенъ такъ, какъ строятся обыкновенно всѣ дома въ Канзасѣ,—изъ досокъ. Въ землѣ сначала дѣлаютъ небольшія углубленія и кладутъ въ нихъ большіе камни, на одинъ футъ выше общаго уровня земли. На эти камни кладутъ сбитыя изъ тяжелыхъ досокъ рамы, къ четыремъ угламъ которыхъ и къ мѣ-

стамъ, гдѣ предполагаются двери и окна, прибиваются толстыя стойки во всю предполагаемую вышину дома, поверхъ которыхъ опять накладывается рама. Къ этимъ рамамъ прибиваются стоймя доски, образующія стѣны, и щели заклеиваются толстой бумагой. Крыша строится, какъ и у насъ. У людей, болѣе состоятельныхъ, внутри къ рамамъ прибиты тоже доски, такъ что стѣны состоятъ изъ двойного ряда досокъ съ небольшимъ промежуткомъ, и такіе дома сравнительно очень теплы.

Къ дому дѣлали теперь пристройку,—комнатку въ 12 кв. футовъ. Пространство между потолкомъ и крышей назначалось тоже подъ жилье, для спальни мужчинъ; но пока всѣ мы должны были жаться въ одной комнатѣ, около 4 сажень въ длину и 2—въ ширину. Тутъ-же помѣщалось и все имущество: двѣ большихъ кровати, столъ, шкафъ съ посудой, ящикъ съ платьемъ и другой съ сѣменами и припасами, мука, полка съ книгами, часы и желѣзная печка. Изъ движимаго имущества общины—30 куръ помѣщались въ курятникѣ, двѣ рослыя, но старыя лошади—въ конюшнѣ, а пара молодыхъ лошадокъ и двѣ коровы гуляли на волѣ по преріи, пощипывая молодую травку.

Вглядываясь поближе въ жизнь такихъ людей въ Америкѣ,—а тамъ много всевозможныхъ общинъ,—въ ихъ характеры и взгляды, присмотрѣвшись къ ихъ отношенію къ своему быту, къ тому полному внутреннему

удовлетворенію, которое онъ доставляетъ имъ прислушавшись къ тому сдержанному, сухому, не допускающему никакихъ сомнѣній, тону, какимъ они говорятъ о своихъ задачахъ, невольно приходишь къ убѣжденію, что это, такъ сказать, въ большинствѣ случаевъ, „добрые эгоисты“, для которыхъ люди, общество, родина—*ничто*,—а личное счастье, покой, свои вкусы, привычки, взгляды—*все*. Они презрительно отказываются отъ „глупаго общества, тонущаго въ гнусностяхъ“, бѣгутъ отъ всякаго участія въ дѣлахъ людей, подчасъ жуткаго и невеселаго, конечно, и уходятъ строить жизнь по своимъ вкусамъ, на покоѣ, а когда ихъ упрекнутъ въ эгоизмѣ, увѣряютъ, что дѣлаютъ это въ „интересахъ людей“. „Люди страдаютъ потому, говорятъ они, что у нихъ нѣтъ новаго, готоваго идеала другой жизни. Дайте имъ этотъ идеалъ, эту новую форму, покажите имъ во-очію ея пригодность и практичность, и ихъ страданія кончены и на землѣ наступитъ рай“. Кто не за ними, тотъ или тупъ, неразвитъ, испорченъ или „грѣшенъ“, какъ говорятъ мармоны и шэкеры, забывая при этомъ, что всѣ ихъ уставы и конституціи—только резюме ихъ *личнаго „я“*, совершенно необязательное для Ивана, Петра и пр., которые могутъ быть ни тупы, ни глупы, ни испорчены и въ то же время не менѣе ихъ недовольны своимъ бытомъ; что разладъ заключается только въ ихъ индиви-

дуальныхъ особенностяхъ, т. е. Петръ и Иванъ въ данномъ случаѣ представляютъ собою только другія, чѣмъ они, условія, что именно не въ формѣ, а въ условіяхъ главное дѣло, что какъ-бы ни былъ хорошъ идеалъ, онъ невозможенъ и непрактиченъ, если человѣчество не представляетъ собою соотвѣтствующихъ ему готовыхъ условій. Скажите имъ, что всякая форма возможна только при существованіи готовыхъ для нея условій, что не на выработку формъ, удовлетворяющихъ *личное я*, долженъ напрягать свои силы человѣкъ, а на одно создаванье условій возможности лучшей жизни въ будущемъ для человѣчества, и они не будутъ слушать васъ или назовутъ васъ „пораженнымъ общей грѣховностью“ человѣкомъ.

Внутренній бытъ этой общины, ея уставъ или конституція сложились по примѣру безчисленной массы американскихъ общинъ, изъ которыхъ громадное большинство уже распалось. „Мы брали изъ прошлаго, изъ всѣхъ существовавшихъ или существующихъ общинныхъ уставовъ то, что казалось намъ самымъ лучшимъ для нашей конституціи,—говоритъ Фрей,—и измѣняли то, что казалось намъ непрактичнымъ, непригоднымъ“. Больше всего подходитъ она къ общинѣ перфекціонистовъ по внутреннему складу жизни, если исключить изъ послѣдней ея религіозную подкладку, принятый ею способъ рѣшенія семейнаго вопроса,

неограниченную власть отца Нейза и существованіе у общины наемныхъ работниковъ, не пользующихся ни тѣми удобствами, ни тѣмъ положеніемъ, какими пользуются сами перфекціонисты, ихъ хозяева.

У общины бывали двоякаго рода собранія: ежедневныя вечеромъ, гдѣ дѣлалось распредѣленіе работъ на слѣдующій день, и еженедѣльныя—по субботамъ, гдѣ обсуждались всѣ необходимыя предпріятія для будущей недѣли. Но кромѣ этихъ собраній, въ недѣлю разъ, по воскресеньямъ бывали еще совершенно иного рода, совершенно неизвѣстныя въ Европѣ собранія, выработанныя большинствомъ американскихъ общинъ, это собраніе для „критицизма“.

Члены общины—братья по духу. Любовь, желаніе угождать, помогать другъ другу должны быть звеньями, связывающими ихъ другъ съ другомъ, единственными факторами ихъ взаимныхъ отношеній. Всякій поводъ къ неудовольствіямъ, къ распрямъ, къ оскорбленіямъ, все что таитъ въ себѣ возможность всего этого, неминуемо должно быть изгнано. И вотъ, исходя отсюда, общины и выработали собранія для взаимнаго критицизма. Въ теченіе цѣлой недѣли, до опредѣленнаго дня, никто не имѣетъ права дѣлать замѣчаній другъ другу, или выказывать свое неудовольствіе, какъ-бы дѣйствительны подчасъ ни были причины, ихъ вызывающія. Сгоряча вы можете наговo-

рить много непріятнаго другому, вызвать его къ тому же и создать такимъ образомъ натянутость отношеній, злобу, неудовольствіе; вы должны смолчать, терпѣливо перенести и великодушно простить. Только въ день критицизма имѣете вы право, въ общемъ присутствіи всѣхъ членовъ, сдѣлать свои замѣчанія, но спокойно, хладнокровно, безъ желчи и злобы, „по братски". Тотъ, къ кому вы обращаетесь, не имѣетъ права возражать вамъ тотчасъ-же, а только чрезъ недѣлю, въ слѣдующее собраніе, строго обсудивъ ваши слова и успокоившись, если вами задѣто его самолюбіе или какое-нибудь другое, не менѣе сильное чувство.

Эти „критицизмы" создаютъ такую путаницу дрязгъ, что и сказать трудно. Мнѣ они, помню, доставляли всегда массу волненія и, само собою, именно мнѣ приходилось быть ихъ объектомъ. Каждую субботу Бригсъ съ торжествомъ указывалъ на какой-нибудь прыщикъ у меня, на безсонную ночь, на головную боль или что нибудь въ этомъ родѣ, какъ на слѣдствіе выпитой чашки чая или съѣденнаго куска мяса у сосѣда.

— Вотъ оно, сэръ,—видите!? У васъ на лбу прыщъ!.. Это чай, сэръ, что вы пили въ среду у фермера Листера,—это все его штуки .. Въ четвергъ вы плохо спали,—это свинина у мистера Беннета!..

— Сэръ!—не вытерпѣлъ я,—это молодость,—

вѣдь мнѣ двадцать лѣтъ всего!.. Это чудная ночь преріи,—когда сонъ самъ бѣжитъ отъ глазъ, очарованныхъ ночной картиной!.. Это..

— До субботы! До субботы!..—И я невольно, бывало, смолкаю... А въ субботу—вновь то же самое!

Всякій, пожелавшій сдѣлаться членомъ общины, долженъ предварительно пробыть извѣстное время на испытаніи. Время это не ограничено. „Иного человѣка, говорятъ они, узнаешь въ недѣлю,—другой и цѣлый годъ останется для тебя загадкой... а принимать человѣка зря, не зная его вполнѣ, какъ самого себя, и, слѣдовательно, не взвѣсивъ своихъ отношеній къ нему, не зная, дѣйствительно-ли онъ братъ тебѣ,—значитъ подготовлять гибель общины". Эта боязнь распаденія общины, благодаря плохому подбору людей, чему въ Америкѣ бывали неоднократные примѣры, — съ одной стороны; убѣжденіе, что „старый другъ лучше новыхъ двухъ"—съ другой, и послужило поводомъ къ тому, что по уставу, новый членъ можетъ быть принятъ не иначе, какъ по общему согласію всѣхъ наличныхъ членовъ.

— Да вѣдь такимъ путемъ вы подготовляете возможность несогласій и раздоровъ въ будущемъ!—говорятъ имъ:—представьте себѣ, что какой-нибудь А. безконечно нравится всѣмъ, кромѣ одного,—ну что тогда?

— Что тогда?—возразятъ они:—во-первыхъ,

такое положеніе вещей намъ кажется невозможнымъ... если община только будетъ представлять собою хорошую, добрую семью, всѣ члены которой связаны взаимнымъ уваженіемъ и любовью, тождественностью взглядовъ и способностью дѣлать другъ другу взаимныя уступки... а, во-вторыхъ, если бы подобное и случилось когда-нибудь, то вѣдь вы знаете, какъ говоритъ народная мудрость: „старый другъ лучше новыхъ двухъ!..“

— Положимъ... хотя едва-ли какая-нибудь народная мудрость можетъ имѣть мѣсто тамъ, гдѣ замѣшаны такіе сильные инстинкты, какъ симпатія и антипатія.

— Да въ томъ-то и дѣло, скажутъ они:—что не въ нихъ причина, когда одинъ протестуетъ противъ желанія всѣхъ: тутъ просто недоразумѣніе, и плохое знаніе этого вашего А... ну и пусть А. поживетъ подольше, ближе сойдется съ протестовавшими. Если-же община замѣтитъ, что протестующій руководится капризомъ, или другимъ какимъ-либо гадкимъ чувствомъ, то вѣдь она имѣетъ сильную власть въ рукахъ: можетъ отнять право голоса у него...

Это единственная узда, которою она можетъ сдерживать непокорнаго. Разъ принятый въ общину членъ не можетъ быть исключенъ изъ нея ни подъ какимъ видомъ. Таковъ уставъ. Все, что могутъ съ нимъ сдѣлать, это отнять у него право голоса, дѣлать ему раз-

ныя каверзы, испортить всю жизнь, сдѣлать ее невыносимой, помощью разныхъ дрязгъ, и такимъ образомъ поневолѣ заставить самого добровольно уйти изъ общины.

По уставу, человѣкъ, становясь членомъ общины, теряетъ всякое право на свое имущество, которое навсегда и безусловно переходитъ къ общинѣ. „Если бы, говоритъ Фрей, мы при такомъ положеніи сохраняли за собою право исключать члена, то исключенный требовалъ-бы судомъ возвращенія ему внесеннаго имъ въ общину имущества, и судъ, какъ и бывали примѣры, всегда бы принялъ его сторону,—а это могло-бы нанести страшный матеріальный ударъ общинѣ!.. она могла-бы быть застигнута врасплохъ безъ наличныхъ средствъ и тогда нужно-бы было продавать ея имущество съ публичнаго торга... Гораздо лучше когда мы говоримъ вступающему члену: „исключить тебя изъ своей среды мы не имѣемъ права, а самъ уйдешь, по своей волѣ,—то получишь только то, что мы пожелаемъ дать тебѣ... Вѣдь мы не прогоняемъ его; предоставляемъ ему жить среди насъ... уходитъ онъ по своей волѣ!... и, разумѣется,—прибавлялъ онъ тутъ-же: — мы отдадимъ все, что только можно будетъ отдать ему, даже больше принесеннаго имъ, лишь-бы только сбыть“.

Въ шесть утра всѣ обыкновенно вставали... Каждый немедленно отправлялся справлять порученную ему работу изъ черныхъ домаш-

нихъ работъ: принести дровъ, воды, разложить огонь въ печкѣ, доить коровъ, накормить лошадей и проч. Каждая изъ такихъ работъ сдавалась общиной кому нибудь поочереди на цѣлую недѣлю, по истеченіи которой вамъ доставалась работа замѣнявшаго васъ и т. д. Въ этой работѣ проходилъ обыкновенно цѣлый часъ времени, къ концу котораго былъ всегда готовъ завтракъ, сготовленный mrs. Фрей или кѣмъ-нибудь, по очереди замѣнявшимъ ее, въ случаѣ ея болѣзни, изъ мужчинъ. Готовить завтракъ и обѣдъ (въ общинѣ ѣли всегда два раза въ день: отъ 7—8 утра и въ 3 часа послѣ полудня) было чрезвычайно легко: не требовалось никакихъ спеціальныхъ поварскихъ познаній или подготовки, въ виду того, что собственно и готовить-то было нечего. Вскипятить воду и разболтать въ ней немного муки, что называлось похлебкой, и разогрѣть оставшіеся отъ вчерашняго дня бобы, горохъ или маисъ, предварительно варки облитый горячимъ щелокомъ, безъ чего онъ не разваривается, да спечь немного Graham bread *)—вотъ и вся нехитрая задача повара.

*) „Graham bread“—открытіе, какъ говорятъ вегетаріанцы, сдѣлавшіе новую эру въ области правильной гигіены. Докторъ Graham отрицая, какъ вегетаріанецъ, необходимость потребленія мяса, совѣтуетъ замѣнять его хлѣбомъ, испеченнымъ изъ пшеничной муки съ отрубями, увѣряя, что питательность такого хлѣба равносильна питательности говядины, такъ какъ въ шелухѣ пшеницы находится-де цѣлая масса фибрина. Такой хлѣбъ печется безъ дрожжей. Приготовляется

Послѣ завтрака начинается немедленно вырѣшенная на вечернемъ собраніи работа, вплоть до самаго обѣда, т. е. до 3-хъ часовъ, послѣ которой всѣ обязанности члена или гостя относительно общины кончены и онъ можетъ заняться чѣмъ ему угодно. Такъ изо дня въ день течетъ жизнь въ общинѣ, разнообразясь иногда приходомъ сосѣдей да толками по поводу какихъ-либо особенныхъ событій, вычитанныхъ изъ газетъ.

Сосѣди фермеры, выказывая всегда уваженіе къ членамъ общины, какъ къ очень честнымъ людямъ, въ то же время относились къ нимъ съ оттѣнкомъ ироніи. Имъ были непонятны, совершенно чужды тѣ оковы, какъ говорили они, которыя накладывали на себя члены общины. „Все, чего-бы я ни хотѣлъ, я долженъ спросить у другихъ? Что-жъ, я ребенокъ, что-ли? не хозяинъ себѣ?“ Но больше всего вліяло на нихъ полное презрѣніе общинниковъ къ удобствамъ, къ роскоши... рельефно выражавшееся въ нежеланіи общины участвовать въ спекуляціяхъ и разныхъ коммерческихъ предпріятіяхъ. Община, напр., строго придерживаясь гигіеническихъ воззрѣній Тролла, въ силу этого и не желала заниматься такимъ прибыльнымъ занятіемъ, какъ разведеніе и

жидкое тѣсто, взбалтывается ложкой и затѣмъ бросается ложкой въ небольшія чугунныя раскаленныя формы и немедленно ставится въ духовую печь, отчего тѣсто быстро покрывается обгорѣлой коркой а образующіеся внутри пары „поднимаютъ“ хлѣбъ, который выходитъ ноздреватымъ и очень мягкимъ.

откармливаніе свиней, полагала, напр., необходимымъ работать всего 8 часовъ въ сутки, и тѣ не такъ сильно и упорно, какъ работаютъ фермеры цѣлыхъ 14 часовъ и болѣе, въ силу чего и не могла ничего болѣе сдѣлать, какъ обработать всего 20 акровъ земли подъ огородъ... „Это столько-то человѣкъ!—говорили фермеры укоризненно:—ну какъ-же они не лѣнтяи и байбаки, когда у меня,—я вѣдь одинъ,—есть огородъ и обработано и засѣяно поле пшеницей и маисомъ". А плохой работникъ,—самое послѣднее дѣло въ преріяхъ! тамъ ренome человѣка въ его ловкости, силѣ, умѣньи работать,—пожалуй, надуть, выторговать, сдѣлать какой-нибудь ловкій дѣловой вольтъ, „бизинесъ"... Такой человѣкъ называется „Smart man" и такому человѣку и честь, и слава... Вотъ почему и къ лишеніямъ, бѣдности, терпѣнію общинниковъ, всему тому, что можетъ вызвать въ комъ другомъ совсѣмъ особыя чувства, фермеры относятся крайне недоброжелательно и насмѣшливо. „Къ чему ѣсть бобы и горохъ, когда при столькихъ рабочихъ рукахъ они могли бы жить лучше всякаго изъ насъ!.." говорили они...

Но скудная пища съ приходомъ весны кончилась... Зазеленѣлъ огородъ, коровы стали давать больше молока, и здоровье и силы общинниковъ, быстро упадавшія, благодаря плохому питанію, снова расцвѣли и укрѣпились.

Невдалекѣ отъ общины находилась ферма

одного русскаго, г. П., бывшаго артиллерійскаго офицера, пріѣхавшаго въ Америку вмѣстѣ съ Фреемъ. Г. П. былъ человѣкъ умный, съ громаднымъ, чисто желѣзнымъ характеромъ, съ опредѣленнымъ, строго выработаннымъ міросозерцаніемъ. Съ Фреемъ они были сначала большими друзьями,—но въ концѣ концовъ вся община разошлась съ нимъ и обѣ стороны стали врагами. Самолюбіе общинниковъ никакъ не могло простить ему ѣдкихъ насмѣшекъ надъ спиритизмомъ, вегетаріанизмомъ и т. д.; онъ въ свою очередь не могъ простить имъ ихъ „удаленія отъ скверны міра", ихъ сентиментальной идилліи. Ко времени моего пріѣзда, сосѣди эти разошлись уже до того, что избѣгали даже встрѣчъ другъ съ другомъ въ пустынной преріи и П. съ женой, предоставленный самому себѣ, больной къ тому же, бѣдствовалъ ужасно, но мужественно и стойко боролся за жизнь... Больной,—онъ работалъ какъ каторжникъ съ утра до поздней ночи и вдвсемъ съ женой мало-по-малу они кое-какъ улаживали свою жизнь къ лучшему... Изъ ничего, безъ копѣйки денегъ,—одной работой они создали себѣ небольшое хозяйство, завели скотъ, пріобрѣли необходимые инструменты и выстроили на занятомъ участкѣ недурную избу... Все это было добыто безусловно кровнымъ потомъ.

Тщетно пытался было я примирить „враговъ",—одинаково для меня симпатичныхъ.

тщетно заговаривалъ я объ этомъ:—изъ моихъ желаній ничего ни выходило. Фрей былъ слишкомъ самолюбивъ, былъ слишкомъ человѣкъ, такъ сказать, „симпатій“, чтобы побороть въ себѣ изъ-за пустяковъ вспыхнувшее непріязненное чувство, которое къ тому же все растравлялось вліявшимъ на него Бригсомъ,—а насмѣшливый П., хотя былъ не прочь отъ примиренія, не хотѣлъ-де „подвергаться унизительнымъ извиненіямъ“. И эта ссора двухъ хорошихъ, честныхъ соотечественниковъ, когда-то большихъ друзей и товарищей, вмѣстѣ прибывшихъ въ Америку, все росла и росла въ безмятежной, тихой, полупустынной преріи.

Я былъ адептъ общины, въ ней я жилъ и работалъ временно, въ качествѣ гостя,—меня влекли къ себѣ жизнь и люди, ихъ дѣла и заботы, я не хотѣлъ удаляться отъ нихъ въ стѣны счастливой Аркадіи, что на языкѣ общинниковъ являлось продуктомъ „эгоизма“, и потому могъ оставаться болѣе или менѣе нейтральнымъ въ этой распрѣ Монтекки и Капулетти преріи. Правда, всѣ 8 мѣсяцевъ я проработалъ общинѣ,—но выпадали дни, когда я помогалъ и выбивавшемуся порой изъ силъ г. П.,—у котораго ѣлъ свинину и пилъ кофе,—что всегда влекло за собою „воскресные критицизмы“.

„Стрекоза“.

Локомотивъ зашипѣлъ, выпуская клубы бѣлаго пара, вагоны двинулись, и важный кондукторъ, съ видомъ владѣтельнаго принца, обычнымъ у американскихъ кондукторовъ, готовъ былъ уже вскочить на подножку своихъ владѣній, когда у вагоновъ засуетилось прелестное личико, все въ кисеѣ и кружевахъ.

— Ахъ, ахъ, ахъ!..—выкрикивала дѣвушка, стараясь вскочить на подножку.—Благодарю! — бросила она кондуктору, мощная рука котораго подняла ее, какъ бѣлое перышко.—Еще разъ благодарю!—и впорхнула въ вагонъ съ цѣлымъ потокомъ словъ, походившимъ на стрекотанье.

— Ухъ! Ну-ну!.. Чуть-чуть было не осталась!.. Еще немножко... но, ахъ, я очень рада, что все-таки попала на поѣздъ... А я была совсѣмъ увѣрена, что останусь!.. Ну, и бѣжала же я, однако!..

Со звонкимъ смѣхомъ молоденькая дѣвушка кинула свой зонтикъ съ серебряной ручкой на

рѣшетку, поставила крохотный чемоданчикъ на полъ, на него корзинку съ провизіей и съ самымъ непринужденнымъ видомъ бросилась затѣмъ въ бархатное кресло.

— Ухъ, какъ я устала!

Но усидѣть спокойно, даже въ такой удобной позѣ, красавица, очевидно, не могла долго. Она стащила длинныя перчатки и долго шевелила красивыми пальцами въ воздухѣ, точно радуясь, что освободила ихъ отъ стѣснявшей кожи, потомъ стала вертѣть на пальцахъ блестящія кольца, потомъ, поправляя въ волосахъ шпильку, сдѣлала смотръ всѣмъ пассажирамъ, при чемъ быстрые глазки уловили все сразу, потомъ... ну, потомъ на минуту усѣлась тихонько, какъ бы выжидая событій...

И таковыя не замедлили, конечно... Прежде всего они выразились въ появленіи важной особы кондуктора... Не смотря на всю свою оффиціальную важность, кондукторъ имѣлъ общегражданское сердце, а таковое, какъ извѣстно, бьется всегда сильнѣе въ присутствіи молодого прелестнаго личика съ такими дьявольски хорошенькими глазками, обладающими какимъ-то чертовски сильнымъ магнитомъ. Какъ смѣтливый малый, онъ сразу сообразилъ, что важный видъ хорошъ только при бесѣдѣ съ джентль'мэнами, а потому позволилъ своему лицу самую игривую фривольность, когда, улыбаясь, обратился къ прелестной миссъ:

— Вы ѣдете одна, миссъ?... Не прикажете ли чего нибудь?—я весь къ вашимъ услугамъ!..

Тутъ онъ убѣдился, что бываютъ улыбки, способныя взять приступомъ самаго важнаго кондуктора.

— О, да, да! — отвѣтила въ то же время миссъ:—достаньте что-нибудь смѣшное, очень смѣшное .. Какую нибудь книгу... Я такъ спѣшила, что даже забыла взять газету... Ахъ, что-нибудь веселое!—крикнула она вдогонку малому, удалявшемуся такъ быстро, точно къ его оффиціальному пиджаку приросли вдругъ неоффиціальныя крылья.

Но исторія никогда не прекращаетъ своего теченія. Лишь только улетѣлъ окрыленный кондукторъ, молодой сосѣдъ съ блестящими усами,—инженеръ или юристъ, какъ рѣшила про себя сразу прелестная миссъ,—окруженный массой саквояжей, приподнялъ свою дорожную сѣрую шапочку.

— Не угодно ли, миссъ,—у меня есть книги... къ вашимъ услугамъ!..

— Вы очень добры, сэръ! Что́ у васъ есть?

— Послѣдняя рѣчь пастора Бича...

Миссъ покачала головкой.

— О, сэръ! Проповѣди я слушаю каждое воскресенье...

— Трактатъ о свободной торговлѣ...

— Увы! не моего разума дѣло. . Вотъ, если-бъ еще хотя справочныя цѣны на модные товары...

— „Истинное значеніе комфорта“—Листера?..

— Я и сама кое-что смыслю въ комфортѣ... Что́ еще?

— „Борьба партій на...

— Спасибо, я ненавижу эту борьбу партій!... Въ прошлую субботу еще она привела къ тому, что въ окнахъ квартиры редактора газеты *Міръ* не осталось ни одного цѣлаго стекла... Я очень люблю его жену...

Молодой человѣкъ казался въ большомъ затрудненіи.

— Не хотите ли въ такомъ случаѣ „Разсужденія на благочестивыя темы?“

— Ради Бога, увольте! я не выношу ничего скучнаго, да у меня и нѣтъ совсѣмъ благочестія... Моя тетушка всегда говорила мнѣ: „Генни! у тебя нѣтъ ни на одинъ центъ благочестія!..“ А, вотъ, нѣтъ ли у васъ чего-нибудь таинственнаго, загадочнаго, романическаго?!.. Ахъ, непремѣнно чего-нибудь такого!..

Но въ это время на выручку явился кондукторъ. Онъ тащилъ въ рукахъ цѣлую библіотеку, а со всей своей особой—сильнѣйшій букетъ самыхъ рѣзкихъ японскихъ духовъ.

— О! о! какъ вы добры!—застрекотала сейчасъ же въ его сторону веселая миссъ.... Очень, очень благодарна! Но ваши духи, сэръ,—они очень рѣзки, чтобы быть пріятными! Берите лучше „may flowers“ или... или... цвѣтъ яблони,—это очень тонкій букетъ и совсѣмъ фашьенъ... Кажется, я возьму эту книгу: „Пылкая

любовь!“... Мнѣ больше всего нравятся тѣ вещи, гдѣ хорошо описаны туалеты, а герой говоритъ дамѣ: „Дорогая моя! какъ я жажду взглянуть на твою несравненную красоту!“— именно такъ,—вздохнула миссъ:—какъ они, къ сожалѣнію, очень рѣдко выражаются въ жизни... Еще разъ благодарю васъ... Кланяйтесь отъ меня супругѣ... Если у васъ нѣтъ еще жены, то вы вполнѣ ее заслуживаете... Право! Вы слишкомъ любезны, чтобы не влачить эти сладкія цѣпи!—И новый взрывъ веселаго молодого смѣха раздался въ вагонѣ...

Къ несчастью кондуктора, машинистъ поѣзда вздумалъ вызвать его на rendez-vous сигнальными свистками, неизмѣримо менѣе музыкальными молодого смѣха... Но несчастье однихъ весьма часто служитъ счастьемъ для другого... По крайней мѣрѣ, такъ думалъ теперь молодой человѣкъ съ блестящими усами... И пока прелестная миссъ продолжала еще барабанить пальчиками по переплету, онъ наклонился къ ней съ самою изысканною улыбкой.

— Здѣсь прекрасные виды, миссъ!..

— Замѣчательные!—сейчасъ же отвѣтила дѣвушка, оглядывая пассажировъ одного за другимъ быстро бѣгающими, наблюдательными глазками.

За окномъ вагона дѣйствительно разстилался одинъ изъ лучшихъ видовъ въ этой странѣ... Невысокіе холмы-горы, точно застыв-

шія волны, тянулись правильной цѣпью, покрытые роскошной зеленью дубовъ, орѣховъ и платановъ,—утопая гдѣ-то далеко въ синеватой дымкѣ горизонта. Вездѣ мелькали веселыя фермы съ зелеными жалюзи, съ палисадниками и садами; красивый ландшафтъ ярко пестрѣлъ трудовой жизнью то и дѣло мелькавшаго фермерскаго люда. Но молодую дѣвушку эти виды, правду сказать, занимали меньше, чѣмъ ея сосѣди... Она ёрзала, двигалась, хохотала и безъ умолку болтала, что, повидимому, очень не нравилось грустной, блѣдной дамѣ, сидѣвшей сзади нея. Грустная дама взглядывала на все крайне неодобрительно. Строгую на видъ, ее, казалось, возмущала и эта болтовня, и эта непосѣдливость. Она коварно и довольно зло улыбнулась, когда очарованный обладатель блестящихъ усовъ подсѣлъ къ дѣвушкѣ еще ближе.

— Вы были на западѣ, миссъ?

— Да, сэръ...

— Путешествуете одна?

— Развѣ вы кого-нибудь видите со мной? Конечно, одна!

Тотъ погладилъ свои блестящіе усы и пріятно улыбнулся.

— Вотъ это я люблю!—сказалъ онъ.—Смѣлость въ дѣвушкахъ меня всегда привлекаетъ... Не бояться ѣхать одной...

— Чего же мнѣ бояться?—перебила пассажирка:—развѣ я не въ Америкѣ и не граж-

данка республики?! Постойте! не знаете-ли вы вонъ того пассажира? Онъ удивительно изященъ.

Дама, сидѣвшая позади, сейчасъ же повела глазами за взглядомъ своего молодого врага, и блѣдныя щеки ея вспыхнули, а въ глазахъ блеснулъ огонекъ.

— Я его не знаю!—отвѣтилъ молодой человѣкъ съ довольно явственнымъ недоброжелательствомъ въ тонѣ. — Кажется, онъ высматриваетъ фатомъ, и если не женатъ еще, то, вѣроятно, будетъ плохимъ мужемъ.

Дама наградила его признательнымъ взглядомъ, но молодая дѣвушка возмутилась.

— Фатъ! плохой мужъ!—говорила она, выдвинувъ уничтожающе впередъ нижнюю губку. — Какъ же! понимаете вы что-нибудь въ этомъ! Онъ будетъ или есть, сэръ, такой мужъ, какова у него будетъ или есть супруга... Да, сэръ! У меня на этотъ счетъ хорошая сметка. Онъ очень похожъ на одного изъ моихъ сослуживцевъ въ конторѣ... который, который...

Дама чуть не съѣла глазами молодую пассажирку.

— А вы служите въ конторѣ?—подхватилъ спутникъ.

— Гектографисткой, сэръ.

— Пріятное занятіе!

— Врядъ-ли... гектографировать разныя глупости! Впрочемъ, теперь тяжелое время и всякая работа годится...

— Вы должно быть изъ Филадельфіи?

— Еще бы! я истая квакерша! Развѣ я не смотрю строгой квакершей?—залилась она снова своимъ серебрянымъ смѣхомъ.—О, да!.. я живу тамъ!

— И, конечно, вяло?

Дѣвушка посмотрѣла ему прямо въ глаза.

— Держу пари, что вы родились въ какой-нибудь глухой деревушкѣ миляхъ въ пяти отсюда. Здѣшніе уроженцы всегда называютъ мою милую Филадельфію вялой... Право, это предубѣжденіе!—она довольно оживленна для меня. Срочные дни платежей въ лавочки за припасы скачутъ точно галопомъ. А наши ссудныя кассы развѣ тамъ наживаютъ вяло?.. Ахъ, извините... ради Бога, извините!

Послѣднее относилось къ враждебно настроенной дамѣ. Ерзая на мѣстѣ, чтобы убѣдительнѣе защитить свою Филадельфію, молодая дѣвушка надвинула ей прямо на колѣни свое кресло. Та холодно кивнула головой, не удостоивъ „стрекозу,“—какъ она мысленно назвала дѣвушку,—даже словомъ. Не удержи ее отъ рѣзкаго шага приличіе, полная негодованія, она пересѣла бы тотчасъ.

Быстроглазая дѣвушка, вспыхнувъ, разсмѣялась. Однимъ мимолетнымъ взглядомъ она разглядѣла все.

— Костюмъ шитъ у хорошей портнихи,—конфиденціально шепнула она сосѣду:—только слишкомъ тяжелы золотыя вещи!.. Правда, она

недурна,—но смотритъ увядшей... Кажется кромѣ меня, она дуется еще и на бѣлый, свѣтъ... Да?

Молодой человѣкъ погладилъ усы и вперилъ взоры въ даму. Дѣвушка, оглядѣвъ еще разъ „изящнаго“ джентль'мэна, взглянувшаго молча въ ея сторону, отвела глаза и занялась крошечнымъ ребенкомъ, котораго держала на рукахъ няня въ бѣломъ чепцѣ.

— Ахъ, какъ я люблю эти людскія капельки!—говорила она, весело смѣясь.—Право, онѣ лучше всего на бѣломъ свѣтѣ!..

Она щекотала ребенка, играла съ нимъ, и тотъ смѣялся ей въ отвѣтъ, показывая при этомъ свои первые зубки.

— Позвольте, миссъ!— сказалъ, наконецъ, ея сосѣдъ:—я цѣлыя десять минутъ тщетно жду отъ васъ отвѣтовъ.

— Задавали вопросы, вѣроятно?.. Конечно!.. Всѣ вы, мужчины, любопытны, какъ самая любознательная изъ насъ... Правда? вы смѣетесь?.. Ну, хорошо,—я сразу успокою ваше любопытство. Слушайте! Я живу въ Филадельфіи съ матерью-вдовой, разбитой параличемъ... Я у нея одна-одинешенька, и моя голова, и мои руки—вся наша рента... Моя подруга, что живетъ въ Огайо, отъ которой я теперь ѣду, увѣряетъ, что я одна составляю упряжку тяжелаго экипажа, съ собачкой на запяткахъ въ придачу, сэръ!.. Не глядите, что я такая хохотунья: мы, американки, умѣемъ это совмѣ-

щать съ тяжелымъ трудомъ,—потому, конечно, что мы не такъ геніальны, какъ вы всѣ... Мы не умѣемъ геройски рѣзаться и стрѣлять изъ пушекъ, не умѣемъ исполнять роли палача и прочихъ вашихъ великихъ дѣлъ... зато умѣемъ смѣяться за работой... Это я такъ... къ слову!.. Мнѣ очень жаль мою бѣдную маму и тяжело оставлять ее одну, когда ухожу въ контору,—но... на бѣломъ свѣтѣ нужно ѣсть, пить и одѣваться по модѣ... Теперь, пока я ѣздила къ подругѣ, за мамой ходила одна добрая моя сосѣдка. Вотъ и все!.. Ну, еще что-нибудь?

— Такъ это, значитъ, были ваши каникулы...—улыбнулся сосѣдъ.

— Хороши каникулы, нечего сказать! Я взяла отпускъ и полетѣла, чтобы помирить супруговъ!..

— Вотъ какъ! Мирить супруговъ?..

— Да... да... Ахъ, извините,—я опять это сдѣлала!..

Дѣвушка вскочила въ испугѣ, потому что кресло опять очутилось на колѣняхъ дамы.

— Не угодно-ли вамъ занять мое мѣсто?—спросилъ молодой человѣкъ и послѣ: „ахъ! да, пожалуйста!“—переложилъ чемоданчикъ и корзинку къ своему креслу, а самъ усѣлся противъ дамы, лицомъ къ лицу.

Но и на новомъ мѣстѣ все продолжалось по-старому. Откинувшись, прелестное созданіе слегка выдвинуло свои крошечныя ножки, и

влюбленный уже сосѣдъ, навѣрное, пожертвовалъ бы блестящими усами, чтобы прикоснуться къ нимъ хоть на мгновенье. Затѣмъ она наклонилась и, коварно улыбаясь, зашептала ему:

— О, я знаю, сэръ, зачѣмъ вы предложили мнѣ свое мѣсто, а сами усѣлись сюда... Вамъ хотѣлось пострѣлять глазами въ эту даму, правда? Только напрасный трудъ!... Она изъ тѣхъ, которыя всегда жалуются кондукторамъ, что ихъ оскорбляютъ! Ну, сэръ!—сказала она громко:—теперь я хочу читать... Прошу, не мѣшайте!..

Она раскрыла книгу, но въ это время „изящный“ господинъ всталъ съ своего мѣста и, перейдя вагонъ, опустился въ только что оставленное ею кресло,—очевидно, чтобы поговорить о чемъ-то съ дамой. Дѣвушка улыбнулась и опять шепнула сосѣду:

— Вотъ видите, я хорошо сдѣлала, что предостерегла васъ,—это ея мужъ... О, у меня вѣрный глазъ!

Затѣмъ она углубилась въ книгу и, казалось, забыла обо всемъ. Молодой человѣкъ проклиналъ въ душѣ всѣ интересныя книги на свѣтѣ, а „изящный“ господинъ долго барабанилъ пальцами по сидѣнью, точно рѣшаясь на что-то и колеблясь... Наконецъ, видимо собравшись съ духомъ, онъ повернулся лицомъ къ дамѣ.

— Вы понимаете меня, надѣюсь...—сказалъ

онъ, точно оправдываясь.—Я увидалъ, что вамъ надоѣдаетъ своей неугомонностью эта молоденькая стрекоза, и потому рѣшился занять скорѣй ея мѣсто.

— Благодарю васъ!—холодно отрѣзала дама

Изящный господинъ опять барабанилъ.

— Вамъ, конечно, довольно непріятна наша встрѣча, миссисъ?..

— Очень!—снова отрѣзала дама.

— Гм... гм... Клянусь вамъ, это не моя вина, а простая случайность... Я еще вчера взялъ билетъ въ Питсбургѣ на этотъ поѣздъ... Гм... Однако... вы, миссисъ... гм...—колебался „изящный" господинъ:—вы выглядите довольно плохо.

У дамы передернуло лицо.

— Отъ счастья!—улыбнулась она съ ироніей, изъ-за которой проглядывали слезы.

Наступила напряженная пауза, въ теченіе которой „изящный" господинъ усиленно барабанилъ. Наконецъ, онъ снова заговорилъ, какъ бы слегка задыхаясь:

— То, что мы сдѣлали, было лучшее изъ того, что можно было сдѣлать.

— Я и не раскаиваюсь!—обидчиво отвѣтила дама.—Такъ, дѣйствительно, лучше... Я только тороплюсь домой къ мамѣ и своей Нанни...

— Я увѣренъ, что наша Нанни здорова!.. Надѣюсь, вы не откажете мнѣ навѣщать ее хоть разъ въ недѣлю?..

Дама кивнула утвердительно головой, не

отвѣтивъ ни слова. Обоимъ, несомнѣнно, была очень тяжела эта нечаянная встрѣча... Оба, самолюбивые и вспыльчивые, послѣ пятилѣтнихъ семейныхъ ссоръ рѣшились, наконецъ, отправиться въ Южную Дакоту *) за разводомъ, оба получили тамъ разводные листы, для законной дѣйствительности которыхъ оставалось только внести ихъ номера въ регистры брачныхъ книгъ того штата, гдѣ состоялся бракъ, оба затѣмъ разъѣхались въ разныя стороны и теперь, вдругъ, какъ нарочно, встрѣтились въ одномъ поѣздѣ, одномъ вагонѣ, вмѣстѣ съ неугомонной молодой парочкой. При первомъ взглядѣ другъ на друга—ее точно ожгло; онъ, входившій въ вагонъ съ сакъ-вояжемъ, растерялся до того, что долго простоялъ на мѣстѣ въ самой растерянной позѣ... Первымъ движеніемъ его, когда онъ опомнился—было повернуться и уйти, а ее—броситься стремглавъ вонъ... Но его удержало чувство приличія, ее—движеніе уже мчавшагося поѣзда... Оба остались,—взволнованные, сконфуженные, какъ-то странно растерянные,—и усѣлись въ разныхъ концахъ, тщательно избѣгая встрѣчаться взглядами. Но разведенному мужу невольно, изъ простого джентль'-мэнства, пришлось теперь взять на себя роль избавителя, когда безцеремонность молодой парочки стала уже слишкомъ безпокоить его

*) Законы Южной Дакоты очень легки въ отношеніи разводовъ.

бывшую жену. Онъ не долюбливалъ такихъ развязныхъ молодыхъ людей, она — такихъ хохотуній-стрекозъ...

Оба замолчали и сидѣли, не глядя другъ на друга,—онъ, барабаня пальцами и тщетно стараясь отогнать отъ себя назойливую думу о томъ, что его бывшая жена ужъ какъ-то слишкомъ блѣдна, выглядитъ усталой и, вѣроятно, чувствуетъ себя очень скверно. Она молча, сдвинувъ густыя брови, скакала мыслью отъ представленія къ представленію, какъ умѣютъ это дѣлать однѣ женскія головки. Жгучія думы одна за другою бороздили эту хорошенькую головку и ясно отражались на блѣдномъ, выразительномъ и подвижномъ лицѣ. Щеки ея то вспыхивали, то блѣднѣли еще сильнѣе, глаза то загорались, то потухали, и опытный чтецъ могъ-бы читать по нимъ, какъ въ открытой книгѣ... „Прежде всего, „*онъ*“, несомнѣнно, пополнѣлъ, поздоровѣлъ и выглядитъ гораздо красивѣе, чѣмъ прежде...— думала дама, искоса оглядывая фигуру бывшаго супруга.--Очевидно, онъ долженъ быть радъ разводу.... ну, и пусть себѣ!... Ей-то что за дѣло?! Затѣмъ... эта красивая стрекоза назвала его своему сосѣду „изящнымъ“, и „*онъ*“ смотрѣлъ на нее довольно благосклонными глазами... Что-жъ!—теперь онъ имѣетъ на это право, какъ разведенный мужъ!.. Ужъ не ревновать ли ей? Вотъ еще!... Хотя странно: у него, кажется, никогда не было вульгарныхъ

вкусовъ къ такимъ... стрекозамъ!“ Въ сердцѣ она чувствовала при этомъ какъ бы острую боль, ея щеки снова вспыхнули, на глаза навернулись слезинки,—еще немного и, Богъ его знаетъ почему,—она, пожалуй, заплакала бы, не улови она тутъ случайно устремленнаго на нее взгляда супруга. Этотъ взглядъ, казалось, отрезвилъ ее, сразу вернулъ прежнее настроеніе, и она сейчасъ же разсердилась на себя...—„Богъ съ *нимъ*!... она совсѣмъ не хочетъ думать о *немъ*... пусть себѣ дѣлаетъ, что хочетъ! Единственное, что ее влечетъ теперь, это страстное желаніе попасть скорѣе къ своей Нанни, горячо любимой Нанни! Не говорила ли эта стрекоза, что она *все* для своей больной матери?.. Можетъ быть, и ея Нанни будетъ для нея то же со временемъ... Фи!—она упрекнула себя за то, что сравнила свою Нанни съ такой стрекозой, а себя съ ея,—Богъ ее знаетъ, какой!—матерью... Тутъ она заволновалась и разсердилась еще сильнѣе, но невольно стала вслушиваться, какъ и ея бывшій мужъ, въ снова начавшуюся болтовню молодой парочки, такъ какъ болтовня эта становилась, казалось, гораздо интереснѣе. Парочка говорила о любви и бракѣ, при чемъ молодой человѣкъ пѣлъ дифирамбы холостой жизни и высказывалъ самыя мрачныя, пессимистическія мысли.

— Итакъ,—обратилась стрекоза къ своему сосѣду, покончивъ съ чтеніемъ „Пылкой

любви":—итакъ, сэръ, вы не женаты и считаете жинитьбу большой ошибкой!.. Нельзя сказать, чтобы это былъ комплиментъ нашей сестрѣ!.. Однако, правду сказать, я сама чуть не разочаровалась во многомъ, что касается семейныхъ розъ, побывавъ на востокѣ... Прежде я думала, что бракъ всегда величайшее счастье...—Вотъ, когда я выйду замужъ,—мечтала я раньше:—мама будетъ совершенно счастлива... У меня будетъ помощникъ и не придется страдать отъ того, что мои руки не успѣваютъ сдѣлать все, что нужно... Мы всегда будемъ вмѣстѣ!—Ахъ! моя мама—милѣйшее существо въ мірѣ!.. Но я, кажется, зашла слишкомъ далеко!.

— Нисколько! нисколько!—съ жаромъ подхватилъ молодой человѣкъ,—но отчего же, скажите, пожалуйста, вы теперь разочаровались?..

— Я не разочаровалась, сэръ! о, нѣтъ! Я насмотрѣлась только кое на что, и это кое-что заставило потускнѣть немного мои золотыя мечты!.. Видите ли... видите ли... ну, такъ и быть, я разскажу вамъ... Одна моя подруга вышла замужъ по горячей любви и уѣхала въ Брайтонъ... Томъ,—это ея мужъ,—былъ такъ хорошъ, какъ только можно было желать... Хорошо! Живутъ они и живутъ... Вдругъ Нелли пишетъ мнѣ, что они расходятся, что Томъ обращается съ нею грубо и что она ему этого не позволитъ...—Я знала Нэлли близко,—

она пустила въ меня разъ гектографомъ за то, что я сказала ей, что ея снимки выходятъ криво! Ну, что-жъ я сдѣлала? Я не спала всю ночь и все думала... Наконецъ, я рѣшила, что все это, вѣроятно, пустяки, что у обоихъ только несдержанные, неуступчивые характеры и что ни одна сторона не хочетъ уступить другой... Прекрасно! Я попросила сосѣдку походить въ мое отсутствіе за мамой, достала „перми", взяла отпускъ и полетѣла въ Брайтонъ... Нэлли такъ и всполошилась, увидавъ меня. — „Генни!—закричала она: — не говори мнѣ ни одного словечка, пока я не разскажу тебѣ все подробно!" Ну и пошло... Томъ и такой, и сякой,—все ссорится, все хочетъ поставить на своемъ и такъ далѣе, и такъ далѣе... Все только „мы" да „я", „мы" да „я"...— „Постой, постой, Нэлли!—говорю я:—что ты все „мы" да „я",—ну, а скажи хоть разъ *онъ*,— указала я ей на грудного ребенка:—неужели *онъ* у тебя не играетъ никакой роли?—Нэлли вспыхнула, какъ порохъ, но подъ рукой, къ счастью, не было гектографа, а швырнуть сыночкомъ она не рѣшилась.—„Ты глупа, Генни!—крикнула она:—и ничего не понимаешь!.. Ребенокъ, конечно, останется у меня!"—„Ладно!—отвѣчаю я все храбрѣе, такъ какъ руки Нэлли были заняты ребенкомъ:—ты оставишь его у себя и научишь его дурно думать о своемъ отцѣ! Доброе дѣло, нечего сказать!.. Оба вы будете мыкать жизнь разведенныхъ

людей, носить въ душѣ обиду другъ противъ друга, что, несомнѣнно, будетъ отражаться на ребенкѣ, у кого бы онъ ни оставался изъ васъ,—и все только потому, что оба вы вспыльчивы и до-нельзя самолюбивы!.. Умно, очень умно! Кажется, кромѣ этихъ прекрасныхъ качествъ, не мѣшало бы немного ума, мягкости и уваженія другъ къ другу,—какъ ты думаешь, Нэлли?.. Ну, а что, если вы оба, или хоть Томъ одинъ,—заведетъ новую семью,—что? каково будетъ этому мальчику, а? Подумала ли ты хоть разъ объ этомъ?.. Нѣтъ, Нелли! не знаю, какъ Томъ, но ты съ твоимъ характеромъ,—неуступчивымъ, деспотическимъ, вспыльчивымъ,—пока ты его не укротишь въ себѣ,—ты не жена и не мать!.. Да, да!.. бросай чѣмъ хочешь,—но ты не имѣешь права ни на титулъ жены, ни на мать!.. Повѣрь мнѣ, Нелли, что есть такое „право“ и оно дается только работой надъ собой... Кто не выработалъ въ себѣ такого права, тотъ, по настоящему, не долженъ бы вступать въ бракъ!“— Нелли страшно, казалось, взбѣленилась на мою рѣчь, но... видите-ли... въ дверяхъ въ это время стоялъ Томъ съ своей доброй улыбкой... ребенокъ потянулся къ нему съ милымъ лепетомъ „папа“... у меня текли слезы... Швырнуть было нечѣмъ... Ну... ну... и сама Нелли вдругъ разрыдалась!..

Стрекоза проговорила все это улыбаясь, но ея хорошенькіе глазки были влажны. Мо-

лодой человѣкъ смотрѣлъ на нее съ восхищеніемъ.

— Ну... вотъ и все!—закончила она.

— А разводъ-то?

— Развода не будетъ,— вотъ почему я и ѣду домой такъ весело... Ба! однако, какъ мужчины въ самомъ дѣлѣ тупы!.. Женщина давно бы поняла, что разъ наша сестра разрыдалась при такихъ условіяхъ, то...

И *женщина* дѣйствительно поняла: слушавшая дама судорожно сжала свои бѣлыя руки и взглянула влажными глазами въ сторону разведеннаго мужа. Тотъ смотрѣлъ въ окно, но его лицо ясно говорило, что и онъ все слышалъ...

— Такъ вотъ что смутило ваши мечты!— продолжалъ спутникъ, улыбнувшійся на обвиненіе въ тупости.—Семейныя ссоры и неурядицы!.. Удивляюсь, какъ вы не знали о нихъ раньше... Вѣдь это общее явленіе... Найти хорошую, — понимаете? — настоящую хорошую семью въ теперешнее время—довольно счастливая случайность!

— Именно!—отвѣтила стрекоза.

— Ну, а кто виноватъ?! — Всегда жены!— повѣрьте!

Стрекоза покачала отрицательно головкой.

— Много передумавъ, я убѣдилась, что большинство вступающихъ въ бракъ относится къ нему довольно легко... ну, точно къ хорошей шуткѣ,— одинаково какъ мужчины, такъ

и дѣвушки. Какой-нибудь мальчуганъ и какая-нибудь дѣвочка, иной разъ прямо изъ танцовальной школы,—лишь бы вышелъ законный срокъ,—бѣгутъ и женятся, а судья скрѣпляетъ ихъ бракъ! Или какой нибудь дэнди и богатая невѣста составляютъ вдругъ „хорошую партію“, когда *онъ* думаетъ только о приданомъ, а *она*—о свадебныхъ балахъ и выѣздахъ... Хорошія будутъ семьи, нечего сказать!.. хорошихъ гражданъ воспитаютъ онѣ нашей республикѣ!.. Но... что это я! Кажется я ударилась въ политику, а это совсѣмъ не моя область!.. Нашу сестру считаютъ гражданкой, но, конечно, безгласной... Она можетъ говорить и думать о чемъ хочетъ, лишь бы не о дѣлахъ родины,—такъ?.. Это называется свободой и, конечно, равенствомъ, о которыхъ вы постоянно толкуете и пишете крупными буквами на своихъ знаменахъ... Ну, довольно, довольно, сэръ!.. не улыбайтесь!..

— Я хочу вставить, миссъ, маленькую поправку къ вашей довольно язвительной репликѣ... Кажется, нѣкоторые штаты уже признали за вашей сестрой, какъ вы выражаетесь, право голоса и...

— И, — подхватила стрекоза: —и когда это будетъ признано большинствомъ штатовъ, мы только тогда станемъ полноправными людьми и съ насъ можно будетъ требовать всего того, чего отъ людей можно требовать... А пока, сэръ,—пока мы не люди, не полноправные

граждане,—не взваливайте на женъ всѣ вины семейныхъ неурядицъ... Есть кое-кто и болѣе виноватый,—отъ меньшаго и меньше спрашивается... Женщина всегда является такой, какою вы сами ее дѣлаете... Хотите куколъ, игрушекъ, глупышекъ,— не пеняйте же, что онѣ являются плохими женами... Но довольно, сэръ, довольно!.. Смотрите, какая прелесть!— крикнула стрекоза навстрѣчу ребенку, который потянулся къ ней, скаля свои зубки. — Смотрите!.. Ну, поиграйте же съ нимъ! О, Господи! какъ неуклюжи эти мужчины!..

Но на выручку молодому человѣку, никакъ не умѣвшему занять ребенка, подоспѣлъ локомотивъ. Онъ запыхтѣлъ, зашипѣлъ, засвистѣлъ и вдругъ остановился.

— Гарисбургъ! Четверть часа для обѣда!— послышался знакомый голосъ важнаго кондуктора.—Четверть часа!

Дама и ея разведенный супругъ, казалось, не замѣтили сразу поднявшейся суеты. Оба были поглощены какими-то неотвязными мыслями и сидѣли, не двигаясь... Въ глазахъ обоихъ „стрекоза“ превратилась вдругъ во что-то новое, во всякомъ случаѣ мало похожее на беззаботное насѣкомое.

— Гарисбургъ!—зазвучало снова.

Онъ всталъ... Было бы грубо, конечно, молча оставить одинокую женщину, такую блѣдную, безпомощную, и не позаботиться о ней. Поэтому изящный господинъ наклонился низко къ бывшей женѣ:

— Не прикажете ли принести чего-нибудь?— спросилъ онъ, слегка дрогнувшимъ голосомъ

— Ничего!—отвѣтила она и отвернулась.

Онъ вышелъ съ другими. Стрекоза раскрывала свою корзинку, изъ которой доставала тартинки. Молодой человѣкъ суетился возлѣ нея и предлагалъ свои услуги, но она отказалась наотрѣзъ и попросила принести только воды.

— Спѣшите, спѣшите! — весело гнала она его:—а то супу, который всегда ужасно горячъ, вамъ не удастся хлебнуть и полъ тарелки...

Затѣмъ она взяла на руки ребенка и предложила нянѣ погулять и поразмять ноги...

— Идите, няня!.. погуляйте и немного отдохните, да только не попадайтесь на глаза своей барынѣ, которая, вѣроятно, ради удобства, ѣдетъ въ спальномъ вагонѣ, чтобы ребенокъ ей не мѣшалъ!.. Не попадайтесь же! Всѣ тѣ, что любятъ сваливать свои заботы на чужія руки, очень требовательны и взыскательны! Слышите, няня!—смѣялась стрекоза.

Въ вагонѣ такимъ образомъ остались только она и блѣднолицая дама. Та видѣла, что мужъ вмѣсто того, чтобы идти въ буфетъ, въ глубокой думѣ прохаживается по платформѣ, и отвела отъ окна глаза... Стрекоза няньчила ребенка, ѣла свою тартинку и, замѣтивъ, что дама взглянула на нее,—весело подошла къ ней.

— Вы, кажется, отказались закусывать, а, право, лучше поѣли бы. Не хотите-ли тартинку?—онѣ въ самомъ дѣлѣ не дурны!—говорила стрекоза и, такъ или иначе, но дама не отказалась, а взяла... Затѣмъ она стала извиняться, что причиняла безпокойство въ пути своей подвижностью, и мало-по-малу, завязывая разговоръ, спросила: есть ли у ея собесѣдницы дѣти?

— Одна дѣвочка!...

Это была самая удобная тема, и стрекоза завладѣла ею всецѣло.

— Ахъ, какъ я люблю дѣте! —щебетала она все непринужденнѣе.—И, знаете: я хотѣла бы имѣть ихъ дюжину, да,—цѣлую дюжину, малъмала меньше, и чтобы всѣ они раззѣвали, какъ галчата, свои крошечные ротики и визжали мнѣ: „мама“, „мама!..“ Что это за прелесть!.. Смотрите: у меня на рукахъ тоже дѣвочка и она очень мило скалитъ свои зубки! Какъ вы должны быть счастливы, миссисъ,—у васъ внимательный мужъ и ребенокъ!.. Какъ зовутъ вашу дочку?

— Нанси...

— А!.. это имя моей милой покойной бабушки... Теперь вошло въ моду у насъ давать старинныя имена. Но что съ вами?!—вы блѣдны.... вамъ дурно?! Подержите, пожалуйста, ребенка,—я принесу вамъ воды!.. Нѣтъ, не ходите сами: у васъ такой усталый видъ!... Вотъ, такъ!

Она передала ребенка и побѣжала за водой.

Изящный господинъ, бывшій мужъ дамы, подошелъ тѣмъ временемъ къ открытому окну. Его жена держала на рукахъ ребенка и глядѣла на маленькое личико любящимъ, чисто материнскимъ взглядомъ. Такъ, бывало, глядѣла она и на *ихъ* Нанси... Отрадныя картины хорошихъ минутъ прошлаго протянулись передъ нимъ цѣлою цѣпью... Ссоры, дрязги, уколы самолюбія, все это стушевывалось и куда-то исчезло.. —Память вообще болѣе склонна воскрешать изъ прошлаго лучшее или окрашивать его розоватымъ свѣтомъ... Но, можетъ быть, они потеряли теперь въ его глазахъ и прежнее значеніе, казались ничтожными, не стоющими вниманія... Могло быть и такъ, что и себя онъ не считалъ теперь вполнѣ правымъ въ этомъ прошломъ... Во всякомъ случаѣ, глядя на нее, онъ вспоминалъ теперь лучшее изъ пережитаго. Вдругъ она подняла блѣдную руку и провела ею по глазамъ,—отчего у него сразу сжало горло... Но... тутъ вбѣжала въ вагонъ стрекоза со стаканомъ въ рукѣ.

— Что это? вы плачете?—крикнула она такъ громко, что онъ разслышалъ за окномъ, а, можетъ быть, и просто понялъ.—Вамъ дурно?... Я сейчасъ пойду за вашимъ мужемъ!...

— Нѣтъ! нѣтъ!—быстро отвѣтила дама:—не дѣлайте этого... Я здорова и просто вспомнила свою дѣвочку, когда она была такая же ма-

ленькая, какъ эта,—и мы вмѣстѣ съ... съ... съ ея... няней гордились ею.

У мужа за окномъ что-то больно сдавило грудь... „Нѣтъ, не съ няней, а съ тобой!“—досказалъ ему какой-то внутренній голосъ... И когда стрекоза убѣжала, чтобы отнести стаканъ, онъ, точно собравшись съ духомъ, быстро вошелъ въ вагонъ.

— Ани!—сказалъ онъ, поблѣднѣвъ и задыхаясь:—Ани! можетъ быть, дѣла шли бы лучше, если бы мы того хотѣли... Ошибиться легко!.. Слышала ты, что говорила эта славная дѣвушка,—Богъ благослови ее!—о своей подругѣ въ Драйтонѣ? Мы, кажется, на одинъ ладъ съ тѣми...

— Молчи!—отрѣзала дама рѣзко.

Остановка кончилась, публика шумно входила въ вагоны... Всѣ разсѣлись и занялись своимъ дѣломъ. До Филадельфіи оставалось уже недалеко. Молодой человѣкъ былъ крайне задумчивъ, сидѣлъ угрюмо и только изрѣдка взглядывалъ на стрекозу. Та углубилась въ свою „Пылкую любовь“ и тоже сидѣла тихо и молча... Няня дремала вмѣстѣ съ ребенкомъ... Одна только пара,—изящный господинъ и дама,—перебрасывались словами... Время улетало вмѣстѣ съ пространствомъ...

— Ани!

Изящный господинъ вынулъ сложенный разводный листъ и поднесъ его женѣ.

— Ани! я уничтожу свою, если ты тоже уничтожишь!

Жена посмотрѣла на него глазами, полными слезъ. Ея дрожащая рука какъ-то машинально опустилась въ мѣшочекъ и вынула изъ него такую же бумагу. Мужъ сложилъ обѣ и быстрымъ движеніемъ хотѣлъ разорвать ихъ въ куски..... но жена его остановила.

— Нѣтъ, нѣтъ, Тобби!... не рви!...—сказала она ему быстро:—не рви!.. Оставь ихъ какъ напоминаніе и предостереженіе,—онѣ пригодятся намъ... Съ ними мы лучше устроимся и... и... можетъ быть, больше будемъ уважать и дорожить другъ другомъ... Прости меня за все прошлое!..

— И ты прости за прошлое!—отвѣтилъ растроганный Тобби.—Оба мы провинились довольно другъ предъ другомъ, а больше всего предъ нашей Нанси... Я отъ души желаю стать лучше, а пока... пока... Ты права:—я оставлю эти бумаги! Онѣ помогутъ намъ скорѣе выработать въ себѣ умѣнье жить и „права на мать и отца“, какъ говорила эта славная дѣвушка!..

Затѣмъ ихъ руки сплелись, а глаза беззвучно говорили другъ другу много сладкаго, не смотря на то, что ихъ туманили слезы.

— Филадельфія! Поѣздъ стоитъ...

Стрекоза вскочила и стала собирать свои вещи.—„Ахъ, вотъ и пріѣхали!“—суетилась она весело, при чемъ молодой спутникъ не позволялъ ей притронуться ни къ чему, и самъ

схватилъ и ея зонтикъ, и крошечный чемоданчикъ, и корзинку съ тартинками.—„Ну, что-жъ, будьте носильщикомъ, если ужъ вамъ такъ хочется!"—смѣялась стрекоза и готовилась уже выскочить, когда ее остановилъ чей-то робкій голосъ.

— Генни!

— Кто это зоветъ меня?

— Генни! Милая, милая Генни!

Она обернулась и встрѣтилась съ мокрыми, но счастливыми глазами дамы. Та бросилась ей на шею и крѣпко поцѣловала. Изящный господинъ протянулъ ей руку.

— Богъ благослови васъ, хорошее дитя!—сказалъ онъ съ большимъ чувствомъ.—Вы... вы... сегодня... устранили еще одинъ разводъ... Дайте намъ вашъ адресъ.... мы считаемъ васъ теперь родной...

. . . . . .

Когда она съ заплаканными глазами выскочила, наконецъ, на платформу, тамъ ждалъ ее съ большимъ нетерпѣніемъ молодой человѣкъ, напоминавшій своей фигурой изящнаго господина, крайне недружелюбно взглянувшій на провожавшаго ее торговца.

— Здравствуйте, Генни! Наконецъ-то!...

Она успѣла только протянуть ему руку, вся зарумянившись и засверкавъ счастьемъ, какъ ее позвалъ ея путникъ.

— Миссъ! прошу у васъ минутку вниманія... Только пару словъ...

— Что вамъ угодно?...

— Только два слова...

Она подошла къ нему, а ждавшій ее молодой человѣкъ сдвинулъ брови.

— Сейчасъ, сейчасъ, Чарли! — кинула она ему.

— Только два слова, миссъ!—говорилъ спутникъ съ блестящими усами.—Вы были такъ любезны, что посвятили меня во многое....

— Да... я такъ болтлива...

— Къ сожалѣнію, не настолько, какъ бы я того желалъ...

— Именно, сэръ?!...

— Вы не сказали самаго главнаго для меня: свободно ли ваше сердце, миссъ?

Дѣвушка зардѣлась.

— Я, и свободное сердце!?—почти крикнула она, смѣясь. — У меня?! Неужели, сэръ, вы считаете меня такой глупой?! Добро бы я была дурнушкой или злюкой... Да съ чего бы моему сердцу оставаться незанятымъ и свободнымъ, когда на свѣтѣ есть такой милый женихъ!— она кивнула головкой въ сторону ждавшаго ее молодого человѣка.— Вотъ еще! И развѣ онъ,— поглядите на него!—не стоитъ того, чтобы не оставаться бобылемъ на свѣтѣ? Поглядите на него лучше....—ну, поглядите же!—Чарльзъ! подай руку этому господину,—вотъ такъ!— развѣ недостоинъ онъ влачить сладкую цѣпь и имѣть вѣрную, любящую подругу!? А?!

Ея спутнику оставалось только поклониться

и пріятно улыбнуться, что онъ не преминулъ сдѣлать.

— Но, постойте, постойте!—говорила прелестная дѣвушка, опираясь на руку своего жениха.—Вы тоже, кажется, этого заслуживаете!.. А потому мы оба....—Чарльзъ?.. конечно, и ты?.. Ну, такъ! ну, такъ!—обратилась она къ раскланивавшемуся жениху:—мы оба зовемъ васъ на нашу свадьбу. Тамъ вы встрѣтите одну изъ моихъ подругъ, которая составитъ вамъ пріятную пару... Право, сэръ!—Она чудное созданіе! и вы сразу убѣдитесь, какъ дурно оставаться бобылемъ...

— Я уже убѣжденъ заранѣе, если она хоть капельку похожа на васъ, миссъ... Очень благодаренъ!..,

— Она гораздо лучше меня, хотя въ общемъ у насъ есть сходство...

— Да?

— Да... Но есть и разница... Видите ли,— мы обѣ умѣемъ и работать, и смѣяться... Только, кажется, сэръ, я охотнѣе смѣюсь, а она—наоборотъ!..

— Ну, я готовъ предпочесть первое! — отвѣтилъ тотъ.

— Это дѣло вкуса, сэръ, а о вкусахъ не спорятъ... Но помните одно при этомъ: ни одна умѣющая *работать и смѣяться*,—ни одна изъ насъ не согласится быть только куклой... Она потребуетъ и уваженія къ себѣ,—ну, а уважать можно только равнаго... Поняли?—тѣмъ лучше!..

Такъ до свиданья!.. Приходите же на свадьбу!..

Поѣздъ ушелъ, гремя и шипя, унося съ собой людей, а съ ними и все то людское, хорошее и дурное, что, собранное въ фокусѣ, называется жизнью... Счастливая парочка тоже ушла,—бодрая, веселая, полная счастья... Попадись она навстрѣчу какому-нибудь пессимисту,—тотъ, навѣрное, весь день затѣмъ чувствовалъ бы себя не въ своей тарелкѣ... Но она встрѣчала,—такъ, по крайней мѣрѣ, казалось обоимъ,—однихъ оптимистовъ... И прочти она самые мудренѣйшіе пессимистическіе трактаты о томъ, что *жизнь есть зло*,—оба, конечно, весело разсмѣялись бы и приняли все это за мистификацію, а, можетъ быть, и пожалѣли бы, что авторы не побываютъ на ихъ веселой свадьбѣ...

ВЪ СВЯТОЕ УТРО.

(Изъ путевыхъ воспоминаній.)

. . . Пароходъ только-что обогнулъ Флориду и бороздилъ тихія, голубыя воды Мексиканскаго залива... Ночь была удивительно хороша... Южныя звѣзды горѣли какъ-то особенно,—ярко и въ то же время нѣжно и мягко, совсѣмъ безъ сверканья, къ которому такъ, привыкли глаза сѣверянина. Большая Медвѣдица была далеко; полярная звѣздочка, казалось, совсѣмъ ушла съ горизонта. Внизу—море сверкало, какъ небо; за рулемъ тянулись длинныя борозды золотого свѣта, впереди, на носу, гдѣ, казалось, кипѣло море,—бѣлая пѣна свѣтилась фосфорическимъ блескомъ... Ночь дышала тепломъ, лаской, миромъ, но намъ, небольшой группѣ иностранцевъ, было невесело. Молча сидѣли мы у борта и молча же уставились въ укутанную мглою даль, куда уносились наши думы. Это была „святая ночь“, и каждому изъ насъ вспомнилась родина, семья и родной уголъ.

— Хорошо!—вырвалось, наконецъ, у моего

сосѣда „янки", и, выплюнувъ за бортъ „жвачку", онъ какъ-то особенно нервно сталъ набивать свой ротъ новой порціей табака.

— Да, хорошо!—съ испанскимъ акцентомъ подтвердилъ донъ-Мигуэль, эмигрантъ съ Кубы, одинъ изъ самыхъ видныхъ дѣятелей послѣдняго инсуррекціоннаго движенія, съ такимъ трудомъ подавленнаго испанцами:—очень хорошо!... Подлинно—„святая ночь"! И сколько чудесъ, господа, бываетъ на землѣ въ такія ночи!

Мы оглянулись на него.

— Да, да, господа! Что вы такъ смотрите? Вы вспомнили поговорку, что кубанцы суевѣрны?—засмѣялся донъ-Мигуэль.—Нѣтъ! это не суевѣріе. Въ эти ночи, господа, открывается человѣческое сердце!

— Въ эти ночи?—перебилъ его янки.

— Да, именно, въ эти ночи... Оно и понятно, господа: въ эти ночи самому черствому человѣку приходится вспоминать многое такое, что раскрываетъ его замкнутое сердце. А разъ раскрывается сердце, — совершается чудо. И если хотите, я займу васъ разсказомъ на эту тему...—Вамъ, кажется, всѣмъ очень тоскливо?

— О, ради этой святой ночи, разскажите, непремѣнно разскажите!

Мы встрепенулись и уставились въ смуглое, энергическое лицо кубанца.

Тотъ началъ:

— Это было, господа, въ самый разгаръ на-

шей послѣдней войны съ испанцами. Вы знаете изъ газетъ, конечно, какъ жестоко мстили намъ испанцы! Людей разстрѣливали по одному подозрѣнію, женщинъ,—нашихъ матерей, невѣстъ, сестеръ,—томили въ тяжеломъ заключеніи, гдѣ несчастныя сходили съ-ума или заболѣвали чахоткой, а съ плѣнными, конечно, они церемонились еще меньше. Такая жестокость вызвала-было протестъ со стороны Штатовъ, но этотъ протестъ,—какъ вы тоже, вѣроятно, знаете,—послужилъ только къ нашему вреду, ибо усилилъ раздраженіе гордыхъ испанцевъ. Онъ былъ слишкомъ робокъ, слишкомъ ясно чувствовалось за нимъ, что къ активному вмѣшательству Штаты приступить не желаютъ. Даже посылка броненосца не привела ни къ чему,—испанцы встрѣтили его своеобразнымъ салютомъ: въ день появленія его въ гавани они разстрѣляли 21 человѣка.

Наканунѣ сочельника мы, офицеры отряда, съ нетерпѣніемъ ждали своей почты. Эта почта доставлялась намъ въ тростниковой палкѣ, которую почтальонъ клалъ въ условленномъ мѣстѣ. Нѣсколько разъ уже посланные люди отряда возвращались ни съ чѣмъ, и потому, какъ только раздался, наконецъ, долго жданный крикъ: „почта!—мы бросились къ вождю, какъ голодные волки.

— Что новаго!? ради Бога, генералъ, что новаго?—кричали мы въ перебой.—Во имя Святой Дѣвы, скорѣе!

Старикъ генералъ, однако, не торопился: онъ зналъ, что почта приноситъ не однѣ радости, что жгучее нетерпѣніе можетъ смѣниться для многихъ тяжелой скорбью. Медленно вскрылъ онъ тростникъ и также медленно сталъ разбирать шифръ отдѣльныхъ листковъ.

— Отъ 8-го....—сказалъ онъ, наконецъ.—Піетри! тутъ есть кое-что для васъ. Ваша голова оцѣнена, ваши портреты расклеены на улицахъ столицы... Поздравляю! Это отвѣтъ на произведенную вами послѣднюю аттаку непріятельскихъ позицій!

Блѣдное, всегда грустное лицо Піетри озарилось тихой улыбкой. Мы сочувственно пожали его руку.

— Девятаго.... десятаго!—читалъ генералъ.—Піетри! тутъ еще есть нѣчто, васъ касающееся: Донна Маріэтта больна и... и...—старикъ запнулся.

— Бога ради, что?—крикнулъ Піетри, блѣднѣя еще больше и, весь дрожа, бросился къ генералу.

— И заключена въ тюрьму!—глухо проворчалъ старикъ.

— Она!? Маріэтта!!

Піетри поднялъ обѣ руки къ головѣ, точно эта умная и мужественная голова не могла держаться больше безъ такой опоры. Не говоря ни слова, онъ опустился на земь у большого ствола магноліи и оставался неподвиженъ и нѣмъ все время, пока длилось чтеніе, котораго онъ, конечно, не слышалъ. Намъ всѣмъ

стало невыразимо жутко. Маріэтта была его невѣстой, и мы знали, какъ страстно любилъ онъ ее. Піетри, лучшій офицеръ нашего отряда, молодой, красивый, отважный, былъ общимъ любимцемъ, и его горе стало, конечно, общимъ. Наши глаза не могли оторваться отъ этой неподвижной, молчаливой фигуры у подножія магноліи. Даже старикъ генералъ нервно крутилъ свои длинные усы.

Наконецъ, когда почта была прочтена вся и генералъ началъ раздавать намъ порученія, сообразно полученнымъ извѣстіямъ, Піетри поднялся. Но это былъ уже, казалось, не тотъ, красивый, цвѣтущій Піетри! Этотъ осунулся, постарѣлъ и выглядѣлъ, какъ мертвецъ, у котораго лихорадочно блестѣли бы глаза.

— Что, мой другъ?—обратился къ нему сочувственно генералъ, а мы всѣ затаили дыханіе.

— Я прошу отпуска!—глухо, скорѣе простоналъ, чѣмъ проговорилъ Піетри.

— Отпуска!? Куда?

— Въ столицу, генералъ!... Я непремѣнно долженъ идти туда.

— Въ столицу?!.. Гдѣ оцѣнена ваша голова?!... гдѣ васъ разстрѣляютъ?.. Что съ вами, Піетри?

— Да, генералъ!.. туда! Вы знаете, что о головѣ своей я всегда заботился не особенно много, а теперь и подавно.

— Но зачѣмъ вамъ въ столицу?

— Я хочу видѣть донну-Маріэтту! Я долженъ освободить ее, генералъ....

Это было чистѣйшее безуміе. Генералъ насупился и попытался уговорить несчастнаго.

— Я не дамъ вамъ отпуска!—началъ онъ.—Ваше желаніе—безуміе, и я долженъ помѣшать вамъ губить себя. Помните, Піетри: вы клялись пожертвовать собою для блага нашей родины! Вы принадлежите ей, а не своимъ личнымъ привязанностямъ. Одумайтесь! Вы рѣдкій человѣкъ, и я долженъ беречь васъ.

— Я все это помню и все признаю, генералъ! Я клялся и никогда не нарушу своей клятвы. Но теперь я уже не Піетри, генералъ, не тотъ Піетри, который нуженъ родинѣ и вамъ. Вамъ нуженъ свободный человѣкъ, владѣющій и головой, и сердцемъ, а я теперь только остовъ прежняго Піетри, у котораго одно желаніе, одинъ долгъ,—спасти свою невѣсту. Если я не пойду туда,—я буду презирать себя. Это меня замучитъ, и я не переживу, генералъ!—добавилъ онъ глухо, почти шепотомъ.

Генералъ слушалъ, нервно крутя свои длинные сѣдые усы. Онъ понималъ, а, можетъ быть, и одобрялъ въ душѣ молодого офицера. Скорыми, нервными шагами онъ заходилъ взадъ и впередъ по лужайкѣ, что-то бормоча про себя, и вдругъ остановился.

— На сколько же дней нуженъ вамъ отпускъ, мой дорогой другъ?—спросилъ онъ, глядя на Піетри мягкими, ласковыми глазами.

Тотъ молчалъ въ недоумѣніи,—онъ совсѣмъ не думалъ о срокѣ.

— Вы заслужили своей отвагой, своей службой родинѣ право на этотъ отпускъ,—продолжалъ генералъ.—Хорошо! я отпущу васъ на трое сутокъ...—только на трое сутокъ! Слышите, не больше! Сутки—туда, сутки—тамъ и сутки на обратную дорогу. Берегите себя и черезъ трое сутокъ явитесь прежнимъ Піетри! Въ добрый путь!

Когда Піетри, молча поклонившись генералу, вышелъ изъ нашего круга, чтобы скорѣе собраться въ дорогу, генералъ обратился къ намъ и подмигнулъ глазомъ.

— Пусть идетъ!—полушепотомъ заговорилъ онъ.—Это будетъ ему полезно. Онъ одумается, придетъ въ себя и самъ убѣдится въ безуміи своего замысла! голова у него хорошая.... Я далъ ему слишкомъ мало времени, чтобъ предпринять что-нибудь, а не дай я ему отпуска,—онъ, навѣрное, пустилъ бы себѣ пулю въ лобъ... Я знаю его натуру! Жаль мнѣ его....

— Всѣмъ намъ жаль, генералъ!—отвѣтили мы хоромъ.—И правда,—пусть идетъ!.. Онъ слишкомъ хорошій офицеръ, чтобы не вернуться въ срокъ, и слишкомъ уменъ, чтобы дать себя подстрѣлить, какъ кролика. Конечно, онъ одумается!

На другой день, вечеромъ, въ сочельникъ, Піетри, одѣтый матросомъ, былъ уже въ столицѣ. Голова его лихорадочно горѣла, сердце

билось учащенно. Ничего онъ не видѣлъ, ни на что не обращалъ вниманія, всецѣло поглощенный одною неудержимой страстью: увидѣть свою Маріэтту. Это было какое-то полусонное, почти галлюцинирующее состояніе. Какъ онъ ее увидитъ? что нужно для этого сдѣлать? возможно ли, наконецъ, это... осуществимо-ли?—онъ совсѣмъ не думалъ. Можетъ быть, ему даже казалось, что никакихъ преградъ онъ не встрѣтитъ, что желѣзныя ворота откроются сами-собою, что вѣковые камни стѣнъ и башенъ раздадутся при его приближеніи. Онъ зналъ и понималъ одно,—что ее онъ долженъ увидѣть во что бы то ни стало,—что въ этомъ для него вопросъ жизни и смерти! Призракъ прелестной дѣвушки, больной, заточенной, одинокой, страждущей, неотступно витalъ въ его воображеніи и, кротко улыбаясь, казалось, звалъ его. По крайней мѣрѣ, его ухо ловило и слышало чуть уловимый сладкій шепотъ: „Піетри“—приносимый легкимъ бризомъ. И онъ шелъ на этотъ зовъ, шелъ, ничего не видя кругомъ, ничего другого не сознавая, ни о чемъ не думая, далекій отъ какого бы то ни было страха. Если-бы въ него цѣлились сотни ружей,—онъ врядъ-ли обратилъ бы на это вниманіе: въ такомъ состояніи совершенно исчезаетъ чувство самосохраненія. Въ страстной душѣ Піетри оно было вытѣснено невыразимымъ горемъ, жгучей скорбью, чувствомъ глубокаго сожалѣнія. Въ груди

его кипѣли горячія слезы, и порой ему казалось, что вся природа, весь міръ затуманены этими слезами.

Бѣдная! Ее онъ долженъ увидѣть и увидитъ! Онъ вынесетъ ее изъ пламени, вытащитъ со дна моря! Онъ разорветъ руками сѣрые камни, что охватили его кроткую голубку!.. „Маріэтта!—шептали блѣдныя губы Піетри:—кроткая, милая голубка! неужели ты не ждешь меня? неужели ты усомнилась хоть на мигъ, что я вырву тебя изъ самаго пекла?“—И слезы текли изъ его воспаленныхъ глазъ, а сжатые зубы скрежетали и сильная рука судорожно сжимала рукоять длиннаго боевого ножа. „Скорѣй! скорѣй!—шепталъ онъ себѣ:—уже прошли сутки, а ихъ всего трое.... только трое!“.

Святой вечеръ совсѣмъ спустился уже на грѣшную землю. Въ небѣ вспыхнули звѣзды, въ домахъ зажигались свѣчи. Улицы пустѣли: каждый спѣшилъ къ себѣ, въ семью, къ родному очагу, забывъ и тревоги, и заботы. Каждому хотѣлось встрѣтить святую ночь иначе, чѣмъ встрѣчались ночи въ теченіе цѣлаго года. Какой-то миръ, покой, точно даже нѣга какого-то счастья,—спустились въ этотъ вечеръ съ неба на землю. Родился Тотъ, Кто *всѣхъ* любилъ, и людское сердце, можетъ быть, тоже открывалось въ этотъ вечеръ для любви.

Совсѣмъ машинально подошелъ Піетри къ высокимъ стѣнамъ тюрьмы и опустился у во-

ротъ на камень. Кругомъ было пустынно и безлюдно. Въ рѣшетчатыхъ окнахъ горѣлъ уже огонь, и Піетри жадно ловилъ въ нихъ призракъ Маріэтты, хотя и зналъ, что окна пробиты въ казематахъ такъ высоко, что достать до нихъ узникъ не можетъ. Тутъ, на этомъ камнѣ, онъ почувствовалъ себя легче: онъ былъ близко отъ своей Маріэтты. Ему казалось, чудилось, что онъ даже какъ будто ощущаетъ ея близость. Во всякомъ случаѣ, даже не видя другъ-друга, они оба были теперь тутъ, вмѣстѣ, въ общей кучѣ этого сѣраго камня. Только гдѣ же она, гдѣ этотъ 28-й номеръ, въ который ее заключили, какъ сообщала почта? Вертя въ рукѣ любимый цвѣтокъ своей Маріэтты,—вѣтку геліотропа, которую онъ принесъ для нея же,—Піетри лихорадочно водилъ глазами отъ окна къ окну.

Въ это время щелкнулъ замокъ, ворота заскрипѣли и выпустили закутаннаго въ плащъ надзирателя, коренастаго, широкоплечаго человѣка. Это былъ Брабецъ, самый суровый, самый нелюбимый тюремный стражъ, строго исполнявшій всегда всѣ тюремныя предписанія и правила, не знавшій никакихъ послабленій. Отбывъ свою смѣну, онъ спѣшилъ теперь домой, гдѣ его тоже ждалъ „святой вечеръ“. Спѣша, онъ не разглядѣлъ въ сумеркахъ сидѣвшаго Піетри и не замѣтилъ, какъ тотъ всталъ и пошелъ за нимъ. Но, заслышавъ шаги, онъ подозрительно обернулся.

— Кто вы и что вамъ нужно?— сурово спросилъ онъ, подозрительнымъ взглядомъ окидывая слѣдовавшаго за нимъ Піетри.—Какого дьявола вы идете пята въ пяту за мною?

— Вы спѣшите на святой вечеръ?—спросилъ Піетри пересохшимъ горломъ.

— Конечно, какъ и всѣ истинные христіане!—отвѣтилъ Брабецъ и тутъ же пожалѣлъ, что помянулъ дьявола.—Конечно! Да проститъ мнѣ Пречистая Дѣва!

— У васъ есть семья?

— Да, сеньоръ, благодаря Бога, есть хорошая семья!

— У меня никого нѣтъ!

Это восклицаніе несчастнаго Піетри, самособою вырвавшееся изъ его запекшихся устъ, почему-то точно рѣзнуло сердце суроваго Брабеца.

— Гм! Никого! Да, въ святой вечеръ...— бормоталъ онъ и вдругъ полѣзъ въ карманъ за мелкой монетой.

— Возьмите, сеньоръ!—сказалъ онъ, подавая монету Піетри, котораго, очевидно, принялъ за бѣдняка.—Вотъ... что могу! И да поможетъ вамъ Пресвятая Мать!

— Мнѣ не нужно денегъ?! спасибо!—отвѣтилъ Піетри.

— Не нужно денегъ?! Carramba! Такъ чего же вамъ нужно?

— Передать вотъ этотъ цвѣтокъ.

— Цвѣтокъ! Кому же?

— Моей невѣстѣ...

— Вашей невѣстѣ? Да гдѣ же эта ваша невѣста?

— Въ тюрьмѣ!

— А!—Брабецъ насупился.—Сто дьяволовъ, сеньоръ!—разсердился онъ.—Вы не на такого напали! Я строго исполняю тюремныя правила, которыми запрещены всякія передачи заключеннымъ чего бы то ни было.

— Она сирота!—отвѣтилъ, нисколько не смущаясь, Піетри.—У нея никого нѣтъ, кромѣ меня... Она сирота и невинна...

— Сирота! — бормоталъ Брабецъ, злясь и въ то же время не рѣшаясь почему-то уйти и оставить своего страннаго незнакомца.— Сирота! Я не имѣю права передавать, хотя бы и невинной сиротѣ. Законъ строгъ!

— Сегодня святой вечеръ...

Брабецъ почему-то вспыхнулъ.

— Я и безъ васъ знаю, сеньоръ, какой сегодня вечеръ!—сердито перебилъ онъ, не спуская глазъ съ цвѣтка.—Да и какъ я могу передать, когда я уже вышелъ изъ тюрьмы, и нуженъ уважительный предлогъ, чтобы вернуться... Не задерживайте меня, сеноръ!

Но въ это время съ монастырской колокольни раздался звонъ *Angelus*'а. Собравшійся уходить, Брабецъ остановился, снялъ шапку и набожно перекрестился.

— Во имя Его! — глухо сказалъ Піетри, указывая рукой по направленію звона. — Сегод-

ня Его вечеръ!.. Вы слышите: этотъ звонъ тоже молитъ васъ со мною...

Что-то странное творилось съ тюремщикомъ. Помимо воли, казалось, протянулъ онъ руку и взялъ этотъ нѣжный цвѣтокъ. Онъ и самъ, повидимому, не сознавалъ, зачѣмъ онъ это сдѣлалъ... такъ, какъ-то само собою... Но разъ онъ коснулся цвѣтка, онъ не могъ его бросить.

— Carramba, сеньоръ! Такъ и быть, въ первый и послѣдній разъ! Къ тому же—цвѣтокъ... тутъ и преступленія быть не можетъ! Вы говорите—сирота? Ну, хорошо, для сироты въ этотъ святой вечеръ—пожалуй! Кстати, я забылъ тамъ свои сигары. Номеръ!.. какой ея номеръ?

— 28-й!—отвѣтилъ Піетри.

— Это въ нижней галлереѣ... не въ моей, сеньоръ... Ну, да все равно!

Брабецъ исчезъ въ темныхъ воротахъ, и для несчастнаго потянулась длинная, томительная вѣчность. Самъ онъ, казалось, окаменѣлъ и жило только его сердце, стучавшее все сильнѣе и сильнѣе. Страстно ловилъ онъ малѣйшее движеніе въ воздухѣ, малѣйшій шорохъ,—но все было тихо, какъ-то слишкомъ тихо, точно въ могилѣ!... Что, отчего медлитъ тюремщикъ? Сердце его, казалось, лопнетъ или выскочитъ изъ груди. *Она*, можетъ быть, уже держитъ этотъ нѣжный, крошечный стебель! Можетъ быть, прижимаетъ его къ губамъ и

шепчетъ его имя! *Она* знаетъ, что онъ тутъ, что...

Желѣзныя ворота завизжали.

— Уходите отсюда!—угрожающе говорилъ вернувшійся Брабецъ.—Уходите, сеноръ!—но у Піетри подкашивались ноги и захватило дыханіе.

— Уходите, говорю вамъ! Вы не сказали мнѣ, что она изъ „подозрительныхъ". Я думалъ, она обыкновенная, уголовная... Если узнаютъ, васъ...

— Но съ ней что? Она?..—насилу выговорилъ задыхавшійся Піетри.

— Молитесь о ней, сеньоръ!...—она скончалась сегодня утромъ!

Брабецъ исчезъ, а что было дальше,—Піетри не помнилъ... Казалось, небо закружилось вмѣстѣ съ землею и небесныя звѣзды спутались въ вихрѣ съ земнымъ прахомъ. Казалось, могильный мракъ и холодъ объяли землю. Казалось, все потонуло въ какой-то необъятной тишинѣ... Затѣмъ... затѣмъ... можетъ быть, онъ грызъ зубами сѣрый камень, поливалъ его слезами... а, можетъ быть, и нѣтъ...

Онъ пришелъ въ себя, когда святое утро блеснуло ему въ глаза багряными лучами. Онъ помнитъ, что колокола церквей громко звонили и въ то время открылись тяжелыя тюремныя двери. На порогѣ показался офицеръ, вышедшій встрѣтить святое утро въ ожиданіи ско-

рой смѣны. Онъ взглянулъ на офицера и совсѣмъ пришелъ въ себя... Передъ нимъ стоялъ врагъ, съ которымъ онъ до войны еще дрался на дуэли за Маріэтту, который его опасно ранилъ, который тоже любилъ *ее*.

Глаза ихъ встрѣтились... Піетри былъ спокоенъ и холоденъ, какъ ледъ.---Испанецъ какъ будто смутился и съ удивленіемъ разглядывалъ врага...

— Carramba! Неужели это вы, сеньоръ Піетри?—вырвалось, наконецъ, у испанца.

Піетри молча кивнулъ головою.

— Что вамъ тутъ нужно?—волновался все больше испанецъ.

— Я хочу видѣть *ее*?

— *Ее*?—испанецъ поблѣднѣлъ.—Она умерла!—сказалъ онъ съ трудомъ и глухо, отворачивая свое лицо.

— Я знаю...

— Вы знаете, что васъ разстрѣляютъ въ 24 часа? Вы видѣли приказъ главнокомандующаго.

Піетри кивнулъ головою.

— Я долженъ васъ арестовать!

Піетри равнодушно пожалъ плечами. Не все-ли ему равно?!...

— Что же? вы хотите быть разстрѣляннымъ?

— Я хочу видѣть ее!

Испанецъ проворчалъ какое-то проклятіе и поблѣднѣлъ еще больше. Очевидно, въ немъ происходила какая-то мучительная борьба, и

онъ самъ не зналъ, что ему дѣлать. Востокъ разгорался все ярче, свѣтлый звонъ разносился все сильнѣе... Все окрестъ просыпалось, все ликовало, все привѣтствовало другъ друга святой вѣстью: родился Тотъ, Кто училъ любить и прощать!

— Идите за мной!—сказалъ, наконецъ, испанецъ.

Спокойно поднялся Піетри и вошелъ за тюремную ограду. Два врага молча, идя рядомъ, прошли первый тюремный дворъ. Поворачивая во второй, офицеръ поднялъ лѣвую руку.

— Тамъ!—пробормоталъ онъ еле слышно.

Тамъ стояла одинокая, бѣдная часовня. Слабый свѣтъ занимавшагося утра, прорываясь сквозь узкое стрѣльчатое окно, еле-еле спорилъ съ тусклымъ мерцаніемъ восковой свѣчки предъ святымъ ликомъ Мадонны. Все было тамъ тихо и неподвижно, какъ и трупъ Маріэтты, прикрытый бѣлымъ тюремнымъ саваномъ.

И Піетри ее увидѣлъ. Прелестный, кроткій ликъ мученицы былъ загадоченъ и неподвиженъ: строгая рука смерти придала этимъ кроткимъ чертамъ какое-то задумчивое выраженіе. Но она улыбалась Піетри... она улыбалась ему закрытыми очами, улыбалась сжатыми смертью устами. Она, казалось, шептала ему, что напрасно старается онъ согрѣть ея холодныя руки поцѣлуями и слезами.

— Довольно, сеньоръ... мужайтесь!

Піетри поднялся,—передъ нимъ снова стоялъ испанецъ, блѣдный, какъ полотно.

— Я долженъ арестовать васъ...—это мой долгъ, сеньоръ!—сказалъ онъ твердо, хотя губы его дрожали.—Но вы можете избѣжать этого...

Піетри молчалъ.

— Мы дрались,—продолжалъ все больше волнуясь испанецъ:—и за вами остался выстрѣлъ. Вы упали тогда тяжело раненый... Вотъ моя грудь, сеньоръ: у васъ, вѣроятно, есть ножъ!

Піетри поднялъ свои глаза и взглянулъ на испанца. Тотъ опустилъ свои.

— Что-же мнѣ дѣлать, если вы не хотите? — почти крикнулъ онъ взволнованнымъ голосомъ.

— Арестуйте!—отвѣчалъ Піетри.

Офицеръ задумался.

— Не могу!—вырвалось у него, наконецъ, сквозь плотно сжатыя губы, и онъ отвернулся.—Идите... отдайтесь караулу сами!...

— Хорошо!—Піетри сдѣлалъ шагъ, но въ это время за окномъ часовни послышался говоръ. Испанцы поздравляли другъ друга со святымъ утромъ.

— Христосъ родился!—говорили они другъ другу.

Офицеръ схватилъ Піетри за руку.

— Стойте! не нужно!

Онъ проводилъ его черезъ дворъ и вывелъ за ворота.

— Сегодня... сегодня, сеньоръ...—началъ онъ какъ-то нерѣшительно, но вдругъ оборвалъ и закончилъ быстро и полушепотомъ:

— Да спасетъ Господь душу покойной доны!.. Идите съ миромъ!—

ПОЛОСКА НЕБА

(Изъ воспоминаній бобыля-скитальца).

I.

Мы сдвинули свои стулья тѣснымъ кругомъ, уставились въ разсказчика и тотъ, глотнувъ холоднаго чаю, затянувшись раза два сигарой, началъ свой разсказъ.

Это было въ Сединенныхъ Штатахъ, въ глухой, только-что оставленной индѣйцами преріи, куда, какъ вы знаете, я уѣхалъ не зная, что съ собой дѣлать, къ чему приложить свои силы дома, полный не то отчаянія, не то пессимизма... Такое подошло тогда время, и я былъ не первый, и не послѣдній.

Извѣстно, что въ такомъ состояніи одни спиваются съ кругу, другіе стрѣляются, третьи, какъ я, рыщутъ по свѣту, чтобы хоть чѣмъ-нибудь заполнить пустоту и заглушить ноющую тоску... Ну, да не въ этомъ, впрочемъ, дѣло... Я хочу разсказать вамъ одинъ случай изъ

времени моего скитанья,—такой случай, что и теперь, когда я вспоминаю о немъ, по тѣлу у меня пробѣгаетъ холодная дрожь.

Итакъ, мы, то есть я и трое кровныхъ янки, верхомъ пересѣкали прерію у самой почти границы индѣйской территоріи *), направляясь къ скалистымъ горамъ. Влѣво, на горизонтѣ, чуть-чуть виднѣлись туманные силуэты цѣпи голубыхъ холмовъ, вправо—разстилалась безграничная степь, еще не выжженная солнцемъ, роскошная, яркая, сочная. Но степь эта не имѣла ничего общаго съ нашей ровной, однообразной и томительно скучной южной степью. Волнистая, вся усѣянная высокими холмами, она походила на взволнованное, разбушевавшееся и застывшее море. Эти холмы, уходившіе вдаль безконечными рядами, въ самомъ дѣлѣ напоминали громадныя волны, поднятыя какимъ-нибудь могучимъ ураганомъ или дыханьемъ Великаго Духа пустыни, какъ вѣрятъ индѣйцы.

Въ глубокихъ ложбинахъ то и дѣло встрѣчались чистые, быстрые ручьи, прикрытые густой порослью орѣха, сикомора и эльма, уцѣлѣвшихъ благодаря водѣ отъ всеистребляющихъ степныхъ пожаровъ. Въ густой высокой травѣ, пестрѣвшей яркими цвѣтами и золотыми дисками дикаго подсолнечника, копоши-

*) Земля, отведенная правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ индѣйцамъ, гдѣ бѣлые не имѣютъ права селиться.

лись и стрекотали миріады обитателей травяного моря, таилась ядовитая гремучка, да не уставая кудахтали степныя куры, то и дѣло взлетавшія стаями отъ топота нашихъ лошадей.

Мы ѣхали уже третій день и, признаюсь, я усталъ порядкомъ, непривычный къ такому способу передвиженія, истомленный зноемъ. Тяготила меня и пустыня,—царившее кругомъ безлюдье: нигдѣ ни одной фермы, ни одной человѣческой души, даже ни одного бѣлаго фургона переселенцевъ на горизонтѣ, оживляющихъ прерію во всѣ лѣтніе мѣсяцы въ болѣе сѣверной ея части. Пустыня, да и только. Мои спутники, торговецъ Симсонъ и межевой агентъ Штатовъ съ помощникомъ, которымъ предстояло размежевать на участки эту купленную правительствомъ у индѣйцевъ пустыню для заселенія ея колонистами—испытывали уже, кажется, то же, что я. Правда, они по-прежнему невозмутимо продолжали жевать свою жвачку и флегматично развлекались сшибаньемъ хлыстами головъ гремучекъ, грѣвшихся на камняхъ или обнаженныхъ отъ травы мѣстахъ—какъ истые янки всячески избѣгая выдавать свое истинное настроеніе,—но все-таки какъ-то ужъ слишкомъ частенько посматривали на солнце, медленно скатывавшееся по необосклону. И какъ только въ воздухѣ задрожали розоватые тоны близкаго заката и потянулись тѣнью по зеленой преріи, а грудь, истомленная зноемъ, стала дышать

легче и бодрѣе,—высокій, сухопарый агентъ, мистеръ Джингельсъ, остановилъ своего иноходца, оглянулся, сплюнулъ, посмотрѣлъ на солнце, еще разъ сплюнулъ и сейчасъ же началъ божиться и предлагать пари.

— Будь я трижды проклятъ, джентль'мэны, если тотъ высокій холмъ, вонъ тамъ,—не лучшее мѣсто для привала. Будь я проклятъ, говорю вамъ!.. Хотя солнце еще и не клюнуло носомъ, но ради такого привала стоитъ остановиться и дать конямъ отдыхъ. Держу пари на всѣхъ чертей вмѣстѣ, что лучшаго мѣста не найти...* держу пари!

Кому-жъ пришла бы охота держать такое пари или оспаривать компетентность мистера Джингельса, котораго мы всѣ трое безмолвно признавали какъ бы своимъ кэптеномъ, да еще и по такому поводу. Радостно двинулись мы къ высокому скалистому холму, темныя каменныя глыбы котораго уже окрашивались багрянымъ блескомъ. Лошади зафыркали, почуявъ влагу веселаго ручья, тихо журчавшаго въ темной густой поросли, окружавшей подошву и половину склона, и повеселѣли, какъ и люди. Въ нѣсколько минутъ все было устроено и налажено: кони развьючены и стреножены, костеръ разложенъ, запасъ дорожной провизіи высоко подтянутъ къ большой вѣтви стараго эльма въ защиту отъ шакаловъ, и мистеръ Джингельсъ, какъ самая заботливая хозяйка, сталъ возиться съ котелкомъ и чай-

никомъ. Всѣ мы растянулись у костра, сладостно расправляя усталые члены, курили, торопили Джингельса и весело перебрасывались словами. Темой служила все та же Россія, о которой мои спутники нечего не знали или, вѣрнѣе, имѣли слабыя, смутныя представленія. Они нѣтъ-нѣтъ, да смѣшивали ее съ Персіей и Турціей и, между прочимъ, наивно были убѣждены, будто у насъ какъ, и тамъ, сѣкутъ людей по пяткамъ. Я былъ первый русскій, котораго они видѣли на своемъ вѣку, и понятно, съ какимъ жгучимъ интересомъ слушали они мои разсказы о невѣдомой странѣ. Агентъ и его помощникъ такъ и закидывали меня теперь вопросами, пока громкій окрикъ купца Симсона, который купался въ ручьѣ, не заставилъ всѣхъ насъ вскочить на ноги и взяться за револьверы.

— Holla! Что такое,—ужъ не индѣйцы ли?

Но оказалось,—не индѣйцы и вообще ничего страшнаго... Купецъ набрелъ на громадную пещеру въ скалѣ западнаго склона и, стоя у входа, указывалъ намъ на нее съ улыбкой. Она зіяла темнымъ пятномъ среди красноватыхъ тоновъ, которыми окрашивалъ ясный закатъ каменныя мшистыя глыбы, и нѣсколько багрово-золотистыхъ лучей, прорѣзавъ пещерный мракъ, робко дрожали въ глубинѣ на влажныхъ ея откосахъ блѣдно-кровавыми бликами, отчего этотъ мракъ казался еще гуще.

— Смотрите,—ужъ не жилище ли Великаго Духа?

Мы смѣялись, столпившись у темнаго входа, но помощникъ агента всегда осторожный и предусмотрительный, снова вынулъ револьверъ.

— Постойте, граждане! Великій Духъ—не бѣда, а вотъ, нѣтъ ли тутъ какого нибудь звѣря?

Онъ выстрѣлилъ, но на выстрѣлъ, который глухо потонулъ въ пещерномъ мракѣ, не отозвалось даже дремавшее эхо. Красноватыя блики такъ же робко продолжали дрожать на откосахъ, каменныя глыбы такъ же неподвижно торчали кругомъ, окрашенныя нѣжными тонами заката. Только легкая, какъ паръ, дымовая струйка потянулась кверху и, расплываясь вѣеромъ, безслѣдно потонула въ тихомъ вечернемъ воздухѣ.

— А ну, еще разъ...

Мы выстрѣлили почти разомъ, но эффектъ получился тотъ же. Очевидно, глухая, безмолвная пещера не таила въ своемъ мракѣ ничего страшнаго и опаснаго. Мистеръ Джингельсъ сейчасъ же началъ божиться и предлагать пари, увѣряя, что это блестящая находка, которая, пожалуй,—чего добраго,—можетъ надѣлать шума на всѣ штаты. Кто-же его знаетъ, чортъ побери, что тамъ таится, что это за пещера? Можетъ быть, всѣ ученые вытаращатъ глаза, когда узнаютъ объ этомъ открытіи, и къ этой пещерѣ будутъ толпами съѣзжаться туристы, чтобы полюбоваться на

разные гроты, сталактиты, или какъ тамъ ихъ зовутъ еще, чортъ побери, всѣ эти штуки, привлекающія туристовъ. Наконецъ, развѣ тамъ не можетъ оказаться какихъ-нибудь сокровищъ, а?.. Эта гора могла треснуть во всю ширь и обнаружить, чортъ побери, свои нѣдра, богатыя углемъ, а то, пожалуй, и золотомъ?.. Го, го!—что за слава пошла бы тогда о насъ четырехъ по штатамъ, что за славный business выпалъ бы на нашу долю... И развѣ мы трусы, чтобы не пойти на выгодное дѣло?.

— Ну, какъ думаете, джентль'мэны? Держу пари на самого Вельзевула... Право же, стоитъ туда пробраться, чортъ побери!

Въ сущности, не протестовалъ никто, даже купецъ, подзадоренный такой горячей рѣчью, вообще не долюбливавшій предпріятій, сопряженныхъ съ рискомъ для здоровья и жизни. Всѣхъ подмывало любопытство, да къ тому же, кто его знаетъ,—можетъ быть, и не придется лѣзть въ глубину,—думалъ про себя каждый. Жребій долженъ былъ опредѣлить, кому идти въ пещеру, а кому оставаться у входа.

И жребій выпалъ мнѣ.

II.

Я пошелъ, снабженный всѣмъ необходимымъ: въ лѣвой рукѣ я держалъ конецъ тонкой бичевки клубка, который оставался на

палкѣ у входа подъ надзоромъ мои спутниковъ, и крошечный фонарикъ съ рефлекторомъ, кидавшій снопъ лучей впереди меня. Правая рука оставалась свободной на всякій случай. Если бы я запутался въ какихъ-нибудь боковыхъ галлереяхъ или спутникамъ пришлось бы почему либо искать меня въ пещерѣ, бичевка, которая тянулась за мной, лучше всего указывала ходъ и направленіе. На случай какой-нибудь неожиданной опасности у меня былъ съ собой семизарядный Вессонь въ карманѣ и длинный охотничій ножъ, бовинайфъ, безъ котораго не ходятъ на западѣ. На товарищей, оставшихся у входа, я могъ всецѣло положиться: ни одинъ „янки“ не оставитъ въ бѣдѣ спутника-товарища, а эти, въ особенности агентъ и его помощникъ, не остановились бы въ такомъ случаѣ ни передъ чѣмъ... Въ этомъ я былъ твердо увѣренъ, что и подбодривало меня. Пожимая въ послѣдній разъ мою руку, длинный Джингельсъ переложилъ языкомъ жвачку слѣва направо и спокойно сказалъ:

— Держу пари, что бояться вамъ нечего, хотя бы пришлось встрѣтиться и съ самимъ чортомъ... Помните, что у входа будутъ сторожить три вѣрныя собаки... Можете положиться...

— И я скажу тоже!—подхватилъ его молчаливый помощникъ.

— И я!—сказалъ въ свою очередь купецъ:— хотя да хранитъ васъ Господь отъ предполо-

женной мистеромъ Джингельсомъ встрѣчи... Да хранитъ васъ...

Какъ рьяный методистъ, онъ не терпѣлъ божбы и „словечекъ“ нашего кэптена и теперь добавилъ, обращаясь къ нему съ укоромъ:

— Никогда, сэръ, вы не можете удержаться, чтобы не помянуть всякой гадости,—а иногда, знаете-ли, это ведетъ не къ добру... Сейчасъ узнаешь гражданина Иллинойса.

Мистеръ Джингельсъ только хитро улыбнулся и коварно подмигнулъ лѣвымъ глазомъ на послѣднюю шпильку по адресу родного штата.

— Что вѣрно, то вѣрно, чортъ побери! Жутко пришлось бы нашему брату въ вашемъ Массачузетсѣ, гдѣ отъ набожности и сидръ перестаетъ бродить по воскресеньямъ, а чортъ ходитъ слушать съ умиленіемъ проповѣди.

Отплативъ старой поговоркой за шпильку, мистеръ Джингельсъ громко крикнулъ обычное: all right!—и я двинулся въ путь „открывать сокровища“... Не скажу, чтобы это предпріятіе оказалось пріятнымъ,—отнюдь нѣтъ. Сокровища сокровищами, а лазить за ними куда въ самомъ дѣлѣ невесело. Внизу было сыро, мокро, вязко и ногамъ частенько приходилось скользить. Ходъ то съуживался, то расширялся и подчасъ до того становился малъ, что приходилось сгибаться и просовываться бокомъ сквозь влажную каменную щель. Воздухъ былъ затхлый, тяжелый,—совсѣмъ какъ въ глубокой

шахтѣ, а сырая плѣсень першила въ горлѣ. Самая темная ночь не могла бы соперничать съ пещернымъ мракомъ, до того онъ былъ густъ и глубокъ. Лучи моего фонарика, вырывались расходившимся снопомъ, падали впереди круглымъ блѣднымъ свѣтовымъ блескомъ, и я различалъ глазами только въ его тѣсныхъ предѣлахъ. Впереди, вверху, внизу, съ боковъ, назади,—вездѣ одинъ только мракъ, мракъ и мракъ. Пріостанавливаясь, я то и дѣло направлялъ свой фонарикъ во всѣ стороны, чтобы оріентироваться и не упустить чего-нибудь интереснаго, но встрѣчалъ все тотъ же камень, черный, сырой, покрытый лишаями и плѣсенью. Иногда, впрочемъ, въ рѣдкихъ мѣстахъ, среди этой сырости и плѣсени, что-то сверкало, какъ-бы вкрапленное въ камень, не то хрусталь, не то слюда, что-то бѣлое, какъ кристаллическая соль. Помню еще, что сердце билось учащенно, что въ вискахъ начинало также стучать, и я не зналъ, отъ робости ли это, которая долго не оставляла меня, или отъ спертаго воздуха, которымъ трудно было дышать...

Сначала я то и дѣло перекликался съ оставшимися у входа спутниками и они мнѣ отвѣчали громко и разомъ. Но съ каждымъ шагомъ впередъ голоса ихъ долетали до меня все глуше и тише и, наконецъ, совсѣмъ заглохли... Я понялъ, что отошелъ уже далеко вглубь и что самый ходъ, можетъ быть, завернулъ угломъ. Мой голосъ, казалось, совсѣмъ застывалъ на

мѣстѣ въ густомъ, глубокомъ и спертомъ мракѣ, безъ движенія, безъ малѣйшаго отзвука. И робость моя перешла прямо въ страхъ, безотчетный, неопредѣленный, отъ котораго еще скорѣе забилось сердце. Я не ждалъ ничего сквернаго впереди, я не боялся нападенія, опасной встрѣчи, несчастья,—мнѣ прямо было страшно уйти такъ далеко отъ людей, свѣта и воздуха, сознавать себя въ такомъ чисто могильномъ одиночествѣ. Разъ, когда бичевка моя запуталась о камень, я помню, у меня чуть не подкосились ноги.—Ахъ, чортъ бы побралъ эту проклятую пещеру!—Я началъ сердиться и роптать.

Нѣтъ, однако, такого жуткаго положенія, съ которымъ раньше или позже не освоился бы хоть кое-какъ человѣкъ двадцати съ небольшимъ лѣтъ, здоровый, сильный, неробкій, самолюбивый, какъ всѣ молодые люди, и не скоро теряющій голову. Мало-по-малу я началъ справляться съ этимъ страхомъ и подвигался впередъ бодрѣе... Немало помогло этому, что самый ходъ все расширялся, грязь подъ ногами исчезала и грунтъ становился все крѣпче и тверже. Я шелъ точно по каменнымъ плитамъ просторнымъ коридоромъ, не сгибаясь, не цѣпляясь за откосы, и шагъ мой невольно становился все свободнѣй и смѣлѣе. Помню, я началъ, даже что-то насвистывать или напѣвать. Коридоръ все расширялся, на откосахъ все чаще сверкали бѣлые кристаллы, свѣтъ

фонарика падалъ впередъ не на камень, а уходилъ пятномъ въ глубину мрака: на пути подъ ногами, насколько можно было освѣтить, тянулся ровный твердый полъ, усыпанный мелкимъ щебнемъ. Я совсѣмъ пріободрился...— Ужъ и въ самомъ дѣлѣ, не жилище ли это какого нибудь духа, или волшебнаго принца Амадиса.—Приподнявъ фонарикъ, я началъ слѣдить больше за откосами стѣнъ, слоистыхъ, то совсѣмъ черныхъ, то сѣрыхъ, за сводомъ, за трещинами, которыя зіяли то тутъ, то тамъ, чѣмъ за ходомъ подъ ногами. И вдругъ предо мною открылось что-то въ родѣ громаднаго грота впреди, какая-то фантастическая зала, въ мрачномъ просторѣ которой совсѣмъ тонулъ свѣтъ моего фонарика... Что-то блеснуло и какъ бы забѣлѣло... Громадные камни, казалось, висѣли со свода, раздѣляя гротъ на отдѣльныя части и галлереи... Я остановился въ удивленіи, всматриваясь, разглядывая, не вѣря себѣ, и до сихъ поръ помню, какъ сильно стучало мое сердце въ могильной тишинѣ... Затѣмъ я двинулся и... сразу полетѣлъ внизъ...

III.

Я упалъ плашмя, лицомъ, въ вязкую, топкую, холодную, какъ снѣгъ, глину, упалъ такъ неожиданно и быстро, что не успѣлъ даже испу-

гаться. Насколько помню теперь, единственное, что промелькнуло въ это мгновеніе въ головѣ,—было сознаніе, что я оступился и полетѣлъ съ невысокаго каменнаго уступа, потому что шелъ неосторожно, не смотрѣлъ подъ ноги, а впередъ, въ глубину. Помню также, что я созналъ сразу, что не ушибся, не сломалъ ни руки, ни ноги, и отъ сознанія этого мнѣ стало какъ-то пріятно, покойно. Первымъ движеніемъ была потребность освободиться, вскочить, очистить лицо и руки... Я поднялся, всталъ, тряхнулъ руками, двинулся и началъ тереть глаза, и только тутъ, внезапно, сразу, я созналъ и понялъ, что въ рукахъ у меня нѣтъ ни фонаря, ни путеводной бичевки, что они потонули въ глинѣ, и что глаза мои слѣпитъ не глина, а безпросвѣтный пещерный мракъ...

Мнѣ стало жутко, очень жутко,—я испугался, но до настоящаго страха было еще далеко. Я зналъ, что со мной есть спички, простыя, сѣрныя, которыя были тогда въ обиходѣ на западѣ, и сталъ шарить мокрыми руками въ маленькомъ переднемъ карманѣ пиджака. Но пальцы встрѣчали только мокрую глину, цѣлый слой глины на платьѣ и въ карманѣ. Все-таки въ этой липкой грязи я нащупалъ спички, мокрыя, липкія, и двинулся въ сторону въ вязкой холодной глинѣ, которая доходила мнѣ выше щиколокъ, чтобы нащупать стѣну и чиркнуть объ нее спички. Стѣна, казалось,

должна была находиться тутъ же, сбоку,—я подвигался, шарилъ и не встрѣчалъ. Впрочемъ, я сейчасъ же и оставилъ,—я понялъ, что изъ этого все равно ничего не выйдетъ, что мокрыя спички никогда не зажгутся о сырую и даже влажную стѣну... И тутъ-то ко мнѣ началъ подкрадываться страхъ...

Признаюсь, и этотъ первый приступъ страха былъ еще не такъ великъ, но отъ него все-таки трепетало сердце и какъ-бы слегка помутилась голова. Впрочемъ, казалось, я справился съ собой, потому что въ запасѣ у меня оставалась еще одна надежда. Страхъ туманилъ, но въ то же время и какъ будто заставлялъ напрягать голову: пусть пропалъ свѣтъ, пусть я ничего не вижу, но лишь бы мнѣ нащупать бичевку, и я найду путь, найду выходъ,—какъ-ни-какъ, а доползу назадъ. Бичевка, казалось, должна была лежать тутъ же, возлѣ. Страхъ пока сказался только въ томъ, что я началъ спѣшить, торопиться, пересталъ взвѣшивать и обдумывать, но и этого, конечно, было достаточно въ моемъ положеніи. Задыхаясь, торопясь, я шарилъ во мракѣ у ногъ, шарилъ вокругъ, потомъ опустился на колѣни и сталъ шарить ползая, двигался во всѣ стороны, охватываемый все больше и больше отчаяніемъ, страхомъ, все больше торопясь и теряясь,—и не находилъ ничего. Съ каждымъ движеніемъ мнѣ казалось, что вотъ-вотъ я сейчасъ же коснусь того мѣста, съ котораго свалился, и

каждый разъ убѣждался, что надежда моя была напрасна. Все только глина, глина, мокрая, вязкая глина, и вокругъ безпросвѣтный мракъ. Но то была послѣдняя соломинка, за которую хватается утопающій, и я хватался за свою надежду нащупать бичевку такъ же безсознательно и инстинктивно, какъ утопающій. Страхъ переходилъ въ озлобленіе, гнѣвъ, бѣшенство на неудачу, и, ничего уже не соображая, не взвѣшивая, не понимая даже, что я все больше отдаляюсь такимъ образомъ, я ползалъ и шарилъ до изнеможенія. Въ ушахъ у меня шумѣло, голова мутилась, я задыхался. Полный какой-то безсознательной, бѣшеной рѣшимости, я поднялся на ноги, стараясь во что бы то ни стало найти эту проклятую бичевку. Шагъ, два впередъ,—и я ее найду. Я двинулся вправо, влѣво, двинулся прямо, потомъ назадъ, еще впередъ, еще назадъ и понялъ, что все тщетно! Кругомъ только безпросвѣтный мракъ, а подъ ногами топкая вязкая грязь. И тутъ-то изъ моей похолодѣвшей груди самъ собою вырвался нечеловѣческій дикій вопль отчаянія и призыва... Это былъ уже холодный, мертвый ужасъ, ужасъ воскресшаго, наконецъ, сознанія и представленія о томъ, что все пропало, что я заблудился, что выйти изъ этой страшной могилы самъ я не могу, что спасти меня могутъ только люди, если они захотятъ и рѣшатся спасать, и если это имъ удастся...

IV.

Что было потомъ,—я помню какъ въ туманѣ... Все перечувствованное встаетъ предо мной обрывками, отдѣльными картинами, какъ смѣняющіяся фигуры калейдоскопа. Что я думалъ и дѣлалъ, двигался ли, или стоялъ на мѣстѣ,—не помню. Должно быть меня охватилъ столбнякъ,—тотъ страшный столбнякъ животнаго ужаса, въ которомъ распростертая овца недвижимо ожидаетъ удара занесеннаго надъ нею ножа... Привело меня въ себя, кажется, ощущеніе остраго холода, отъ котораго мои ноги совсѣмъ окоченѣли, и я дрожалъ и стучалъ зубами. Я проснулся какъ бы отъ тяжелаго сна, отъ кошмара, съ неяснымъ сознаніемъ, съ отуманенной головой, и потому съ удивленіемъ всматривался въ густой непроницаемый мракъ и ловилъ руками пустоту. Но вдругъ я опять все созналъ, понялъ и вспомнилъ,—и все потухло предъ этимъ вспыхнувшимъ, точно отъ электрической искры, сознаніемъ... Мнѣ показалось, что прошли уже цѣлые часы,—можетъ быть, сутки даже... Мнѣ стало ясно поэтому, что меня кинули, сочли, можетъ быть, погибшимъ уже, что никто не явится мнѣ на помощь, что я—заживо погребенный... Глубокій ужасъ вновь потрясъ меня всего, зажегъ одну бѣшеную потребность вырваться во что бы то ни стало изъ этой могилы, одну неутолимую жажду жизни, свѣта, воздуха и простора. Мои силы, казалось, уде-

сятерились, моя грудь дышала безграничной рѣшимостью,—я былъ способенъ на все... Это былъ тотъ внезапный приливъ жизненной энергіи, съ которой прирѣзанное животное подчасъ схватывается съ мѣста и мечется нѣсколько мгновеній съ невѣроятной силой. Только бы одинъ лучъ свѣта, хоть искру свѣта, чтобы прозрѣть сквозь эту неподвижную пелену мрака, увидѣть куда идти, какія преграды разрушать! Полный отчаянной энергіи, охваченный все затуманившей жаждой, я, какъ безумецъ, напрягалъ волю, мозгъ, нервы, чтобы заставить мои широко открытые, глаза прозрѣть, увидѣть... И я прозрѣлъ, увидѣлъ... Черная пелена мрака разступилась,—ее прорѣзалъ красноватый блескъ, какія-то кровавыя, съ зеленоватыми тонами блики... Но то былъ, увы!—не свѣтъ, а только его память!.. То видѣли не глаза, а болѣзненно напряженный мозгъ...

V.

Я брелъ ощупью, осторожно передвигая ноги, разводя въ пустотѣ руками, брелъ гонимый ощущеніемъ леденящаго холода и потребностью выбраться изъ пустоты къ стѣнѣ, къ какой-нибудь точкѣ опоры. Кажется, ничего другого я не ощущалъ уже и не представлялъ. Долго ли брелъ я—не знаю, но мнѣ казалось долго, очень долго. Помню еще, что въ груди я чувствовалъ стѣсненіе, почти боль,

что голова кружилась, и меня какъ будто клонило ко сну... Можетъ быть, это и была живая дрёма, сонъ на ходу. Говорятъ, измученные походомъ солдаты могутъ дремать и дремлютъ на маршѣ.

Привела меня въ себя или разбудила жгучая радость... Я набрелъ вдругъ на стѣну, на сырой, холодный камень, и въ первое мгновеніе даже не повѣрилъ себѣ и какъ будто удивился. Неужели такое счастье,—я выбрелъ изъ пустоты! Сердце мое забилось сильнѣе, я съ восторгомъ прислушивался къ его стуку и ощупывалъ дрожавшими руками сырой, холодный камень. Стѣна! Ноги мои не уходили въ холодную грязь,—я стоялъ на твердомъ грунтѣ, на камнѣ, и я опирался о стѣну!.. Радость потрясла меня всего, какъ прежде—ужасъ... Кажется, я вскрикнулъ даже и сразу оживился... Мысль стала работать, силы вернулись, въ сердцѣ проснулось что-то, похожее на надежду... Можетъ быть, по стѣнѣ я выкарабкаюсь къ выходу, на свѣтъ, на волю! Можетъ быть, времени прошло вовсе не такъ много какъ мнѣ казалось, и меня еще придутъ спасать люди!.. Я вспомнилъ, что читалъ какой-то разсказъ о томъ, какъ человѣкъ, охваченный ужасомъ, считалъ минуты за дни. Развѣ со мной не могло повториться того же?!..

— Оставайся на мѣстѣ и жди!—шепталъ мнѣ внутренній голосъ воскресшаго сознанія,—но послѣдовать этому совѣту у меня не хватило

силы. Какой-то другой голосъ, который былъ сильнѣе моей воли, моего сознанія и разсудка, который заглушалъ собою все, гналъ меня идти и идти.—Иди! ты, можетъ быть, набредешь на выходъ!—И, невольно повинуясь ему, я инстинктивно двигался по стѣнѣ, не зная навѣрное—куда, но съ надеждой выбраться, выбраться во что бы то ни стало... Я брелъ до тѣхъ поръ, пока ноги мои не коснулись какой-то кучи, которая разсыпалась съ сухимъ трескомъ, и я наткнулся сейчасъ-же вслѣдъ затѣмъ на что-то такое, что совсѣмъ не походило на камень и шлепнулось пластомъ. Я остановился въ испугѣ, сердце тревожно забилось:—не хищникъ, не пещерный ли гадъ какой-нибудь!? И только въ эту минуту я вспомнилъ, что у меня есть револьверъ,—вспомнилъ потому, что рука инстинктивно потянулась къ нему. Этотъ просвѣтъ памяти осѣнилъ меня сразу, внезапно, разбуженный инстинктомъ самообороны. Казалось, лучъ яркаго свѣта прорѣзалъ мою скованную ужасомъ память, я вздохнулъ полною грудью, какъ вздыхаютъ отъ счастья, и сейчасъ же чуть не заплакалъ съ отчаянія. Отчего я не вспомнилъ о револьверѣ раньше, когда стоялъ у того мѣста, съ котораго свалился, когда шарилъ въ карманѣ ненужныя сырыя спички, когда при блескѣ выстрѣла я могъ разглядѣть ходъ, а, пожалуй, и то, что́ потерялъ?! У меня першило въ горлѣ, точно отъ ѣдкой пыли; я за-

дыхался, казалось, отъ какого-то тяжелаго, удушливаго воздуха; испугъ мой прошелъ, потому что все оставалось тихо, но я не двигался, охваченый отчаяніемъ. Впрочемъ, все это, вспыхнувшее во мнѣ быстро, какъ блескъ молніи, моментально же и потухло въ счастливомъ сознаніи, что у меня есть въ рукахъ свѣтъ,—семь свѣтовыхъ мгновеній. О, какъ былъ я счастливъ, какъ безгранично счастливъ, какъ нетерпѣливо выхватилъ дрожавшей отъ этого счастья рукой револьверъ! Я нажалъ собачку, выстрѣлилъ и... не повѣрилъ себѣ!... Выстрѣлилъ еще разъ, еще, — двѣ красныя молніи другъ за другомъ прорѣзали пелену пещернаго мрака, — и... повѣрилъ... Это не бредъ, не галлюцинація, не видѣніе!... Кругомъ меня груды человѣческихъ костей, скелеты, черепа и высохшіе или истлѣвшіе до пыли и праха человѣческіе трупы...

Къ счастью, я не былъ суевѣренъ. Волосы на головѣ поднялись у меня дыбомъ, но сознаніе, мысль—все-таки работали. Я сразу вспомнилъ, что нѣкоторыя племена индѣйцевъ имѣютъ обыкновеніе хоронить своихъ мертвецовъ въ пещерахъ, и понялъ, что попалъ въ индѣйское кладбище. Иначе я, навѣрное, рехнулся бы... Меня душилъ только удушливый, смрадный воздухъ, полный, казалось, ѣдкой пыли, которая першила въ горлѣ,—душилъ еще сильнѣе, когда я всколыхнулъ его тремя выстрѣлами... Дышать было трудно, я почти задыхался.

Нужно было уйти, даже бѣжать, если можно, непремѣнно уйти, чтобы не задохнуться совсѣмъ. Куда идти, и впередъ ли, назадъ—все равно... да я и не могъ бы отвѣтить, не зналъ, гдѣ „впередъ“ и „назадъ“... Я разглядѣлъ одно,—что этихъ грудъ костей и скелетовъ было больше всего влѣво отъ меня и совсѣмъ мало съ правой стороны. И, нащупавъ свою стѣну, я снова побрелъ вдоль нея, осторожно ощупывая почву ногами, стараясь дышать какъ можно рѣже. Въ глазахъ моихъ такъ и стояло застывшее свѣтовое впечатлѣніе красноватаго блеска выстрѣловъ и бѣлой груды костей. Я продолжалъ видѣть закрытыми мракомъ глазами и видѣлъ такъ отчетливо-ясно, какъ можно видѣть только въявь. Потомъ все спуталось, бѣлое стало чернымъ, черное бѣлымъ, мелькнули зеленоватыя точки и только красныя блестки рѣяли еще во взорѣ, все блѣднѣя и блѣднѣя... По тѣлу у меня пробѣгалъ ознобъ, я дрожалъ какъ въ лихорадкѣ... Мнѣ хотѣлось пить, меня мучила жажда. Губы мои запеклись, и я что-то шепталъ ими, но что,—не помню. Правая рука то-и-дѣло порывалась нащупывать въ карманѣ скрытое тамъ сокровище, дорогое какъ жизнь,—четыре оставшихся въ запасѣ свѣтовыхъ мгновенья...

VI.

Что было дальше,—не знаю. Какъ я брелъ, куда, долго ли, что думалъ, что ощущалъ—тоже: все это безслѣдно и навсегда исчезло изъ моей помяти, не оставивъ ничего... Оживила меня воздушная струйка. Легкая нѣжная, какъ ароматъ банана, свѣжая, какъ первый свѣтовой лучъ встающаго солнца, она внезапно коснулась моихъ ноздрей, проникла въ задушенныя легкія, оттуда въ кровь, гдѣ, растворившись, разбудила дремавшее ощущеніе жизни. Эта благодатная свѣжая струйка была сама жизнь, казалось, и на нее отвѣчалъ каждый атомъ моего тѣла, отвѣчалъ восторгомъ вновь проснувшейся способности ощущать и жить. Откуда взялась она—я не зналъ, я жадно вдыхалъ ее только, прямо глоталъ и, повернувшись, пошелъ на нее такъ же инстинктивно, какъ идетъ сбитая съ пути снѣжною бурей лошадь на заслышанную издали дымовую струйку очага. Всякое ощущеніе, всякій ароматъ поблѣднѣлъ бы, казалось, предъ живительнымъ счастьемъ и прелестью вдыхать эту струю свѣжаго, чистаго воздуха. Врываясь откуда-то въ мою глубокую могилу, она говорила каждой каплѣ моей крови, каждой клѣточкѣ мозга о землѣ и ея жизни, о свободѣ и просторѣ, о счастьѣ видѣть и жить... И я шелъ на нее, шелъ точно за путевой нитью, не думая, кажется, о выходѣ, о свободѣ, счастли-

вый уже однимъ сознаніемъ, что дышу, чѣмъ дышутъ на землѣ всѣ люди... И съ каждымъ шагомъ моимъ эта струйка росла, становилась больше и гуще, дышала все большей свѣжестью, сильнѣе обдавала лицо, оживляла прохладой и влекла впередъ. И бодрый, радостный, счастливый, я все шелъ и шелъ, пока высоко надъ собой, въ узкую черную трещину, не увидѣлъ сіявшее голубое небо съ блѣдными звѣздами.

Пещерный мракъ былъ такъ густъ, что небо казалось совсѣмъ свѣтлымъ, а звѣзды были такъ блѣдны, точно на землѣ дневной свѣтъ еще боролся съ надвигавшейся ночью. Предо мною былъ не выходъ, не свобода,—только узкая трещина, въ которую не пролѣзла бы и голова, если бы до такой высоты и можно было какъ нибудь добраться. Но моя могила потеряла уже сразу долю своего ужаса. Исчезъ этотъ страшный мракъ, я прозрѣлъ, я снова видѣлъ и свободно могъ дышать полною грудью. Ахъ, какъ жадно вдыхалъ я этотъ воздухъ, какъ глоталъ его,—прямо пилъ эту живительную свѣжесть! Пилъ ртомъ, всѣмъ тѣломъ, глазами пилъ, и все мнѣ казалось мало и мало. И такъ же жадно, такъ же страстно, такъ же не насыщаясь, я глядѣлъ на этотъ ясный голубой эѳиръ, на эти кроткія блѣдныя звѣзды и такъ же жадно хотѣлъ жить...

Думалъ ли я о свободѣ, о томъ, что меня спасутъ, надѣялся ли,—не знаю. Я выстрѣлилъ

разъ или два въ мое окно и затѣмъ крикнулъ, но былъ ли то призывъ, полный надежды, невольный ли счастливый привѣтъ этому голубому небу, этимъ звѣздамъ, этому просвѣту жизни, или и то и другое вмѣстѣ,—тоже не знаю...

Но я помню какъ широко распахнулось вдругъ мое сердце, оттуда хлынула потокомъ свѣтлая любовь и къ этому небу, и къ этимъ кроткимъ звѣздамъ, къ каждой былинкѣ, къ каждому атому міра, котораго я былъ только ничтожной песчинкой, затерявшейся въ черной трещинѣ камня. Да, я почуялъ, что безгранично люблю все... все... всю міровую жизнь, все, что̀ она несетъ въ себѣ и съ собою... Такой любви я не подозрѣвалъ, не чуялъ въ себѣ раньше, и теперь она охватила меня какою-то блаженною нѣгой. Точно пелена, вѣчно застилавшая мнѣ свѣтъ, упала съ моихъ глазъ, точно грудь моя стала дышать полнѣе... Это было счастье...

Но я помню, какъ еще шире распахнулось мое сердце, когда я вспомнилъ о людяхъ... Предъ ихъ лицомъ я не песчинка,—я равный среди равныхъ, я братъ моихъ братьевъ... Невыразимо бо́льшая любовь всецѣло и безслѣдно поглотила собой первую и разбила въ прахъ, прямо смыла весь мой пессимизмъ, все малодушное отчаяніе, что гнало меня до сихъ поръ съ мѣста на мѣсто безъ цѣли, безъ пользы другимъ, безъ подвига... Я вѣ-

рилъ, я любилъ, я хотѣлъ подвига и дѣла. У меня не было теперь ни добрыхъ, ни злыхъ, ни своихъ, ни чужихъ,—одна великая семья открывалась моему просвѣтленному любовью духовному взору, и трепетъ сердца каждаго отдѣльнаго члена этой великой семьи, казалось, отзывался такимъ же трепетомъ въ моей ожившей, согрѣтой груди...

Не сводя очарованныхъ глазъ съ голубого просвѣта, я тихо, беззвучно молился. Кому и чему молился,—опредѣленно не знаю. Всему—и генію жизни, и любви, разлитой въ мірѣ, и человѣчеству,—этому свѣтлому фокусу, собравшему въ себѣ все самое дорогое и близкое, въ которомъ безслѣдно тонули всякія частности,—и будушему, наконецъ, этого человѣчества, такому же ясному и чистому, какъ это голубое небо, какъ эти кроткія блѣдныя звѣзды...

И по лицу моему текли теплыя, тихія слезы...

Меня нашли стоящимъ недвижимо, какъ бы замершимъ совсѣмъ, окоченѣвшимъ, съ неподвижно устремленнымъ кверху взоромъ въ узкую трещину, сквозь которую виднѣлась полоска голубого неба. Отъ мѣста паденія до этой трещины было всего двадцать семь шаговъ, которые я проблудилъ во всѣхъ направленіяхъ и часто совсѣмъ кружась на одномъ и томъ же мѣстѣ. Когда я пришелъ въ себя и разсказалъ все спасшимъ меня спутникамъ, мистеръ Джингельсъ былъ такъ взволнованъ,

что совсѣмъ забылъ набить ротъ новой порціей жвачки.

— Чортъ побери, это преудивительная исторія! Держу пари,—говорилъ онъ,—что такой исторіи никто еще не слыхалъ, держу пари на всѣхъ чертей вмѣстѣ! Правда, сэръ, вмѣсто сокровищъ вы нашли тамъ только одни кости этихъ краснокожихъ собакъ,—мистеръ Джингельсъ выражался такъ своеобразно потому, что считалъ себя истымъ „молодцомъ Запада“ и, какъ таковой, относился съ глубочайшимъ презрѣніемъ къ сентиментамъ „господчиковъ восточныхъ штатовъ и какого-то тамъ набожнаго Массачузетса, гдѣ и пиво перестаетъ бродить по праздникамъ“:—одни безмозглые черепа этой крашенной дряни,—продолжалъ онъ,—но это ужъ не ваша вина, конечно!... Все-таки преудивительная исторія!... Вы какъ полагаете, джентль'мэны!..

— Я, какъ всегда, полагаю, сэръ,—наставительно отвѣтилъ купецъ Симсонъ:—что грѣшно обзывать людей собаками, каковы бы ни были эти люди, а еще хуже постоянно поминать *того*, кто сѣетъ грѣхъ на землѣ!

Но мистеръ Джингельсъ былъ взволнованъ до того, что даже и ухомъ не повелъ на эту шпильку „господчика Востока“ и все не выпускалъ моей руки... Его молчаливый помощникъ пожалъ плечами.

— Я удивляюсь, сэръ, одному,—пробурчалъ онъ, наконецъ:—какъ вы могли подумать, что

васъ кинутъ, что къ вамъ не придутъ на помощь!?.. Мы сразу поняли, какъ только бичевка перестала разматываться, что съ вами что-то случилось, что вы ее потеряли или гдѣ-нибудь застряли... Во всякомъ случаѣ, это... это... недовѣріе къ людямъ!..

Которое получило хорошій урокъ, — добавляю я.

3 0112 043215273